Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области

Оренбург
2021

«Гостиный Дворъ» № 2 (18), 25.05.2021 г.
Журнал

Учредители:
Министерство культуры Оренбургской области,
Государственное бюджетное учреждение культуры «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:
председатель – **Е.В. Шевченко, министр культуры Оренбургской области**

С.В. Василенко (Москва)
Д.Е. Кан
П.Н. Краснов
В.Н. Кузнецов
А.В. Лигостаева
В.Д. Лютый (Воронеж)
Г.П. Матвиевская
С.С. Мячина
В.М. Молчанов
П.Г. Рыков
В.Б. Соколов
Т.В. Судоргина
И.Н. Тюленев (Пермь)
Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)
В.И. Шемшученко (Санкт-Петербург)
Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10
Телефон 8-903-394-32-60
Телефон/факс (3532) 78-37-91
E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit56.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»
E-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru
Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки – фотоколлажи **В.Б. Соколова**
Художник – **В.В. Кожевникова**
Корректура – **Е. Н. Тарасенко**
Компьютерный дизайн – **Е.А. Болотова, А.Г. Юрьев**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Сдано в набор 20.04.2021 г.
Подписано в печать 10.05.2021 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.
Тираж 866 экземпляров
Заказ
Цена свободная

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом № 2 ж

Федеральный номер для всех городов РФ: 8-800-300-16-00

ISBN

© Журнал «Гостиный Дворъ», 2021

Пока покоряет пространство
В космической выси пилот,
Его деревенская бабка
Земные поклоны кладёт.

Она поднялась спозаранку,
Она напоила телка
И в погреб спустила ведёрко
Надоенного молока.

Потом повязала платочек
С такою неброской каймой
И в Храм побрела, что пригорок
Венчает своею главой.

Поставила свечку Николе,
Крестясь, целовала оклад,
Молилась светло и спокойно
На давний, заученный лад:

За тех, кто в пути, кто недужен,
Кто жив, за ушедших навек,
За грешных... Увы, не безгрешен
Пред Господом всяк человек.

Но знает она, несомненно,
Кладя за поклоном поклон,
Что каждое тихое слово
Внимательно слушает Он.

И где-то в надмирном чертоге
Скреплённую верою речь
Услышат. И это поможет
Любимого внука сберечь.

А внук расщепляет пространство,
Стараясь познать до конца,
Что ведомо старой крестьянке,
Что Бог посылает в сердца.

Павел РЫКОВ

ПРОЗА
И ПОЭЗИЯ

6 **Апрельский букет Гагарину.** Поэтическая перекличка. *Стихи*
13 **Павел Рыков.** Крыша мира. *Рассказы*
24 **Виталий Молчанов.** Лаовай. *Стихи*
31 **Ирина Родионова.** Поросль. *Роман*
82 **Екатерина Литовченко.** Не спугнуть улыбку. *Стихи*
87 **Антон Горынин.** Деревянный Юсуп. *Пьеса-катастрофа в 3-х действиях*
117 **Владимир Молчанов.** Крест. *Рассказы*
125 **Владислав Зубченко.** Настроение. *Стихи*
129 **Елизавета Курдикова.** Смерть и воскресенье. *Стихи*

ДЕБЮТ

133 **Евгения Щербакова.** Всего лишь чашка кофе... *Рассказ*

НАША
ГОСТИНАЯ

138 **Владимир Ягличич.** «Жить — тяжелей, но поётся — всё легче». *Стихи.* Предисловие Евгения Чигрина
152 **Олег Селедцов.** И в полдень, и в полночь... *Повесть*
224 **Виктор Брюховецкий.** «Я вижу солнце и молюсь ему». *Стихи*
232 **Олег Глушкин.** Вредные привычки. *Рассказы*
248 **Наталия Елизарова.** «Этот дом, этот мир — наш». *Стихи*
251 **Елена Крюкова.** Зимнее солнце. *Стихи, песни, частушки из книги «Иркутский рынок».* Послесловие Ольги Таир
273 **Рита Одинокова.** Свободный полёт. *Стихи*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

277 **Вячеслав Лютый.** Предназначение. *Далёкое и близкое в поэзии Риты Одиноковой*

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ

281 **Владимир Семёнов.** Дуэль в Оренбурге и друзья-дуэлянты. *Непридуманная история*

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ

288 **Андрей Альтов.** «Многое дал мне Оренбург...». *К 60-летию полёта Юрия Гагарина*

298 **Светлана Василенко.** Гагарин. *Из детских воспоминаний*

301 **Иван Коннов.** Созвездие Гагарина. *Песни о «крылатом племени»*

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

311 **Владимир Петров.** Выжить, чтобы жить. *Рассказ о современнике*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

332 **Ляйсян Шафикова.** Жизнь его песней звучит в народе. *К 115-летию Мусы Джалиля*

337 **Светлана Шлеюк.** Пространство Сергея Фазутова. *Новые идеи и смыслы*

347 **Мария Рябцева.** «Театр – есть потребность ...всего города...». *К 165-летнему юбилею Оренбургского театра драмы*

АПРЕЛЬСКИЙ БУКЕТ ГАГАРИНУ

Поэтическая перекличка

Подготовила Диана Кан

Наталья ЕГОРОВА (Смоленск)

ГЖАТСК

Летел Гагарин в небе
над страною.
Жила в прибрежном яворе
звезда.
У кладбища за Гжатью
под луною
Цвела зеленоватая вода.

А в церкви, уцелевшей
от разрухи,
Качая ив могильных корабли,
О Боге пели древние старухи
И раскрывали Небо для Земли.

Мы, дети, затаясь в речных
ракитах,
Желали знать неведомое нам:
Как в звёздах свечек гроб
плывёт открытый
И, словно космос, дышит
светом храм?

Но в голосах, дрожащих
перед Богом,
Такая вера била током слёз,
Что смерть ушла.
И в дальнюю дорогу
Живою взял почившую
Христос.

Истёрлась плоть в горниле
превращений.
Истёрло время вкус земной беды.
Старуха, Марьей званная
в крещенье,
С какой пришла, с какой
ушла звезды?

...А Гжать за храмом делалась
всё тише,
И говорил со звёзд могучий Дух,
Что всех орбит и всех планет
превыше
Вот это пенье скорбное старух.

Что где-то там, причастный
тайнам Духа,
Летит Гагарин в вечной
звёздной мгле,
Пока поёт последняя старуха
В забытой церкви Богу —
о Земле.

***

Третья скорость.
Печаль и тревога.
Быстрый промельк летящих
огней.
Вновь живёшь ты,
ночная дорога,
Потаённою жизнью своей.

Плавя тени и светы живые,
Спят деревни и реки обочь.

И машины — громады ночные —
Исчезают, как призраки, в ночь.

И, рождаясь во мраке могучем,
На обочине бросив село,
Вся Россия, как звёздная туча,
В лобовое несётся стекло.

Запевай! О великом и вечном,
На спидометре плавя простор.
Брызни фарой растерянным
встречным
И держись за баранку, шофёр!

За Гагариным к звёздам
нетленным
Мы с планеты навеки ушли.
Нам мешают мечтать
о Вселенной
Адреса и приметы земли.

Нас пленили в пути бесконечном
Не леса и столицы вдоль трасс —
Ясно зрящая звёздами
вечность,
Мир, что выше и праведней нас.

Шли КамАЗы,
сигналили ЗИЛы,
Плыли фуры — миров корабли.
Не будили мы звёздные силы,
Подражая титанам земли.

Но на чёрных разбитых дорогах,
Мчась лесами к Полярной звезде,
Ждали правды и вечного Бога,
Забывая легко о себе.

И, миры различая во мраке,
Пели песни России своей,
Наплевав на дорожные знаки
В стройном космосе встречных
огней.

Владимир СИЛКИН (Москва)

ГОРОД ЮРИЯ ГАГАРИНА

Сини первые прогалины
В небе празднуют сейчас.
В город Юрия Гагарина
Я въезжаю первый раз.

Вот она, судьба солдатская, —
Занесло, куда не ждал.
Увидать пролески гжатские
Я не думал, не гадал.

Мне не верится и верится,
Что он здесь когда-то рос...
Да, Земля, конечно, вертится,
Но как быстро, вот вопрос!

Ведь полсотни лет, как пройдено
Расстояние до звёзд,
А земля его, а родина
До сих пор к себе зовёт.

Знать, Земля вовсю вращается,
Чтоб от солнца не отстать...
Только он не возвращается,
Чтоб на эту землю стать.

Сколько счастья нам подарено
От его лучистых глаз...
В город Юрия Гагарина
Я въезжаю первый раз.

Валерий ХАТЮШИН (Москва)

***

Он был как бог, живущий
на земле,
с небес улыбкой неземной
одарен, —
как метеор, пронёсшийся во мгле
и озаривший все сердца,
Гагарин.

Он должен был погибнуть
точно бог,
в родной стихии, над землёй
родною,
чтоб из людей никто уже не смог
к себе любовью обладать такою.

Евгений СЕМИЧЕВ (Самара)

***

Илья Муромец шестидесятых,
Он над миром тряхнул булавой
И на камнях кремлёвских
брусчатых
След оставил космический свой.

И его, деревенского шкета,
Безотчётно в него влюблена,
Назвала звёздным мужем планета.
Назвала лучшим сыном страна.

Он над морем парил
и над сушей.
Он повсюду царил на земле.
И горели огнём мои уши,
Как кремлёвские звёзды во мгле.

Оглушённый космическим
громом,
В город Звёздный
письмо-транспарант
Всем сиротским приютом,
детдомом
Написал для него интернат.

А в ответном письме космонавта
Наш директор с дрожащим
лицом
Прочитал: «Дорогие ребята,
Я теперь буду вашим отцом».

Взвыла школьная наша линейка.
Но директор строчил по письму:
«А обидит вас Семичев Женька,
Надеру тогда уши ему!»

Космонавт свой завет
не нарушил,
Хоть не смог к нам приехать
в отряд.
Сколько лет мои бедные уши,
Как кремлёвские звёзды, горят.

Николай АЛЕШКОВ (Татарстан)

ПАМЯТЬ

«...Спит Земля в сиянье голубом...»
Михаил Лермонтов

Сундуками, ларями, сусеками
Не измерить богатства её.
Далеко-далеко, за парсеками,
Под звездой золотится жнивьё.
Золотится? Вы в этом уверены?
Да! Безверье сумей превозмочь!
Пусть года световые немерены,
Память — царственной Вечности
дочь!
Мы давно бы забыли, наверное,
След кометы с павлиньим
хвостом, —
Нашу память небесную
Лермонтов
Разбудил, возносясь за Христом.
Небо — зеркало. В нём отражение
Всей планеты и каждой судьбы.
В тайне смерти есть тайна
рождения —
И летят верстовые столбы
В бесконечность.
Стихами Есенина
Ныне, присно, во веки веков
Столько жизни и света посеяно,
Что не страшно могильных оков.

Пусть кому-то во что-то
не верится —
Нашу Землю Творец освятил,
И не зря она всё-таки вертится
В сонме прочих небесных светил.
Все мы — в космосе,
все — небожители.
Утром, чуть заалеет восток,
Улыбнитесь — вы солнце
увидели! —
И в земной окунитесь исток.
Нам Создателем небо подарено.
Купол неба безмерно высок.
Наша память улыбкой Гагарина
Озарила небесный чертог.
И не знает душа отторжения
От Вселенной на Божьих весах.
Неземной синевы отражение
Я увидел у внучки в глазах.

Екатерина МОТЫЖЕНКОВА
(Оренбург)

***

Сугробы жарко тают.
Звончей звенит капель.
И по земле шагает
Космический апрель.

Легендой в мире славен
И космос покорил
Герой страны Гагарин
Размахом мощных крыл.

Он сказку сделал былью.
Он Землю облетел.
Космически всесилен
Прославленный удел.

Ему открылись дали,
И солнце, и луна.
Гагарина узнали
Весь мир, моя страна.

Ракета в небо взвилась
Апрельское не зря —
Вселенная влюбилась
В земного звонаря.

Надежда ЛИСОГОРСКАЯ
(Москва)

СЫН ЗЕМЛИ

Тот день не позабыть —
история вершилась!
И взбудоражен мир:
на космодроме — старт!
Мы жили в СССР,
полёты к звёздам снились,
И вот взлетает к ним
наш первый космонавт!
Открытое лицо и добрая
улыбка —
Впервые человек взмывает
над Землёй!
Гагаринский полёт:
нет права на ошибку.
Спасибо, наш родной,
за славный подвиг твой.
И вновь мы подтвердим то,
что для всех загадка:
Наш русский человек —
обычный паренёк —
Характером силён,
не робкого десятка!
И покорить весь мир
своей улыбкой смог.
Апрельская капель весну
опять разбудит,
Вознёсся обелиск —
наш памятник тебе.
И имя твоё — Юрий —
Земля не позабудет,
И голубь полетит из рук
твоих к звезде.

Борис СЕЛЕЗНЁВ
(Нижний Новгород)

***

Гром по тучам яростно ударил,
Тихий лес качнулся, зашумел…
Наш герой космический Гагарин
На заданье Родины летел.

Не напрасно лес стонал и гнулся,
И рыдали тучи над горой:
Улетел и больше не вернулся
Наш отважный солнечный герой.

И беда взглянула в окна хмуро –
У границ врагов не сосчитать…
Прилетай скорей, Гагарин Юра,
Будем вместе Родину спасать!..

Ксения МОТЫЖЕНКОВА
(Оренбург)

***

Гагарин – первый космонавт.
На корабле «Восток»
Планету нашу облетел.
У всей страны – восторг.

Родился первый космонавт
Среди простых людей.
В российской деревеньке жил
Без всяких новостей.

Потом вступил в аэроклуб
И самолёт водил.
Затем приехал в Оренбург
И в лётку поступил.

Там пилотажа мастерство
И новый самолёт
Освоил очень хорошо.
Отправился в полёт.

Прибыв в космический отряд,
Отбор легко прошёл.
Построен космонавтов ряд.
Гагарин первым шёл.

Все испытания пройдя,
Пока не знаменит,
Сказал: «Поехали, друзья».
И воспарил в зенит.

Навеки помнит вся страна
Гагаринский полёт.
У лётки замер навсегда
Тот славный самолёт.

Олеся КУЗЕМЦЕВА
(Оренбург)

***

Что в оренбургской лётке
ты забыл?
Как звать тебя, крылатый
русский сокол?
Тоску по небу, видно, не избыл
В своём предназначении
высоком.
Ты первым видел Землю
с высоты,
Не свысока, а с верой
и любовью.
Ты с космосом здоровался
на ты,
Паря над бездной, не повёл
и бровью.
Земля тебя отпустит:
«Что ж, лети!» –
И будет возвращенья ждать
с надеждой.
Проложишь ты небесные пути,
И мир земной уже не будет
прежним.

Анастасия УСТИНОВА (Самара)

***

Я спросила у мамы:
«Какой он, Гагарин?»
И ответила мама:
«Обаятельный парень!»

Я спросила у папы:
«Какой он, Гагарин?»
И ответил мне папа:
«Героический парень!»

«Он был храбрый и верный, –
Сказал мне друг Вася, –
Он прошёл самый первый
По космической трассе».

«Он любил своих дочек!» –
Бабуля сказала.
А она, между прочим,
Всю семью воспитала.

Про него я спросила
Знакомую Свету:
«Он был очень красивый.
Таких сейчас нету!»

А ещё мне сказала
Тётя Валя, соседка,
Что такие таланты
Рождаются редко.

Всё хорошее в людях,
О чём только и знали,
Все знакомые наши
Ему приписали.

Кто из нас не мечтает,
Чтобы встретился парень –
Смелый, добрый и сильный,
Как Юрий Гагарин?

Диана КАН (Оренбург)

***

«...Я простой советский парень,
Не был раньше в высшем
свете...» –
Скромно отвечал Гагарин
Королеве на банкете.

«Ложки-вилки справа-слева...
Политесам не обучен...»
Улыбнулась королева:
«Да и я немногим лучше!

Что нам правила some time*?
Чувствуйте себя как дома.
И давайте поболтаем,
Словно мы сто лет знакомы...»

...Эх, девчата! Без обиды –
Будь студенткой в скромном
ситце,
Джиной будь Лоллобриджидой –
Ты обречена влюбиться.

Будь ты королевой даже,
Позабудешь про приличья.
Станет протокол неважен
И дресс-коды безразличны.

Рядом с ним себя любая
Ощущает поневоле,
Долю бабью забывая,
Королевой и звездою!

Но ему опять неймётся...
Озаряя мир улыбкой,
Он взлетит навстречу солнцу
И – попробуй, удержи-ка!

---

* some time – некоторое время

Елена КУБАЕВСКАЯ
(Оренбург)

***

Гагаринская лётка...
Нет больше лётки в сводках,
как нету больше в сводках
моей большой страны.
Пылятся по комодам
забытые пилотки,
что с гордостью носили
«соколики» страны.
Не знают наши дети,
кем был для лётки Полбин,
и в небо больше лётка
мальчишек не зовёт.
Совсем забыт Маресьев,
забыт Гастелло подвиг
и чкаловский рекордный
арктический полёт...
На обгоревший остов
глядит с небес Гагарин,
как в опустевших залах
бомжи справляют пир,
не узнавая места,
где крылья он расправил,
став первым среди равных
на весь подзвёздный мир.
Страна моя, опомнись,
ведь ты была крылата,
из пепла подниматься
тебе не привыкать.
Пусть к легендарной лётке
слетятся «соколята»:
не может сын оставить
в беде больную мать.

Татьяна АНТИПОВА
(Нижний Новгород)

***

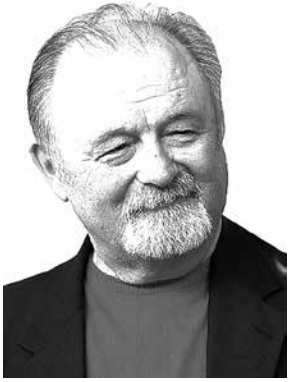
Имя «Юрий» встречается часто
Средь ровесников дружных
моих.
Вот задорный мальчишка
вихрастый,
И полнеба в глазах голубых.

Представляется запросто: «Юра»,
Тянет руку на возглас «Дай пять!»
Он улыбчив обычно – не хмурый,
Он готов всю планету обнять.

Назвала его мать
не в честь деда –
В честь Гагарина мать назвала,
В честь космической
первой победы –
Вот такие, братишка, дела!

Он о космосе знает немного,
Он в фантастику с детства
влюблён.
«Видишь звёзды –
уверуешь в Бога» –
И сбывается сказочный сон.

«Можно быть на Земле
космонавтом,
В планетарий пойти в выходной» –
И Господь – биографий всех
Автор,
И Гагарин летит над страной!



Павел РЫКОВ

КРЫША МИРА

Павел Георгиевич Рыков родился в Москве в 1945 году. Окончил Московский государственный институт культуры. С 1988 по 2012 год руководил Государственной телерадиокомпанией «Оренбург». Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей России. Лауреат многих международных и российских премий в области радио и телевидения, премии им. В. Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2010), региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2012, 2017), премии Губернатора Оренбургской области «Оренбургская лира» (2016), областной литературной премии имени С.Т. Аксакова (2016). Живёт в Оренбурге.

КАМУШКИ

Почему-то часто вспоминается день, когда впервые я оказался на берегу Урала. Наверное, потому, что впервые. Хотя память человеческая устроена затейливо: за что-то цепляется и не отпускает годами. А какие-то события, подробности: люди, звуки, краски, вкусовые ощущения — будто их и не было вовсе. Так вот, приехал на мотоцикле с родителями: папа за рулём, мама на заднем сиденье. А я — верхом на баке спереди. По теперешним временам дичайшее нарушение ПДД. А в те поры — без проблем. А ещё какие-то дядьки и тётеньки с нами были. Откуда взялись, как звали — не помню. Их как бы нет в памяти. Взрослые полезли в воду, папа и другие дяденьки плавали. Даже на другой берег махнули. Мама и другие тётеньки, повизгивая, зашли в воду, но неглубоко, сели и вместо плавания принялись разговаривать, как будто в другом месте нельзя поговорить. А я был

оставлен у самой кромки воды. Ноги в воде, и к ним тут же подплыли малюсенькие рыбки и начали носами тыркаться в пальцы. Я испугался. Мама засмеялась и сказала, что они не кусаются. Было жарко. Парило. Мне всё нравилось, кроме панамки на голове. Она мне сразу не глянулась, потому что девчачья. Но если с мамой можно было из-за неё покапризничать, то с папой такое не проходило. Я наблюдал за рыбками, потом углядел камушки в воде. Красные, двухцветные, как бутерброд с сыром на чёрном хлебе, бордовые, серые, чуть чёрные, совсем чёрные, полосатые, почти прозрачные, белые, с размытыми границами между цветами — всякие. Вода струилась, омывала камушки, они блестели и даже, как мне казалось, некоторые из них светились, вбирая солнечные лучи. Я дивился многоцветью и самые понравившиеся складывал кучкой на берегу. Папа плыл вразмах, сажёнками, против течения, бил руками трепещущую на солнце водную рябь. Конечно же, папа плавал лучше всех!

А у противоположного берега движение воды незаметно. В ней отражались высокий, обрывистый яр, неохватные вязы, оказавшиеся по-над самым обрывом, и береговые ласточки, вылетающие из бесчисленных пещерок, чтобы поймать на лету добычу и вновь стремительно юркнуть в своё, ими сотворённое убежище-гнёздышко.

Мама спохватилась, заметив, что плечи и спина у меня порозовели от солнца. Намочив рубашку в реке, надела на меня, несмотря на проявленное недовольство. Но что рубашка, когда горка отобранных мною чудесных самоцветных камушков делалась выше и выше, благо пляж и отмель состояли из неисчислимого количества мелких, обточенных течением, отполированных до округлости кусочков останцов Рифейских гор, меж которых многие тысячелетия подряд река прокладывала себе путь к древнему Хвалынскому морю. Камушков в моей сокровищнице становилось всё больше. Да вот беда: взятые мною из воды, они начали обсыхать. И куда стало деваться многоцветное роскошество! Словно кто-то, назло мне, покрывал самоцветное свечение краской пыльного цвета.

Внезапно за деревьями на той стороне реки начало погромыхивать.

— Гроза! Гроза! — всполошились женщины. Вышли из воды и отправились за кусты тальника переодеваться.

Папа тоже вышел на берег и начал подпрыгивать на одной ноге, норовя вытряхнуть воду из уха.

— Ты чего тут? — спросил он меня.

— Почему они, — я указал на мои камушки, — в воде такие разные и красивые, а на берегу одинаковые и серые?

— Так жизнь устроена, — ответил папа. — Всегда чего-нибудь да не хватает, чтобы всё было красиво.

Потом с меня сняли мокрые трусики и влажную рубашку,

переодели в сухое. Наконец-то снята и девчачья панамка. Жаль! Её наверняка бы сдуло во время езды... От мотоцикла пахло бензином. Машинный запах довлел над влажным запахом реки, накрывшим всё и вся грозовым воздухом, уже пронизываемым первыми каплями дождя и остро и резко усилившимся ароматом густых талов. Пора удирать. Папа опять усадил меня на бензобак, велел крепко держаться за руль. Мотоцикл фыркнул, и мы поехали. Один камушек, самый красивый, хоть и потерявший цвет, я уговорил маму перед тем положить в сумку. Дома вознамерился набрать воды в стеклянную банку из-под солёной каспийской хамсы, чтобы оживить моё сокровище. Но, как оказалось, камушками можно было любоваться только там, на берегу, у живой воды.

Мне кажется, память — как эти камушки. Вроде и вспоминать нечего, всё серо и однообразно. Но вдруг заблещут на солнце струи чистейшей проточной уральской воды, томяще запахнет прибрежными талами, затрепещут крылышками, зависнув над камышами изумрудные стрекозы, застригут воздух береговые ласточки, добывая пропитание себе и птенчикам. Засияют вновь, обретая цвет, мои камушки. Они, конечно же, не запамятовали, как некогда были частицами могучих, до неба вздымавшихся гор.

И вновь проявится всё многоцветье прожитой мною жизни…

СЛУКА

Ближе к вечеру ждали папу с трофеями. Ждали по-разному — я с восторгом от предстоящего счастья. Мне доверялось извлечь из люльки мотоцикла чехол с ружьём и внести в дом. А там с самого утра уже были приготовлены мною деревянный свинчивающийся шомпол с насадками, металлический пузырёк с двумя крышками, где сберегалось ружейное масло и едучая жидкость для чистки стволов, а также чистые тряпицы. Предстояло по-настоящему мужское занятие: банить стволы от нагара. Порох, которым снаряжались патроны, был дымным, так что копоти хватало. Вы спросите: «А трофеи?» Папа нажимал на рычажок, откидывалась крышка багажника мотоциклетной люльки с прикрученной к ней запаской, доставался сперва ягдташ с бахромой державок. Под ним — мешок сурового полотна. А в мешке то, что маме решительно не нравилось, — битые утки: чирки, крякаши, изредка казарки. Маме предстояло их ощипывать и палить — занятие муторное донельзя, особенно воскресным вечером. Да к тому же руки мама берегла, даже маникюр не делала и ежедневно смазывала их душистым, сладковатым глицерином, поскольку в те поры никаких других умягчающих кремов в продаже не было. Смазывала, потому что с утра в роддоме, где работала, надо осматривать новорождённых младенчиков. Как шутил папа,

пупки им бантиком завязывать. Полагался глицерин и мне — по причине цыпок, без которых у мальчишки жизнь не в жизнь.

В этот раз водоплавающей дичи не было. Видно, не наступила пора. В мешке лежали маленькие тушки пестроцветных, долгоносых птичек.

— Слуку добыл, Василич? — сказал оказавшийся рядом сосед Игнатыч. — Да много как! Знать, хорошая тяга была.

— Как вы их назвали? — удивился папа. — Это же вальдшнеп.

— Слука. У нас в деревне старые старики так их и называли. Считалась барской птицей. Больше для забавы.

— Это почему?

— Мала. Мужику с устатку — на один укус.

— А это я тебе, — сказал папа, откидывая полог люльки. В ней сидел маленький живой вальдшнеп. Завидев свет и нас, склонившихся над ним, он забеспокоился, попытался взмахнуть крыльями и взлететь — да не тут-то было; левое крыло у него было перебито и стелилось, распущенное по днищу.

— Зачем ты его привёз, Юра? — спросила мама, подошедшая к мотоциклу.

— Подранок. Привёз ему показать, — папа указал на меня.

— Зачем ему на это смотреть? — мама спрашивала даже не таким голосом, когда говорила со мной, если я набедокурю, а совсем другим, какой я и не слышал прежде.

— Ничего-ничего. Пусть привыкает.

— А можно его в руки взять? — я даже про ружьё забыл.

— Возьми-возьми.

Я потянулся к подранку. А он уклонился от моих ладоней, и опять здоровое его крыло встрепенулось.

— Лови-лови! — подбодрил папа. — Хватай, не бойся.

— Но ему же больно...

— Наверно.

Я схватил птицу и почувствовал, как колотится его сердечко: «Тук-тук-тук-тук-тук» — часто-часто. И у меня сердце припустилось вскачь. Впервые у меня в руках живое существо, и оно смотрело на меня в упор чёрными бусинами глаз. Каким я виделся ему? Огромным? Страшным? Неодолимым? Ещё совсем недавно слука летел, ловко лавируя меж дубков, покрытых листвой, щедро тронутой осенней ржавчинкой. В моих руках он стал тих и покорен и уже не пытался вырваться и взлететь, поняв свою беспомощность.

— Он будет теперь у нас жить? — спросил я.

— Как ты себе это представляешь? — папа продолжал извлекать из люльки снаряжение и тёплую одежду.

— Папа! У нас есть утки подсадные!

Действительно, в сарае жили пять диких уток с подрезанными маховыми перьями. С ними ездили на весеннюю охоту. Их выпускали на воду, привязывая за лапу к жерди, воткнутой в дно. Утки крякали, завидев налетающих

женихов-селезней. Тут-то и поджидала их дробь-четвёрка.

— Это утки. А это — вальдшнеп.

— Значит, ты его убьёшь? Он же раненый! Мама! Вы же на фронте лечили раненых! Даже немцев... Мама, скажи!

Слука смотрел на меня своими чёрными бусинками и, наверное, что-то бы сказал, но он мог говорить только на своём вальдшнеповом языке. Эти птицы, вообще-то говоря, только по весне и разговаривают — хоркают. И то одни самцы.

Душу мою пронзила жалость! Как же так? Ему повезло. Он выжил. А теперь его, раненого, будут добивать. Я буду жить. Мама и папа тоже будут жить. Все будут жить, даже подсадные ненасытные утки будут продолжать выискивать своими широкими носами что-то съедобное в корытце. А слуку сейчас убьют. Ведь убьют же! И я заплакал.

Вообще-то говоря, смерть не была чем-то необыкновенным в нашем многонаселённом дворе. В те непростые годы практически все обитатели держали в сараях кур. Случалось, курица переставала нестись или молодой петушок входил в силу. Тогда старому была одна дорога — на лапшу. Хотя среди живущих в доме было много мужчин, никто из них не хотел заниматься казнью горластого верховода. А ведь все эти дяденьки были фронтовиками и, скорее всего, немало фашистской крови пролили, если судить по их медалям и орденам, которые они цепляли по праздникам.

Один только тыловик дядя Гоша охотно брался за дело. Низкорослый, с кривоватыми ногами, редкими белёсыми волосиками, кое-как натыканными над всегда влажной от постоянного облизывания верхней губой. Был он человеком казённым — ВОХРой на зоне. Хозяйка указывала на очередную жертву. Гоша смело шёл на петуха. И, как ни странно, гордец и забияка, обычно шугливый, смиренно давался ему в руки. Какая-то в этом таилась загадка. Поговаривали, что он некое Слово знал. У него для куриных казней был специальный, отдельный топорик. Голову птице он отсекал с первого маха и отпускал на волю петуха, лишённого красной бороды и гребня, и тот бежал по двору, а кровь била из перерубленного горла. Гоша поднимал руки, как бы прицеливаясь из карабина в бегущего, и произносил: «Шпок». Обезглавленный петух падал. А Гоша бахвалился: «От меня ещё никто не убегал».

Никаких сожалений петушья смерть не вызывала — дело житейское. Да и дичь для меня была просто дичью. А приготовленная мамой — вкуснятины неимоверной; тёмное, душистое мясцо, да с картофельным пюре — хороший приварок к нашему отнюдь не обильному семейному столу. Но то была добыча, взятая с боя. А здесь — маленькое тельце, крыло, перебитое бекасинником, и сознание непоправимости произошедшего. И не уверяйте, что звери и птицы не думают и не предвидят беды, их ожидающей. Иначе бы

они сами, по доброй воле, давались в руки ловцам.

Не помню, кто забрал подранка из моих рук. Глаза из-за слёз ничего не видели. Мама отвела меня в дом, я рухнул на постель, продолжая рыдать. Так, рыдаючи, и впал в сонное беспамятство. А ружьё в тот раз не чистил. И дичь есть не стал.

ОТЧЕГО ТАК РАНО ВЯНУТ РОЗЫ

Всё было для меня внове. Прежде всего, папа взял меня, как большого, на охоту, да к тому же на машине. Эта трофейная «немочка» досталась ему в ахово состоянии, он самолично и самозабвенно перебрал её по винтику, и теперь мы ехали почти с комфортом. Я и охотничий пёс Маркиз — сзади. За рулём папа, рядом друг его Кегля — стрелок от бога. Ехали, ехали и доехали до мочажины. Проскрежетала переключаемая коробка передач, папа вдавил педаль газа, машина рванулась под уклон и...

— Ха-ха, — засмеялся Кегля. — Никогда немцам России не одолеть, Скажи, Василич!

Мы вышли из машины, а Маркиз, как лежал, свернувшись калачиком, так и лежал. Попытки выехать задним ходом с помощью нашего толкания только усугубили ситуацию. Стало ясно: надо искать тягло. Кегля остался с Маркизом караулить машину и оружие. А я увязался с папой.

Пока ехали, всё казалось близким. А пешком долгонько, тем более, на один папин шаг приходилось три моих. Но вот показался взгорок, с которого как бы сползали к озерцу, подпираемому плотиной, двенадцать — я уже умел считать до двадцати — саманных мазанок с плоскими крышами.

— Пап! Как деревня называется?

— Никак. Это не деревня, это выселки.

— А что такое выселки?

— Тебе не понять. Подрастёшь — узнаешь.

— А та большая, что мы проехали мимо?

— Колхоз имени Чапаева.

— Чапаев здесь жил?!

— Нет!

— Значит, воевал! — заявил я и запел: «Гулял по Уралу Чапаев-герой! Он соколом рвался с врагами на бой!»

Голова моя была нафарширована песнями из радиорепродуктора.

Мы подошли к крайней мазанке. Во дворе дымила летняя саманная печурка. Возле, на чурбаке, сидел дедок в телогрейке и фуражке с донельзя выцветшим синим окольшем.

— Здравствуйте, дедушка, — сказал папа.

— Ась?

— Здравствуйте, говорю. А бригадира где нам найти?

— А вы кто будете? Никак городские?

— Машина у нас застряла.

— Маааашина! Из начальства, стало быть. Эвон! А табачку не одолжите?

Папа достал портсигар. Дедок корявыми пальцами выудил

папиросу, закурил, выпустив из носа две толстые и пушистые, как кошачьи хвосты, струи дыма: «А бригадир наш тамочки — на дойке. Учёт ведёт». И дедок рукою указал в направлении пруда, куда тянулся горящим кизяком пахнущий дым из трубы саманной печечки.

У самой кромки воды стояло приземистое строение, сложенное из белого плитняка с просевшей крышей. Папа потянул воротину, и мы вошли. Внутри было темно. Под потолком горело несколько ламп «летучая мышь», от которых толку чуть, особенно для нас, вошедших со света. Я сразу же увидел впервые прямо перед собой коровью морду. Корова жевала и смотрела на меня совсем по-человечески. Я хотел дотронуться до её мокрого носа, но убоялся — а вдруг укусит. Где-то в темноте слаженно и тихо пели женщины, а в проходе четверо мальчишек немногим старше меня, шаркая галошами, в которые были обуты, движками-лопатами сгоняли навозную жижу в сторону противоположных ворот коровника. Из темноты, прихрамывая, появился человек в ватнике, надетом поверх гимнастёрки, и в резиновых сапогах.

— Кто позволил войти? — спросил он громко и властно.

— Нам бригадир нужен, — сказал папа.

— Я бригадир. А сюда посторонним нельзя. Ветеринар запрещает.

Мы вышли на свет.

— Не поможете с трактором? — спросил папа. — Завязли мы на машине. Километра полтора отсюда, — и он указал направление.

— Лейтенант! — воскликнул бригадир. — Вот так встреча! Не узнаёшь?

— Не припомню.

— Да как же! В мае, под Эльбингом. Уже и война кончилась, а какие-то шалые фрицы саданули из миномёта, и ноги мне обе перебили, и руку покорёжили. А ты меня в госпитале рентгеном фотографировал. А потом проявил и зашёл сказать, что всё обошлось, только осколки надо извлекать. Не помнишь?

— Нет.

— И немудрено. Сколько нашего брата битого. А мы, оказывается, земляки! Расскажи — не поверят!

— А что это у вас в коровнике поют?

— Им так сподручнее. Да и коровы лучше отдаиваются под песни. А ещё у нас самодеятельность. На ноябрьские концерт давать будем, — он подал отцу левую руку, а правая висела у него, как безжизненная. — Заново знакомиться будем. Николай Егорыч меня зовут.

— А ребята там... — с содроганием спросил я, вспоминая зловоние навозной жижи, щиплющее глаза.

— Мамкам подсобляют трудодни зарабатывать. А ты, герой, по медицинской части пойдёшь, как папка? Дело чистое, хорошее, — и, не дожидаясь ответа, закричал: — Степан Силыч, заводи! Доктора выручать надо!

«Дрых-тых-тых-тых», — затарахтел движок. Из-за коровника

выкатился тракторок с шипами на железных колёсах и с подскакивающей в такт движку крышкой на выхлопной трубе.

Вскоре мы уже катили по просёлку в объезд мочажины.

— Понял, откуда белое молоко берётся? — спросил меня Кегля.

— Никогда теперь не буду пить.

— Чего так?

— Там навоз.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Кегля. — На то она и деревня! В деревне без навоза не проживёшь.

— Ну её, эту деревню! Грязь сплошная! — выпалил я, вспоминая корявые и явно немытые пальцы дедка, которыми он выковыривал белую папиросу из папиного портсигара. — В деревне только дуракам и жить.

Раз! Папа дал по тормозам: «Выходи». Я выбрался из машины.

— Вставай на колени! — приказал он мне голосом, не предвещающим ничего доброго. — Вставай-вставай и проси прощения.

— У кого, за что? — захныкал я.

— У деревни-матушки, у земли, у крестьян. Ты думаешь, войну генералы да политруки выиграли? Деревня русская победила. Крестьяне. Вот кто главные победители. Такие, как Николай Егорович. Они тебя, сопляка городского, поят-кормят, говны от тебя отгребают, да ещё и на песни у них силы остаются. Услышу ещё раз худое про деревню...

Много лет прошло. Узнал я и что значит слово «выселки», и что мог поведать синий выцветший окольш на дедовой казачьей фуражке. Вспомнил и песню, что пели доярки во тьме коровника. А пели они старинный казачий романс:

«Отчего так быстро вянут
розы?
Опадает с них вся красота.
А любви чарующие грёзы
Пропадают раз и навсегда.
Так пусть все говорят,
что это ложь,
Пусть меня обман бросает
в дрожь!
Не хочу я в этом сомневаться,
Я хочу любить и наслаждаться...»

Ах, как они пели, эти казачки с выселков!

КРЫША МИРА

И вот настал неизбежный день. Мы поняли, что выросли из игры в кулюкушки. Играть-то можно, да не спрячешься — все потайные места во дворе известны, а в некоторые мы уже не умещались. Играть в войну? С самодельными автоматами? Ну, уж нет! К тому же все отказывались быть немцами. А если нет немцев, с кем воевать? Можно, конечно, в казаков-разбойников. Но это тоже будто в войну. И даже футбол не радовал. Двор в это лето как-то скукожился. Утром Витёк сказал, что нашёл одно место, просто зашибись, но туда надо пробираться осторожно. И девчонок не брать. Они воображалы, трусихи и болтушки. Всё разболтают, и тогда нам шандец.

Что такое шандец, мы не поняли — Витёк нахватался разных словечек от приблатнёных друганчиков с соседнего двора. Но ясно, что мало не покажется, если взрослые узнают про задуманное. И мы пошли. Мы — это Витёк, он постарше и за главного. Следом я, третьим шёл Генка по прозвищу Гендос-Паровоз — батя у него паровозный машинист. Поднялись на третий этаж и по длинному коридору двинулись в самый его конец мимо ряда дверей. Когда-то, до революции, здесь были «номера». В них проживали и погуливали разные заезжие купцы. Теперь жили в бывших номерах незамысловатые советские люди. Идти следовало тихо, не разговаривая, мимо ряда филёнчатых дверей, мимо столиков у каждой двери, сужающих коридор. На столиках примусы шумно исходили синими венчиками пламени под кастрюлями. В них, благоухая, упаривались щи. У других дверей тихо шипели керосинки, облизывая горячими языками огня от горящих фитилей сковородки с жарящейся картошкой. В конце коридора — неприметная, почти потайная дверь, придерживаемая загнутым гвоздём. Витёк оглянулся — не вышел ли кто в коридор — повернул гвоздь; дверь, тихонько всхлипнув петлями, открылась. Впереди деревянные ступени, ведущие в темноту. Это был ход на чердак. Темнотища попервоначалу страшила. Но сказать об этом вслух? Фигушки! Назад хода не было. Только вперёд! Пол чердака засыпан чем-то мелким, иногда похрустывающим под ногами. Мы перебирались через какие-то невысокие кирпичные короба, упиравшиеся в кирпичные же столбы, пронзающие железную кровлю. «Борова это дымоходные и трубы», — пояснил Витёк. Похоже, он не впервые оказывался здесь. Дальше светилось слуховое окно на крышу, всё в пятнах голубиного помёта. Витёк пролез в него первым, спугнув голубей, сидевших на краю крыши. Следом — Гендос. Я видел, что нос у него от испуга как-то заострился. Я выглянул в окно — вот он, край крыши. А в самой глубине — двор. И маааленькая Капитоновна, на самом деле высокая и толстая, развешивает стираное бельё на верёвке. Даже сейчас, вспоминая, испытываю пронизавший меня тогда страх: высоты я боялся панически.

— Ну, где ты там? — спросил Витёк.

— Я раздумал. Пойду домой. А то бабушка хватится.

— Иди-иди! — сказал Витёк. — Мы всему двору расскажем, как ты полные штаны напустил, бабушкин внучок.

Всему двору — это пострашнее близкого края и высоты. Я полез. Витёк великодушно подал руку — и вот она, крыша, крашенная суриком. Я сел и ощутил, что жесть кровли тёплая и даже горячеватая. А Витёк демонстрировал свою фартовость. Он прогулялся по самому краю, практически у жёлоба водостока, ведущего к водосточной трубе. Конечно, для взрослых парней из соседнего

двора, что под гитару вечерами пели тюремные песни и покуривали анашу, он был правильным пацанчиком из хорошей семьи. Нас же с Гендосом он, как старший, выстраивал по полной. Я-то, положим, знал, что Витёк — сын родителей-воров, сидящих в тюрьме, да и Гендос знал, как и все во дворе. Но это придавало Витьку какую-то отчаянность. И даже некоторое смутное очарование.

А вид с крыши открывался обалденный! Весь наш мир как на ладони. Перебивая друг друга, мы галдели об увиденном:

— Вот он, ажурный железнодорожный мост через Урал.

— Смотри: паровоз товарняк тянет, сорок пять вагонов.

А за рекой — густая зелень Протопоповской рощи. И кругом улицы, переулки, вновь улицы, забывшие свои исконные названия и поменявшие их на имена разных чичериных, кировых и прочих. А там, вот там, баня гарнизонная с трубой, а за баней тюрьма.

Ух ты! Мы почти вровень со старым минаретом!

А дальше — новый дом меж старыми домишками. И серая громада Дома Советов с ярко-красной крышей.

— Там раньше собор был. Большущий. Но его взорвали, — пояснил Витёк. — Золота в нём у попов было видимо-невидимо…

— Да, — подтвердил Гендос. — Бабка моя ходила смотреть, а потом плакала. И сейчас, как вспомнит, плачет. Она у нас отсталая. В бога верит.

А дальше вонзался в небо серебрящийся минарет Караван-Сарая. И вокзал тоже разглядели, и ещё много всякого-разного, где ещё не бывали.

Устав глазеть, мы легли на крышу и оказались один на один с небом. Сначала болтали о разном. Потом Витёк велел рассказать что-нибудь. Голова моя нафарширована была историями из прочитанных книг, до которых я великий охотник. И потому стал признанным сказителем, пересказывая прочитанное дворовой ребятне. Иногда даже взрослые тётеньки подходили послушать. Обретя авторитет, начал вплетать собственные выдумки в сюжеты классиков. И я начал пересказывать новопрочитанный роман Жюля Верна «Из пушки на луну». Через некоторое время Витёк прервал меня: «Внизу всем доскажешь». Тогда мы стали рассуждать, полетят ли люди взаправду на Луну и к звёздам.

— Неа, — уверенно произнёс Гендос. — Далеко. Когда папка меня в рейс до Владивостока взял, сколько тендеров угля мы сожгли — жуткое дело!

Гендос-Паровоз привирал насчёт рейса во Владивосток. Отец его работал машинистом на паровозике «Пых-пых», что толкал грузовые вагона с маневровой горки на станции.

— Да и чего там делать, на этой Луне. Там пусто: ни городов, ни

деревень, ни путей сообщения.

— Не скажи, — возразил Витёк. — Очень даже есть, что делать. Там на Луне полно золота. Шаг шагни — и золото. Либо песок, либо самородки. Собирать-то его пока некому. Вот оно и лежит спокойно, ждёт, когда мы за ним прилетим.

— С чего ты взял, что Луна золотая? — засомневался Гендос.

— А ты вспомни, какого она цвета, особенно когда полнолуние. Лететь обязательно надо. Много золота — великое дело. Всем можно будет, например, золотые фиксы вставить, у кого зубы плохие. А ты, писатель, что думаешь? — обратился Витёк уже ко мне. — Полетим на Луну?

Лично мне Луна была не столь интересна. Однажды отец взял меня на осеннюю охоту. Пока он с друзьями додавливал под неспешный разговор у костерка заветную фляжку, я вскарабкался на стожок сена. Лёг на спину, и предо мной открылось небо, усеянное блистающими звёздами. Я уже знал Ковш Большой и Малый. А на хвосте Малого сияла Полярная Звезда. А ещё неисчислимое количество звёзд разной величины, имена которых я не ведал. Я вглядывался в звёзды, и мне казалось, что я вот-вот вознесусь и достигну их непременно. С тем и заснул, опьянённый запахом высохшего и шуршащего подо мной разнотравья.

— Когда-нибудь долетим, — ответил я Витьку. — Только очень нескоро. Жизни может не хватить.

— Хочешь сказать, не доживём? — взъерепенился Витёк.

Внизу во дворе кудахтали куры. «Цыпа-цыпа-цыпа», — созывала кур на кормление тётя Валя, мать Генки, вернувшаяся с базара. Вжикал нож о вращающийся наждачный круг точильщика, что расхаживал по дворам, предлагая свою услугу. «А кому стеклоооо встааавляять?» — громко речитативил стекольщик с деревянным ящиком, прикреплённым к велосипеду с одной педалью. В нём сберегались оконные стёкла разных размеров. Дядя Ваня въехал во двор и заглушил свой видавший виды фыркающий ЗИС-5. «Павлик!» — услышал я призыв бабушки, хватившейся меня.

— Может, и доживём.

И мы замолчали, глядя в небо. Высоко-высоко над нами бездонную голубизну распарывал серебристый самолётик, оставлявший после себя распадающийся белый пушистый шов. А за ним очередной пилот расчерчивал свою траекторию полёта. Это курсанты нашей лётки осваивали лётное мастерство на реактивных МиГах. Кто дерзнул бы тогда предположить, что один из самолётиков скоро будет пилотировать парнишечка по имени Юрий Гагарин? И он первым преодолеет земное притяжение, взлетев гораздо выше нашей крыши и даже далёкой горы Джомолунгма, которую называют Крышей Мира.

Виталий МОЛЧАНОВ

ЛАОВАЙ

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостиный Двор», «Башня», «Чаша круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова (2014, 2020), премии им. С. Т. Аксакова (2014), премии «Оренбургская лира» (2014), Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна (2016), Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016), Волошинской премии (2016), победитель конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (2018).Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор Оренбургского областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова.

Профессору Джоу Лу

***

Рыбы в пруду распевают
декабрьские песни,
Птицы молчат —
пузыри на поверхности редки.
В садике старом спокойно,
нешумно и тесно,
Мостиков узких касаются
гибкие ветки.
Красного клёна топырятся
острые пальцы:
«Здравствуйте, добрые люди,
средь зелени дивной
Я затерялся один».
Телефоны китайцев
Щёлкают кадры за кадром
почти непрерывно.
Вход, на замочную скважину
очень похожий,
Радостно встретит гостей,
мол, прошу вас до фанзы.
Словно ключи, мы подходим,
проходим... Тяжёлые ноши
Лучше оставить у входа,
и собраны в стансы
Клумбы-красавицы —
строфы разнятся по смыслу,
Девять растений на каждой,
срифмованной раньше.

Камни дырявы, причудливы,
крепко я стисну
Тёплый юань и швырну его
в воду подальше.
Женщина в платье затейливом,
сакуры цветом,
Томно позирует мастеру
с камерой длинной –
Видно, вчера из Хубэя.
В Ханчжоу, как летом,
Песня декабрьская рыб сонной
глушится глиной,
Птицы молчат –
отразиться не могут на ряби.
К плюсам курортным прибавив
значительный минус,
Через неделю разверзнутся
водные хляби,
А через две –
смертоносный появится вирус.

***

Над озером Сиху* парит
воздушный змей,
То выше к облакам,
то ниже к водной глади
Дыханьем грозовым несёт
его Борей.
Как «ветер» по-китайски будет,
кстати?
Змей красный, словно флаг,
с каймою золотой,
Пред ним упали ниц
тоскующие ивы,
И чайные кусты прощаются
с росой,
Лишь ветер просвистит
привычные мотивы.
Ладони волн влекут к зелёным
островам
Забывшие про руль
стремительные джонки,
К подножию горы прильнул
буддийский храм,
В прохладе и тиши перебирает
чётки.
И воздух густ и свеж,
как зимняя слеза,
Упавшая на грудь невесты
в красном платье,
Когда любить нельзя
и не любить нельзя,
И ветра холодны разлучные
объятья.
Да оборвись же, нить,
пусть улетает змей –
Магнолии вздохнут,
вновь ивы распрямятся,
Над озером Сиху в один
из лучших дней
Представим – нам с тобой
по восемнадцать.

* Западное озеро, г. Ханчжоу (КНР)

БЕЛАЯ ЗМЕЯ

Свет прикасается к шёлку,
пальцы – к струнам гучжэна:
Пение птиц без умолку,
шёпот прибрежной пены,
Боль родниковая –
воду режут придонные камни,
Ветры, почуя свободу,
бьют кулаками в ставни.

Дождь шелестит советы тиграм
на крыше фанзы,
И оживают легенды:
пляшут древние танцы
Снова с шестами герои,
так на исходе лета
За поднебесной травою змеи
летят и поэты.

В городе славном Ханчжоу,
южной столице чая,
Рады торговцу чужому,
фальши не замечая.

Кольца разложит и серьги.
Круглый, до пят рубаха.
«Бай, ты венец мой примерь-ка!» —
демон кричит Черепаха.

С мужем-красавцем и сыном
шествует Бай по рынку,
Видит, выносит ей чинно
толстый купец новинку.
Золото жарко, обманно,
дразнит его свеченье...
Насухо выжало ману
просто прикосновенье.

Дальше сильнее, страшнее
обруч виски сжимает.
Бедная Бай бледнеет,
в ней человечье тает.
Лишь успевает супругу молвить:
«Вырасти сына...»,
В кольца свивается туго
Белой змеи личина.

Замуровал Черепаха в стену
пагоды змейку.
Дождь прекратился от страха,
не покидает лейку —
Тучу в нежнейшей ладони бога
мудрого Будды:
«Кто же по демонам стонет,
высохли глаз сосуды».

Струны выводят гучжэна
песню долгой разлуки.
Годы — прибойная пена,
памяти волны упруги,
Моря листают страницы
и повторяют сначала
Давних легенд небылицы...
Сына молитва звучала!

Пагоды стену взрыхляя
каждым искренним словом,
Взор к облакам обращая,
Будду молил он снова
Мать отпустить на волю,
к свету поднять из праха...
В битву вступил с судьбою
демон-монах Черепаха.

Матери юной подругой,
верной змеёй Зелёной
Зло было загнано в угол,
плакало обречённо.
Будда разрушил темницу,
Бай отпустил на свободу.
Близких счастливые лица —
камни не режут воду.

Свет прикасается к шёлку,
пальцы — к струнам гучжэна.
Дружба — как с ниткой иголка,
сына любовь нетленна,
Накрепко сшитые вместе
в городе славном Ханчжоу,
Стали героями песни,
ясной даже чужому.

ИЕРОГЛИФЫ

Влагой озёрной рисует рука
старика,
Брюки повисли мешком
на застиранной лямке.
Кистью малярной выводится
чётко строка,
Столбик, вернее... Вот лямбда
в соломенной шляпке.

Ниже два ёжика на тротуарной
плите,
Или расчёски — я вам ни за что
не отвечу.
Ну а под ними в наивной своей
простоте
Тщетно в окошко прохожий
стучит человечек.

В банку нырнёт каллиграфа
рабочая кисть,
Выпьет воды ровно в меру,
ни капельки лишней.
Это стихами китайская пишется
жизнь,
Это народная песня —
то громче, то тише.

Мир иероглифов сложен,
его не понять
Не замечающим счастья
рождения риса.
Древний Китай вместе с новым —
как с дочерью мать:
Сделай по-своему, но потакай
и капризам.

Сумерки скроют от взглядов
моих старика,
Высохнет надпись, но мысль
не теряется втуне.
Вновь оживёт на бумажной
странице строка,
Столбик, вернее...
Сказанье о Мао Цзэдуне.

ГОУ И МАО*

Жизнь, конечно, штука злая,
Чаще — будни, реже — шоу.
В тихом садике Шанхая
Ближе к мао жмётся гоу.

Тут кустов сплошные дебри
И густой травы немало,
Животом сминая стебли,
Рядом с гоу ляжет мао.

Небоскрёбов тьма в Шанхае,
И людей полно в столице.
Гоу хочет, но не лает,
Мао мявкать вслух боится.

Только были, раз — и нет их,
Лишь цветочки — влево-вправо
Покачнутся, спрячут бедных.
— Где ты, гоу? Где ты, мао?

Жизнь пошла бы по-другому,
Был бы дом, тепло и сыто...
Ни для мао, ни для гоу
В счастье дверца не закрыта.

В садике сверну с дороги,
Шёпотом скажу: «Нихао», —
Разверну припасов крохи:
«Кушай, гоу, кушай, мао!»

ЛАОВАЙ**

Ты декабрьским солнцем обуян,
Лаовай, упавший в гаолян,
Персонаж немыслимых историй.
Двадцать с плюсом в сорговой
дали,
И в резных драконах корабли —
Облака над старой бронзой
моря.

Розы не завяли на кустах,
Лотосам в озёрных вязких снах
Снится август:
зной, пора цветенья.
Персиков упругая листва
Отливает блеском колдовства,
Словно птицы райской оперенье.

---

* Собака и кошка (с китайского)

** (может быть пренебрежительным понятием) иностранец

Выше пагод небоскрёбов лёт,
Лаовай, он разве разберёт,
Где земля, где воздух?.. Всё
едино.
К звёздам вырывается Китай,
С молоком смешав зелёный чай
Для потомка злого хунвейбина.

Время пьёт печаль из чашки сна,
Прошлое — прекрасная весна
Возрожденья древнего народа.
Лаовай, упавший в гаолян,
Завистью декабрьской обуян:
— Нам бы так…
Идём, не зная брода.

Пусть в резных драконах облака
Не для нас, мой друг,
плывут пока
Над полями ярче изумруда.
В будущее шествует Китай,
Возвращайся к снегу, лаовай,
Вслед помашет красным
флагом Будда.

ЦЯНЬ ЛЮ*

Жизнь человека подобна
летящей стреле —
Выси достигнув, стремительно
падает наземь
Цель поразить иль в бамбуковом
гладком стволе
Прочно застрять, ни героем
не став и ни князем.

Вот наш удел...Верный сторож
могилы Цянь Лю
Тысячелетье скрывает преданья
и тайны,
Каменный тигр —
я по лапам тебя узнаю —
С мордой раскрошенной,
вечно и первый и крайний.
Помнит Линьань** князя
мудрого сказочный лик,
Намертво вписанный в твёрдую
книгу скульптуры.
Земли собравший, сверкнувший
как солнечный блик
В шлеме, скрывающем редкую
прядь шевелюры,
Страшным родился, спасён был
от гнева отца
Бабушкой доброй у самого края
колодца...
Взмыла стрела —
боевое искусство мальца
Выросло в славу героя, вождя,
полководца.
Людям простым посвятивший
заботы свои,
Щедрый к талантам, не знавший
родительской ласки,
Ты, о Цянь Лю, с честью
выигравший сталью бои,
Мог стать царём, но не стал,
словно русский Пожарский.
Каменный тигр у могилы
священной один
Память хранит от забвенья
безжалостной лапой.
Знаешь, потомок Цянь Лю —
КНР гражданин —
Был на излёте китайского
космоса папой.

* первый правитель государства Уюе периода пяти династий и десяти царств

** район г. Ханчжоу (КНР)

ЗОЛОТОЙ БЫК

Быль или небыль?.. Совсем
не секрет— вымысел краше!
Я под водой разглядел чёткий
след, словно бы в чаше
Ложечкой кто-то до дна
исчертил тонкие стенки...
Сел отдохнуть от звенящих мобил,
плащ — на коленке.
Любят китайцы легенды варить,
с правдой мешая.
Так можно съесть их, а можно
запить мудростью чая:
В грунт погрузивший под толщею
вод крепкие ноги,
Бурую тину неспешно жуёт бык
златобокий.
Помнит Сиху*, как пришёл он,
топча тысячелетья,
И с головой погрузился на дно...
Только не медью —
Шкурой червонной для жадных
блеснул — золотом чистым,
С этой поры, как бы ветер
ни дул, множились числа
Дней ожиданья, а с ними и лет...
Бык незаметен,
Он из воды не выходит на свет
долгий век третий...
Вызвал коварный правитель
земли свору министров,
Воду озёрную, чтоб отвели
тайно и быстро,
Нужно быка драгоценного сдать
на переплавку...
... озеро стало мелеть, засыхать,
скоро канавкой
Юга жемчужина волею злой
вдруг обернётся.
Бык золотой, возвышаясь горой —
яркой, как солнце,
Ноздри раздул, напрягая живот —
чрево купели,
Тонны воды сквозь распяленный
рот вмиг полетели,
Смыли правителя вместе
с ворьём в дальние дали!
Больше печаль золотым
кораблём к нам не причалит...
Быль или небыль?.. Совсем
не секрет— вымысел краше!
Ивы погладив, мальчишка-рассвет
в утренней саже,
Горсточкой полной волну
зачерпнул — хочет умыться.
Я чуть с причала тогда
не нырнул — рог золотится,
Жаром горят, беспощадно слепя,
морда и шея.
Глазом кося, бык пошёл на меня...
Плащ я посеял.

***

Солнце смахнёт паутину тумана
Жёлтой ладонью в озёрную
воду.
Новый Китай просыпается рано,
Вместе со старым спешит
на работу.

Пашет на диво и лопает вдоволь —
Люда простого улыбчивы лица.
Там, где вчера было голое поле,
Чай зеленеет и рис колосится.

*Западное озеро, г. Ханчжоу (КНР)

Ветки метро — молодые лианы,
Брошены вдаль за шоссейные рамки.
Рядом воздвигнут дома-великаны,
Садики, школы, больницы и парки.

Цапля большая подъёмного крана
Выловит груза бетонную рыбку...
Новый Китай — беспокойная прана
Вместе со старым сознанием гибким.

Только бы солнцу смахнуть паутину
Лени вселенской в забвения воду.
Старыми красками пишет картину
Новый Китай поколеньям в угоду.

Видео снова в глазах из Уханя:
Вирус повержен и сорваны маски.
Старый Китай новым полон дыханьем,
Новый — поверил в старинные сказки.

Ирина РОДИОНОВА

ПОРОСЛЬ

Ирина Сергеевна Родионова родилась в Новотроицке Оренбургской области. Окончила Оренбургский государственный университет. Работает учителем русского языка и литературы в родной школе и психологом в развивающем центре. Печаталась в журналах «Гостиный Дворъ», «Бельские просторы», «Лёд и пламень» и др. Участница Всероссийских литературных фестивалей, совещаний молодых литераторов в Самаре, Казани, Уфе, Оренбурге, Химках. Победитель ежегодного областного конкурса «Золотая молодёжь Оренбуржья» в номинации «Творческая молодёжь» (2019). Обладатель специальной премии в рамках областной литературной премии им. С.Т. Аксакова. Живёт в Новотроицке.

ГЛАВА 1
Машка

Машка проснулась, еле вынырнув из глубокого забытья, — с головой укутанная в тяжёлые сновидения, девочка первым делом почувствовала тепло на губах.

Солнце. Согревающие солнечные лучи.

Будильник ныл противно, тянул высокую ноту, и Машка заворочалась, заползая в духоту махровой простыни, затыкая руками уши. Но в тот же миг простыню сдёрнула резким жестом чья-то рука — несвежая тряпка мелькнула в воздухе, напоминая бегство хищного зверя, и опала вниз, смятая.

— Вставай.

Босые ноги прошлёпали из комнаты, и слышно было, как пальцы Аяны прилипают к дощатому полу.

Вокруг стояла тишина. Сквозь пыльные стёкла в комнату лился солнечный свет — чистый и свежий, он падал на

обои, высвечивая их застарелую желтизну. Машка перевернулась на спину, ещё ничего не соображая со сна.

Рядом тихо закряхтел брат, дёргаясь, словно изломанная игрушка. Выгибаясь, Илья врезал Машке по ноге, но она не обратила на это внимания. Привыкла уже. Он ведь не со зла. Больной, что поделаешь.

На губах её, бледных и пухлых, плясали солнечные зайчики. Прямо перед глазами на потолке застыло большое рыжее пятно — потемневшая штукатурка напоминала лужу дождевой воды, от светлых разводов по краям до тёмной ржавчины в центре. Каждый раз, засыпая, Машка рассматривала это пятно, и в полутьме оно напоминало чёрную дыру.

Жалко только, что звёзды на этой дыре нельзя было нарисовать. Маруся пыталась было, но со стула её сдёрнула старшая сестра, а потом ещё и наподдала хорошенько, чтобы не трогала чужой серебристый лак для ногтей.

Заплакал неподалёку крохотный Петька, зашёлся басовитым плачем. Машка бесстрастно лежала, обняв себя руками. Духота проникала во все углы комнаты, но первый осенний холодок норовил из расхлябанной форточки забраться под простыню и пощекотать тонкие ноги.

— Машка! Ну, орёт же! — раздался с кухни грозный крик Аяны, и Маша мгновенно спрыгнула с продавленного дивана.

Петька спал на обычном матрасике, брошенном на пол, — детской кроватки в их доме отродясь не было, а на диван ребёнка боялись укладывать, чтобы он не упал. Подойдя, Машка неловко пригладила торчащий рыжий пушок и цепко ухватила ребёнка за пальцы.

Петька вывернулся и заревел ещё громче, краснея от натуги. Маленький и сморщенный, он больше походил на скелетик какого-то доисторического животного, и Машка мигом представила его бродящим среди зелёных пальм и колючих акаций.

— Отойди! — её резко оттолкнули в сторону, и Машка отшатнулась, чтобы не упасть. К Петьке скользнула Аяна — её длинные чёрные волосы шёлком ниспадали на плечи, лицо, покрытое расчёсанными прыщами, было сосредоточенным и даже немного злым. В руках Аяна привычно сжимала посеревшую бутылочку с подогретой смесью.

Смесь была с комочками, она всегда была с комочками — Петька плевался, кричал, запрокидывал голову и хватался руками за всё, до чего мог дотянуться. Аяна, присевшая на угол скрипучего дивана, кривила губы и торопливо качала брата, чтобы он скорее замолчал.

В коридоре тяжело хлопнула дверь — это Санёк, светловолосый и длинный, как жердь, сбежал из дому. Маша, замерев у подоконника, разглядывала поникшие ветви жёлтых берёз, а её тонкие и бледные пальцы всё крепче впивались в ощерившуюся занозами древесину.

— Собирайся в школу, — процедила Аяна, поставив бутылочку

на диван и прижав её к бедру, чтобы не измазать жидкой кашей и смятые простыни, и засаленную ткань скрипучего дивана. Сноровисто вытерла полотенцем рот маленькому Пете.

На диване рядом с ней снова закряхтел Илья.

Иногда братья напоминали Маше близнецов — лежали одинаково, глядели мутными водянистыми глазами в её широкое и веснушчатое лицо. Только Петька обычно орал так, что стёкла в деревянных рамах дрожали, а Илья только кряхтел едва слышно, будто не в силах выразить криком всю скопившуюся боль. Порой Машка сомневалась, что Илья вообще чувствует хоть что-то. Только видела его пустые глаза и искривившийся рот.

— Собирайся! — рявкнула Аяна, не глядя на сестру, и Машка тут же оторвалась от подоконника.

Сунула в ранец какие-то тетрадки, какие-то учебники (не факт даже, что свои, — и Аяна, и Санёк, и Лидка, и сама Машка всегда вытряхивали всё школьное на вот этот покосившийся стол без правой ножки, которую заменили стопкой потемневших от времени книжек без надписей на обложках). Машка натянула через голову футболку, выудила юбку, которую носила Аяна, а до неё Виктория, а ещё раньше юбка была маминой…

И вот теперь она Машкина. Нитки истлели и торчали то тут, то там, синева пестрела мелкими катышками, но Маша любила обдирать их кривыми ногтями на каком-нибудь скучном уроке. Самое главное сокровище красовалось на боку юбки — аппликация в виде букета красных роз с косо налепленными стразами. Цветы скрывали большую дырку. Когда-то эту блестящую нашлёпку купила Виктория в ателье, а теперь розы стали гордостью и для Машки.

Но Виктория уехала в ГОРОД. И даже поступила в КОЛЛЕДЖ.

Все ею страшно гордились. И Машка тоже гордилась, хоть и с трудом могла представить себе, что же такого прекрасного в этом колледже может быть.

Солнце пощекотало макушку теплом, выдернуло из воспоминаний. Петька заснул, устав плакать, а может, всё-таки наелся серой и комковатой кашей. Аяна, проходя мимо с блестящей розовой косметичкой в руках, лишь молча постучала пальцем по циферблату дешёвых наручных часов.

Машка кивнула и забросила рюкзак на плечо.

— Тамара Васильевна, здравствуйте, — забормотала Аяна в трубку домашнего телефона, от которой змеился длинный кудрявый провод, исчезающий где-то в коридоре. Наверное, ни у кого в городе домашних телефонов больше не осталось — только в их квартире да у соседки, старухи Тамары Васильевны. Интересно, и как телефон не отрубили вместе с телевидением? — Это Аяна. Мы собираемся. Вы скоро?

Трубка чихнула что-то в ответ, пока сестра склонилась над Петькой и осторожно выудила из его

рта пустышку. Заскрипели пружины дивана — Илья всегда ворочался, стоило кому-то пройтись неподалёку.

— Я ушла! — как обычно, крикнула в пустоту Машка, ничуть тому не печалясь. Она и не знала даже, зачем кричит, — все в её семье уходили в молчании: вот звенят привычно ключи, вот скрипит щеколда, воют протяжно дверные пружины, а потом хлопок. Кто-то ушёл.

Всё и так понятно.

Их дом чаще всего напоминал перевалочный пункт — куча детей от мала до велика, все от разных отцов, что в пылу ссоры позволяло крикнуть с обидой: «Ты мне вообще никто, не брат и не сестра!» Мама, как обычно, спала в большой комнате, куда никто не заходил, — раньше это было запрещено, теперь просто не хочется. У матери там всегда гулянья, застолья, пьянки. Друзья, ревущая противно музыка, грохот и пьяный смех.

Иногда Машке нравилось сидеть там, в уголке, глядеть на взрослых. На маму. Мама в такие моменты казалась почти незнакомой, какой-то другой, и Машка, забившись в угол, искоса рассматривала каждый жест, каждое движение, вслушивалась в каждый раскат её смеха.

Уходя, девочка всегда прощалась. Может быть, ждала, что кто-то обнимет перед выходом. Или пожелает хорошего дня. Хоть бы крикнет что-то… Заметит, что она ушла. Но Машка не признавалась в этих мыслях даже самой себе. Кричала по привычке, да и всё тут.

Перед выходом она всё же заглянула в мамину комнату — приоткрыла дверь с закопчённым стеклом, сунулась носом в кислый запах. Смятая постель, рассыпанные по полу ржавые чипсы, заваленный мусором стол — вот в вазочке портятся маринованные помидоры, вот вянет букет листвы в мутном стакане… Это Машка принесла букет, ободрала клён у школы.

Мамы нет. Разве можно было надеяться на что-то другое?

А вдруг.

Улицу затопило солнечным светом — прохладным, ещё таящим в себе нотки умчавшегося лета. У мусорных баков грузная сонная дворничиха мела улицу, скребла ветками по асфальту самодельной метлой, разбавляла шёпот желтеющих деревьев. Машка вдруг на секунду увидела в дворничихе маму, но потом лишь мотнула головой — мама ведь худая, как щепка, куда уж до неё этой бесформенной бабе?

Куцые прядки волос никак не хотели заправляться за уши — Машку всегда подстригала Аяна, и девочка потом стягивала резинкой жалкие остатки причёски, заливалась смущённым румянцем. Сейчас волосы чуть отросли — сальные и неопрятные, они кружились вокруг головы осенним танцем, и Машка ловила пряди пальцами, улыбаясь во весь рот.

Ей сегодня было удивительно хорошо: солнечное утро, Аяна задержалась с Петькой, а значит,

Машка пойдёт в школу одна. Как взрослая. Обычно они шли вдвоём или втроём — порой к Машке с Аяной присоединялась толстощёкая и некрасивая Лидка, ещё одна сестра, но сегодня её почему-то дома не было.

Как же всё-таки чудесно на душе!

Машка кинулась к школе, распинывая сочные жёлтые листья, устилающие чёрное полотно асфальта. Девочке хотелось петь — и Машка запела, бубня себе под нос какую-то навязчивую мелодию, пританцовывала, кружась, позволяя осеннему ветру подхватить полы застиранной розовой куртки и хлопать ими, аплодируя.

Семья у Машки, как уже можно было догадаться, большая — старшей дочерью была Виктория, которую все называли именно Викторией и никак иначе. Она окончила школу, уехала зарабатывать деньги и жить красиво. Все остальные дети ей завидовали. Аяна, восточная красавица, как её раньше называла мама, осталась за старшую, и поэтому теперь могла безнаказанно всех ругать, бить и воспитывать. Машка, честно говоря, Аяну побаивалась.

Следующим шёл Санёк — он казался среди детей белой вороной с короткими светлыми волосами, водянистыми глазами и щербатой кривой улыбкой. Санёк приносил больше всех проблем: он ходил к психиатру и отмечался в полиции, попадал в передряги и жил в обезьяннике. Санька никто не любил.

Затем Лидка — Лидка как Лидка, с серыми короткими волосами, толстая и неприятная. Лидка часто плакала и мало разговаривала, предпочитала бродить по улицам в одиночестве. За Лидкой появилась сама Машка, весёлая и беззаботная, любящая и семью свою непутёвую, и весь этот прекрасный мир. Один только солнечный блеск на нашивке с розами рождал в её детской душе огромный и беспечный восторг.

Следующим родился Илья — мальчишка появился на свет больным. Машка не помнила точного диагноза, но знала, что Илья всегда лежит на диване, скрюченный и размахивающий кривыми руками. Иногда Аяна укладывала брата в детскую коляску, откуда торчали его костлявые длинные ноги, и везла гулять, но такое настроение у сестры было делом редким.

Последним стал Петька — до его рождения прошло много времени, и вся их разношёрстная семья надеялась, что больше братиков и сестричек не предвидится. Но родился Петька — рыжий и капризный, он постоянно плакал, требуя к себе внимания.

Мама нигде не работала — все они жили на детские пособия и на инвалидные брата. Папа был когда-то далеко-далеко в Машкином детстве, но потом он по пьянке зарезал друга, и его упрятали в тюрьму. В первые годы мать ходила к отцу с котомками, порой брала с собой Машку, но потом забросила это дело. Папа остался воспоминанием.

А сейчас на улице стоял конец сентября, солнце напитывало мир теплом, а в воздухе кружились светлые, чуть золотистые паутинки. Машка бежала в стоптанных кроссовках и пела, радуясь осени.

— Машка! Ты чё там горланишь?! — вылетели из-за угла глумливые и хихикающие Машкины одноклассники. Она остановилась, сжав в руке дубовый листик, сорванный неподалёку.

— Пою, — с улыбкой призналась девочка.

— Нам спой чё-нибудь, — предложил Влад, самый толстый и нахальный из всего Машкиного пятого класса. — А мы послушаем!

И Маша запела — задрожал в воздухе некрасивый детский голосок, девочка глотала окончания и не дотягивала нотки, но всё равно пела — самозабвенно, искренне и с удовольствием. Одноклассники заржали, как кони на водопое, и, отвернувшись, бросились к школе.

Машка, не растеряв своей улыбки, побежала за ними.

В школе было душно, на входе караулила бдительная директриса, а в вазочке у охранников стоял поникший букет астр. Мелкие первоклашки с гигантскими белыми бантами сновали по коридору, стягивая куртки с плеч и переобувая ботиночки. Старшеклассники, остро пахнущие сигаретами, прошмыгивали через пост директора, втягивая голову в плечи и задерживая дыхание.

Машка, всё еще сжимающая в руках дубовый листочек, весело пробежала мимо, крикнула задорно:

— Здрасьте!

Директриса поджала губы, но поздоровалась глухо.

Забившись в уголок у лестницы на втором этаже, Машка уселась прямо на бетонный пол и достала из ранца отломанное зеркальце от пудреницы и помаду Аяны — бордовую, почти чёрную. Открутив колпачок, девочка долго смотрела на тёмный карандаш — всего минута отделяла лохматую и некрасивую Машку от красавицы Марии. На самом деле в свидетельстве о рождении Машку записали как Марусю, но всем привычнее было говорить именно о Машке.

Да и сама Машка не возражала.

Прищурившись и зажав в дрожащей руке зеркальце, Машка густо обвела губы бордовой помадой, закрасила всё, что было бледным и некрасивым. От напора помада не выдержала — переломилась пополам, и толстый кусок рухнул на пол. Девочка подобрала его дубовым листком, сунула в карман. А потом испуганно втянула голову в плечи — ох, и влетит же ей от Аяны.

Но это будет потом. А сейчас — шикарные бордовые губы, винный оттенок, как называла его Аяна. Правда, левая половинка верхней губы вышла куда больше правой, но и это не беда — Машка стерла всё лишнее, отчего кожа покраснела и налилась багрянцем. Только хуже сделала. Не растерявшись, Машка обломком помады добавила цвета правой и левой одновременно — губы стали огромными, яркими и красивыми, как у моделей из рекламы.

Сидя под лестницей в редком пятнышке света, едва пробивающемся сверху, Машка любовалась своими губами. Спрятав зеркальце и трупик помады в карман, она направилась прямиком в класс. Первым уроком у них была история — второй этаж, направо и до конца коридора.

На Машку все оборачивались, а она шла, выпрямляя спину так, будто и правда была фотомоделью. Глаза у девочки горели счастьем.

В класс она вплыла лебедем — застыла на пороге, позволяя всем и каждому разглядеть её прекрасный макияж, её шикарные губы, её восхитительную внешность. Привалившись плечом к косяку, Машка обвела всех торжествующим взглядом.

В кабинете повисла тишина. Толстый Влад застыл у своей парты, раскрыв в изумлении рот. Перешёптывания, тычки в спины, кивки на Машку. Они все смотрели и молчали.

— Господи, Савкина… — выдохнула в ужасе историчка, и слова её прозвучали громом, будто стартовым свистком.

Класс взорвался хохотом — дети визжали, тыкали пальцами в Машку, покатывались и картинно падали со стульев, подбегали поближе, кто-то достал телефон… Историчка, взлетевшая со своего места коршуном, подскочила к Машке и схватила её за плечо, крепко впились в кожу длинные тонкие пальцы с острыми когтями.

— Умываться. Быстро! Боже, как клоун, что же вы творите-то…

Машка не поняла, чего в её голосе было больше — бессильной злости, жалости или… зависти? Наверное, историчке тоже хотелось такие же большие и красивые губы.

Историчка притащила Машку к директрисе — проволокла со второго этажа, крепко и больно держа за плечо, а потом толкнула вперёд, словно предлагала полюбоваться видом своей ученицы. Машка улыбнулась смущённо, надеясь, что директриса оценит губы по достоинству.

— Вот, — ябеднически произнесла раскрасневшаяся историчка. Позади их странной процессии всё ещё слышался смех. — Полюбуйтесь, какими наши пятиклассницы приходят в школу. Это же кошмар! Это деградация полнейшая!

— Мимо меня она прошла в нормальном виде, — процедила директриса, удостоив Машку холодным взглядом, и девочка мигом поняла, что оценить по достоинству тут явно не выйдет.

— Значит, в школе намалевалась! — продолжала кипеть историчка. — Беседуйте! Мне надоело!

И, развернувшись, удалилась прочь, громко цокая каблуками.

— Ты не знаешь, что в школу запрещено приносить косметику? — сурово спросила директриса, и Машка потупила взгляд. Помада вдруг пламенем обожгла кожу.

— Я думала, что…

— Ты не знаешь? — громче повторила директриса. Вокруг них начала собираться толпа из любопытствующих.

— Знаю. Мне казалось, так красиво…

— Нет, — брезгливая гримаса вновь исказила лицо. — Это некрасиво. Совсем. Это уродство. Ты похожа на пугало. Быстро умываться.

Машка развернулась, готовая броситься к раковинам у столовой, когда суровый окрик ударил под лопатки:

— А потом мне покажешься!

Ледяная вода колола губы. Руки покрылись бордовыми разводами — на розовой коже тёмные росчерки помады казались шрамами. Фыркая, Машка умывалась, пыталась оттереть стойкую помаду, но от этого лишь распухали губы, а вокруг них жгло натёртую кожу.

Спустя десять минут, когда уже прозвенел первый звонок, Машка появилась перед директрисой — красная, с губищами на пол-лица, но всё ещё улыбающаяся.

— Ужас, — резюмировала директриса. — Больше чтобы я не видела. Иди на уроки.

И Машка пошла на уроки.

На лестнице её поймала за рукав футболки Аяна — все прыщи старшая сестра замазала тёмным тональником и прикрыла пудрой, отчего лицо казалось искусственной маской, но противные прыщики всё равно шелушились и насмешливо проглядывали красными пятнышками. Аяна была злой, как чёрт, глаза её горели чёрным гневом.

— С ума сбрендила? — зашипела Аяна, прижимая сестру к стенке. — Гони помаду!

С трудом выудив ранец, пока Аяна держала её в крепких тисках, Машка вытащила закрытый тюбик и сунула сестре в руку, молясь, чтобы она не стала отвинчивать колпачок. Аяна бросила помаду в карман брюк и, приблизив лицо, буквально плюнула сестре в глаза:

— Дома поговорим. Воровка!

— Прости, — пробормотала Машка, но Аяна уже не слушала — резко развернувшись, она побежала наверх, спеша на свои уроки. Аяна училась в девятом классе, и все знали, что рано или поздно сестра уедет в город к Виктории, тоже зарабатывать деньги и тоже жить красивой жизнью.

Появление Машки встретили аплодисментами — смущённо зардевшись, девочка скользнула на место, пытаясь сдержать тёплую улыбку. Историчка замолотила ручкой по столу, призывая всех к тишине, но натёртые Машкины губы никого не могли оставить равнодушным.

— Угомонились! — рявкнула историчка, разозлившись, и смешки стали сдерживаемыми, а шёпот — едва слышным. Машка вытащила из сумки какие-то тетрадки, дневник и учебники, бросила на парту и выпрямилась, чувствуя себя местной звездой.

Настроение у девочки, несмотря на ядовитый холод директрисы, оставалось прекрасным. Жалко, правда, что помаду пришлось смыть — такие красивые ведь были губы…

В спину Машке невесомо врезался бумажный шарик — отпрыгнул и укатился куда-то под стул.

Склонившись, девочка с трудом дотянулась до бумажки и, спрятав клочок за дневником, осторожно развернула. Историчка вызвала к доске тихую мямлю Леночку Яценко, и теперь та стояла, пытаясь выжать из себя хоть что-то, умоляющим взглядом скользила по одноклассникам.

На вырванном листочке в клетку было торопливо написано: «Молоток, Машка! Крутые губы. Красотка!» — и подпись.

Таня Марычева.

Марычева! Таня была главной красавицей класса — с огромными голубыми глазами, пушистыми чёрными ресницами и струящимися золотистыми волосами, она с самого детства приковывала к себе всё внимание и была главной в классе. Таня Марычева и подруг себе подбирала весьма придирчиво — только самых хорошеньких и весёлых, с кем не стыдно было и вечером погулять, и на вечеринку сходить.

Машка Савкина и Таня Марычева были настолько далеки друг от друга, что почти не замечали, что они одноклассницы. Машка в своих обносках, с некрасивым крючковатым носом и чуть косящими глазами никак не могла попасть в компанию к Тане.

А тут такое!

Обернувшись, Машка посмотрела на одноклассницу с такой признательностью и жалкой улыбкой, что заслезились глаза. Таня, поймав её взгляд, улыбнулась натянуто и показала два больших пальца.

Подавившись хохотом, закашлял сидевший с Таней главный красавец класса, Димка Большаков — пловец, отличник и староста. Машка с недоумением посмотрела на Димку, не понимая, почему он смеётся.

— Савкина! — в очередной раз взорвалась историчка. Кажется, у неё с утра было плохое настроение. — Раз так хочется пообщаться, иди к доске! Ты сегодня и так у нас успела побыть павлином, пошли за пятёркой!

Шутка учительницы была не такой уж и смешной, но класс, изнывающий от невозможности похохотать в голос, просто прорвало — постанывая от смеха, ребята принялись шептаться почти в полный голос. Машка, вновь скупо улыбнувшись, поднялась с места.

Дорога до доски была долгой и неприятной — между лопатками зачесалось противное чувство, в горле пересохло, а ладони, наоборот, вспотели. Мямля Леночка Яценко, выпросившая себе тройку, сидела за первой партой с блаженным лицом.

Встав у доски, Машка неуверенно скрестила на груди руки и спросила:

— А чё отвечать-то?

— Домашнее задание, — кровожадно отозвалась историчка, не давая и подсказки.

— Я не готова, — смиренно призналась Машка, понимая, что выкрутиться не удастся.

Она ждала торжествующего выкрика «Два!», ждала очередной двойки в дневник, вызова мамы в школу (мама всё равно не придёт), ждала нагоняя от Аяны… Но историчка, откинувшись на

стуле, спросила, словно палач:

— А почему ты не готова?

— Не поняла тему, — брякнула Машка и тут же пожалела о своих словах.

— Какую тему? — по классу вновь пронеслось хихиканье. Машка пристыженно молчала.

— Два, — наконец-то резюмировала историчка. — Неси дневник.

Машка доковыляла до парты, схватила розовый дневник с игривыми котятами, на которых блестели стразы из дешёвого магазинчика недалеко от дома. Котята упали на стол перед историчкой. Распахнув дневник, учительница полистала его, с недоумением глядя на незаполненные поля и многочисленные записи красной ручкой, на кровавых лебедей-двоек, замечания…

— Тебе не стыдно? Только сентябрь. Пятый класс, — удовлетворяя любопытство одноклассников, историчка показала всем исчерченный красной ручкой дневник. Класс ненатурально охнул с такой силой, будто Машка кого-нибудь убила, не иначе.

Маша молчала: мяла пальцы, поддевала носком кроссовки задирающийся линолеум.

— Лучше бы об учёбе думала, чем губы малевать. И кем ты будешь с такими оценками?

— Проституткой, — едва слышно шепнул толстый Влад, и все снова захихикали. Слава богу, учительница не услышала, продолжая что-то размашисто писать в пустом дневнике. А вот Машка услышала. Она резко подняла голову и отозвалась:

— Я буду ветеринаром.

— Тогда учиться надо хоть чуть-чуть… Знаешь, я бы хотела побеседовать с твоей матерью. Когда она сможет зайти в школу?

— Она не придёт, — угрюмо отозвалась Машка.

— Ей что, всё равно, как учится её дочь? Ей всё равно на тебя, Маша?

— Нет.

— Тогда она придёт.

— Она не придёт. Нас семеро у мамки, если она ко всем будет ходить… Да и она опять… Не придёт, я ж говорю.

Историчка замолчала, прикусив губу. В классе вновь воцарилась мертвенная тишина — каждый прислушивался к глухому шёпоту Машки и отрывистым репликам учительницы.

— Понятно. Садись, Савкина. На следующем уроке тебя спрошу первой, готовься, — и брезгливо толкнула дневник обратно к девочке.

После урока к погрустневшей Машке подошла Таня Марычева. Глаза у главной красавицы лихорадочно горели.

— Слушай, а хочешь сегодня с нами погулять?

— С вами? — тихо переспросила Машка, боясь, что ей просто послышалось.

— Ну да. Я, Юлька, Димка будет, Федя ещё. Хочешь?

— Хочу.

— Тогда в четыре у вокзала. Договорились?

— Да, — и, уже глядя на удаляющуюся спину, Машка крикнула: — Спасибо!

В груди у неё мигом потеплело.

Когда уроки закончились, а пятиклассники торопливо помчались к выходу, Машка, бегущая со всех ног, едва не врезалась в Аяну — та ждала у раздевалок, скрестив на груди руки и поджав губы. Её суровое лицо не выражало ничего хорошего. На лавке перед сестрой лежала Машкина розовая курточка.

— А где Лидка с Саньком? — окольными путями начала разговор Машка, позволяя Аяне натянуть на себя куртку. В душе девочка молилась, чтобы старшая сестра не заметила сломанную помаду.

— У Лидки семь уроков. Санёк и не появлялся, — глухо сказала Аяна, застёгивая молнию на куртке. — Показывай дневник.

— Давай дома, — Машка дёрнулась, вырываясь из крепких рук, но Аяна не отпускала. — Потом. Меня позвали гулять.

Развернув к себе сестрёнку, Аяна распахнула ранец и вытащила розовый дневник с игривыми котятами. Увидев размашистую красную надпись и огромную двойку, сестра примолкла, а между её чёрными густыми бровями пролегла тяжёлая морщинка.

Маша стояла, потупив взгляд, вслушивалась в дыхание сестры.

— Опять, — рубанула Аяна так, будто ничего другого и не ждала. — И мать в школу.

— Я забыла выучить, — соврала Машка, прищурившись.

— Ты забыла нормальной родиться! — огрызнулась Аяна, возвращая дневник. — Понятно. С историчкой я поговорю, но если ты не исправишь, я из тебя душу вытрясу, поняла меня? Не слышу.

— Поняла.

— Иди давай. Чтобы к пяти дома была.

— Но я…

— Сейчас вообще запрещу.

— Ты мне даже не мама! — вспылила Машка, отпрыгивая в сторону, чтобы тяжёлая рука Аяны не успела отвесить ей пощёчину. — Запрещу, вытрясу! Достала! Отстань ты от меня. Я сама знаю, что мне делать!

— Мерзавка, — утробно прорычала Аяна, но Машка, сорвавшись с места, уже пулей вылетела из школы. Аяна стояла посреди узкого коридорчика, где бледными цветами мелькали широкие банты учеников. Аяна в чёрной блузке с длинными рукавами и в чёрных брюках выглядела среди толпы старухой-смертью. Помолчав, она развернулась и побрела обратно, впереди были ещё два урока и консультация. Училась, правда, Аяна из рук вон плохо, но исправно ходила на все уроки — подавала пример мелким.

Какой могла.

…Машку на вокзале уже ждали — она забежала домой, переоделась в джинсы и вытянутый свитер, а потом примчалась ровно к назначенному времени, ощущая внутри странный, почти незнакомый трепет. Таня Марычева! Да ещё и с Димой!

Машка никогда не мечтала о такой компании.

Да с ней вообще мало кто соглашался гулять — хоть фамилию Савкины носили только Машка да Илья, разговоры о бедности и пьющей матери ударяли по всем

детям без исключения. С ними никто не общался, учителя чаще кричали на непутёвую детвору, а Машке ведь так хотелось дружить со всем миром вокруг…

— Привет! А чего без губ своих? — спросила красавица Таня, и Федя, ещё один одноклассник, противно загоготал. Споткнувшись, Машка замерла на полпути, прижала ладонь к губам, поражённая одной-единственной мыслью — и как она не подумала?! Они ведь наверняка захотели с ней погулять только потому, что сегодня она была такой смелой, такой красивой и заслужила быть рядом с ними…

— Сестра отобрала помаду, — сбивчиво пробормотала Машка, и они все разом засмеялись. Она засмеялась тоже — не зная, над чем и почему, но желая быть вместе с ними.

Вместе.

— Ладно, погнали! Юлька не придёт, — отозвался староста Димка и спрыгнул прямо на рельсы. Они все прыгнули следом, и только Машка осталась на перроне, испуганно топчась на месте.

— Это же не опасно?

— Ты что, боишься? — спросила Таня, глумливо прищуривая глаза. Машка узнала этот взгляд — так всегда смотрела Аяна, когда ей стыдно было за проделки сестёр и братьев.

— Нет, не боюсь, — решительно сказала девочка и спрыгнула на пути. Вся их компания бросилась вперёд, они побежали по шпалам, лавируя между железнодорожными светофорами и стрелками, пытаясь скорее скрыться от чужих глаз. Машка знала, что детям запрещено гулять по путям, но бежала вместе со всеми.

Вместе. Ведь это самое главное, так?

Вокзал в их городе был обшарпанным и вечно пустым — Машка никогда не ездила на поездах, но всегда хотела попробовать. Она помнила, как однажды, будучи совсем маленькой, ходила куда-то с Викторией — в то время за детьми на правах старшей ещё присматривала именно она — и маленькая Машка в предвкушении замирала у путей, дожидаясь поезда. Большой и чёрный, грохочущий и свистящий, поезд пролетал стрелой мимо них, а Машка взвизгивала от восторга…

— Это электричка, — сказала тогда Виктория, крепко держа девочку за руку. — Как трамвай, только быстрый. И ездит далеко.

— Круто, — уважительно отозвалась Машка, огромными глазами глядя на неведомую электричку.

— Если хочешь, то помаши рукой, и пассажиры тебе ответят, — предложила Виктория, присаживаясь на корточки рядом с сестрёнкой.

И Машка принялась махать изо всех сил, приветствуя незнакомых людей из красивой электрички.

Теперь девочка повзрослела, она давно не то чтобы не виделась, а даже и не разговаривала с Викторией, и та электричка из детства осталась лишь счастливым воспоминанием. Потом, много лет спустя, они на вокзале провожали Викторию в новую жизнь — мать

не пошла, она снова была в запое. Петьки ещё и в помине не было, а с больным Ильёй сидела всё та же соседка. Виктория обнимала всех, гладила по плечам, смеялась и обещала, что выучится и найдёт работу, а потом заберёт их всех в большой город, и они будут жить там весело и счастливо.

Аяна сказала чуть позже, что это всё неправда, а Виктория просто подарила глупой малышне мечту. Но мечту маленькой Машке подарила именно Виктория, и Аяна отобрать её уже не могла. Машка теперь обеими руками за мечту эту, иллюзорную и детскую, держалась, надеясь в один прекрасный день забыть и о вечно плачущем Петьке, и о дерущейся Аяне, и о злом Саньке.

Сейчас Машка бежала по шпалам следом за Таней Марычевой, глядя, как солнечные лучи напитывают распущенные волосы одноклассницы сияющим золотом. Далеко позади остались и вокзал, и платформа, и случайные пассажиры, с осуждением глядящие на юных разбойников. Паутина из шпал тоже осталась позади, и теперь ребята бежали по прямой, по одним-единственным рельсам, улюлюкая и хохоча, и Машка хохотала вместе с ними.

Мимо потянулись хилые лесопосадки и безбрежное золотистое море выгоревшей степи — по бокам насыпей торчали облезлые сорняки и чахлые карагачи, всё ещё сохраняющие в серо-зелёных резных листочках летнее тепло. Машка бежала, полной грудью вдыхая запах какого-то прогорклого масла, горной пыли и нагретого за день воздуха, и ощущала себя вдруг такой счастливой, такой бесконечно радостной, что на глазах выступали слёзы, — то ли от восторга, то ли от ветра, бьющего прямо в лицо.

Наконец, их гонка завершилась, и пятиклассники съехали по насыпи под карагачи, замерли там, переводя дух. Таня Марычева глянула на тоненькие золотистые часики на запястье, прищурилась:

— Пять минут. Кто первый?

— Я пойду, — отозвался решительно Димка, приглаживая рукой растрепавшиеся волосы.

— Куда пойдёшь? — глуповато спросила Машка и улыбнулась от уха до уха. Федя снова хохотнул.

— Сейчас увидишь, — отозвалась Таня, и глаза её вспыхнули.

Забравшись по насыпи на рельсы, Димка воткнул белоснежные наушники — его голова мигом начала рвано подёргиваться в такт музыке, стоило только щёлкнуть по иконке в телефоне. Вот так, двигаясь под музыку, он и побрёл по рельсам, смотря вперёд потемневшими глазами.

Лицо его стало бледным и сосредоточенным.

Машка с ребятами отошла чуть дальше и теперь пристально следила за Димкой. В груди у девочки поселилось неприятное чувство — вокруг шепчущаяся ковылём безбрежная степь, полуголые деревья, ветер гонит сухую листву по рельсам. Димка бредёт, ничего не слыша.

— А если поезд? — взволнованно спросила девочка, и в то же мгновение Таня схватила её

за рукав свитера — аккуратно, одними пальцами за самый край, но удержала на месте.

— Тише. Смотри.

Димка шёл вперёд. Воздух вокруг него начал едва уловимо вибрировать, знаменуя приближающийся поезд, и у Машки волоски зашевелились на руках.

— Это же опасно! — брякнула она поспешно, но её оборвал Федя:

— Заткнись!

Позади Димки показался длинный чёрный поезд, грохочущий и приближающийся с каждой секундой. Машка зажмурилась, зажимая себе рот рукой. Таня всё ещё держала её за рукав, и от касания этих тёплых пальцев в любое другое время у Машки бы дыхание перехватывало, но сейчас она слишком волновалась за Димку.

Что они задумали?!

Поезд завыл протяжно — сработал оглушающий гудок. Машинист заметил бредущего по путям подростка и принялся сигналить, предупреждая его. Димка шёл вперёд — спина окаменела, воспалёнными глазами он всматривался в друзей, и Машка, приоткрывшая один глаз всего на миг, подумала, что он смотрит только на неё.

Всё ближе и ближе поезд. Заскрипели тормоза — машинист попытался остановить огромный состав, прекрасно понимая, что уже не успеет.

Машка, не выдержав, закрыла лицо руками, сгорбилась к самой земле. Конечно же, она не могла увидеть, как Федя за её спиной резко махнул рукой, и в ту же секунду Дима отпрыгнул в сторону, сдёргивая с головы наушники.

Поезд, продолжая механически визжать, промчался мимо, обдав Машку тёплым воздухом. Дрожа, она открыла глаза и тут же увидела, как к ним бежит раскрасневшийся Димка.

Живой Димка.

— Блин! — в восторге закричала Таня, прижимая к себе Димку с таким трепетом, словно между ними была настоящая любовь. Димка крепко обнял Таню в ответ. — Всего пара секунд оставалась! Круто!

Димка лишь хохотнул, стирая испарину с покрасневшего лба.

— Я следующий, — вызвался Федя, явно ревнующий к столь восторженному вниманию. Машка стояла в молчании, вытаращив глаза, и ничего не понимала.

Пока Федя карабкался на насыпь, чтобы испытать себя на прочность, Таня, отбросив с лица золотистый локон, объяснила новенькой Машке:

— Мы тренируем сверхъестественные способности. Знаешь, как в фильмах про супергероев. Включаем громко музыку, чтобы ничего не слышать, и идём вперёд, пытаемся почувствовать спиной приближение поезда. Чем ближе от поезда ты успеешь уйти, тем ты круче. Видела, как Димка долго продержался?! Он чувствовал.

— Прямо спиной? — с восторгом спросила Машка.

— Да, — скромно, но мужественно отозвался Димка, пытаясь не расхохотаться Машке

прямо в лицо. Таня врала самозабвенно и так по-настоящему…

— С ума сойти, — пробормотала Машка. Она поверила.

Тем временем Федя, врубив музыку, пошёл вперёд. Даже отойдя в сторону, Машка всё равно видела, как дрожат его руки, как он медленно переставляет ноги, словно пятками хочет почувствовать приближение состава. Прошло минут десять, и поезд действительно появился — грузовой товарняк, мчащийся с немыслимой скоростью. Поезд был таким большим, что маленькая фигурка Феди на его фоне казалась игрушечной, и Машка закусила мизинец, не в силах оторвать взгляд от этой картины.

— А если он не почувствует? — тихо спросила она. — Его же собьёт…

— Не собьёт, — уверенно отозвалась Таня. — Он почувствует. Мы давно тренируемся. Это очень легко.

Пока девчонки говорили, всматриваясь в дрожащего Фёдора, Димка отступил чуть за Машкину спину, готовясь дать другу сигнал к отступлению. Обычно они махали рукой секунд за пять-десять до неминуемого столкновения — и тут вопрос оставался только в том, захочет ли человек на путях проявить геройство или же сразу после знака уйдёт в сторону. Такая прикольная игра немало щекотала им нервишки: вой и гудение поезда за плечами, взволнованные лица девчонок, друзей, бьющий в голову адреналин, восторг…

Сегодня они, увидев в школе ярко накрашенную Машку, решили немного изменить привычный сценарий. Чуть-чуть поиздеваться, подшутить, повеселиться. Поэтому Димка, стоящий за спиной у девочки, и готовился дать знак.

— Страшно, — прошептала Машка.

Поезд всё ближе. Таня подаётся вперёд, в глазах её кипит жажда, ужас напополам с азартом, она разве что зубы не скалит в этом первобытном чувстве. Ещё минута. Скоро…

Не выдержав, Федя бросается в сторону, вскрикнув от страха, — до приближения поезда ещё далеко, но мальчик, по-видимому, что-то почувствовал и, пулей слетев с рельсов, покатился по насыпи, обдирая колени и локти. Машка бросилась к нему, а Дима, готовящийся дать знак, опустил руки. На лице его застыла непонятная гримаса.

Когда Машка подбежала к однокласснику, тот уже поднялся, стряхивая с брюк налипшие камушки. Глубокие царапины на руках сочились кровью, а в глазах у Феди стояли слёзы — слёзы стыда, трусости. Таня подошла неспешно, сорвала несколько вялых и крупных листьев, протянула их, кривя губы. Федя чуть не плакал.

— Всё в порядке? Ты нормально? — взволнованно спрашивала Машка, прикладывая листья к разбитым локтям. Федя вырвал листву из её рук, а в глазах его мелькнул гнев:

— Да заткнись ты! И отстань!

Машка, покраснев и замолчав, сделала шаг назад. Таня стояла

рядом с Димкой, скрестив на груди руки, и оба они будто презирали Федину трусость.

Федя же, отвернувшись ото всех, грязной листвой стирал кровь со своих царапин, морщился, но больше даже не от боли, а от бессилия. Завтра Таня, брезгливо поджимая пухлые губы, примется рассказывать подружкам о том, как Димка спрыгнул в последнюю секунду, бесстрашный и смелый. И как он сам, Федя, малодушно скатился вниз, обдирая локти и колени. Понятно, трус, ведь о приближении поезда и речи-то не было.

— Ну что, Маш, попробуешь? — предложил Димка, только бы сказать хоть что-то, нарушить вязкую и плотную тишину.

— Я? — голос Машки показался неуверенным и робким. Она улыбнулась смущённо и отступила назад.

— Не бойся, — прошептал Димка и шагнул прямо к ней, а потом протянул руки и крепко стиснул её ладони. Сжал их в горячих руках, посмотрел ей в глаза. — Я в тебя верю.

— Да, Маш, ты же такая смелая! Я была уверена, что ты не испугаешься, и поэтому взяла тебя с нами…

Девочка испуганно глянула на Таню — да неужели она сейчас струсит, когда её пригласили в самую главную и самую крутую компанию класса?! Неужели испугается какого-то поезда? Ведь всегда на крайний случай можно поступить, как трусливый Федя, — только Машке никто и слова не скажет, потому что она это делает в первый раз, и ей ведь интересно попробовать, ведь это наверняка так круто…

Да и Димины руки так надёжно согревали её бледные ладошки, что внутри возникло какое-то сладостное чувство, от чего зашумело в голове и…

— Я могу попробовать, — отозвалась едва слышно Машка. — Я попробую. Только у меня нет наушников с собой…

Ребята переглянулись — Таня закусила губу, Федя в стороне тёр листьями разбитые колени, Димка, всё ещё держащий девочку за руки, отвёл глаза. Никто не хотел давать ей свои наушники. Но ведь тогда сорвётся весь план…

— Ладно, — выдохнула тяжело Таня. — Возьми мои. Только аккуратно! Меня мать убьёт, если с ними опять что-то случится…

Машка с благодарностью схватила протянутые ей белоснежные наушники, расправила осторожно в пальцах, воткнула в уши и улыбнулась друзьям.

Не могла ведь она рассказать, что наушники — пожелтевшие, старые, с неработающим правым креплением — в их семье были только у Аяны. Больше никто не мог так слушать музыку; однажды Санёк пытался у Аяны их отобрать, дрался и кусался, но старшая сестра отвоевала право на наушники. Порой она давала их Машке или Лидке, но только под её чутким руководством.

Обычно же они включали музыку на всю громкость. Ревел Петька на своём матрасике, кряхтел инвалид Илья, стучали по батареям соседи.

— Я готова, — произнесла Машка, не двигаясь с места. Ей не хотелось отпускать Димку.

— Удачи, — сказал он, улыбнулся ей во весь рот и отступил.

Машка полезла на насыпь.

Пятиклассники, которые никогда бы не назвали себя Машкиными друзьями, отошли подальше, перешучиваясь и гогоча, как перекормленные гуси. Таня, теребящая в руках локон, рассказывала едва слышно:

— Нет, ну ненормальная… Сверхъестественные способности. Супергерои! И правда, будет ведь пытаться спиной поезд почувствовать.

— Слушайте, а она точно успеет? — давясь смехом, спросил вдруг Дима.

— Успеет, успеет. Ещё поезда не будет, а она уже сбежит, только и видели, — мстительно отозвался Федя, отшвыривая от себя перепачканную кровью листву. Ему отчаянно хотелось оправдать свою трусость, и он никак не мог дождаться того момента, когда сам сможет поиздеваться над Машкой.

Глубоко вдохнув, Машка воткнула наушники в маленький и старый телефон, подарок Виктории перед отъездом. В уши громом ударила музыка — Машка, не желая показаться трусихой, включила звук на полную мощность.

И пошла вперёд, сунув руки в карманы.

До следующего поезда оставалось совсем немного.

— Чокнутая, — хохотнул Федя, глядя, как девочка неуверенно идёт по шпалам. — Как намазалась сегодня, дура, а?

— Да уж, — сказал Димка, присаживаясь на обрубок трухлявого тополя. — Везёт нашему классу на таких.

— А чё вы хотели, — философски изрекла Таня, прижимая ладонь козырьком к глазам. — Они же нищие, и мать алкашка. Откуда там мозгам взяться?

Шаг. Другой. Третий. Машка шла вперёд, пытаясь не ощущать пульсирующую в ушах боль от громкой музыки. Ладони вспотели и задрожали. Воздух странно похолодел, словно бы чувствуя Машкин страх.

Но она шла. Помнила, как смотрели Таня и Димка, когда Федя скатился трусливо с насыпи, сбежал раньше времени. А она, Машка, должна справиться.

Она ведь смелая.

Вдалеке показался поезд — сонный машинист не заметил маленькую фигурку, бредущую по шпалам, склонившую низко голову. Машка шла, сгорбившись, и чувствовала, как вдалеке задрожал воздух, как земля под ногами едва ощутимо завибрировала, как что-то изменилось…

Поезд.

Главное — не бояться. И у неё всё получится.

— Едет, — сказала Таня, привлекая внимание друзей. — Как думаете, через сколько она соскочит?

— Да вот-вот уже, — фыркнул Федя.

— Эх, ребята, чувствую, не

пройдёт она испытание супергероев. И не сможем мы, к сожалению, больше брать её с собой, — с преувеличенной серьёзностью сказал Дима, и все они дружно расхохотались.

Поезд мчался, громыхая колёсами, не сбавлял ход. Одна, вторая, третья шпала — они мелькали перед глазами девочки. Вот тут на древесине расползлось чёрное масляное пятно, а тут у самых шпал пробился запоздалый зеленоватый росток. Машка вышагивала, пытаясь спиной почувствовать приближение поезда.

Ощутить кожей. Учуять что-то по запаху.

Перед глазами стоял Федька, разочарованный и бледный, и Машка закрыла глаза, настраиваясь.

Сонный машинист наконец-то заметил девчонку на путях — дал гудок, чтобы согнать её со шпал, но Машка брела, ничего не слыша. Ближе, ближе, с каждой секундой ближе.

Машка шла. Поезд выл, предупреждая об опасности.

Споткнувшись, девочка чуть не упала, но выровнялась и пошла дальше. Дрожь, звон, вибрация. Уже близко. Скоро…

— Эй, она глаза закрыла, — встревоженно произнесла Таня, и Димка поднялся со своего бревна. Теперь все они вглядывались в бледное Машкино лицо, едва различимое там, вдалеке.

По вискам у Машки текли капельки пота, руки стали ледяными. Сердце стучало в ушах, перебивая даже громовые раскаты музыки. Девочка изо всех сил пыталась почувствовать.

Вот. Уже сейчас, скоро…

Поезд вновь зашёлся гудком, приближаясь и приближаясь с каждым мигом. Машинист, выматерившись от души, сорвал тормоз, пытаясь сделать хоть что-то. Таня и Димка замахали руками, надеясь, что Машка их увидит, но девочка до сих пор шла с закрытыми глазами.

— Маша! — заорала Таня изо всех сил, бросаясь вперёд, но Димка поймал её за руку, не давая вырваться.

Рёв.

Поезд пронёсся мимо, в лицо ребятам ударил пропитанный полузабытым летним зноем и листвой воздух. Все замерли, словно бы играя в какую-то жуткую игру, — окаменевшие статуи с раскрытыми ртами.

Море волнуется раз. Море волнуется два. Море волнуется три…

Мёртвая фигура, замри.

Только вот застыли почему-то ещё живые.

— Господи, мои наушники… — пробормотала Таня и отвернулась, зажимая руками рот. Её вырвало. Страх, сковавший нутро, прорвался наружу вместе со съеденным недавно обедом.

Поезд, тормозящий изо всех сил, замедлял ход — лязгая и постанывая, он напоминал исступлённого старца, который пытался распрямить артритные суставы. Кроме этого жуткого металлического лязга, в воздухе больше ничего не было — рядом зазвенел было последний летний комар, но, не желая отведать застывшей от страха крови, улетел.

— Она же отпрыгнула в ту сторону, да? — жалобно и тихо произнёс Федя, уже не боясь своей трусости. — Она же поднимется сейчас, да?

Димка отпустил Таню и молча полез наверх, на насыпь. Поезд почти затормозил. Таня, едва переставляя ватные ноги, поползла следом за старостой, спортсменом и чьим-то любящим сыном. Федя пошёл за ними, но, испугавшись в последний момент, присел на сваленный тополь.

…В последний миг Машка поняла, что пора — поезд уже пыхтел ей в самую спину, щекотал лопатки тугими струями воздуха. Решившись, девочка наконец-то распахнула глаза, замешкавшись, в какую сторону ей лучше прыгнуть. Улыбнулась, нервная и взвинченная, приготовилась…

Чернота. Поезд пронёсся сквозь неё, погребая детское тело под своим тяжёлым брюхом.

Она не успела совсем чуть-чуть.

ГЛАВА 2
Аяна

Аяна сидела на продавленном диване, покачивая на руках Петьку, и от каждого её резкого движения диван мученически скрипел старыми пружинами. Петька орал — уже не хныкал, не канючил, а орал, вырывался, весь побагровевший от натуги, молотил кулачками старшую сестру.

С самого утра у него болел живот, вздутый воздушным шаром, и Петька справедливо считал, что вместе с ним должны мучиться и все остальные члены семьи.

Только вот до боли Аяны ему не было никакого дела. Боли душевной, не физической — никаких больных животов, только вот внутри засело что-то занозой, колет при каждом вздохе…

Аяна, прижимая к себе брата, на самом деле изо всех сил вслушивалась в происходящее на кухне. Они пришли под вечер — хмурые и невозмутимые, серые какие-то, невыразительные. Спросили у Аяны, где её мама, прошли на кухню, не снимая ботинок, подтянули к столу стулья, сели, принялись говорить…

Из кухни тяжело тянуло табачным дымом, а вот звуков было не различить — слишком громко вопил Петька.

Аяна молчала, покачивала брата на руках.

Как только позвонили из полиции, мать потемнела лицом, но в глазах её возник нездоровый блеск. Аяна в это время пыталась прибраться в большой комнате: уносила в мойку грязные тарелки, сгребала мусор и бутылки в шуршащий пакет, рассовывала по углам грязные вещи…

Мама тогда положила телефонную трубку на стол, замолчала, глядя куда-то в сторону. Глаза её остекленели.

— Что? — спросила Аяна негромко. — Что случилось?

— Машка погибла, — хрипло ответила мать и поднялась с места. Подошла к шкафу, выдвинула ящик, вытряхнула оттуда немного денег. Сгорбленная старая женщина.

— Ты куда? — голос Аяны почудился глухим и едва слышным, девушка что-то продолжала механически собирать в пакет, но едва понимала, что происходит. Мир вокруг неё, казалось, стал слишком резким.

— В магазин.

— Мам, ну сейчас хоть не пей! Пожалуйста! Не сегодня! — в отчаянии вдруг крикнула Аяна, отшвырнула пакет и расплакалась. Мать смерила её презрительным взглядом, будто Аяна снова стала маленькой и глупой девчонкой, которая ни черта не соображает.

— У меня вообще-то горе, — сказала мать и ушла, хлопнув дверью. Вернулась через час с двумя бутылками водки, села на кухне, зажав во рту сигарету, и потерялась где-то там, в клубах сизого дыма.

Аяна больше не сказала ей ни слова. Она всё катала на языке одну-единственную фразу, выжигала ею себя, словно бы надеялась на большой пожар, который сожжёт всё дотла, чтобы ничего больше не болело.

Машка погибла.

Сейчас, когда вечернее солнце едва-едва пряталось за крыши, заливая всё вокруг розовым светом, на кухне сидели оперативники, разговаривали с мамой. Аяна подошла к окну, бережно придерживая Петьку. Тот, наконец-то разомлевший, уже посапывал, раскинув маленькие пухлые ручки.

Остановившись у подоконника, Аяна выглянула туда, в беззаботный и тёплый сентябрьский вечер, где никто, практически никто и не знал, что Машка-то погибла. Маруська… Смешливая, пусть немного глуповатая и наивная, Машка всегда выделялась среди всех них, живущих в этой тесной двухкомнатной квартире на первом этаже обыкновенной пятиэтажки.

Аяна всегда ругала Машку больше всех, потому что где-то в глубине души знала, что если из кого-то и выйдет толк, то это будет Машка. Она всегда была самой доброй, самой чистой и самой искренней.

И почему нельзя было сказать ей об этом раньше, до того, как…

К чёрту.

Перехватив братика одной рукой, Аяна сердито вытерла глаза ладонью. Хватит плакать. Что-то разве изменится?

На улице в футбол играли мальчишки — долговязый Санёк, едва узнавший о несчастье, торопливо пригладил бесцветные волосы и, подхватив мячик, умотал на улицу. Сейчас он носился молнией там, среди ребят, визжал злобно, когда чей-то пас улетал в «молоко», дрался за каждое очко…

Аяна в этот момент его почти ненавидела. Ей вот тоже так хотелось — бросить всё, забыть о мёртвой сестрёнке да пойти гулять к Пашке, они три дня уже не виделись. Гулять по осенним светлым улицам, бродить под белыми фонарями, собирать букеты из сухих листьев, целоваться на каждой лавочке…

А она сидит дома, качает крикливого Петьку, вытирает привычным движением слюни Илье. Запертая, словно в клетке. А Санёк

носится там, пинает мяч, счастливый и беззаботный, будто ничего и не случилось.

Уложив Петьку на матрасик, Аяна накрыла брата одеялом, подоткнула, чтобы не протянуло сквозняком из деревянных окон.

— Последи за ним, — тихо буркнула Аяна Лидке, которая тенью сидела в углу за расшатанным письменным столом и что-то рисовала. С едва слышимым шорохом скользили карандаши по бумаге. Лидка молчала, только дрожали её огромные пышные щёки.

— Слышишь? — рыкнула едва слышно Аяна.

— Слышу, — ещё тише отозвалась Лидка, отложила в сторону зелёный карандаш и взяла фиолетовый, схватила его в кулак, словно хотела сломать. — Да что с ним-то будет…

— Присмотри, — повторила Аяна и, отвернувшись, глянула прямо на Илью.

Брат родился слишком рано; Аяна прекрасно помнила, как мама привезла его домой, крошечного, смахивающего на скрюченную ветку, и оставила плакать на диване. С каждым днём своей невесёлой жизни Илья становился всё более и более странным, всё чаще кричал от боли. Детский церебральный паралич, задержки в развитии, умственная отсталость и ещё стопка диагнозов, бумажек с синяками печатей…

Чаще всего Илья лежал, как сломанная и забытая игрушка. Иногда мама принималась хлопотать над ним: меняла изгаженные пелёнки, разминала скрюченные стопы, гладила худые ноги — сплошь кости, обтянутые кожей… Но потом она забывала о нём, и Илья молча лежал на диване.

Глаза его были беспечны — порой Аяна даже радовалась, что он ничего не чувствует, ничего не соображает. Ему же проще. Но сегодня на Аяну глянули огромные расползающиеся зрачки. Илья выгибался, едва шевелясь, пытался ползать по дивану, а внутри его влажных глаз застыло омертвевшее отчаяние.

Может, что-то он всё-таки понимает?

— Потом, Илюшка, — пробормотала девушка одними губами, приглаживая чуб его длинных каштановых волос. — Не сейчас…

И выскользнула из комнаты, плотно прикрывая за собой ободранную дверь. На миг пальцы задержались на дереве, почти гладя его, а потом Аяна пошла на свет, озаряющий кухню несвежим и искусственным маревом.

— Вы знаете, куда она пошла сегодня после школы? — вкрадчиво и спокойно спрашивал какой-то мужчина.

— Нет, — пьяно отвечала мать, и внутри Аяны поселялось чёрное отвращение от звуков этого искажённого голоса. Язык у матери сильно заплетался.

— Её позвали гулять друзья, — вклинилась девушка, входя на кухню, и все повернулись на её голос. Серые глаза мужчины мигом обдали Аяну холодом, она обняла себя руками, растирая плечи.

Мама, воспользовавшись заминкой, опрокинула в себя стакан с прозрачной жидкостью и зажмурилась, вытирая губы.

— Вы сестра? — спросил мужчина с синей папкой, что-то постоянно пишущий на листках бумаги.

— Да. Спрашивайте, если надо. Я хочу помочь.

— Как вас зовут?

— Аяна.

— Так. Аяна Савкина… — он принялся торопливо записывать, но Аяна резко остановила его:

— Нет. Я Аяна Мамедова. Это Машка — Савкина… Была.

И, наткнувшись на взгляд исподлобья, пояснила:

— У нас разные отцы. Разные фамилии. У всех почти.

— Понятно. С кем Маша собиралась идти гулять? И куда? Что-то говорила?

Аяна рассказала об их последней встрече с сестрой — о дневнике с кровавой записью, о ярко-розовой курточке, о небольшой ссоре. Упомянула и про утро — как директриса отправила Машку смывать яркую помаду.

— Она была какой-то не такой, как обычно? — спросил мягко следователь, глядя Аяне прямо в глаза. — Сильно расстроилась из-за двойки? Переживала из-за вашей ссоры? Из-за случая с директором?

— Да нет, — пожала Аяна плечами. — Двойки она всегда получала, про помаду сразу же забыла. Да и ругаю я их часто — мелкие они ещё, глупые… А мамка пьёт, ей некогда.

— Аяна! — рявкнула мать, приподнимаясь, и снова рухнула на стул. — Что ты…

— Помолчи, пожалуйста, — скривившись, попросила дочь.

— Ты вообще понимаешь, с кем…

— Послушайте, — вмешался второй мужчина с суровым лицом и сросшимися на переносице бровями. — У вас сегодня погибла дочь, а вы надрались до скотского состояния. Даже сказать ничего не можете. Сидите уж лучше смирно и слушайте.

— Да как ты?! — задохнулась мать возмущением, ударила кулаком в стол. Зазвенели стаканы и бутылка. — Как ты можешь?! Я одна всех этих детей воспитываю, я… Одна! Мне тяжело, да! Я имею право…

— Завелась, — устало выдохнула Аяна. — Я пойду. Вы только… Скажите, почему Машка… Маша под поезд попала. Известно?

— Да, — медленно отозвался следователь, будто раздумывая, говорить ли что-то девушке. — Её друзья сказали, что Маша говорила о самоубийстве. Не хотела жить. Сама прыгнула под поезд.

— Нет! — рявкнула мать и зашлась ненатуральными пьяными слезами, подперев голову рукой.

— Не может быть, — пробормотала Аяна, слепо глядя перед собой. — Да Машка бы никогда… У нас немного поводов радоваться жизни, сами видите. Но Машка… Она самая весёлая. Больше всех нас жизнь любила. Она бы сама не стала…

— Разберёмся, — пообещал следователь.

Аяна отвернулась и пошла обратно, чуть пошатываясь, словно сомнамбула. Всё вокруг казалось девушке сном — руки ватные, мир

перед глазами плывёт… Остановившись на пороге детской, Аяна поняла с немым отчаянием, что не сможет сейчас открыть эту ободранную дверь, ощутить въевшийся запах мочи, затхлость и одиночество…

Просто не сможет.

Не сможет увидеть осточертевшего Петьку. Беспомощного Илью.

Она постояла в коридоре, прижавшись спиной к засаленным обоям. На кухне гремели мужские голоса, но мать лишь всхлипывала и звякала стаканом. Аяна знала, что наутро мать и не вспомнит о Машке. Всё придётся рассказывать с самого начала.

Не выдержав, девушка схватила ветровку, сунула сигареты в карман и выбежала в подъезд, прикрыв за собой дверь.

Солнце уже скрылось за домами, но сумерки задержались где-то по дороге к ночи. Прохлада цепкими пальцами пробежалась по асфальту, заодно уколола щёки и мигом залезла под тонкую ветровку. Всё-таки осень.

Сломанная лавка у подъезда была завалена пожухлой листвой. Под резными ржавыми ножками валялся пустой пакет из-под сока.

Аяна села на лавку, скрестила длинные ноги и закурила. Щёлкнув, зажигалка на миг тёплым огоньком осветила её бледное лицо.

Мимо прошла соседка, как обычно, и не подумав поздороваться, — степенная дама в красивом плаще, с объёмной сумкой в руках. Аяна проводила соседку пустым взглядом. Из их квартиры доносились приглушённые голоса, мать рыдала. Высунув лицо в распахнутую форточку, курил оперативник. Увидев Аяну, он погрозил ей пальцем и выбросил бычок на улицу. А потом крепко прикрыл окно, отсекая разговоры.

К лавочке подбежал Санёк, взъерошенный и раскрасневшийся. Короткие шорты и нестираная футболка какой-то футбольной команды (в которых Аяна, конечно, не разбиралась) — Санёк рухнул рядом с совершенно счастливым лицом и протянул сестре руку.

— Чего? — спросила она неодобрительно и затянулась.

— Дай сигарету.

— А ничего тебе больше не дать?

— Жрать ещё хочется. Но сигареты хватит.

— Иди отсюда, — коротко посоветовала Аяна. — Мелкий ещё.

— Дура, — вспылил Санёк, сразу же слетая с лавки, будто она стала раскалённой сковородой. — А ещё сестра называется!

И умчался обратно на футбольное поле гонять свой дурацкий мячик до посинения с такими же безмозглыми пацанами, до которых родителям нет никакого дела. Откинувшись на спинку скамейки, Аяна выдохнула дым прямиком в пустое небо — холод лизнул щёки, а в животе противно заурчало.

Небо наливалось сумраком, тени прятались по углам двора. Прохожих становилось меньше, но все бросали на Аяну осуждающие взгляды: надо же, такая молодая восточная красавица, а

сидит, прижимая сигарету к губам так, будто это священный для лёгких кислород.

Сплюнув, Аяна затушила окурок о лавочку и бросила его на асфальт. Надо возвращаться, кормить Петьку, гладить больные ноги Ильи перед сном. Утром будить всех в школу.

Бедная Машка…

Пару лет назад зимой уже было такое — ужасная трагедия, несчастный случай, все соседи сочувствовали и поддерживали… Потирая плечи, Аяна сгорбилась. Она вспоминала.

Его звали Лёшкой, он был беззлобным и непослушным. Постоянно терял то шарф, то варежки, в столовой съедал еду из чужих тарелок, даже если кто-то уже орудовал там ложкой. Лёша шепелявил, но отлично бегал, и поэтому физрук постоянно защищал его перед остальными учителями, отправлял на всякие соревнования.

Зимой Алёшка свалился с горки, оступился, наверное. Рухнул в сугроб, никто и не заметил. Его нашли уже потом, много позже, замёрзшего, совсем окоченевшего.

Мать тогда пила и плакала. Лидка, совсем ещё крошечная, перебирала на полу кубики. Эта картина врезалась в память Аяны на всю жизнь.

Девушка тогда выплакала все глаза — ей дико было от того, что человек, недавно крутившийся под ногами, может так внезапно пропасть. Умереть. Замёрзнуть.

Она всё ждала, когда Алешка вернётся, чумазый и большеротый, но он больше не пришёл. Первая встреча со смертью была болезненной, брат возвращался лишь в кошмарах, синий и остекленевший, а Аяна плакала, просыпаясь. Ей трудно было принять чужую смерть.

Но Алёшка как-то удивительно быстро забылся — они никогда не говорили о нём, а все вещи перешли к Саньке и неожиданно стали его обычными вещами. В квартире не осталось ничего, что было бы Лёшкиным. Порой Аяна думала, что его и не существовало, — просто приснился лишний брат, да и всё тут.

Теперь и Машку тоже затянет паутиной, вырежет из памяти временем. Жалко. Машка достойна большего…

Запищал домофон, и из подъезда вышли полицейские. Аяна, незаметно для себя закурившая снова, встретила мужчин молчанием. Выпустила дым из лёгких. Стряхнула пепел на асфальт.

— Не маловата ещё для сигарет? — спросил мужчина со сросшимися бровями.

— Не маловата, — отозвалась Аяна спокойно. — Что-нибудь узнали?

— Немного… Вы всегда так живёте, да? Мамка пьёт?

— Пьёт, — согласно кивнула Аяна. — Но нас много. Мы справляемся.

Мужчины присели на сломанную лавку, смели на асфальт листву руками. Сгорбленная Аяна между ними вдруг показалась сущим ребёнком.

— Так нельзя. Понимаешь, что это неправильно? — спросил следователь, заглянул Аяне в глаза. — Мы можем помочь.

— Зачем? — спросила она глухо, снова стряхивая пепел. — В детский дом нас не берут. Мамку опеки не лишают. Заставить её любить нас тоже не могут. Подбрасывают денег, и на том спасибо.

— А соседи?

— А что соседи? Знаете, как они нас называют? Поросль! Как будто мы сорняки какие-то, повылазили из земли и растём сами по себе. А я не сорняк. Я, между прочим, такой же человек, как и все...

— К вам скоро придут из соцзащиты, — сказал второй, почёсывая свою огромную бровь. — Они помогут. Не закрывайтесь только, говорите с ними. Просите всякие бумажки в школе. Поверь, в детдоме лучше, чем с такой матерью.

— А вы откуда знаете? — усмехнулась Аяна. — Жили там?

Он молчал.

— Вот именно, — произнесла Аяна. — Хорошо учить, когда потом вернёшься домой и забудешь нас, беспризорников. Ничего, зато школа жизни хорошая. Выживем здесь — выживем везде.

— А что делать, если не выживете? — отрывисто спросил следователь. — Как Машка ваша, а?

Теперь замолчала Аяна, покусывая обветренные губы.

К ним подбежал Санёк — друзья его расходились, подгоняемые окриками с балконов и звонками на мобильники. Аяна механически отметила, что брат опять рассёк коленку, а на шортах красно-фиолетовые полоски скоро станут просто чёрными от налипшей грязи. Зажав мяч подмышкой, Санёк глянул на полицейских и спросил:

— А правда, что Машку поезд переехал?

— Правда, — отозвалась грубо Аяна. — Чё спрашиваешь?! Сам же знаешь.

— Круто, — сказал Санёк, и глаза его потемнели в поздних сумерках. — А кровищи много было?

— Заткнись! — заорала Аяна и, вскочив, отвесила брату сильный подзатыльник. — Иди домой, живо!

— Не пойду! — тут же ощерился он, оскалив зубы, словно волчонок.

— Саша, иди домой, — спокойно попросил следователь, но что-то вдруг в его голосе, в странных низких нотах заставило Санька вытереть нос ладонью, покрепче обхватить мячик и взбежать по ступенькам. Выстучав код от домофона, мальчик прошмыгнул в подъезд. Грохнула дверь.

— Поговори с соцзащитой, — попросил следователь. — Хуже не будет.

— О, — хмыкнула Аяна. — Будет. Всегда становится только хуже.

И, не прощаясь, пошла домой. На кухне всё ещё горел свет: мама продолжала пить. В подъезде было слышно, как ревёт проголодавшийся Петька.

Выдохнув, Аяна вошла в квартиру.

...На кухне было душно — тяжёлый смрад перегара смешивался с чем-то кислым из мусорного ведра, куда отбросы приходилось

запихивать ногами, с трудом утрамбовывая гниль. Аяна поставила на плиту кастрюльку со смесью для Петьки.

Девушка пыталась делать хоть что-то со всем этим бардаком, но и она была не железной. Главное — это малышня, и о них-то Аяна заботилась, хоть и не всегда получалось. Плохо, видимо, заботилась, раз Машка прыгнула под поезд.

Жалко всё-таки Машку.

Смесь в закопчённой кастрюльке никак не закипала.

— Осуждаешь, да? — вдруг совершенно членораздельно спросила мать, лежащая лицом на столе. Аяна думала, что та спит, налакавшись. — Нен… ненавидишь?

— Нет, — холодно отозвалась дочь, не желая разговаривать с пьяной матерью.

— Врёшь, — прошипела та. — Что я… не могу… когда дочка?..

— Мы тоже сестру потеряли. Но никто не пьёт.

— Мелкие ещё, — выдавила мать.

— Нет. Просто думаем головой. А ты давно не соображаешь ничего.

— Я?! Да я вас одна тяну на шее!

— Тянешь?! — вспылила Аяна. — Иди! Тяни! Вон Петька орёт, голодный! Покорми сына, что ты сидишь в обнимку с водкой?!

— Дрянь, — коротко вымолвила мать, поднялась со стула и, шатаясь, ушла в свою комнату. По лицу у неё текли слёзы.

Что, проняла всё-таки Машкина смерть?

Смесь в кастрюльке закипела, пузырясь, потянуло гарью. Аяна, ругаясь, торопливо сняла её с огня, остудила, залила в замызганную бутылочку.

В детской обосновалась ночь — горела лишь лампа со старым грязным абажуром на столе. Лидка, сгорбившись, всё ещё рисовала. Санька, раздевшийся до трусов, забился в дальний угол дивана и теперь там беззаботно посапывал. Илья выставил вверх худые локти. Петька, наревевшись, лишь тонко всхлипывал, мокрый от слёз.

— Иди сюда, — Аяна взяла его на руки, прижала к губам бутылочку, и Петька жадно принялся сосать безвкусную смесь.

Лидка встала, выключила последний светлячок на столе. Стянула с себя брюки и бесформенный свитер, оставшись почти голой в безжалостном фонарном свете, что бил в окна, — низенькая и безобразно толстая сестра напоминала перетянутую верёвкой колбасу.

На такую колбасу Аяна всегда смотрела в магазине, прежде чем взять безвкусные бумажные сосиски. Колбаса казалась очень вкусной, а Лидка была просто уродливой.

Натянув через голову бледный саван рубашки, Лидка скользнула на матрас под окном, накрылась простынкой и притихла. Прошло совсем немного, а простынка вдруг задрожала жалобно, раздались тихие всхлипы.

Каждый переживал пропажу Машки по-своему.

Петька, насосавшись смеси,

срыгнул и уснул прямо на руках. Уложив его на матрасик, Аяна без сил упала на скрипучий диван, набросила сверху одеяло, закрыла глаза.

…Спустя час встала осторожно, пытаясь никого не разбудить. Прошлёпала на кухню. Сон никак не шёл. Щёлкнул выключатель, свет больно ударил по глазам. На столе замерла опустошённая прозрачная бутылка, в компании с ней стояли два стакана, блюдце с солёными огурцами и заплесневелый хлеб.

Скользнув на стул, Аяна скрестила на груди руки. Девушке до отчаяния хотелось поправить Машкино одеяльце, пригладить осторожно ладонью топорщащиеся светлые волосы. Без Машки было как-то странно — будто исчезла важная часть из её, Аяны, жизни. Выдрали с корнем, оставили зияющую пустоту.

И теперь эта пустота отравляла всё вокруг.

В углу сложили вещи — Аяна встала со стула, а затем села прямо так, в одной ночнушке, на грязный и липкий пол, поджала под себя ноги. От холода по коже пробежали мурашки, но Аяна даже не почувствовала этого — полицейские принесли джинсы и свитер, заляпанные кровью. А ещё кулончик — маленький и позеленевший, облезлая птичка на ветке. Страшный до жути — пучеглазая и дешёвая птица без крыла, почерневшая цепочка.

Машка всегда носила эту птичку, не снимая. Как-то мама, то ли расчувствовавшись, то ли желая потратить сдачу с бутылок, купила Машке этот кулон. Для девочки копеечная безделушка стала самым счастливым подарком.

Аяна долго сидела, сжавшись в комок, держа кулон в руке. Потом, разозлившись неведомо на что, швырнула его в мусорное ведро и расплакалась, зажимая рот рукой…

Сколько она проплакала, сидя на холодном полу на кухне, она и не знала. Храпела за стенкой мама, в детской было тихо. Притащив на кухню забытый в коридоре маленький ранец, Аяна принялась вытаскивать из него вещи, перекладывая в одну стопку учебники, в другую — всякие безделушки. Зеркальце от пудреницы, моток ниток, скрепки, жёлуди, обёртки от карамели, пёрышки… Тетради Аяна сразу выбросила в мусорное ведро.

В руках остался лишь дневник — розовый, с игривыми котятами на обложке. Аяна распахнула его, пролистнула наугад — пустой. Весь пустой. Учебный год только начался, сентябрь на дворе, и, кроме записей о плохой успеваемости и безобразном поведении, там ничего не было. Белые странички без единой буквы.

Нерастраченная жизнь.

Дневник тоже улетел в мусорное ведро. Набросив ветровку на ночную рубашку и натянув брюки, Аяна подхватила его и пошла на улицу. Спать всё равно не хотелось.

Уже в подъезде она нащупала что-то странное в кармане брюк — какой-то твёрдый и продолговатый предмет. Поставив ведро

на ступеньки, Аяна вытащила вещицу, всмотрелась в неё. Тусклый свет закопчённой лампочки в подъезде проигрывал ночному мраку по всем фронтам.

Но и этого света было достаточно. Аяна сжала вещицу в руке, крепко сжала, до хруста костяшек. Зажмурилась, привалилась к стенке, чувствуя, что ноги почти не держат.

Помада. Багровая помада, которую Машка утащила у старшей сестры, а потом густо намазала ею губы. Перед глазами возникло Машкино лицо — бледное и пучеглазое, где выделялись ярким пятном распухшие губы.

Аяна вспомнила испуганные глаза сестрёнки, когда та оправдывалась из-за сворованной помады. Аяна вспомнила и злость, и ненависть, и грубые слова. «Воровка!»

Аяна вспомнила всё. И это было невыносимо.

Не понимая, что делает, девушка открыла помаду, посмотрела на кривой слом, поблёскивающий в тусклом свете. Машка, наверное, до смерти боялась того мига, когда Аяна обнаружит испорченную помаду. Боялась злости, криков, болезненных пощёчин.

Только вот злости в Аяне больше ни на грамм не было. Проведя багровой краской по губам, девушка бросила помаду в мусорное ведро — хорошая была помада, да и обломком ещё можно было бы красить губы… Только вот теперь помада всегда будет напоминать о сестрёнке, которая сегодня (или вчера уже?) так глупо погибла.

Прыгнула ли Машка под поезд из-за этой несчастной помады?

Аяна надеялась, что нет. Не прыгнула.

Во мраке подъезда криво накрашенные губы казались чёрными. Нагнувшись вдруг к ведру, девушка воровато вытащила из него уродливый кулон с птичкой и сунула к себе в карман.

— Машка… — прошептала в ночную тишину Аяна, чувствуя, как всё дрожит внутри. — Что же ты, Машка…

Подъезд не ответил.

Тишина.

ГЛАВА 3
Санёк

За окном бушевала вьюга — колкий снег россыпями бил в стёкла, студёный ветер задувал в каждую щель растрескавшихся деревянных рам. Будильник, противно бьющий по мозгам, никак не затыкался.

— Янка! Выруби! — гаркнул Санёк, пытаясь хоть куда-нибудь спрятаться от мерзкого звука. Будильник продолжать пищать.

Рыдал Петька — и откуда только в таком крошечном тельце есть силы орать без перерыва?! Кряхтел рядом Илья, дёргался, ударяя светлыми пятками по ногам Саньки.

— ЯНА! — заорал взъерошенный и заспанный Санёк, садясь на диване.

Аяна, одетая в толстый замызганный свитер прямо поверх ночной рубашки, вошла в комнату.

Бледная и худая, с пылающими глазами, она походила на растрёпанную ведьму.

— Чего орёшь? — спросила Аяна неласково, подняла крикливого Петьку и заткнула ему рот соской на детской бутылочке. Петька сразу же принялся жадно есть. — Сам бы встал и выключил. Я еду греть пошла.

— Могла бы и будильник с собой взять, — огрызнулся Санёк, сползая с дивана.

— Ничего больше не сделать вам?! — вспылила Аяна. — Я и так тут как нянька, домработница и надзирательница — три в одном! Хоть один бы из вас что-то сделал: Петьку покачал или Илье памперсы поменял! Только орёте, достали уже!

— Не вопи, — фыркнул Санёк, напяливая на себя грязные джинсы с дырами на коленях.

— Да пошёл ты! — крикнула Аяна и перехватила Петьку покрепче. — Уроды вы, а не родственники!

Лидка, по обыкновению молчаливая, собирала в рюкзак свои тетрадки. Последние учебные дни перед Новым годом были спокойными: в школе царила радостная суматоха, повсюду висели дохлыми гусеницами пушистые гирлянды, в фойе стояла наряженная ёлка, и даже учителя были расслабленными и весёлыми. Только вот ходить в школу всё равно надо было, а ведь так хотелось поспать…

— Заплести тебя сегодня? — спросила Аяна у Лидки, отвернувшись от невыносимого Саньки. Петька, почти доевший свою кашу, с чавкающим звуком теперь высасывал воздух из бутылочки.

Лидка, уже одетая и всё ещё лохматая, лишь скользнула взглядом по Аяне:

— Нет. Не надо.

— Как хочешь, — Аяна набросила на плечо полотенце, прижала к себе Петьку, погладила его по спинке. Снова глянула на Санька: — Хоть сегодня дойди до школы. Я говорила с Грымзой. Если ты опять не появишься, тебя вышибут.

— Не имеют права, — выпятив нижнюю губу, беззаботно отозвался Санёк. Он искал какую-нибудь футболку в наваленной горе несвежих детских вещей.

— Всё они имеют. Опять будешь не аттестован — останешься на второй год. В седьмом классе, как дебил какой-нибудь. Тебе это надо?

— Отвали.

— Хоть раз послушай, — процедила Аяна. — У психиатра на учёте, в полиции на учёте… Ещё и второгодником будешь, да?

— Захочу и буду. Моя жизнь. Ты мне не мать.

Аяна вспыхнула. Уложив икающего Петьку на матрасик, она скомкала в ладонях перепачканное полотенце и поднялась, не зная, что сказать. Да, она не мать им. И Виктория им матерью не была, но её они порой слушали — старшая сестра всегда умела найти подход к каждому, а нотации Аяны все пропускали мимо ушей.

В комнату заглянула мать; её распухшее и бледное лицо, напоминающее блин луны, на котором в

складках кожи утопали заплывшие глаза, было совсем незнакомым.

— Чё горланите? В школу что, не надо?

— Надо, — тихо сказала Лидка и прошмыгнула к матери, как бродячая кошка, ластясь под руку.

Мама была трезвой — вокруг неё стоял удушающий запах перегара, но глаза оставались ясными. Обняв дочку одной рукой, другой мама взъерошила Лидкины волосы. Девочка прижалась крепко-крепко, зажмурилась, запоминая этот момент.

Аяна, успевшая переодеться в платье, расчёсывала волосы. Они всегда были гордостью девушки — тяжёлые, густые и блестящие… Расчёска застревала зубчиками в спутавшихся за ночь прядях, и Аяна фыркала, пытаясь выдрать волоски.

— Саш, всё нормально? — спросила мать, которую до сих пор обнимала Лидка.

— Всё просто прекрасно, — буркнул Санёк, просочился мимо них, накинул куртку и выскочил из квартиры, хлопнув дверью.

— Чего это с ним? — глуповато спросила мама.

— Переходный возраст, — отозвалась Аяна, ещё раз проходясь пудрой по воспалённому, с прыщиками, лицу. — Буянит. Его обещают из школы выгнать, мам. Сходила бы ты.

— Схожу, — простодушно кивнула мать и клюнула Лидку в макушку. Лидка расцвела, улыбнулась.

— Поменяй Петьке памперсы, я опаздываю. Тамара Васильевна скоро придёт, — Аяна торопливо закинула косметичку в сумку, пригладила волосы, а потом, чуть замешкавшись, неловко обняла Лидку с мамой.

— Поменяю, конечно, — фыркнула мама. — Я же мать всё-таки. Где там мой Илюша?

На пороге Аяна обернулась, наматывая на шею толстый вязаный шарф. Мать, склонившаяся над Ильёй, ворковала тихонько, гладила его щёки, а Илья улыбался во весь рот, дрыгал ногами и тянул худые руки к матери, цеплялся за неё пальцами, словно утопающий.

Они нечасто могли поболтать с трезвой матерью, это всегда становилось настоящим праздником. Куда уж там какому-то Новому году?

Лидка оставалась в детской — мялась смущённо возле матери, словно надеялась подобрать ещё хоть крупинку её ласки, редкой, но желанной до боли. Аяна не стала окликать сестру — обулась и выскользнула из квартиры, прикрыв за собой дверь.

В подъезде было тепло — теплее, чем в их квартире, и Аяна постояла, согревая озябшие ладони. В полумраке первого этажа стоял дивный аромат: кто-то варил фаршированные перцы, немного томатной пасты, говядина с рисом… Заурчал недовольно желудок, и девушка надавила на живот кулаком, зажмурилась, прогоняя мираж.

Улица встретила её вьюгой.

Пашка сидел на сломанной лавке, вычерчивал в снегу иероглифы сломанной берёзовой веткой. Толстую шапку он надвинул на самые глаза.

— Привет, — окликнула его Аяна.

— Привет, — отозвался он и улыбнулся, глянув на Аяну так, словно она была сокровищем.

…Сашка шёл в школу — он не появлялся там уже несколько недель, да и теперь не горел желанием идти. Но Аяна ведь убьёт — сегодня Грымза опять нажалуется, а сестра примется лупить его, и по телу цепочкой побегут синяки, чёрно-жёлтые…

И зачем мамка вообще нарожала столько детей?!

Инвалиды, малолетки, чокнутые сёстры… Санёк ненавидел их всех, дрался до крови, шипел, обнажая зубы, сбегал, стоило только появиться хоть малейшей возможности. Летом жил в полуразрушенном домике в заброшенном саду — по ночам они там с друзьями жгли костры и жарили накопанную неподалёку картошку, воровали сладкие яблоки и купались в холодной реке.

Летом было хорошо. Но сейчас стоял студёный декабрь, и ночевать приходилось дома. Санёк приходил позже всех и сразу же заваливался спать: поесть всё равно было нечего, крикливый Петька выедал мозг, а это бревно, Илья, и вовсе лежал бесполезным куском мяса…

Дома плохо. Повсюду пахнет гнилью, стены изгвазданы непонятно чем, кухня заросла мусором. Вечно шастают мамкины ухажёры, которые пристают к Аяне, а она запирается в детской и плачет, мешает ему спать.

Мамка пьёт. Сколько Санёк себя помнит, столько она и пьёт — и когда он родился, и когда был маленьким, и когда вырос уже. Пьяная мамка была ему отвратительна. До дрожи, до ненависти, до скрипа зубов.

Санёк навсегда запомнил ту ночь, когда он почти решился… Жаркое лето, мальчику не спится — на диване, съёжившись, дремлет Аяна, положив ладонь на лоб Илье. Петьки тогда ещё не было.

Санёк поднялся, ушёл на кухню, хлебнул из мамкиной открытой бутылки — едкое пойло обожгло нутро, и Сашка закашлялся, отшатнулся, зажимая рот ладонью. На глазах выступили слёзы: то ли от водки, то ли от ненависти.

Мамка пила весь вечер — к ней зашла подруга, потом ещё одна, затем нагрянула целая толпа мужиков… До поздней ночи они орали, били бутылки, кто-то даже подрался. Санёк сидел за учебниками под бдительным надзором старшей сестры, шмыгал носом, когда вредные примеры никак не хотели решаться, рвал ручкой бумагу, швырялся книгами. Прислушивался к гостиной — крики, хохот, звон стаканов. Стоны.

Незваные гости ушли далеко за полночь, мамка давно уснула. Санёк не понимал, почему она пьёт. Почему она такая?

Злость кипела, выжигала внутри дыры. Не зная, что делать, от отчаяния Санька схватился за нож — тот валялся в раковине, грязный, остро пахнущий луком. Сашка стиснул нож в руке.

Он её убьёт. Пускай их отдадут в детдом, пускай заберут куда-нибудь, даже посадят, только

бы никого из сестёр и братьев не видеть, только б не слышать пьяного бормотания матери, только бы каждый день в школе Саньке не напоминали, что он сын алкашки…

Нож дрожал в руке.

Шаги. Вспыхнул свет.

— Сыночка, ты чего тут?

Она была ещё пьяной, шаталась и жмурилась, улыбалась криво. Мерзкая. Нож в руке стал ледяным, заколол пальцы.

Сашка отвернулся.

Она подошла сзади, обняла за плечи, поцеловала куда-то в макушку. У мамы были тёплые руки. Эти руки гладили и ласкали. Любили. Сашка всхлипнул, хватаясь за них, скривился.

Осторожно, чтобы она не заметила, положил нож обратно в мойку.

…Сейчас, пробираясь сквозь сугробы, Санёк отчаянно не хотел вспоминать эту ночь — злость, отчаяние, безнадёгу. Материнская скупая и редкая нежность. Его слабость. Кроссовки вязли в снегу, пальцы сводило от холода, но Сашка был к этому привычным.

Ему всё равно нужно гулять до ночи. Ничего, потерпит.

Интересно, получится сегодня в столовой стащить тарелку у кого-нибудь и поесть горячей каши? Было бы круто.

— Санёк! — прогремел неподалеку радостный возглас, и Сашка обернулся.

Игорь бежал по сугробам, размахивая шапкой, которую стянул с лысой головы.

— Здорово, брат! Чё, в школу собрался?

— Да надо бы зайти, — лениво отозвался Санёк. — Достали.

— Эх, везёт тебе, — фыркнул Игорь, засовывая шапку в карман. Рыжие фонари ничуть не разбавляли утреннюю тьму, мороз щипал щёки, но друзья стояли, весело глядя друг на друга. — Меня мать запилила уже. Сказала, что если я хоть одну пару в четверти притащу, она меня отдаст в какой-то интернат. Да и отец убьёт. А тебе хорошо…

— Зашибись просто, — отозвался Санёк и насупился. — Пошли. А то реально сдадут тебя в тюрягу, как дебила. Один буду прогуливать.

— Не в тюрьму, а в интернат, — поправил Игорь и ткнул друга в плечо. — Придурок.

Медленно кружились сероватые, словно пух, снежинки, облетали с горящих фонарей, Санёк щурился, оглаживал топорщащиеся волосы, словно пытался растереть озябшую голову. Мальчишки шли, продираясь сквозь нанесённые за ночь снежные барханы, и болтали.

Болтали о какой-то чепухе, о жизни, о школе. Игорь рассказал, что историчка окончательно ушла — сначала она пропала в бесконечном отпуске, потом была на больничном, а теперь и вовсе уволилась. После того случая с Машкой она стала молчаливой, часто сидела и пусто глядела в окно, молчала, пока класс перешёптывался и хихикал над ненормальной.

— Туда ей и дорога, — сказал Санёк, ничуть не расстроившись.

Его вообще мало что расстраивало. Выяснилось, что Катька

из девятого класса залетела, и теперь над ней ржут всей школой. У первоклассника пару дней назад в столовой носом пошла кровь, и всё вокруг было перемазано багровой жижей…

— Прикинь — тарелки, стены, пол! Всё в кровище! Он упал и плачет, его директриса поднимает, а он барахтается и размазывает всё вокруг! Жесть! Как в фильмах ужасов!

— Может, надо всё-таки заходить иногда в школу? — с ухмылкой спросил Санёк, и они расхохотались довольно.

В школе у поста охранников стояла директриса — кутаясь в коричневую шаль, она приветствовала учеников, болтала с учителями, ругалась о чём-то с поварихами, которые прибегали к ней, трясли бумажками… Сашка стянул куртку в раздевалке и затаился там, словно дикий зверь в засаде, выглядывал через частокол вешалок. Ждал, когда директрису отвлекут, — ему нужно было незаметно пробежать наверх, в кабинет, чтобы не нарваться на очередные нравоучения.

Там, в логове из чужих пуховиков и курток, Санёк чувствовал себя на удивление спокойно — тихо, тепло, полумрак. Лечь, что ли, поспать прямо тут, в уголке?

В раздевалку зашла одноклассница Лада, симпатичная и надменная хорошистка с крупной родинкой на щеке. Санек обожал глаза Лады — огромные и медовые, светло-карие, наполненные лёгкой дымкой.

Столкнувшись с ним взглядом, Лада удивлённо приоткрыла рот. Глаза её вспыхнули каким-то странным огоньком.

— Да ладно, — насмешливо протянула она, вешая свою яркую куртку на крючок. — Какие люди. Ты заблудился?

— Очень смешно, — буркнул Санёк, отводя глаза, хоть ему и хотелось смотреть прямо на неё, на этот ехидный блеск медовых глаз. — Отвлеки директрису лучше.

— Ещё чего, — отозвалась Лада и выпорхнула из раздевалки.

— Ну и пошла ты, — злобно прошипел ей в спину Санёк. Игорь (а ещё друг называется!) тоже умчался в класс, не подумав даже, чем грозит его приятелю встреча с директрисой.

Та замерла истуканом на посту, вглядываясь в каждого ученика, как рентген, — при встрече с ней все, даже отличники, втягивали голову в плечи, опускали глаза и ускоряли шаг. Дождавшись, когда директриса примется за очередные бумажки, принесённые завучем, Санёк пулей вылетел из укрытия и со всех ног бросился к лестнице, надеясь, что сможет проскочить.

Его остановили рывком — одним-единственным, резким и сильным. Пальцы с кроваво-красными ногтями схватились за воротник футболки. Крепко схватились, аж ткань натянулась и затрещала.

Санёк замер — всё-таки нарвался. Оборачиваясь, он прекрасно знал, что увидит усталое лицо с тонкими нитками бровей, желтоватые зубы в капкане из тёмных губ — и глаза. Те глаза, в которых застыла его собственная, Саньки, смерть.

Он как-то сразу уменьшился в размерах, сгорбился, словно бедная сирота, отвёл в сторону прозрачные глаза, мигом наполнившиеся слезами. Рука директрисы всё ещё держала его, словно нашкодившего котёнка, пока женщина торопливо ставила росчерки в документах.

Санёк принялся шмыгать носом. Проходящие мимо младшеклассники толкали друг друга, шептались противно, хихикали.

— Ну что, Александр Косяков, решил явиться?

— Ну, я пришёл же… — заныл едва слышно Санёк, пытаясь вырваться, но директриса держала крепко.

— Пришёл, пришёл. Идём, побеседуем.

В кабинете было очень холодно — светлые стены, белый свет с потолка, огромный колючий кактус в кадке. Поставив Сашку напротив стола, директриса устроила ему фирменный допрос. О чём он думает? Хочет остаться на второй год или сразу вылететь вон? Или тюрьма будет ему лучшим домом? Почему она, директриса, вынуждена постоянно встречаться с ним в полиции, а в школе этого балбеса не дождёшься? Понятно, что мать пьёт, семья многодетная, но он-то сам, Александр, о чём думает?

И, самое главное, чем?

Отвечая односложно, Санёк чертил кроссовкой кривые узоры на директорском ковре. Прежняя классуха всегда предлагала им «сходить и посчитать розы на ковре у директора», когда они совершали очередную глупость, били кого-то или рвали учебники.

Роз было семнадцать.

Лицо мальчишки вытянулось, налилось мертвенной бледностью, сгорбленный Сашка сейчас олицетворял собою типичного ребёнка пьющей матери. Ребёнка, у которого никогда не было отца. Который одевался в футболки, не стиранные месяцами, руки которого почернели от грязи, а под ногтями скопились серо-сизые ободки. Санёк шмыгал носом, голос его дрожал.

— Я всё понимаю, — произнесла директриса сурово, сняв очки. — В жизни всегда будет тяжко, я тебя уверяю. Но ты должен — слышишь? — должен получить хоть какое-то образование, хоть какой-то документ. Иначе у тебя не будет работы. Как ты будешь жить?

— Я не знаю, — шепнул Санёк и вытер глаза грязной рукой. Маленький испуганный мальчишка.

— Я могу помочь, — сказала директриса. — Только дай мне это сделать.

Санёк молчал.

Вышел он из кабинета после звонка на первый урок — школа уже погрузилась в утреннюю сонную тишину, в учительской кто-то торопливо стучал пальцами по клавиатуре, секретарь перебирала папки. Санёк прошмыгнул мимо, прижался лопатками к двери и, криво ухмыляясь, вытер влажные щёки.

Играть в бедного и обиженного жизнью мальчонку он научился давным-давно. Работало

даже с директрисой, этой дурой, которая постоянно вытаскивала его из полиции, из больниц, с передержки, — даже она не могла сдержаться, когда он стоял, белобрысый и потерянный, и плакал.

Они ничего о нём не знают. Никогда не поймут. И помочь ничем не могут.

У детской рекреации ждал Игорь — щёки у него побагровели, пошли пятнами. Он вздрогнул, когда хлопнула дверь, и улыбнулся неуверенно, заметив хищное Санькино лицо.

— Ну, чё она? — спросил друг.

— Знаешь, чего мне сейчас хочется? — недобро спросил Санёк, сжимая и разжимая кулаки. — Поиграть в телефон.

— У меня нет, — развёл руками Игорь. — Мать забрала, коза. Сказала, пока не исправлю матику, она не отдаст.

— Тогда давай поищем сами, — со злобной ухмылкой сказал Санёк.

На лестнице рядом с ними раздались торопливые шаги — это бежал первоклассник, опаздывающий на урок. Маленький и худой, с большими тёмными глазами, он замер, словно олень на дороге, озарённый фарами стремительно приближающегося автомобиля — взглядами старшеклассников.

Санёк снова ухмыльнулся и сделал шаг вперёд.

…Первоклассник врезался спиной в стену и пискнул испуганно, но Санёк мигом зажал ему рот рукой. Они стояли у перехода в школьный бассейн, где раньше на физкультуре ученики обречённо взмахивали руками и лупили по воде ногами, а потом принимались брызгаться и топить друг друга под громовой рёв физрука.

Сейчас здесь было пустынно и тихо: бассейн давно закрыли из-за неполадок с водой. В полумраке, сочащемся из окон, замерли два семиклассника, держащие тщедушного мальчишку. Первоклашка, которого схватили за лацканы чёрного пиджачка, молотил в воздухе ногами, но молчал и только пучил глаза, в ужасе глядя на Санька.

— Тихо, — почти ласково произнёс тот. — Убью, если заорёшь. Понял?

Первоклассник заверещал прямо в ладонь и принялся вырываться в три раза сильнее.

— Вот тупой, а, — с садистским удовольствием произнёс Игорь и изо всех сил ударил мальчика под дых.

Тот скрючился от боли, и в тот же миг Санёк его отпустил — шагнул назад, разжимая ладони, а первоклассник мешком рухнул на пол, кашляя и задыхаясь. Дрожа, он поднял глаза на друзей — Игорь прижал палец к губам и покачал головой.

— Что вам надо? — едва слышно спросил первоклашка.

— Телефон. И всё, — ответил Санёк.

— У меня…

— Заткнись и не ври, — Сашка присел рядом на корточки, подцепил пальцами подбородок, посмотрел прямо в лицо. — Тебе больно, что ль, сделать?

— Очень больно, — довольно всхрюкнул Игорь.

Скривившись, первоклашка зарыдал, достал из красивого новенького ранца небольшой мобильник. Санёк выхватил его, повертел в руках, примеряясь. Разблокировал, пролистал список игр и довольно улыбнулся.

— Вот так. И не страшно, да? — спросил Игорь, похлопывая мальчишку по плечу. — Только брякни кому-нибудь. Убьём.

Первоклассник испуганно закивал, делая маленький шажок к выходу. Его испуганные глаза повлажнели, губы дрожали, мальчик весь сжался от страха. Санёк, сунув телефон в карман, присел рядом:

— Понял? Попробуй, пискни. И мы тогда...?

Первоклассник молчал, глядя в льдистые глаза, резавшие его на куски.

— Не слышу, — прорычал шёпотом Санёк.

— И вы меня… убьёте… — заикаясь, сказал мальчишка. Он уже пошатывался, грозя вот-вот рухнуть в обморок от страха.

Санёк снова улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

— Молоток. Вали теперь.

Кивнув, первоклассник пошёл обратно — медленно, осторожно, словно боялся упасть. Санёк разблокировал телефон и нажал на иконку первой игры.

— Как думаешь, расскажет? — задумчиво спросил Игорь.

— Уверен, — буркнул Санёк, уже принявшийся собирать арбузы и виноград, расстреливать фруктовых чудовищ.

— Слушай, давай хоть на матику сходим, — жалобно попросил Игорь. — Правда же, мамка убьёт, а отец закопает…

— Слабак, — фыркнул Сашка.

Но на математику они всё-таки пошли.

Сбежали после четвёртого урока — забрали куртки из раздевалки, прошли мимо молчаливой женщины на вахте, которая глянула на ребят с осуждением. Едва оказавшись на крыльце, Санёк закурил — украл несколько сигарет из пачки у Аяны, а спички стащил у матери. Сигарета дрожала в его худых пальцах, мгновенно побелевших от стужи.

Пока Санёк прогуливал, отираясь по улицам, в школе ввели бесплатные завтраки — теперь всем, чьим родителям было плевать на питание детей, полагалась какая-то там дотация в двенадцать рублей. На эти деньги накрывали пустые столы, где на каждой тарелке засыхала ложка холодной каши, а рядом детей дожидался несладкий чай.

На завтрак пришли и Аяна, и Лидка, и некоторые Сашкины одноклассники. Санёк, не веря ещё своему счастью, торопливо съел всю порцию, чтобы никто не успел отобрать, — вдруг ошибка какая-нибудь? Его никогда просто так не кормили.

Запил чаем, обжигаясь, съел кусок белого хлеба. Игорь, сидящий рядом, тарелку с пшёнкой брезгливо отодвинул — Сашка съел и её, сноровисто орудуя ложкой.

Злобная классная руководительница Грымза, старая, с

растрёпанным пучком седых волос, ходила между столами, пододвигала чай к ребятам, раздавала ложки. Саньку уже пришлось выслушать нудную и долгую лекцию от учительницы (да, от директора влетело куда круче), а поэтому он не обращал на Грымзу никакого внимания.

Она замерла над ним, словно грозовая туча, заслонившая солнце. Санёк, грызущий очередной кусок хлеба, глянул исподлобья.

Стукнули о стол сразу три тарелки с кашей, на каждой лежало по ломтю хлеба — Грымза поставила еду перед Сашкой, отошла и снова вернулась с чаем. Придвинула поближе.

— Ешь, — сказала грубовато, отвела глаза.

Санек накинулся на еду.

Когда с кашей было покончено, а столовая почти опустела, мимо прошла Аяна — строгая и статная, она отбивала гулкую чечётку каблуками, скользила равнодушным взглядом по незнакомым лицам. Лицо её снова было расчёсано до крови, и багровые прыщики были Сашке омерзительны.

Остановившись рядом с братом, Аяна сунула ему что-то в руки и, ни слова не говоря, пошла дальше. Санёк присмотрелся — в руках лежало пирожное, обычная корзинка с бледной варёной сгущёнкой. Видимо, Аяна наскребла где-то немного мелочи и купила ему сладкого.

Обернувшись, Санёк хотел окликнуть сестру, но её уже и след простыл. Развернув целлофановую обёртку, Сашка проглотил пирожное целиком.

Когда они с Игорем сбежали — ну, как сбежали, просто спустились по лестнице и спокойно вышли на улицу — холод стиснул им грудь обручем, вырвался изо рта паром, напополам смешанным с табачным дымом. Солнце, высокое и бледное, совсем не грело, ясное небо будто промёрзло изнутри.

— Куда пойдём? — спросил Игорь, натягивая шапку.

— Гулять, — отозвался Санёк и спрыгнул с крыльца.

Сияющие сугробы вызывали в Саньке неведомую злость — он пинал их, расшвыривая снег по сторонам, скалился с ненавистью. Блестит, искрится... Да чёрт бы с ним со всем! Даже глаза открыть невозможно, сразу всё слезится, да и веки опухают от яркого света. Тошно.

Ребята повалялись в сугробах, обстреляли снежками незнакомую старушку с тяжёлыми сумками, и она едва не упала прямо на дорогу. Гогоча, друзья бросились разгонять снующих серых голубей. Грелись в подъездах, где не было домофонов. Курили одну сигарету на двоих, затягиваясь во всю мощь. День прошёл весело и быстро.

Проходя мимо родного двора, Санёк увидел мамку — она бродила по улице с коляской, красная от мороза, дула на озябшие руки. Кажется, даже не пьяная. Конечно, мать не всегда бывала пьяной, иногда она болела и лежала, отвернувшись к стене, часто пропадала из дома, порой ходила трезвой и хмурой, орала на них, била, заставляла убираться. Но это было делом редким.

Из коляски не торчали худые ноги — значит, мать проветривает Петьку. Повезло мелкому.

Отвернувшись, Санёк побрёл прочь.

Потом вернулся в злобе, волоча за собой Игоря. Выстучал код на домофоне заледеневшими пальцами, оттянул тяжёлую мёрзлую дверь, сунулся во влажное тепло подъезда. Стряхивая налипшие комья с ботинок, он вдохнул полной грудью — пирожки. Господи, пирожки… Хрустящие, пышные, с сочными грибами и мягкой картошкой, с рассыпчатым фаршем, с лучком и яйцом, с ливером, с тушёной капустой… Санёк едва не застонал от наслаждения, зажмурился, катая запах на языке, надеясь наесться им одним.

Мама редко готовила пирожки — когда Сашка был ещё маленьким и лопоухим, с торчащими в разные стороны светлыми волосами, мать иногда раскатывала серое тесто, добавляла скудную начинку, заворачивала конвертиками и жарила их на сковородке, плюющейся раскалённым маслом. Санёк крутился под ногами, таскал горячие пирожки с длинного блюда и кусал их за бока, обжигая губы.

Потом мать спилась окончательно, и о пирожках в их доме забыли. Сашка воровал иногда выпечку из кулинарии, но как-то раз его поймали и избили так, что потом ещё долго ныли ребра, а дышалось и вовсе через боль.

Больше он в эту кулинарию не совался. Правило первое — поймали, значит, дорога в этот магазин закрыта.

Аромат пирожков вился вокруг, закручивался клубами вкуснейшего запаха, дразнил. На секунду Сашка пожалел, что он не тот самый первоклассник, — позвонил бы сейчас в дверь, плача и шмыгая носом, маленький голодный мальчишка, рассказал бы, что сирота, и попросил один пирожочек, один-единственный…

— Чё стоим? — с непониманием спросил Игорь, оглядываясь по сторонам; на первом этаже было темно, под лестницей сгустился мрак. Санёк вздрогнул, выныривая из своих мечтаний о домашних пирожках.

— Ничё. Пошли. Покажу…

Они взбежали на пролёт, туда, где в углу толпились почтовые ящики, покосившиеся и обгоревшие. Давным-давно их поджёг не кто иной, как Санёк, — напихал поглубже газет, подпалил их зажигалкой с трёх сторон. Дым из окна подъезда валил чёрный и густой. Все соседи выбежали в панике, вынося детей и паспорта. Люди с вытянувшимися лицами стояли на улице в халатах и трико, ждали приезда пожарных. В это время Санёк сидел у футбольных ворот и со смеху покатывался от того, сколько шуму ему удалось произвести.

Прошмыгнув к ящикам, Сашка выудил из кармана несколько загнутых проволочек, перебрал их в руках, прислушиваясь, чтобы никто в это время не вышел в подъезд. Склонившись над нужной дверцей, он поковырялся отмычкой в замке, и тот мигом открылся с мягким щелчком. Санёк сунул руку в почтовый ящик, на

котором едва-едва можно было разглядеть криво начерченное мелом число 11, и выудил оттуда тяжёлую алюминиевую банку, которая сразу же вспыхнула в лучах солнечного света, падающих из узкого окна под самым потолком.

— Пивчанский, — удивлённо присвистнул Игорь. — Откуда?!

— Сокровище, — отозвался Санёк, держа пивную банку так, будто она была самой ценной вещью в его жизни. В глазах блеснуло от покатых серебристых боков.

Игорь жадно потянулся к пиву.

— Ты серьёзно её в ящике у соседей хранил? Дебил.

— Пошёл ты! Они уже лет пять здесь не живут — свалили на север, а квартира пустая. Я всё хочу вскрыть её попробовать, но никак… А вот ящик — только мой.

Из почтового ящика торчал ворох неоплаченных квитанций, реклама и газеты. Санёк испытал острое желание снова поджечь всё это добро, но повторяться (если это не касалось еды из магазинов, конечно) он не любил.

— Пошли, что ль, наслаждаться.

Банку Санёк стащил давно — у матери была очередная вечеринка, если её только можно было так назвать: люди разной степени непромытости толпились в их квартире, пили до потери сознания, дрались и били стёкла, оставляя после себя форменный бардак. Сашка крутился у них под ногами — порой сидел в углу за шкафом, наблюдая за попойкой, порой стаскивал со стола кусок еды, порой танцевал вместе с какой-нибудь молоденькой пропитой подругой, когда гасили свет.

В один из дней, прихватывая со стола горсть сухариков, он вцепился в банку пива — их стояла там целая шеренга, а поэтому мальчик и понадеялся, что пропажи никто не заметит. Спрятав банку под диван в детской, Сашка вернулся обратно, а потом, осмелев, схватил чей-то стакан и отхлебнул.

Напиток был тёмным и горьким, но после него пришло странное тепло и чувство лёгкости — Санёк задремал в своём углу, не услышав даже, как в тот вечер один из гостей сломал другому нос, а матери поставил огромный фингал под глазом, и она ещё долго ходила с синяком. Из фиолетового тот налился желтизной, и Лидка шутила мрачно, что это напоминает листопад: зелёные листья становятся канареечно-жёлтыми, а потом опадают и чернеют.

Из подъезда в холодный зимний полдень друзья выскользнули незаметно — с крыльца сиганули в сугроб, промчались до угла, оглянулись украдкой. Матери с коляской нигде не было видно. Санёк, сунувший банку пива под куртку, придерживал её бережно и даже немного нежно, будто ребёнка.

Идти в какой-нибудь другой подъезд и сидеть там на холодных ступеньках, хлеща горькое пиво, не хотелось, и друзья взобрались на крышу подземного погреба в соседнем дворе. Покатая крыша была густо засыпана сияющим снегом. Обычно тут сооружали

ледяную горку, но в этом году как-то не задалось, и теперь погреб больше всего напоминал заброшенный дом.

Санёк стряхнул рукою снег с крыши, и снежинки серебристым водопадом хлынули вниз. Игорь развалился на спине, раскинул руки и сощурился, глядя в небо, по которому неторопливо плыли темнеющие облака. Сашка упал рядом с Игорем, попытался расслабиться, хоть ноги уже окоченели в кроссовках. Ледяной воздух забивался в лёгкие, раскрашивал синевой губы.

— Ну. Пить-то будем? — нетерпеливо спросил Игорь. Санёк достал банку, открыл и сделал первый глоток — пена ударила в нос, холодом просочилась в тело и сразу же неприятно обожгла внутренности.

Сашка передал банку Игорю, и тот присосался к ней жадно, словно оголодавший кутёнок.

Так они и лежали на крыше погреба — беспечные и замёрзшие, пили пиво и болтали о мелочах. Санёк смеялся, отхлёбывая горькое пойло. Хохотал и дрыгал ногами, когда Игорь рассказывал что-то очень смешное. Пива, конечно, для них было маловато. Ну, хоть что-то, и то радость.

Потом они снова принялись шататься по городу, заходить в торговые центры, носиться по раздолбанным детским площадкам. Алкоголь плескался внутри Санька, заставляя его смириться с чёрной реальностью.

— Слушай, что-то жрать охота, — буркнул Сашка, когда день уже неторопливо клонился к вечеру. — Пойдём до магазина.

— У меня нет денег, — предупредил Игорь на всякий случай.

— Пойдём, пойдём, — поманил его друг.

Супермаркет был огромным и сияющим — Сашке так нравились эти большие магазины, где тепло и запах выпечки, медленная музыка, льющаяся откуда-то с потолка, широкие полки, заставленные едой… Иногда Санёк часами мог бродить между стеллажами, жадно глядя на связки бананов или глянцевые шоколадные батончики.

В тепле магазина руки мигом вспыхнули жаром, щёки налились румянцем. Лавируя между рядами, Санёк запутывал охранника, брал банки с фасолью, осматривал их и ставил обратно, переставлял местами газировку, хватал чипсы и тут же бросал на полку. Игорь шёл рядом, озираясь нервно, натягивал шапку на самые глаза.

У полок с чаем возилась уборщица — то и дело смачивая в мыльной воде швабру, она тёрла белоснежный пол. На Саньке она задержала долгий и тяжёлый взгляд. Насторожилась.

— Пора, — шепнул Сашка, зайдя за угол, огляделся в поисках камер, а потом схватил с полки пачку шоколадного печенья и сунул себе за шиворот. Игорь, покрасневший то ли от тепла, то ли от лихорадочного страха, завладел газировкой и крепко застегнул куртку, пряча свою добычу.

Они снова лавировали между полками, хватали банки и ставили их обратно, только вот некоторые шуршащие пакеты оседали в карманах — упаковка желе, воздушные драже, пачка чипсов, сухарики, бутылка пива…

— Сматываемся, — наконец-то пробормотал Санька, ставя на место бутылку молока и разворачиваясь к кассам. Там как раз возникло столпотворение: уставшие после работы люди держали в руках переполненные корзины, вздыхали и поглядывали на часы, поторапливали медлительную кассиршу. Два худых паренька прошмыгнули мимо очередей, с фальшивой неспешностью направились к дверям, едва ли не насвистывая беззаботно.

У дверей, скрестив на груди руки, стоял охранник.

— Чёрт, — выругался Санёк, отводя глаза. — Спалил! Резче, возвращаем всё!

Они обернулись, намереваясь броситься назад, но… Но прямо за их спинами возник второй охранник — грузный и бородатый, он нехорошо улыбался, глядя на них.

— Спалил, — согласно подтвердил охранник.

Друзья рванули врассыпную, но Саньке не повезло — впервые в этом супермаркете, чёрт, чёрт! Он воровал в магазинах с малолетства, попадался крайне редко (мигом вспыхнули болью рёбра, стоило вспомнить о кулинарии, где продавали сладкие пирожки). Правило номер два — после незамеченной кражи избегай на время этот магазин. Правило три — никогда не бери слишком много, никаких дорогих продуктов…

Забудут. Тогда забудут.

Его лихорадочные мысли прервал крепкий захват — охранник вцепился в ободранный воротник старой куртки, обхватил за шею, а другой ладонью стиснул запястье.

— Бьют! Ай, больно! — заверещал Санёк, извиваясь, словно морской угорь, только бы выбраться из цепкого захвата. — Пусти, дядька!

Люди на кассах заволновались, принялись всматриваться в потасовку. Лица у них были пустыми и равнодушными. Интерес, вспыхивающий в глазах, быстро гас, словно сжираемый огнём кусочек тополиного пуха. Кассирша, смерив Сашку презрительным взглядом, продолжила пробивать товары.

— Он меня хочет изнасиловать! Помогите! — орал Санёк, пытаясь незаметно вытрясти всё наворованное из карманов, но охранник легко и почти нежно заломил его руки и толкнул вперёд.

— Пошли, актёр. Попал ты.

К ним подбежал первый охранник, который несколько минут назад стоял у дверей. Тяжело дыша, он остановился, согнувшись пополам. Багровый подбородок дрожал, а лицо, одутловатое и небритое, разочарованно вытянулось.

— Поймал? — спросил тот, что держал за руки вырывающегося Сашку.

— Нет. Он сперва в магазин…

Уф... А потом через кассу прыгнул и удрал. Тварёныш. Но всё выбросил вроде бы, наворованное.

— Понятно. А вот этот теперь не отвертится.

И Санёк заорал — заплакал, заревел сиреной, выгибаясь, засучил ногами, но ничего не помогало. На него смотрели, но никто и с места не двинулся.

Сашку потащили в комнату охраны.

...За окном сгущались сумерки — ночь зимой всегда наступала внезапно. Вот только что краешек кроваво-красного солнца маячил на горизонте в прорехе между многоэтажками, а вот уже вспыхнули фонари, темнота спеленала улицы коконом, а редкие прохожие, возвращающиеся с работы, тенями сновали на улицах.

Санёк сидел на жёстком стуле — скрестив на груди руки, он молчал, глядя куда-то в сторону, только бы не сталкиваться взглядом с хмурыми охранниками.

— Как зовут? — спрашивал бородатый.

Санёк молчал.

— Давай телефон родителей, будем решать вопрос, — предлагал второй.

Санёк не двигался.

— Отлично. Звоним в полицию, пусть приезжают. Они мигом установят, что это за хлопчик. И родителей сразу найдут.

— Записывайте номер мамки, — хрипло выговорил Сашка, ещё сильнее обхватывая себя руками. На столе перед ним лежало всё, что парень пытался стащить, — шоколадные батончики и печенье, чипсы, газировка. Разноцветная куча на тёмно-коричневой столешнице.

Дверь комнаты заперли изнутри, охранник медленно и с издёвкой закрыл замок и спрятал ключ в карман, чтобы Сашка и не надеялся сбежать. На окнах — пластиковых, благодаря которым в комнате было очень тепло, — стояли витые решётки.

Никак не выбраться. Попал.

Время текло медленно, тикали большие круглые часы на стене, а охранники сидели и пялились в мониторы, не обращая на Санька внимания. Понимали, что он будет молчать до последнего, загнанный в угол волчонок, испуганный, но не подающий вида.

Сашка знал, что теперь не отделается, — он уже на учёте, ему инспектор стал почти родным, а теперь от условки до колонии для несовершеннолетних и вовсе рукой подать, но так просто сдаваться он не собирался. Да, влетел, и влетел крупно.

Но он обязательно что-нибудь придумает.

А Игорь тоже, ещё друг называется. Сбежал — только его и видели. Примчался, наверное, домой, кается перед мамкой, мотает на кулак сопли. Ему-то хорошо. Мать наорёт, отец всыплет ремня, Игоря закроют под домашний арест, но он будет сидеть в своей тёплой комнате, смотреть по вечерам телевизор и жрать мамкины пирожки...

В дверь постучались. Сашка вздрогнул.

Лёгкий звук, словно барабанят капли дождя о дерево. Бородатый охранник, всхрапнув

глухо, поднялся и достал из кармана ключ. Тот провернулся в замочной скважине с недобрым скрипом. Сашка весь подобрался, думая, кто же за ним пришёл.

За дверью стояла Аяна — взлохмаченная и с перекошенным лицом, в одном лишь сером свитере. Расчёсанное лицо было не накрашено, маленькие глаза настороженно блестели.

У Саньки от удивления даже рот раскрылся.

— Господи, Сашенька! — заголосила Аяна, бросаясь к брату. Подлетев, сестра обняла Санька, обхватила руками его колючую голову, принялась торопливо целовать — её губы скользили по щекам, макушке, ушам… Санёк дёрнулся в сторону, но Аяна держала крепко, гладила и рыдала так, что гул стоял на весь магазин.

Опешившие охранники стояли, не зная, что им делать. В их комнате бывало разное: и концерты закатывали порядочные, и истерики, но сейчас мужчины молчали, глядя, как Аяна утирает заплаканные глаза.

— Девушка, — окликнул её охранник, но Аяна даже не услышала. — Девушка! Вы вообще кто?!

Она обернулась, зарёванная и раскрасневшаяся.

— Я сестра, сестра этого балбеса, оболтуса, Сашенька, боже мой, что же ты опять… — принялась причитать Аяна.

— Отпусти! — рявкнул Сашка, выпутываясь из крепких сестринских тисков, прикрывая руками влажное лицо. Он ненавидел любые нежности, и спектакль, разыгрываемый Аяной, был ему непонятен. Отвратителен.

— Заткнись, — едва слышно огрызнулась она, целуя его прямо в ухо, обжигая кожу дыханием.

— Мы вообще-то мать звали, — сурово буркнул второй охранник. — Это вообще-то уголовное преступление. Мы полицию вызовем…

— Прошу вас, выслушайте меня! — всхлипнула Аяна, прижимая к себе непутёвого брата. — Мы… Мы несколько дней назад стали круглыми сиротами. Наша мать… Она пила, очень сильно. Она алкоголичка, запойная… Была, боже мой… У нас никого не осталось, только братишки и сестрёнки, они хотят кушать, голодные, вот Сашке и пришлось… Простите его, умоляю…

Её взгляд скользнул по разложенным на столе чипсам и газировке, и в ту же секунду бледные руки больно стиснули Сашкину голову. Да, будь на столе хлеб или колбаса, враньё звучало бы куда убедительнее.

В комнате повисла тишина, только едва доносился вой стужи из-за окон, да всхлипывала дрожащая Аяна. Сашка молчал в её руках — ладони, до того ледяные, покраснели и налились теплом, согревая напуганного брата.

Тепло. Простое такое тепло. Пользуясь тем, что никто на него не обращает внимания, Санёк зажмурился и тихонько прижался к рукам сестры. Незаметно.

Охранники молчали, глядя на Аяну. Кажется, их проняло.

Ну надо же.

— Мамка нас не воспитывала, — продолжала она, шмыгая распухшим носом. — А сейчас, когда умерла… И вообще… Я не знаю, как их воспитывать, не знаю, не могу…

Она завыла тонко-тонко, скорчила уродливо лицо. Бородатый охранник сделал к ним шаг, протянул руку и положил её на плечо девушке. Аяна рыдала так сильно, будто вот-вот захлебнётся слезами.

— Ну, не реви, — попросил басовито охранник. — Не звери же мы…

— Санечка, он же… Он у нас самый старший, но на работу не берут ещё, вот он и решил сестрёнок покормить…

— Воровать тоже не дело, — сурово буркнул второй охранник, отворачиваясь от этого зрелища.

— Да, вы правы, правы, конечно… Но я помогу ему, он поклянётся, что больше никогда… Клянись! — она дёрнула брата, словно деревянную игрушку. Сашка набычился, глянул исподлобья, но выдавил едва слышно:

— Клянусь, — и скрестил пальцы на левой руке. Детский жест, но пальцы будто легли сами собой.

— Правда, он никогда! Пожалуйста, не ломайте ему жизнь, пожалейте дурака! Он не плохой, он просто не знает, как правильно, не умеет ещё… Прошу вас! Умоляю! Я даже…

Отстранившись от брата, она упала на колени — рухнула, наверняка больно ударившись о замызганный кафель, протянула руки, схватилась пальцами за ботинки охранника… Тот отпрянул в ужасе, выдёргивая из тонких девичьих рук свою обувь.

— Ты чего? — спросил он поражённо, пока Аяна подползала всё ближе.

— Я на колени встану, вы только отпустите его, простите дурака, он никогда здесь больше не появится…

Санёк сидел, застыв на стуле, и не мог оторвать взгляд от ползающей Аяны. Сестра так страшно унижалась, что вызывала внутри Санька почти что ненависть. Отвращение, похожее на морскую волну, готово было затопить Саньку и утащить его прямо в пучину.

Лицо перекосило.

Какое унижение…

— Вставай, — бородатый охранник подцепил Аяну под локти, поднял её, но она, вцепившись ногтями в его куртку, вдруг глухо застонала и осела на пол. Багряные щёки пошли пятнами.

Рот Аяны раскрылся, а глаза закатились, обнажая красноватые белки. Девушка обмякла в чужих руках.

— Янка? — дёрнулся Санёк немного недоверчиво, подозревая, что это может быть очередным спектаклем.

Сашку согнали со стула, усадили туда Аяну, похожую на тряпичную куклу, — руки безвольно болтались у самого пола. Больше всего пугал раскрытый рот: из-за него лицо казалось вытянутым и жутким.

На девушку побрызгали чаем из кружки, похлопали Аяну по щекам, подержали запястье с умным видом.

— Скорую вызываем? — спросил второй охранник.

— Не надо! — крикнул Сашка, неизвестно когда вцепившийся в бледную руку сестры.

— Не надо… — слабо согласилась Аяна, приоткрывая глаза. — Мне лучше… Простите меня. Я просто…

— Ничего, ничего, — бородатый охранник сунул ей в руки свою кружку с горячим чаем и напряжённо улыбнулся. — Ты попей. Он с сахаром. Сладкий. Поможет тебе.

— Спасибо, — Аяна робко сделала глоток, а потом головой прислонилась к Сашкиному плечу. — Простите нас, пожалуйста…

— Ну, — задумчиво произнес охранник и поскрёб бороду. — По сути, он ничего унести не успел, так что мы отпустим. Ты это только… Не воруй больше.

— Хорошо, хорошо, — заикивала Аяна и резко поднялась. — Спасибо вам, спасибо большое…

Вцепившись в Сашкину руку, она поволокла его прочь из магазина.

— И чтобы больше сюда не приходил! — крикнул запоздало второй охранник.

— Пошёл ты, урод, — просипел Санёк, а Аяна, не оборачиваясь, рявкнула шёпотом:

— Заткнись! Живо за мной!

…Снежная буря, разыгравшаяся на улице, бесновалась в полуночном припадке. Во вьюге прятался даже слабый фонарный свет. Люди, попадающиеся по пути, прикрывали лица воротниками и шарфами, брели, слепые, сражаясь с порывами ветра. Аяна в лёгком свитере крепко обхватила себя руками.

Санёк устал, что его, словно телёнка, тащат домой, и вырвался. Сестра оглянулась, потом подошла к Саньку так близко, что он смог разглядеть каждую багровую точку на её лице. Аяна всмотрелась в его глаза. Гнев разгорался в ней пожарищем.

— Ты совсем, что ли, дебил?! А если бы они ментов вызвали?

— Ментов нет давно, — крикнул ей в лицо Сашка, сражаясь с порывами ветра. — Полиция, Яночка! Полиция!

Она залепила ему такую пощёчину, что он едва не упал. Казалось, что даже пронизывающая насквозь вьюга притихла, сдаваясь под гневом Аяны. Раскрасневшаяся, со злыми чёрными глазами, сестра сделала шаг вперёд, вцепилась в воротник куртки Санька, рванула его на себя…

— Не смей называть меня Яной. У меня имя есть — Аяна, будь добр его выучить, придурок, — он дёрнулся, не сдаваясь, и Аяна снова ударила его по лицу. — Объясни мне, почему в проблемы попадаешь только ты? Ни с кем, даже с Ильёй нет столько возни, как с тобой!

— Так не лезь ко мне вообще! — заорал он ей в лицо, плюнул, саданул по руке. — Ты никто, так отвали! Дура тупая!

— Закрой рот, — она снова махнула рукой, но ударила лишь вьюгу, а Сашка, оскалившийся, шарахнулся в сторону. — Я постоянно тебя из любой задницы вытаскиваю, тварь ты неблагодарная. Если бы они вызвали ментов, тебя бы закрыли в колонию, как

ты не понимаешь?! А ты чипсы воруешь, идиот!

— Это моя жизнь! — заверещал он до стыда тонко, словно поросёнок. — Что хочу, то и делаю! Не трожь меня!

— Ненавижу, — прохрипела Аяна, стискивая зубы и хватая брата за рукав с такой силой, что затрещала ткань. — Будь ты проклят… Пошли живо домой. Живо!

— И я тебя ненавижу, — прошипел Сашка. — Чтоб ты сдохла!

В кармане его куртки запел мобильный телефон, тот самый, отобранный у первоклашки. Санёк не помнил, когда включил его, — видимо, когда пытался дозвониться до мамки, чтобы она забрала его из магазина.

Аяна обернулась — медленно, с неприкрытой злобой. Лицо её побелело, губы дрожали от холода. Не слушая брата и не обращая внимания на его попытки вырваться, она вытряхнула телефон из кармана и тупо посмотрела на небольшой экран, светящийся в сугробе.

— Это чьё? — глухо спросила она.

— Не твоё собачье дело!

На этот раз удар был такой силы, что на губах выступила солёная кровь, а Санёк рухнул в наметённый обжигающий снег. Глядя на сестру так, будто видел перед собой истинное зло, Сашка в отчаянии вытер губы, посмотрел на кровавый след, а потом сплюнул вместе со словами:

— Отобрал. У первоклассника. И чё?

— Ничё, — отозвалась Аяна, обнимая себя руками. Потом нагнулась, подобрала телефон, где сияла краткая надпись «Мама». Погладила экран пальцем, словно хотела согреть озябшие руки. — Надоело мне всё это. Делай что хочешь. Больше я тебя вытаскивать не буду…

И, развернувшись, она ушла прямиком в буран — сгорбленная и продрогшая до костей. Сашка остался сидеть в сугробе, сплёвывая кровь, которая во тьме казалась почти чёрной.

…Утром в школе царили привычные шум и гам — первоклассник с огромным портфелем только что переобулся, повесил куртку на крючок и помахал рукой маме, смущённо пряча глаза. Дома он так и не решился рассказать, что на самом деле произошло с его телефоном. Соврал, что потерял по дороге из школы, и потом они с мамой долго ходили по сугробам, пытаясь найти мобильник…

Первоклашка весь вечер глотал слёзы и съёживался от упрёков. Но утром про это больше не вспоминали.

— Пока, Мить! — крикнула мама от самой двери, и мальчик торопливо побежал в класс. Больше не опаздывая, не поднимая глаз на старшеклассников.

Он, тот самый, вчерашний, стоял возле двери в класс — если громко закричать, то Наталья Анатольевна услышит и прибежит на помощь, но маленький Митька всё равно остекленел в проходе, не решаясь сделать и шага.

Санёк стоял, скрестив руки на груди, и смотрел прямо на Митьку. Старшеклассник выглядел просто жутко: разбитая губа распухла, на щеке алела багряная царапина, прозрачные глаза заледенели. Митька дёрнулся, чтобы бежать, но старшеклассник двинулся к нему, лениво и угрожающе. Мальчик не знал, что ему делать.

Бежать? Кричать? Попытаться догнать маму?

Сашка остановился, и ему в спину мигом вонзились острые ногти — Аяна шла следом, хмурая и неумолимая. Когда их странная процессия приблизилась к мальчишке, Аяна присела рядом с ним, цепко держа брата за рукав.

— Привет! Не бойся, тебя никто не обидит… Как тебя зовут?

Митька молчал, глядя на девушку вытаращенными глазами.

— Пошли, ну его… — заныл Сашка, вырываясь.

— Заткнись! — рыкнула на него Аяна и обернулась к мальчику, вновь дружелюбно улыбаясь. — Этот идиот — Сашка, я — Аяна. А ты?

— Митя… Дмитрий, — шёпотом отозвался мальчик.

— Приятно познакомиться, Дмитрий. Знаешь, Саша хотел тебе кое-что отдать…

Отвернувшись и глядя в сторону, Санёк сунул мальчику телефон — мёртвый, но готовый ожить в руках настоящего хозяина. Митька не двигался. Трясся от страха.

— Извинись, — потребовала у брата Аяна.

— Да пошла ты… — Санёк сунул Митьке телефон, почти бросил в мальчика и, вырвавшись, побежал прочь, весь багровый от стыда. Маленький Митька замер, держа в раскрытых ладонях мобильник.

— Прости его, пожалуйста, — попросила Аяна, заправляя волосы за ухо. — Он не со зла. Он хороший, правда… Не обижаешься?

— Нет, — деревянными губами отозвался Митя.

— Молодец. Отличником будешь. Ну, иди в класс, — она похлопала его по плечу, и мальчик дёрнулся от этого прикосновения.

Только сев за парту, Митька выдохнул и включил телефон. Засветился экран, тренькнуло приветствие. Телефон был почти разряжён, но на один очень-очень важный звонок заряда батарейки всё-таки хватило.

— Мама! — крикнул мальчик так, что встрепенулась за столом Наталья Анатольевна. — Мама, я телефон нашёл! Мне его вернули! Одна тётенька, да… Мам, всё хорошо!

Аяна, стоявшая у самой двери, улыбнулась одними губами. Глаза её оставались сухими и печальными.

…Новый год в Сашкиной семье редко когда походил на настоящий праздник: обычно у матери в комнате разворачивалась крупная пьянка, на которой дети торопливо ели закуску, танцевали с малознакомыми людьми, а наутро Аяна, вооружившись тазиком, принималась отмывать с пола и стен либо чью-нибудь кровь, либо рвоту.

Иногда и то, и другое вместе.

Этот Новый год не был исключением, только толстощёкая Лидка раздобыла где-то крупную еловую ветку, и её поставили в кувшин с водой, чтобы она не засохла раньше времени. Скрюченный Илья смотрел на ветку днями напролёт. В детской поселился настоящий еловый дух — смолянистый запах хвойного леса.

Перед праздником мама, в очередной раз решившая жить без стакана, а потому страдающая от трезвости, затеяла ремонт. Дети с удовольствием помогли: отодрали все обои, засыпав старую мебель пылью и штукатуркой. Теперь стены напоминали художественное полотно — где-то проступали язвы бетонных плит, где-то торчали ошмётки прежних обоев, которые клеила ещё бабушка.

Петька в коротких розовых шортах и пилотке, которую мама сложила из газеты, заливисто хохотал, наблюдая за этим дурдомом. Аяна, отдиравшая обои у самого потолка, засыпала себе все глаза штукатуркой и долго ходила, моргая и щурясь. Сашка демонстративно игнорировал ремонт, а Лидка помогала, баюкая в себе восторг от того, что мама трезвая и поёт что-то тихонько, собирая ленты обоев в старый холщовый мешок. Илья смотрел за ними, весь бледный от пыли, и улыбался.

Потом мама опять запила. Обещала купить новые обои с пенсии Ильи по инвалидности, но так ничего и не купила. Теперь детская больше напоминала комнату после бомбёжки, но дети привыкли и к этому.

Тем более что перед Новым годом о плохом думать совсем не хотелось.

В канун праздника в квартиру битком набились люди — чьи-то подруги с маленькими крикливыми детьми, такими же грязными и голодными, как обитатели дома; нетрезвые дяденьки с сальными руками и мутными глазами; пришёл даже какой-то седой старик в истрёпанной тужурке, который пил водку и не морщился, пел песни о зоне. Принесли гитару, и все мычали что-то под нестройный перебор струн. Было даже весело. Иногда.

Толстая Лидка танцевала с кем-то на столе — она, пока никто не видел, пила из маминой кружки и к концу вечера из насупившейся девчонки превратилась в совершенно невменяемое создание, хохоча и приставая ко всем подряд. Сашка курил, развалившись в кресле, и обгрызал селёдочную голову.

На столе, помимо рыбы и чёрного хлеба, была только квашеная капуста, и Аяна, насмерть простывшая, с хрустом эту капусту жевала. Не обращая внимания на высокую температуру, девушка обвела глаза густым чёрным цветом, нацепила на себя чёрное кружевное платье и сидела, качая на ногах румяного Петьку.

Петька был любимцем публики — с ним сюсюкали, его качали, усаживали на стол, и он тянулся за бутылкой, словно это была отличная игрушка. Ему протягивали стаканы, и мальчишка морщился от едкого запаха. Аяна постоянно следила, как бы он

ничего не натворил и не свалился откуда-нибудь, подхватывала ребёнка и качала, когда Петька обиженно плакал.

Мать, пьяная в дрова, лежала на диване. Она только что танцевала сразу с двумя мужчинами, не забывая одарить каждого глубоким поцелуем. Дети старались не смотреть.

Зашедшись лающим грудным кашлем, Аяна выскользнула из общего веселья в непривычно тихую детскую, закрыла за собой скрипучую дверь. Маленький Петька, успевший наесться квашеной капусты, уснул, и девушка уложила его на матрасик, погладила по голове…

Во тьме комнаты сверкали лишь два тусклых пятна — глаза Ильи, который смотрел на свет проезжающих машин, озаряющий порой комнату, высвечивающий одинокую еловую ветку в стакане. Аяна оторвала несколько хвоинок, подошла к брату и сжала их в его худой и бледной ладони.

Он улыбнулся робко.

Из зеркала на девушку глянула измученная женщина — воспалённые глаза, вытянутое бледное лицо, обветренные щеки, прыщики на лбу. Она выглядела старше, гораздо старше, чем помнила себя. Растрёпанные волосы — ведьма, не иначе. Бордовые губы.

На секунду в зеркале возник образ, почти мираж, призрак. Маленькая улыбчивая девчонка, укравшая у старшей сестры бордовую помаду. Машка… Аяна не вспоминала о ней целую вечность. Маленькая глупая Машка, попавшая под поезд. Они ни разу даже не съездили на кладбище, не поставили за неё в церкви свечу, не купили багряных гвоздик.

Не говорили о Машке, будто её и не было никогда.

На столике у зеркала стояла кружка с холодным чаем — Аяна вцепилась в неё пальцами, глянула в зеркало, улыбнулась, растягивая резиновые бордовые губы.

— За тебя, сестрёнка, — шепнула она и чокнулась со стеклом.

Машки не хватало, вот сейчас, именно в этот праздник. В том году сестра отыскала ароматные шишки, завернула их в фольгу и подарила каждому, даже Илье. Аяна чуть не расплакалась от этого кособокого подарка. Санёк бросил шишкой в сестру и расхохотался, а у Машки задрожали губы.

Глубокой новогодней ночью одна половина гостей разошлась восвояси, а другая уснула на полу и на мамином диване. Аяна хотела провести эту ночь с Пашкой, своим парнем, но он отказался — хочет, мол, побыть с родителями, не сердись.

Аяна и не сердилась. Она болела — пила бесцветный чай, обжигая им обветренные губы, спала в махровом мамином халате и кашляла, словно хриплая собака.

Санёк клялся, что не придёт домой в новогоднюю ночь, у него свои планы, но вот же, сидел в комнате всё время, молчал и потрошил чьи-то карманы, впрочем, пустые до зубного скрежета. Выкурил все Аянины сигареты, паршивец.

Ночью дети собрались в одной комнате. Аяна, успевшая задремать, очнулась от тяжёлого сна и сказала неожиданно:

— У меня для вас кое-что есть…

Под кроватью лежали две упаковки бенгальских огней — худые и потрёпанные, с выцветшими ярлыками, но настоящие. Аяна достала их, как главное сокровище, показала всем в тусклом свете единственной лампочки под потолком.

— Бенгальские огни… — зачарованно протянула Лидка, вытягивая вперёд руки. На секунду Аяне подумалось, что она и вправду сейчас сможет осуществить мечту младшей сестрёнки, как какой-нибудь Дедушка Мороз, изображённый на упаковке.

— Детский сад, — фыркнул Сашка, отворачиваясь.

— Саш… — попросила Аяна, разрывая упаковку. Похлопала по карманам в поисках зажигалки. — Помоги, пожалуйста… Подержи Петю.

— Вот ещё!

— Сашка… — Аяна замолчала, но в её голосе прозвучала надежда. Доверие.

Выматерившись, Сашка, уже стянувший брюки, сел на край дивана. Лидкины пьяные глаза сияли в полутьме.

Погасили свет. Старшая сестра, осторожно разбудив Петьку, усадила его на колени к Саньку — малыш, сонный и капризный, принялся недовольно ворчать.

Ломкие прутики бенгальских огней заворачивались и крошились в пальцах, но Аяна выпрямляла их и раздавала каждому — пару штук Лидке, чьи щёки таинственно блестели, одну штучку Сашке, другую — в руку Илье…

— Э, — недовольно буркнул Санёк. — А малому?!

— А он удержит? — с сомнением спросила Аяна. — Только пожара нам не хватает.

— Я помогу, — глухо произнёс Сашка. Он не любил делать что-то хорошее, искренне был уверен в том, что доброта — удел слабых. Проще было перешагнуть через орущего Петьку, ударить беспомощного Илью. Сейчас Санёк впервые предложил свою помощь и замолчал, устыдившись.

Аяна протянула ему ещё один прутик.

Илью она подтянула к себе, выпрямила его с трудом, длинного и крючковатого, словно дерево, усадила на коленях, позволяя облокотиться на себя. Руки Ильи зажили своей жизнью — он бил ими, словно рыба плавниками, пытался сказать что-то, но язык не слушался.

— Держи, — попросила Аяна на ухо. — Я зажгу. Это красиво, Илюшка…

Вспыхнул язычок зажигалки, осветил детские лица едва-едва, но свет этот был тёплым и дрожащим. Вытянув вперёд руку, Аяна поджигала бенгальские огни — первым затрещал огонёк у Лидки, которая плакала, уже не скрываясь, затем вспыхнул прутик у Петьки, и мальчик заверещал от восторга, размахивая им в разные стороны. С шипением занялся бенгальский огонь у Сашки, и тот сидел, молчаливый и застывший,

а в прозрачных глазах его отражались всполохи серебристых салютов.

Аяна засмотрелась на брата; Санёк, вредный и диковатый, и правда был самой большой проблемой в их семье, хуже пьющей матери. Но сейчас, сидя в новогоднюю ночь в одних трусах и растянутой футболке, держа на руках младшего брата, он казался обыкновенным мальчишкой — потерянным, немного несчастным, ещё очень слабым. Нуждающимся в заботе.

На руках у девушки дёрнулся Илья в припадке зависти, махнул своим незажжённым бенгальским огнем.

Вскоре каждый огонёк в этой комнате принялся шипеть и плеваться белыми искрами, а дети сидели заворожённые, глядя огромными глазами на расцветающие в руках салюты. Аяна водила своим огоньком из стороны в сторону, озаряя лица, смеялась, наблюдая за братьями и сестрой, наслаждалась каждой секундой.

Они вдруг стали настоящей семьёй — не сбегали друг от друга, не врали, а сидели, прижавшись, и чувствовали настоящий праздник. Шипели огни, а ребята молчали, лишь тихонько всхлипывала Лидка.

Аяна придерживала рукой Илью, чтобы он не упал, и очень жалела, что не может сейчас обнять сестрёнку.

Погас первый огонёк — вспыхнул особенно ярко и потух, оставил тлеть красной точкой догорающий прутик. Второй, третий… Комната погрузилась в полумрак. Хлопал в ладоши Петька, мычал что-то Илья. Остальные сидели молча, будто не хотели оборвать этот миг беззаботного новогоднего чуда.

Скрипнула дверь — в комнату скользнула тень, и все вздрогнули, отгоняя наваждение. В полумраке дети разглядели мамино лицо.

Она села напротив прямо на пол, скрестила по-турецки ноги. Чуть покачнулась, улыбаясь нетрезво, взлохматила волосы.

— Бенгальские огни жжёте? Круто… Аян, есть ещё?

— Есть, — кивнула та, не сводя с матери глаз.

— Давайте ещё раз, а? А я вместе с вами, — предложила мама.

Лидка заревела, зажимая себе рот рукой, потрясённая тем, каким восхитительным может быть этот неинтересный праздник, Новый год. Даже без мишуры, без ёлочных игрушек, без куцых сладких подарков, которые давала соцзащита. Без ёлки и мандаринов.

Но с бенгальскими огнями.

Санёк, скривившись, пнул сестру ногой:

— Нытик.

Петька на его руках довольно захохотал, протягивая вперёд руки.

— Заткнись! — буркнула Саньку Аяна, раздавая новые серебристые палочки, прижимая к себе свободной рукой счастливого Илью.

Старшая сестра улыбалась.

Она тоже наконец-то чувствовала счастье, ощущала его каждой клеточкой, держала в груди с трепетом, хрупкое и быстротечное.

(Продолжение следует)

Екатерина ЛИТОВЧЕНКО

НЕ СПУГНУТЬ УЛЫБКУ

Екатерина Сергеевна Литовченко родилась в посёлке Просвет-1 Куйбышевской (ныне Самарской) области. С двух лет проживает в Оренбурге. Окончила филологический факультет ОГПУ, курсы профессиональной переподготовки в Центре развития профессионального образования ГБОУ ВО «ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей» по специальности «Библиотечно-информационная деятельность». Работает в детской библиотеке №19. Живёт в Оренбурге.

САКУРА

Весна заблудилась, как будто
спешит автостопом.
Её увезли не туда.
Боже, как недовольна зима!
Замёрзший апрель ни к чему,
по-январски, растрёпан,
И вместо капели подёрнуты
льдинкой дома.
А где-то, где пахнет в домах
свежесваренным рисом,
А воздух прозрачен и чист, —
абсолютно другой снегопад.
Там белый и розовый —
словно детьми акварелью написан,
Деревьев бесплодных, таящих
запретный почти аромат, —
Цвет, яростно-честный,
как строчки Басё и Тисато,
Пленяет аллеи и шумные парки
под Фудзи седым.
Во сне, наяву…
Я не знаю когда, но когда-то
И я улечу с лепестками,
как трубочный дым.

***

Где с Вами никогда не встречусь?
Где никогда не будем вместе?
В каких гаданиях отмечусь
Без пошлого «...приснись невесте»?

Чья дверь не хлопнет,
как из пушки?
В чьей трубке будет тишина?
Кто, рот заткнув концом
подушки,
Своё не выплачет сполна?

Моим глазам, всегда тревожным,
Как у испуганной совы,
Дано обетом непреложным
Смотреть в ту сторону, где Вы.

***

Осень — болезнь, эпидемия
в городе.
Осень — бессмысленный
калейдоскоп.
Осень: застряли, увязли
в холоде;
Жёлтый сменится красным…
Стоп.
Серые птицы летят в небе
плачущем,
Кричат одиночества, будучи
в стае.
С каждым, иззябшие руки
прячущим,
Заговорю, — только слушать
не станет.
Осень — диагноз,
осень — бессонница,
В раннюю ночь воспалённые
взгляды.
По тротуару летит листьев
конница…
Души уже ничему не рады.

ПРАВИЛЬНЫМ И МУДРЫМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Я не желала ни вражды,
ни зла, —
Не конкурент, не воин,
не подлиза.
Спокойно груз, мне вверенный,
везла,
Не разбираясь, «сверху»
или «снизу».

Для вас была убогой доброта
Слабачки, что не вырастила
жала.
Меня швырнули наземь
просто так,
Расстроенно вздохнув,
что крик сдержала.

Я не вернусь, смелее смейтесь
вслед.
Мне, моське, со слонами
не тягаться.
Когда-нибудь сумейте догадаться:
Не я, а вы — источник ваших бед.

ТЫ

Ты знаешь, ты —
камень над бездной…
Над пропастью — рожь.
Внизу…
А внизу — неизвестность,
Не сразу шагнёшь.

Смотри, к горизонту приникла
Несмело звезда.
Оттуда я, там я возникла,
И там — навсегда.

Я здесь — только день.
Звук последнего эха,
Нелепость, помеха
И тень на плетень.

ЛИРИКА СЕНТЯБРЯ

Я полюбила злейшего врага.
Я полюбила осень. Разве мало?
Она ко мне, как мачеха, строга,
Я от неё с рождения устала.
И не спугнуть улыбку бы с лица,
Мне так нужны рассветные
туманы
И горький запах дыма
постоянный…
Дождаться б этой осени конца.

ОТЧАЯННОЕ

Хотелось найти это Поле Чудес —
Оно заросло сорняками.
Последние слёзы высоких небес
Давно унесло облаками.
На ниточке кукла —
живая душа,
Чего она ждёт, еле видно дрожа?
Кто дёрнет за нитку?
Опрятен и стар,
Появится скоро здесь доктор
Гаспар,
Почистит, починит, потом поутру
С размаху швырнёт в ледяную
нору.
Там скопище гномов поганой
толпой,
Давно б за работу, да тяжек
запой…
И ведьма с глазами русалочки
Играть будет с куклою в салочки.
А в ватных мозгах —
лихорадочный бред,
И вот кукловода с тобой уже нет;
Шарниры послушны лишь
взмаху руки,
И «ради него» стало враз
«вопреки»…
Но плакала марионетка:
Видать, слишком тесная клетка.
Какая забота —
Стирать позолоту!

ИСПОРЧЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Нечёткий снимок:
дрогнула рука.
Картинка смазана, но всё ж
посередине,
Где вместо глаз две круглых
чёрных льдины, —
Там свет отчётлив, как от маяка.
И звуки падают,
как на ресницы снег,
Чтоб не слепиться в круглые
сугробы,
Свою же хрупкость не нарушить
чтобы,
Он тает, — когда плачет человек.

О ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ

Как просто думать о таких
вещах —
О каплях с неба на чужих
плащах,
Об улицах, окутанных туманом,
О чёрной кошки взгляде
слишком странном…

А о других — совсем невмоготу!
Что не разрушить эту пустоту,
Не избежать скупого циферблата,
Лжи, денег, злости, старости
набата,

Что никогда тебя я не увижу,
Что зимний воздух стыл
и неподвижен
И никогда его не полюбить…
И проще сердце с разумом
мирить.

АЛАНУ РИКМАНУ, ТАК НЕСПРАВЕДЛИВО ПОКИНУВШЕМУ НАС 14 ЯНВАРЯ 2016 ГОДА

Сэр Рикман, рада видеть,
проходите!
Какой промозглый вечер…
Сядьте ближе.
Вблизи Вы кажетесь гораздо
выше…
О чём я? Дверь закрою,
извините.

Вот в это кресло…
Не пора ли чаю?
На five o'clock уже застыли
стрелки.
Не хлопотать? О, что Вы,
это мелко,
Сегодня я забот не замечаю.

Как мир без вас? Ужасно,
не иначе.
Мы все как будто враз осиротели.
Вчера кружили страшные
метели…
Ах, что там… Пейте чай,
пока горячий.

Нашли дорогу? Там вокзал,
весь белый.
Нет, я не только «Поттера»
смотрела.
Да, всё, что там, —
пока не наше дело.
И всё же, сэр, какой Вы жутко
смелый!

Звездой с вершины вниз лететь
ведь страшно?
А я на Вас желанье загадала,
Чтоб этой боли враз поменьше
стало,
Чтоб наконец-то сгинул день
вчерашний.

Взглянули изумлённо,
маг свободный…
Да, не боюсь! Вы призрак.
Что такого?
Я с Вами и сейчас лететь готова,
Но знаю: не возьмёте —
благородный.

Я навсегда запомню этот вечер,
Когда Вы наконец-то были
близко.
Как жаль, что он, как Вы,
не бесконечен.
…Ушёл! Не попрощавшись,
по-английски…

В КОНЦЕ НОЯБРЯ

Зима нагрянула — захватчица,
Взяла в свой тихий светлый плен,
Окно дождём уже не плачется,
И не слезает кот с колен.

Сидят на ветках птицы-мячики,
Рябину сладкую клюют.

Не достают рогатки мальчики,
Кругом порядок и уют.

Как в детстве, на морозе
жмуриться —
Снежинки падают на нос.
Вот ветер стих на тесной улице,
Куда-то песню не донёс.

И в сердце ощущенье праздника
Гудит, как неуснувший шмель.
Я скроюсь от снежка-проказника
И не куплю живую ель.

Мне детство шепчет:
«Это правильно!
Свою дорогу не забудь!»
А по реке застывшей, каменной,
Мне легче вновь пуститься в путь.

***

Утро зимнее пахнет арбузом
и хвоей.
Засыпая, скрывается в тучах
рассвет.
Я не знаю пока, что случится
со мною
В эту новую яркую тысячу лет.
Свежий вкус января сменит
знойным июлем;
Проглотить очень сложно
песочную муть.
Мы сбежавшее детство в дверях
караулим
И жалеем, что нас невозможно
вернуть —
Тех смешных и лохматых грачат
на заборах,
Бузотёров, придумщиков
(но не лжецов),
Побеждающих зло
в справедливейших ссорах,
Покидающих детства родное
крыльцо.
Пусть не с нами, а с ними оно
повторится.
Не грачатами.
В сей оцифрованный век
Несмартфонное детство ещё
возродится,
Если в сердце оставил его
человек.

САМОЕ ТРУДНОЕ

Самое трудное — первая строчка.
Первой дождинки обманчивый
стук,
Первая клейкая с дерева почка,
Первый отчётливый голоса звук.

Тщетно искать средь толпы
невидимку —
То же, что плакать, когда всюду
смех!
Броситься искоркой в светлую
льдинку,
Голос высокий тайком ото всех

Спрятать в наушники —
самое трудное.
Сердце не выставить всем напоказ.
Не одолеет тоска непробудная!
«Самое трудное» было не раз!

Антон ГОРЫНИН

ДЕРЕВЯННЫЙ ЮСУП

Антон Валерьевич Горынин родился в 1986 году в Оренбурге. Окончил Оренбургский государственный педагогический университет. Драматург, прозаик. Победитель регионального литературного конкурса «Оренбургский край. XXI век – 2015» в номинации «Новые имена». Лучший прозаик по итогам Межрегионального семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России – 2016». Лирическая комедия «Серая пьеса» вошла в электронный «Дайджест лучших пьес России» (2017). Лауреат региональной литературной премии имени П.И. Рычкова (2020), лауреат областной литературной премии имени С.Т. Аксакова (2020). Живёт в Оренбурге.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юсуп — ребёнок, экономист, лётчик-командир.
Ангелина — девушка Юсупа, жена Юсупа, вторая жена Юсупа.
Рита — мама Юсупа.
Наталья Вадимовна — бабушка Юсупа.
Доктор — офтальмолог и школьный товарищ Юсупа.
Второй пилот.
Голоса: Ведущего, классного руководителя Кольниченко Татьяны Викторовны, Директора училища гражданской авиации, Диспетчера, Другого диспетчера.

*Автор вдохновлялся реальной историей, произошедшей 15 августа 2019 года в подмосковном Жуковском, известной как «чудо в кукурузном поле». Самолёт А321 под управлением командира воздушного судна Дамира Юсупова и второго пилота Георгия Мурзина совершил жёсткую посадку в кукурузном поле, сохранив жизни более двухсот пассажиров. Однако пьеса всё

же не основана на реальных событиях. Она вообще о другом...

ДЕЙСТВИЕ I

1.

В кабине пилотов пассажирского самолёта на месте командира сидит Юсуп, на месте второго пилота Второй пилот. Ненавязчивый технический шум, деловые голоса по рации, сияют разными цветами всевозможные индикаторы и приборы.

Юсуп. Блин.
Второй пилот (бросает взгляд на приборы). Что такое?
Юсуп. Да нет, это я так... о своём.
Второй пилот. А, ладно. А то я подумал... вроде проверили всё пока. Три раза самолёт обошли.

Второй пилот улыбается, смотрит на Юсупа. Юсуп поворачивает голову к Второму пилоту, лицо его не выражает никаких эмоций. Глядя на Юсупа, Второй пилот перестаёт улыбаться, кивает в сторону командирского окна.

Всё, посадка пошла.

Шум в кабине самолёта медленно превращается в гудение, исполняемое детским голосом.

2.

В полной темноте звучит медитативное гудение детского голоса: «Умммммммм». «Умм...» прекращается, кто-то набирает воздух в лёгкие, и снова «умммммммм»...

Щелчок выключателя, включается свет. В центре детской комнаты среди разбросанных игрушек на маленьком стуле сидит восьмилетний Юсуп. От яркого внезапного света он щурится, но продолжает смотреть прямо перед собой, крепко держа руками воображаемый штурвал воображаемого самолёта и продолжая гудеть.

К Юсупу подходит Рита.

Рита. Так, Юсуп, давай, сынок, закругляйся, скоро спать. Уберись в комнате, потом мыться и спать. Слышишь?
Юсуп. Умммммммм...
Рита. Юсуп, ты слышишь меня, нет?

Юсуп перестаёт гудеть, но только для того, чтобы набрать воздуха в лёгкие и продолжить.

Рита: Юсуп, не делай вид, что не слышишь, не выводи мать с вечера попозже.
Юсуп. Умммммммм...

В комнату заходит Дамир.

Дамир. Да пусть летит. Теперь пока не сядет, знаешь ведь.

Юсуп продолжает гудеть и смотреть прямо перед собой.

Рита (*Дамиру*). Пока не уберётся

в комнате, спать не ляжет. *(Уходит.)*
Дамир. Спать не ляжет, вот напугала. Да, сынок?
Юсуп. ...уммм...

Дамир садится на корточки рядом с сыном.

Дамир. Борт 777, посадку разрешаю.
Юсуп. Я не запрашивал. Уммммм...
Дамир. Быстро сел, борт 777, и убрался в своей комнате. Иначе мама зайдёт сюда второй раз.
Юсуп. Вас понял, захожу на посадку, подскажите погодные условия, видимость. Умммм...
Дамир. Нормальные условия, но тучи над тобой сгущаются.
Юсуп. Вас понял. Игрушки уберу. Умммм...
Дамир. Отлично, мягкой посадки.
Юсуп. ...Умммм. Спасибо. Уммммм...

Дамир выходит из комнаты, поглядывая на Юсупа. Юсуп понижает тон своего «умммм» и направляет воображаемый штурвал от себя.

3.

Семнадцатилетний Юсуп стоит в толпе учеников в белой рубашке и брюках и с аттестатом в руках. Он вместе со всеми аплодирует и смотрит на импровизированную сцену у парадного входа в школу. Аплодисменты стихают, перестаёт хлопать и Юсуп.

Голос ведущего. Ну что ж, аттестаты одиннадцатому «А» вручены, и теперь слово предоставляется классному руководителю одиннадцатого «А» Кольниченко Татьяне Викторовне.

Снова аплодисменты с участием ладоней Юсупа.

Голос Кольниченко Татьяны Викторовны. Дорогие мои выпускники, дорогие мои дети. Вот и завершается... да практически уже завершилось ваше пребывание в школе. Не знаю, как вы по мне, а я по вам буду скучать.

Слышен смех. Юсуп едва заметно улыбается.

Я не буду долго говорить. Уже так много сказано на уроках, на наших классных часах. На последнем звонке. Сегодня я хочу сказать вам только одно: мечтайте. Идите к своей мечте и не предавайте свою мечту. Наверное, меня можно считать слегка сумасшедшей, но я с детства мечтала стать учителем. И вот я здесь...

Слышен смех. Юсуп едва заметно улыбается.

...выпускаю свой уже четвёртый десятый... одиннадцатый класс. И всем выпускникам я говорю и не устану говорить одно и то же: мечтайте. Только очень тщательно выбирайте свою мечту. Выбирайте её, как спутника жизни, тщательно, ответственно, можно

долго, но, выбрав конкретную мечту, будьте ей верны. Спасибо вам за те уроки, которые вы преподали мне. Надеюсь, школьные уроки пригодятся вам. В добрый путь.

Звучат аплодисменты, а вместе с ними редкие свисты, одобряющее улюлюканье. Юсуп аплодирует молча.

Голос ведущего. Большое спасибо, Татьяна Викторовна, за такие тёплые, важные слова. В добрый путь! И по нашей старой доброй традиции в знак новой жизни мы торжественно выпустим в небо белых голубей!

Звучит медленная песня о прощании со школой. Аплодисменты, улюлюканья, кто-то даже кричит «Ура».

Юсуп провожает взглядом голубей, смотрит в небо, щурится от яркого солнечного света.

4.

Комната Юсупа. Семнадцатилетний Юсуп сидит на подоконнике вполоборота к окну, посматривает на улицу. На кровати сидит Рита, она мрачнее тучи.
В комнату заходит Дамир в верхней одежде, позвякивая ключами то ли от квартиры, то ли от машины.
Дамир. Всем привет. Что за драка, а шума нет?
Рита. Ты знал?
Дамир. О чём?
Рита (кивает на Юсупа). Ты знал, куда он поступать собрался?
Дамир. А, так это вроде не тайна.
Рита. Ты знал, что Юсуп в лётное училище собрался? Он нам кивал, что на экономиста пойдёт, бабушка в институте со всеми уже договорилась. А этот покивал, значит, покивал и собрал документы в лётку. Ты знал об этом?

Дамир тяжело вздыхает и садится на кровать рядом с Ритой.

Дамир. Да пусть попробует. Туда же ещё поступить надо, комиссию пройти.
Рита. А если вдруг поступит?
Дамир. Значит, поступит. Он же бредит самолётами.
Рита. Вы специально, да? Издеваетесь надо мной оба. Мало ли чем он там бредит в своей подростковой голове! Он даже как пассажир на самолёте ни разу не летал!
Дамир. Почему не летал?

Рита удивлённо поднимает брови, смотрит то на Дамира, то на Юсупа. Юсуп осуждающе смотрит на отца.

Рита. Тааак, я чего-то не знаю?
Дамир. Ну, было один раз. Пять лет назад. Нет, шесть уже.
Рита. Вы ох... вы обалдели оба? То есть вы мне и не собирались рассказывать?
Дамир. Это было один раз. И то мы не собирались лететь куда-то, но Витька предложил тренировочный полёт на транспортнике...

Рита. Какой ещё Ви... Твой друган с аэродрома?
Дамир. Ну, не друган, приятель просто.
Рита. То есть мой сын летал на каком-то корыте, а я не знала и не должна была узнать?
Дамир. Почему сразу корыте? «ИЛ 76-й», да ему лет двадцать было, не больше...
Рита. Так, всё. Юсуп, завтра же несёшь... нет, завтра мы с тобой несём документы в институт к бабушке. Там и военная кафедра есть...
Юсуп. Мам...
Дамир. Рит...
Рита. Всё!

Рита встаёт и уходит. Дамир виновато смотрит на Юсупа.

Юсуп. Пап, а аэрофобия лечится вообще?
Дамир. Может, и лечится. Только если больной сам этого хочет. Документы все собрал?
Юсуп. Все.
Дамир. Точно?

Юсуп смотрит на Дамира осуждающе, как будто бы тот задал какой-то ну очень глупый вопрос. Дамир кивает, встаёт и направляется к выходу, останавливается у двери.

Дамир. Ну, извини, сын, вырвалось. Всё равно бы узнала когда-нибудь.
Юсуп. Ладно, проехали.
Дамир. Если не сказать пролетели.

Дамир ухмыляется, Юсупу не смешно. Дамир уходит. Юсуп подходит к рабочему столу, открывает лежащую на столе папку, вынимает оттуда пачку документов, начинает проверять документы, медленно, внимательно, вдумчиво.

5.

Коридор университета. Возле двери с табличкой «Приёмная комиссия» расположен большой информационный стенд, на котором висят списки из десятков имён и фамилий.

К стенду подходит Юсуп, вглядывается в списки.

Дверь приёмной комиссии открывается, в коридор выходит Наталья Вадимовна.

Наталья Вадимовна. О, добрый вечер, молодой человек. А вы что здесь делаете?
Юсуп. Здравствуйте. Смотрю список поступивших.
Наталья Вадимовна. Так списки с утра висят...
Юсуп. Я знаю. Просто утром много народу было. И я решил подойти попозже один, чтобы посмотреть ещё раз внимательно.
Наталья Вадимовна. И что, можно поздравить?
Юсуп. Да, бабуль. Конечно. Пока. *(Уходит.)*
Наталья Вадимовна. Поздравляю!
Голос Юсупа. Спасибо.

6.

Тихая городская улица, летний вечер, почти что ночь. По улице идут прогулочным шагом Юсуп и семнадцатилетняя Ангелина.

Слышен гул пролетающего где-то не очень высоко реактивного самолёта. Юсуп поднимает глаза вверх, замедляет шаг.

Ангелина. Да, тут же аэропорт недалеко. Вот они начинают приземляться. Или как это правильно сказать...
Юсуп. Заходят на посадку.

Гул затихает. Юсуп опускает голову. Ангелина и Юсуп продолжают идти.

Ангелина. Я вообще-то очень боюсь летать. А ты?
Юсуп. По статистике, самолёты — самый безопасный вид транспорта.
Ангелина. Да, слышала. Но техника есть техника всё-таки. Может подвести в любой момент... на такой высоте. А ещё есть человеческий фактор...
Юсуп. Хороший пилот с любой техникой справится.
Ангелина. Тоже верно. Наверно.

Ангелина останавливается, Юсуп останавливается тоже.

Почти пришли.

Юсуп вопросительно смотрит на Ангелину.

Просто у нас во двор через ворота заходить надо. Там вахтёр... скажет родителям, те могут не так понять...

Юсуп. Я понимаю.
Ангелина (кокетливо улыбается). Приятно иметь дело с умным, понятливым парнем.

Ангелина и Юсуп стоят и смотрят друг на друга.

Юсуп оглядывается по сторонам, затем кладёт руки на талию Ангелины, увлекает к себе, целует в губы. Поцелуй длится не дольше трёх секунд.

Ангелина. Ого.
Юсуп. Что-то не так?
Ангелина. Да нет... всё так. Пока?
Юсуп. Пока.
Ангелина. До завтра.

Юсуп кивает.

А ты всегда такой?
Юсуп. Какой?
Ангелина. Не знаю... спокойный какой-то, правильный. Всегда? Это очень по-мужски. Мне это нравится. Правда. Я пошла.

Ангелина делает Юсупу ручкой, Юсуп улыбается, тоже машет Ангелине рукой. Ангелина медленно спиной вперёд отходит от Юсупа. Слышен нарастающий гул самолёта, Юсуп машинально поднимает глаза на небо. Ангелина разворачивается и быстро уходит.

7.

Старшекурсник Юсуп в своей комнате собирает дорожную сумку. Вещи складывает медленно, аккуратно, вдумчиво.

В комнату проходит Рита, садится на кровать, наблюдает за Юсупом с грустью в глазах.

Юсуп. Мам, не смотри на меня так пристально. Пожалуйста. Смущаешь. Могу забыть что-нибудь.
Рита. Ты узнавал?
Юсуп. Что?
Рита. Что я просила.
Юсуп. Нет.
Рита. Я же просила.
Юсуп. Я помню. Но у меня билеты уже на руках. И я не обещал тебе что-то узнать.
Рита. Может, поменял бы билеты.

Юсуп приостанавливает сборы, садится рядом с мамой.

Юсуп. Не успеете оглянуться, я приеду уже. Какие-то три недели...
Рита. Я на работе у коллеги узнавала, в Германию и на поезде можно доехать.
Юсуп. Мы уже говорили на эту тему. На поезде — долго и нудно.
Рита. Пока едешь, поготовился бы к диплому.
Юсуп. Мама, я так хорошо учусь, что меня на международную конференцию отправили. Бабушка всё ещё декан. Диплом — это уже дело техники. Я же обещал, будет у тебя... будет у меня диплом экономиста.
Рита. Красный?
Юсуп. Красный-красный.
Рита. Ладно, собирайся. Буду молиться за тебя.

Рита встаёт, Юсуп тоже встаёт, продолжает собираться, выдвигает ящик с носками, начинает отсчитывать пары носков. Рита делает несколько шагов к двери, останавливается.

Рита. Юсуп, а ты самые дорогие билеты взял, да? Ты обещал, что полетишь самой надёжной компанией. Это ты мне обещал, я точно помню. Мы с отцом даже копилку вскрыли...
Юсуп. А если я пообещал, да ещё и денег попросил, то что?
Рита. Значит, сделаешь. Сделал.

Рита выходит из комнаты. Юсуп вновь обращается к носкам.

Юсуп. Шесть... так... пять... нет. *(Начинает считать заново.)* Раз, два, три, четыре...

8.

Крыша жилой многоэтажки. Восход. Юсуп и Ангелина выходят на крышу, держась за руки. Юсуп оглядывается по сторонам, любуется пейзажем, идёт и ведёт за собой к краю крыши Ангелину. Ангелина берёт руку Юсупа обеими руками, останавливается.

Ангелина. И что мы здесь делаем?

Юсуп. Ты же говорила, романтики не хватает.
Ангелина. Да мало ли, что я говорила. Нет, романтично, конечно, только к краю давай не будем подходить.
Юсуп. Хорошо, стоим. Сделаем это прямо здесь.
Ангелина. Что?

Юсуп достаёт из кармана маленькую тёмно-красную коробочку. Ангелина наблюдает за рукой Юсупа, улыбается, кусает губы, чтобы не превратиться в одну сплошную улыбку.

Юсуп открывает коробочку, внутри которой оказывается золотое кольцо то ли с бриллиантом, то ли с фианитом, встаёт на одно колено, протягивает коробочку Ангелине.

Юсуп. Ангелина, согласна ли ты быть моей...
Ангелина. Да!
Юсуп. Женой.
Ангелина. Ой... да, да!

Юсуп встаёт с колена, надевает кольцо на палец Ангелины. Ангелина разглядывает кольцо. Юсуп целует Ангелину в губы, начинает методично её раздевать.

Крыша, как по мановению волшебной палочки, превращается в спальню. Юсуп валит полураздетую Ангелину на кровать. Ангелина начинает страстными, резкими движениями расстёгивать рубашку Юсупа. Юсуп перестаёт целовать Ангелину.

Юсуп. Подожди, оторвёшь пуговицы.
Ангелина. И что? Я оторву, я пришью. *(Впивается в губы Юсупа.)*

Юсуп с трудом вырывается из объятий Ангелины.

Юсуп. Сейчас. (Начинает методично расстёгивать на себе рубашку.)

Ангелина. Ну, хорошо, не торопись, я подожду. (Ложится поудобнее, разглядывает новое кольцо на безымянном пальце.)

Юсуп продолжает аккуратно раздеваться.

9.

Рита и Дамир стоят на балконе.

Рита. Хорошо.
Дамир. Да, закат — это всегда красиво.
Рита. Да я про Юсупа подумала. Так хорошо, что с ним всё хорошо.
Дамир. Так с ним вроде всегда всё было хорошо.
Рита. Вот я и говорю, хорошо. Институт с красным дипломом закончил, как обещал. Девушку замечательную нашёл, женятся скоро, а там и внуки. Работает в главном государственном банке.
Дамир. Да, со всех сторон молодец, аж противно.

Рита. Чего?
Дамир. И с самолётами не расстаётся, и маму не огорчает.
Рита. Что про самолёты опять?
Дамир. Точнее, не самолёты, а самолётики. Ну, клеит модели, коллекционирует, хорошее решение, по-моему, компромисс такой...

Рита вздыхает, смотрит на закат.

10.

Спальня в абсолютно новой квартире ещё без полноценного ремонта. Юсуп в трусах и майке сидит на застеленном надувном матрасе с моделью самолёта в руке. Юсуп внимательно разглядывает самолёт. Слышно, как совсем недалеко кто-то спускает воду в унитаз.

В комнату проходит Ангелина, одетая в одну только сорочку.

Ангелина. Дорогой новый муж, есть новости. Хотя как новости... не знаю.

Юсуп ставит самолёт на пол, вопросительно смотрит на Ангелину.

Ангелина *(с улыбкой).* Что-что. Я беременна.

Юсуп встаёт, привлекает Ангелину к себе, обнимает.

Юсуп. Ну вот, я же говорил.
Ангелина. Да уж, всё чётко, Юсуп сказал, Юсуп сделал. Счастлив?
Юсуп. Да.

Ангелина чуть отходит от Юсупа, вглядывается в его спокойное лицо.

Ангелина. Точно? Что-то не вижу по тебе.
Юсуп. Что? Абсолютно счастлив буду, когда ребёнок родится.
Ангелина. Да ладно. Это я так просто. *(Обнимает Юсупа.)*

Пауза. Ангелина и Юсуп стоят в обнимку. Ангелина начинает напевать что-то красивое и двигаться в обнимку с Юсупом, происходит что-то вроде медленного танца. Юсуп двигается нехотя, скованно.

Юсуп. Что это?
Ангелина. Ничего. Просто танцуем. Я танцую. Это, конечно, хорошо, что у нас будет маленький... или маленькая. Но как-то... не знаю. Немного жалко, что не залетела, а просто забеременела строго по плану.

Юсуп останавливается. Смотрит на Ангелину с недоумением.

Ангелина. Ну, скучновато как-то оттого, что всё у нас вот так вот по графику, что ты не понял?
Юсуп. Случайная беременность веселее?
Ангелина. Да не знаю я. Было бы чуть волнительнее. А так... заделали ребёнка по календарю с первого раза. То есть сейчас в туалете было волнительно, конечно, сколько там полосок,

вдруг не получилось, ложная тревога...
Юсуп. Понятно.

Юсуп садится на матрас. Ангелина тоже.

Ангелина. Обиделся?
Юсуп. Нет.
Ангелина *(берёт с пола газету).* Тогда давай продолжим коляску искать.

Юсуп кивает, глядя на модель самолёта.

Ангелина. Папочка, сюда смотри.

Юсуп переводит взгляд на газету.

11.

За пустым кухонным столом сидят Рита, Наталья Вадимовна и Дамир. Наталья Вадимовна держит в руках телефон, смотрит на него несколько секунд, отдаёт Дамиру. Дамир смотрит на телефон несколько секунд, отдаёт Рите.

Рита. Нашла вчера в их квартире, когда снохе убираться помогала. Ну, что скажете?
Дамир. Хорошее фото, я же говорил, что у этого телефона камера путёвая, не зря потратились.
Рита. Дамир, я не про камеру в телефоне, я про нашего сына вообще-то.
Дамир. А что про сына? Не прошёл, значит, не прошёл.
Рита. Мама.
Наталья Вадимовна. Да я, в общем-то, согласна с твоим мужем. На нет и суда нет. А вот это вот твоё... втихаря чужие документы фотографировать... как-то... я не знаю...
Рита. Вы что, правда не понимаете?
Дамир. Ну, ты объясни, что мы должны понять.
Рита *(трясёт телефоном перед лицами собеседников).* Это значит, что он ни фига не успокоился!
Дамир. Ну вот, может, не прошёл медкомиссию и теперь точно успокоился.
Рита. Это вы рано успокоились, я смотрю. Юсуп со дня на день отцом станет, а у него самого ещё детство в одном месте!
Наталья Вадимовна. Не знаю, мне-то кажется, что он никогда ребёнком не был. Ещё младенцем такую серьёзную мину носил.
Дамир. И не говорите. Такой вид, как будто министром родился...
Рита. Так что делать-то будем, шутники?
Наталья Вадимовна. Да ничего мы делать не будем, Рит, успокойся.
Дамир. Ты сама посмотри на эту справку внимательно. Наш сын здоров, как бык, только зрение чуть подсело. Радоваться надо.
Рита. Ох, не разделяю я вашего спокойствия.

Звонит телефон в руках Риты.

Рита. Сынок, лёгок на помине. *(Подносит телефон к уху.)* Да, сынок. Схватки? Всё, мы тоже едем. Надо-надо, сейчас подъедем, и бабушка тоже. *(Убирает телефон, встаёт.)* В роддом едут.

Рита, Наталья Вадимовна и Дамир становятся вдруг какими-то неуклюжими, смешно суетливыми, быстро выходят из кухни.

12.

На той же, что и в предыдущей сцене, кухне за тем же столом сидят Дамир, Рита, Наталья Вадимовна и Юсуп. Сидят молча, не смотрят друг на друга.

Наконец тяжело вздыхает Дамир.

Дамир. Мда. *(Юсупу.)* А про Ангелину что врачи говорят?
Рита. Он уже говорил, через пару дней выпишут.
Наталья Вадимовна *(утирая платком едва появившиеся слёзы).* Как жить-то теперь?
Дамир. Жить надо дальше.
Рита. Сынок, ты почему молчишь? Не молчи, не пугай нас.
Дамир. Не приставай к нему сейчас, пожалуйста.
Рита. Я боюсь, он давно молчит. Наталья Вадимовна. Переживает. *(Снова утирает слёзы платком.)*
Дамир. Что ему, в истерике биться теперь...

Юсуп встаёт, аккуратно задвигает за собой табуретку, направляется к выходу.

Рита. Ты куда, сынок?
Юсуп. В больницу.
Наталья Вадимовна. Так не пустят же в реанимацию.
Дамир. Может, лучше домой поедешь? Она всё равно там спит.
Юсуп. Значит, просто где-то рядом посижу. *(Уходит.)*

Рита встаёт, чтобы пойти вслед за Юсупом, но Дамир останавливает её, взяв за руку.

13.

В спальне Юсупа и Ангелины полумрак, но не из-за времени суток, а из-за того, что шторы на окне закрыты, хотя за окном, кажется, день. На кровати сидит Юсуп, руки его на коленях, идеально прямая спина. За спиной Юсупа лицом к стене лежит Ангелина.

Юсуп несколько раз сильно зажмуривается на несколько секунд, затем широко открывает глаза. Начинает быстро моргать глазами. Поморгав, водит зрачками по кругу сначала в одну сторону, затем в другую. Закрывает глаза ладонями рук.

Ангелина поворачивает голову к Юсупу, лицо её худое, бледное, волосы растрёпаны.

Ангелина. Юсуп? Ты что делаешь? Ложись спать.
Юсуп. Какой спать? На работу пора. *(Сильно зажмуривается, широко открывает глаза, поворачивается к Ангелине.)* И тебе советую.
Ангелина. Что?
Юсуп. Выйти на работу. Или хотя бы на улицу погулять. Хочешь, сходим куда-нибудь?
Ангелина. Психотерапевт сказал, рано мне ещё на работу. *(Отворачивается обратно к окну.)*

Юсуп тяжело вздыхает, несколько секунд о чём-то напряжённо думает, затем поворачивается к Ангелине, резко берёт её за руку, поворачивает к себе, не отпускает.

Юсуп. А лежать дома сутками напролёт тебе тоже доктор сказал?
Ангелина. Пошёл ты. Делай, что хочешь. Тебе же всё равно, что мы ребёнка потеряли. Иди давай на работу свою, опоздаешь.

Юсуп отпускает Ангелину, та отворачивается к стене.

Юсуп встаёт с кровати. Подходит к шкафу, достаёт оттуда деловой костюм, начинает переодеваться из домашней в рабочую одежду.

Юсуп. Нет, мне не всё равно. Просто я помню, что нам в роддоме сказали. Пройдёт немного времени, и можно ещё раз пробовать. Не всё так плохо...

Ангелина. Лучше заткнись сейчас.

Юсуп молча одевается. Одевшись, направляется к выходу.

Ангелина. У меня сертралин заканчивается.
Юсуп. Возьму. Можно шторы раздвинуть?
Ангелина. Нет.

Юсуп уходит.

14.

Юсуп сидит в кабинете офтальмолога на стуле, прикрывает один глаз офтальмологической заслонкой, произносит буквы из проверочной таблицы, на которые ему указывает Доктор. А указывает Доктор на буквы из нижних очень мелких строчек.

Юсуп. Бэ.
Доктор. Есть. *(Указывает на другую букву.)*
Юсуп *(прищуриваясь).* Эс... да, эс.
Доктор. Опять угадал. *(Указывает на другую букву.)*
Юсуп. Я не угадываю. Эм.
Доктор. Нет.
Юсуп. Подожди... щас... Эн!
Доктор. Нет.
Юсуп. Ше? Ы?
Доктор. Ты меня спрашиваешь? Короче, нет у тебя единицы, не щурься так — морщины будут некрасивые.
Юсуп. А сколько есть?

Доктор кладёт указку, забирает у Юсупа заслонку, садится за стол, достаёт из стола початую бутылку коньяка и распечатанную плитку шоколада, разливает коньяк в две чайные чашки — себе и Юсупу.

Юсуп. Я не буду, спасибо.
Доктор. Будешь. Для сосудов, в том числе для глазных сосудиков, полезно. Тебе же не за штурвал сегодня?

Доктор смеётся. Юсупу не смешно.

Юсуп. Что с моим зрением, док? Два месяца твои упражнения делаю, витамины пью.

Доктор выпивает коньяк, закусывает шоколадкой.

Доктор. Ну, молодец, что пьёшь и делаешь. По крайней мере, хуже не стало.
Юсуп. А лучше?
Доктор. Чтобы стало лучше, попробуй ещё меньше за компьютером сидеть.
Юсуп. Я не могу, у меня работа. Я и так книжки читать бросил. И телевизор смотреть.
Доктор. Тогда давай очки тебе всё-таки подберём. Я хороший рецепт выпишу, тем более школьному товарищу. Подбирать очки — мой конёк. А хочешь линзы? У меня жена спец по контактным линзам, серьёзно тебе говорю.
Юсуп. Нет-нет. Никаких очков, никакой коррекции.
Доктор. Упёртый какой. В школе таким не был вроде.
Юсуп. Не во что было упираться. *(Выпивает коньяк, морщится, пить ему явно непривычно.)*
Доктор. А сейчас что?
Юсуп. Ты знаешь что. И даже шутишь на эту тему искромётно.
Доктор *(снова наливает коньяк в чашки).* Нет, ты правда поступать собираешься? Не прикалываешься? Тебе сколько лет, чувак...
Юсуп. Ну и что? Тебе-то хорошо говорить, ты хотел в медицинский и поступил.
Доктор. Хотел, поступил. Только я хотел не просто офтальмологом, а хирургом-офтальмологом стать.
Юсуп. Почему не стал?
Доктор. Батя отговорил. И правильно сделал, я думаю. Он-то у меня хирург от Бога. «А у тебя, — он мне говорит, — руки не из того места растут, какой ты на фиг хирург, иди в лечебники». Это он мне ещё до института так говорил. А у меня и правда всё всегда из рук валилось, по дому ничего не умел никогда. Очень плохо с хирургией было, даже лягушку в лаборатории аккуратно вскрыть не мог. Беру лягушку, беру скальпель, вдруг руки начинают трястись, и тут же батин голос в голове, про то, какой я безрукий... Но вот простым глазником стал, завполиклиникой мной довольна, батя тоже доволен. *(Указывает взглядом на коньяк.)* Пациенты благодарят, хранить уже негде.
Юсуп. А сам-то ты как, доволен?

Доктор *(пожимает плечами).* Вполне. *(Протягивает чашку Юсуну, предлагая чокнуться.)*
Юсуп. Нет, всё.

Доктор снова пожимает плечами, выпивает коньяк, закусывает шоколадкой.

Доктор. Это я всё к чему, братан. Мало ли чего мы хотим. Но надо же трезво на вещи смотреть. Что мы можем, чего не можем. А в твоём случае так вообще... Хочешь, справку тебе состряпаем? Я уже предлагал, да? Иди на курсы, получай любительские права на самолёт или как там у вас это называется... Требования там не такие жёсткие, я знаю.
Юсуп. Нет, никаких липовых справок.
Доктор. Хорошо-хорошо. Только не кричи.
Юсуп. Ладно, спасибо. Пойду. *(Встаёт, протягивает руку Доктору.)*

Доктор жмёт руку Юсупу.

Доктор. И помни: хочешь реально поправить зрение — учись расслабляться.
Юсуп. Легко сказать. Давай. *(Уходит.)*

15.

Юсуп и Дамир идут вдоль кладбища прогулочным шагом.

Юсуп. А сколько ему было?
Дамир. Да не так много. Пятьдесят девять, что ли.
Юсуп. Да, немного.
Дамир. Вот как бывает. Вся жизнь с военной авиацией связана, десятки, если не сотни тысяч часов налетал. На войне был. А умер на даче, подавившись рыбной косточкой. А ты же с ним с того полёта и не виделся, да?

Юсуп кивает.

А на похороны пришёл.

Юсуп. Дядя Витя очень много для меня сделал.
Дамир. Посадил один раз на самолёт?
Юсуп. Да. Если до полёта я сомневался в своём призвании, то после всё встало на свои места.

Дамир смотрит на Юсупа с грустью и сочувствием. Юсуп спокойно смотрит в сторону.

Юсуп. Машут. Пора в автобус грузиться.
Дамир. Да, поехали.

Юсуп и Дамир направляются к автобусу.

Юсуп. Я, кстати, поговорил с врачом, который Ангелиной занимается. Спросил про лечение аэрофобии. Говорит, что нашей маме можно помочь.
Дамир. Сомневаюсь. Мы же это обсуждали сто раз уже. Не хочет она лечиться. Видимо, жёсткая посадка на кукурузнике в детстве — слишком серьёзная травма, незаживающая рана.
Юсуп. Всё понимаю. Но что теперь, больше никогда не летать?

16.

Ангелина сидит в спальне на полу среди многочисленных обломков миниатюрных самолётов. В её руке початая бутылка вина. На Ангелине ночнушка, в её глазах с ужасающе тёмными веками злость и безысходность.

Ангелина делает большой глоток вина и берёт, кажется, последний целый самолёт, отламывает одно крыло, принимается отламывать второе.

В спальню заходит Юсуп, осматривает своеобразное кладбище самолётиков, затем переводит взгляд на Ангелину.

Юсуп. А что, таблетки от депрессии вином нужно запивать?
Ангелина. Да, так эффективнее.
Юсуп. Понятно. *(Смотрит на обломки самолётиков.)* А это что за вандализм? Что за истерика?
Ангелина. Никакой истерики. Просто хочу тебя проверить.
Юсуп *(садится на пол, начинает собирать детали самолётов).* Что это значит?
Ангелина. Хочу понять, ты вообще человек или нет.
Юсуп. А так, без проверок, не ясно, что ли?
Ангелина. Нет, не ясно. Иногда... не иногда, а часто... Очень часто... Нет, почти всегда мне кажется, что ты какой-то... я не знаю... робот, что ли. Всё у тебя по расписанию, всё по программе.

Несколько секунд Ангелина молча наблюдает за тем, как Юсуп аккуратно и терпеливо собирает обломки самолётов.

Ты же какой-то, блин, неживой вообще, ты деревянный какой-то!

Юсуп. Деревянный робот?
Ангелина. Вот я и не понимаю, кто ты. За кого или за что я вышла замуж?
Юсуп. От кого или от чего забеременела.
Ангелина *(делает большой глоток вина).* Вот-вот. Может, ребёнок поэтому и родился мёртвым, от неживого отца.

Юсуп перестаёт собирать самолёты, смотрит на Ангелину. Тяжёлая пауза.

С обломками в руках Юсуп поднимается и направляется к двери.

Ангелина. Что? Неужели обиделся? Ну, скажи, что чувствуешь?
Юсуп. Ты правда хочешь знать, что я чувствую?
Ангелина. Да. Я, блин, правда очень хочу знать, что ты чувствуешь, если чувствуешь...
Юсуп. Я чувствую, что нам пора расстаться.

Юсуп выходит из комнаты. Ангелина смотрит вслед Юсупу, отпивает из бутылки.

Ангелина. Что, прям развод?
Голос Юсупа. Не знаю.

ДЕЙСТВИЕ II

1.

Тридцатилетний Юсуп в форме курсанта училища гражданской авиации стоит на лётном поле с красным дипломом в руках среди других курсантов, которым на вид плюс-минус двадцать лет.

Голос директора училища. Товарищи выпускники! Сегодня я впервые обращаюсь к вам именно так: не курсанты, а выпускники. Теперь в ваших руках не просто дипломы по специальности «лётная эксплуатация летательных аппаратов», а профессия, одна из самых сложных и героических профессий. Вы будете поднимать в воздух не только самолёты, но за вашими спинами каждый раз будут десятки и сотни пассажиров, за жизнь и здоровье которых вы будете нести персональную ответственность. Конечно, в первые годы вашей трудовой деятельности вы будете занимать кресло второго пилота, основная ответственность за безопасность и качество полёта будет лежать на ваших командирах. Но, перефразируя известную поговорку, плох тот второй пилот, который не мечтает стать первым. Многие из вас, я знаю, собираются идти учиться дальше, заканчивать высшие учебные заведения гражданской авиации. Я хочу пожелать вам всем успехов в работе, в учёбе и жизни. Я желаю вам удачи и по возможности хорошей погоды, попутного ветра, отличной видимости, исправных машин. Но будьте готовы ко всему. Ещё раз поздравляю вас с получением дипломов! В добрый путь!

Звучат ровные, сдержанные аплодисменты, аплодирует и Юсуп. На лице Юсупа спокойствие и умиротворение.

2.

Богато накрытый стол в главной комнате квартиры родителей Юсупа. На столе несколько видов салата, бутерброды, прочие закуски и бутылки с водкой и вином.

В комнату проходят Дамир, Рита и Юсуп в форме лётчика-курсанта, но без фуражки.

Рита. Давай, проходи, сынок, садись уже.
Дамир. Да уж, мы с матерью заждались твоего прибытия, голодные.
Юсуп *(глядя на стол).* Ого. Мы ещё кого-то ждём?
Рита. Нет-нет, у нас, слава Богу, все дома, почти все, будем праздновать вчетвером. Садись-садись. Бабушка попозже подойдёт, у неё экзамен ещё.

Юсуп садится за стол. Рита уходит на кухню. Дамир садится напротив Юсупа, берёт бутылку водки, открывает.

Дамир. Мамка твоя, как всегда. Всех посадила, сама будет бегать

теперь, суетиться. *(Протягивает бутылку к рюмке, стоящей перед Юсупом.)*
Юсуп. Нет, спасибо. Я вижу, сок есть.
Дамир. Да ладно тебе. Такое дело как не отметить?
Юсуп. Пап, ты же знаешь, я к алкоголю равнодушен. Тем более у меня послезавтра уже стажировка начинается.
Дамир. Так послезавтра, это не сегодня и даже не завтра.
Юсуп. А до стажировки ещё добраться надо. А там предполётный осмотр, лучше вообще не пить.

Дамир пожимает плечами, наливает водку себе. Юсуп наливает себе сок. В комнату проходит Рита, садится за стол.

Рита. Фух, пирог смотрела. Пусть поготовится ещё.
Дамир. Тебе вино?
Рита. Давай. А ты, сынок, что?
Юсуп *(поднимает бокал с соком).* У меня налито.
Рита. Да ты давай чего-нибудь покрепче. С родителями можно.
Дамир. Смешно. *(Наливает вино Рите.)*
Юсуп. Давайте уже выпьем, у кого что, и поговорим ещё на какую-нибудь тему.
Рита. Ну, хорошо.
Дамир. За тебя, сынок, за твои крылья.

Дамир, Рита и Юсуп выпивают, Рита раскладывает салаты по тарелкам.

Рита. Давайте по салатику, потом горячее будет.

Дамир и Юсуп многозначительно переглядываются.

Дамир. Так о чём ещё ты хотел поговорить, Юсуп? Может, хочешь нам какую-то ещё новость рассказать?
Юсуп. Да, у меня, кроме свежеполученного диплома, есть ещё новости. У меня начинается новая не только профессиональная, но и личная жизнь.
Рита. Личная? Это девушка, что ли, новая?
Юсуп. Да, мама и папа, новая... ну, как девушка, — женщина. И не то чтобы новая.
Рита. Не понимаю.
Юсуп. Мы решили сойтись с Ангелиной.
Рита. С кем? А где же вы... как вы опять?
Юсуп. По переписке стали общаться, не прошло и года после развода. Она стала писать мне в училище. Я однажды ответил, так и закрутилось всё опять.
Рита. И что, будете опять вместе жить?
Юсуп. Да, в Питере, в семейном общежитии, я уже договорился.
Рита. Да ты же не успел приехать, уезжаешь опять.
Дамир *(Рите).* Давай без лирики. Мы же договорились.
Рита *(Юсупу).* Подожди, у неё же кто-то был после тебя...
Дамир. Рита...
Юсуп. Ну, теперь этот кто-то — я. Мы всё обговорили ещё

в письменном виде. Так что она согласна на то, что я больше времени буду проводить на учёбе и на работе, а не рядом с ней. А я в свою очередь пообещал быть с ней более живым.
Рита. Живым? Это как?
Дамир. Это значит, Юсуп будет стараться быть менее деревянным.

Пауза. Рита задумывается. Юсуп и Дамир многозначительно переглядываются.

Юсуп. Мам, а помнишь, когда мы ругались последний раз, перед самым поступлением...
Рита. Да ладно вспоминать теперь...
Юсуп. А я вот помню, что ты мне обещала, если я всё-таки поступлю и отучусь на лётчика.
Рита. Я?
Дамир. Я тоже помню. Ты так не верила, что сын всё-таки станет лётчиком, что пообещала ему полетать с ним на самолёте.
Рита. Нет, нет, не так было...
Юсуп. Я точно помню, как было. Ты не со мной обещала полетать, а вообще — полететь куда-нибудь на самолёте.
Рита. Да нет...
Дамир. Да-да, так и было.
Юсуп. Папа, доставай.

Дамир встаёт из-за стола, выходит из комнаты и вскоре возвращается с цветным конвертом в руках. Юсуп подмигивает Рите.

Дамир. Короче, Рита, мы с Юсупом сложились, он ещё до того, как бросил работу, вложился. Это путёвка нам с тобой на двоих в Грецию. И туда, как ты понимаешь, на поезде не доедешь.
Рита. Это что, шутки такие?
Юсуп. Мам, это правда путёвка с билетами на самолёт. Отличная авиакомпания, я точно знаю, там много наших выпускников работает. Слетаете с папой, хоть немного мир посмотришь.
Дамир. Ну, правда, Рит, нельзя в двадцать первом веке на одном месте сидеть, грех.
Рита. Вы... обалдели оба.
Дамир. Вылет через два месяца. Так что время на моральную подготовку есть.
Юсуп. Мам, ты обещала.

Рита смотрит на Дамира, на Юсупа, на путёвку в руках Дамира, водит носом, вроде как принюхивается.

Рита. Тьфу ты! Пирог! (Выбегает из комнаты.)

Дамир кладёт конверт с путёвкой на стол, прямо перед винным бокалом Риты.

3.

Обшарпанная, но вроде бы чистая комната в общежитии. Открывается дверь, и в комнату проходит Ангелина (у неё другая причёска, и вообще сама Ангелина какая-то другая, но узнаваемая) и Юсуп в форме лётчика с женской дорожной сумкой в руке.
Ангелина оглядывает комнату, Юсуп смотрит на Ангелину.

Юсуп. Ну, да, вот как-то так. Пока.
Ангелина. Да, это даже не наша первая квартирка. Да ничего, нормально. С милым рай и в семейном общежитии.
Юсуп. Зато в каком городе.
Ангелина. Да, красивый город, но провинция...
Юсуп. В Москву хочешь?
Ангелина. Нет, я только что оттуда. *(Ангелина проходит к кровати, садится, прыгает на кровати.)* Нормально.
Юсуп. Вот это правильно, лучше всё заранее проверить. Настоящая жена лётчика.
Ангелина. Иди сюда.

Юсуп подходит к Ангелине. Ангелина отпускает ремень на форменных брюках Юсупа, расстёгивает ширинку.

Юсуп. Что?
Ангелина. Что-что, к взлёту готова.
Ангелина спускает с Юсупа штаны. Юсуп начинает расстёгивать рубашку. Ангелина строго смотрит на Юсупа, Юсуп опускает руки. Ангелина хватает рубашку, будто собирается её разорвать, улыбается и начинает расстёгивать рубашку аккуратно.

4.

Рита стоит на балконе и смотрит на восход.
На балкон выходит заспанный Дамир.

Дамир. Ну? Чего не спим? Такой день трудный завтра... сегодня то есть.
Рита. Не спится.
Дамир. Почему?
Рита. Не задавай глупых вопросов, пожалуйста.
Дамир. Всё будет хорошо, не волнуйся.

Пауза. Дамир смотрит на Риту. Рита молчит.

Дамир. Слушай, а ты молодец у меня. Я говорю, хорошо придумала. Сейчас пока туда-сюда в аэропорт, на самолёт, ты спать захочешь. И уснёшь в самолёте. Так и переживёшь полёт, проснёшься уже в Греции. А? Потому и не спишь. Угадал?
Рита. Нет, не угадал. Но это мысль.
Дамир. Ну вот. Не благодари.

Молчание. Рита и Дамир смотрят на восход.

Рита. Хорошо.
Дамир. А?
Рита. Я говорю, главное, что всё хорошо у Юсупа. Хотя не знаю. Странный этот у них второй брак первых супругов.
Дамир. Я думаю, они сами разберутся. Надо учиться доверять. Мужу, сыну, невестке, пилотам нашего рейса.

Рита тяжело вздыхает. Дамир обнимает Риту.

5.

Кабинет офтальмолога. Возле одного и того же аппарата, напротив друг друга сидят Юсуп и Доктор. Оба смотрят каждый в свои окуляры. Доктор нажимает кнопки на панели, аппарат несколько раз пищит.

Доктор. Ну что, и на самом дне всё в порядке. Держишься молодцом.
Юсуп. Всё?
Доктор *(отрывается от окуляра).* Пока всё. Глаза как у орла, оба, придраться не к чему. Удивительно, конечно, тянет на чудо. Если бы я не был таким ленивым, взялся бы какую-нибудь диссертацию про тебя писать.
Юсуп *(отрывается от окуляра).* Слава Богу.
Доктор. Лётчики верят в Бога?
Юсуп. Почему нет?
Доктор. Я думал, такие ребята, как ты, только в самих себя верят.
Юсуп. Одно другому не мешает.
Доктор. Пошли, выпишу тебе ещё витамины. Новые, недавно в наших широтах появились.

Доктор и Юсуп перемещаются от аппарата к столу. Доктор берёт бумажку и ручку, выписывает рецепт.

Доктор. Так что, тебя завтра материть надо?
Юсуп. Ну да, если не лень.
Доктор. Да это вообще не лень. Хотя я не сомневаюсь, что всё ты сдашь. *(Протягивает Юсупу рецепт.)* Никогда не думал, что у меня будет знакомый командир самолёта.

Юсуп берёт у Доктора рецепт, аккуратно складывает его напополам, засовывает в нагрудный карман. Доктор внимательно наблюдает за движениями Юсупа.

Юсуп *(берёт рецепт).* Правильно говорить «командир воздушного судна». Спасибо.
Доктор. Знаешь, на кого ты похож? Я недавно понял.
Юсуп. На кого?
Доктор. На батю моего. *(Достаёт из стола початую бутылку коньяка.)* Тебе не предлагаю, да?
Юсуп. Не надо, спасибо. И самому в десять утра не рановато? Доктор. Так я с девяти пью... выпиваю. *(Делает глоток коньяка из горла, прячет бутылку обратно в стол.)* Я говорю, на батю моего ты похож.
Юсуп. Неожиданно, чем?
Доктор. Характером рук.
Юсуп. Это как?
Доктор. Руки у тебя... как сказать... внимательные, движения чёткие. Ты когда-нибудь что-нибудь ронял?
Юсуп. Не помню. Наверное.
Доктор. Вот. Если не помнишь, значит, не ронял. А я вот много раз что-нибудь ронял. И каждый случай помню, как будто это было только что.
Юсуп. Попробуй не запоминать такое.
Доктор. Легко сказать. Я вот недавно ребёнка своего, младшего,

шестимесячного уронил дома. Без последствий — на кровать уронил. Дочка не пострадала, никто не увидел. Пронесло, но сам факт. *(Достаёт из стола бутылку с коньяком.)*

Юсуп. Ну, хватит, у тебя вообще-то рабочий день в разгаре. А ты даже не закусываешь.

Доктор *(открывает бутылку).* И вот вроде был сосредоточен вполне. Я же адекватный, я же понимал, что я делаю, что беру маленького ребёнка, собственную дочь беру на руки. А она раз — и чихнула, я как-то дёрнулся и выпустил её из рук. Слава Богу, обошлось всё. Крепкий ребёнок оказался. *(Делает глоток из бутылки.)*

Юсуп. Врачи верят в Бога?

Доктор. Таким, как я, рассчитывать на себя не приходится.

Юсуп. Каким «таким»?

Доктор. Неудачникам. *(Подносит бутылку к губам.)*

Юсуп. Ну, всё, хватит.

Юсуп пытается отнять у Доктора бутылку, Доктор сопротивляется, бутылка падает на пол и разбивается.

Доктор. Ну вот, что и требовалось доказать.

Юсуп. Это из-за меня. Чем осколки собрать можно? Я дверь на замок закрою пока. *(Отходит к двери, поворачивает ключ в замке.)* И проветрить надо. *(Открывает окно.)* Тряпка есть? Веник? Совок?

Доктор. А знаешь, что самое страшное?

Юсуп *(оглядывает кабинет в поисках уборочных принадлежностей.)* Что может быть страшнее?

Доктор. Самое страшное, что мне захотелось дочь свою ещё раз взять и уронить. Специально. И не один раз. Психанул я так, понимаешь? Внутренне. Пока что.

Юсуп. Да уж, допился коньяков своих. *(Опускается на колени, начинает собирать бутылочные осколки руками.)*

Доктор. При чём тут коньяки-то? Жизнь не удалась. Что ж ты голыми руками, поранишься, хотя ты не поранишься, ты же у нас чёткий.

Доктор пододвигает Юсупу мусорное ведро. Юсуп с осколками в руках поднимает глаза на Доктора.

Юсуп. Спасибо. *(Высыпает осколки в урну.)*

6.

Наталья Вадимовна разговаривает по телефону.

Наталья Вадимовна. Алё... Алё! Рита, привет! Как долетели? Как долетели, говорю?! Нормально? Проспала, наверное, весь полёт... А? Даже не спала? Точно? Я у Дамира уточню. Уточню, говорю, у Дамира, спала ты в самолёте или нет! Да у меня-то нормально всё. Чего? Ну, в следующий раз, может, и вместе полетим. Что, правда, не спала? Даже понравилось? Ну-ка, дай

Дамира мне... Трубку Дамиру дай, пожалуйста. Что «зачем»? С зятем не могу поговорить? Ничего, недорого, оплачу. Алё? Дамир, привет. Что там Рита, правда спокойно полёт перенесла? Ну да, теперь будет жалеть, что столько лет пробоялась. Да понятно, «Боинг» — это не кукурузник какой-нибудь. Ладно, отдыхайте хорошо, ни в чём или почти ни в чём себе не отказывайте. Хорошо отдохнуть вам, говорю! Конечно, созвонимся ещё, пока. Пока! Привет грекам!

ДЕЙСТВИЕ III

1.

Ангелина сидит на кровати с ноутбуком на коленях, что-то увлечённо печатает. В комнату проходит Юсуп в форме. Ангелина откладывает ноутбук в сторону.

Ангелина. Привет. Ну?
Юсуп. Что?
Ангелина. Новости какие? Сдал, нет?
Юсуп. Какие мы нетерпеливые. Сдал-сдал. Теперь ты жена КВС.
Ангелина. Кто я?
Юсуп. Жена командира воздушного судна.
Ангелина. То есть теперь я замужем за лётчиком-командиром?
Юсуп. Так точно.

Ангелина встаёт с кровати, обнимает Юсупа. Юсуп не спешит отвечать на объятья.

Юсуп. Подожди, верхнюю одежду сниму, потом обниматься...
Ангелина. Сейчас. *(Обнимает Юсупа ещё крепче.)* У меня же для тебя подарок есть. Сейчас... *(Берёт свою сумку, достаёт оттуда небольшую подарочную упаковку, протягивает её Юсупу.)*
Юсуп. Что это?
Ангелина. Подарок, говорю же, по случаю твоего командирства.

Юсуп берёт коробку.

Заранее купила, потому что не сомневалась, что ты у меня все экзамены сдашь.

Юсуп. Не стоило, но спасибо. *(Открывает упаковку, мрачнеет в лице.)*
Ангелина. Ну?

Юсуп достаёт из коробки модель самолёта на подставке.

Мне так стыдно, что я твою коллекцию сломала. Так что вот. Время собирать новые самолёты.

Юсуп кладёт самолётик обратно в коробку, протягивает коробку Ангелине.

Юсуп. Прости, не могу принять.
Ангелина. Почему? Симпатичный вроде...
Юсуп. Дело не в этом.
Ангелина. Во мне дело?
Юсуп. Нет. То есть да. Не должно быть у действующего лётчика моделей самолётов, плохая примета. Нельзя клеить модели,

но и просто собирать лучше не надо, я думаю...
Ангелина. Здрасте. Не знала, что ты у меня суеверный.
Юсуп. Не то чтобы суеверный, но лучше не надо.
Ангелина. Хорошо, а почему дело во мне?
Юсуп. Потому что я тебе уже говорил об этом, но ты, видимо, меня не слышала.
Ангелина. Когда говорил?
Юсуп. Когда ты спрашивала, почему я самолёты перестал собирать. Неважно, когда я говорил. Важно, что ты меня не услышала. Всё, короче, забыли, я оценил твою веру в меня...

Ангелина достаёт самолёт из коробки и бросает его в окно, самолёт ударяется о стекло и падает на пол.

Ну вот. Зачем?

Ангелина. Просто. (Садится на кровать, не смотрит на Юсупа.)

Юсуп садится рядом с Ангелиной.

Юсуп. Ну, мы же договаривались жить по-честному, договаривались? Вот я честно говорю, стараюсь не прятать эмоции, да, меня напрягает такой подарок...

Ангелина молчит.

Ну да, правильно, ты тоже эмоции не прячешь. *(Смотрит на лежащий на полу самолёт.)* Что такое дежавю и как с ним бороться.

2.

Наталья Вадимовна разговаривает по телефону.

Наталья Вадимовна. Алё, Дамир, привет! Почему-то не могу до Риты дозвониться. Вы сели, всё хорошо? А чего она в стрессе? Ох, надо же. Да, погода сегодня не очень. Ну, пусть телефон свой включит или дай ей трубку... Даже с тобой не разговаривает? Дай ей выпить что-нибудь покрепче. А, уже дал, теперь отнять не можешь. Понятно. Давайте домой быстрее, пусть поспит, утро вечера мудренее. Юсупу сама позвоню. Пока. *(Набирает другой номер.)* Алё, Юсуп, привет. Родители твои долетели... Нет, не всё в порядке, похоже, провалилась ваша затея. Больше она точно никуда не полетит...

3.

В комнате возле Риты, сидящей по центру, сидят Дамир, Юсуп, Ангелина и Наталья Вадимовна.

Юсуп. Мама, давай ещё раз. Турбулентность — это просто нестабильная атмосфера...
Дамир. Всего лишь.
Юсуп. Да, так бывает. Трясёт, конечно, иногда сильно...
Наталья Вадимовна. Так на машине тоже трясёт, особенно по нашим дорогам.
Ангелина. А корабль на волнах качает.

Юсуп. Это просто разные воздушные потоки, смена температур, в воздухе много чего происходит...
Рита. Я думала, он на части развалится.
Юсуп. Не развалится, самолёт специально придуман для того, чтобы летать.
Дамир. Рит, хватит уже, сколько можно, вторые сутки пошли! Что мы тебе тут вчетвером какие-то школьные истины объясняем?
Рита *(Дамиру).* Умный? А посадка, что это было?
Юсуп. Ну, в дождливую погоду пилот заходил на посадку несколько раз, это тоже нормально.
Дамир. Да, перестраховался пилот. *(Юсупу.)* Молодец?
Юсуп. Молодец. Это как на машине: не уверен — не обгоняй. Вот и самолёт, если не уверен, лучше не сажать...
Рита. Хватит! Я сказала, это был точно последний раз.
Дамир. Даже с сыном не полетишь?
Рита. Нет. Пошутили и хватит. Наталья Вадимовна. Они вообще-то серьёзно хотели тебе помочь.
Рита. Хватит, я говорю.
Наталья Вадимовна. Чтобы ты мир посмотрела хоть немного, в конце концов.
Рита. Мне и здесь нормально. Ты сама-то много чего видела?
Наталья Вадимовна. Да, кое-что видела. Я вот в серьёзную аварию попадала на машине, и что? Пешком ходить всё оставшуюся жизнь?
Ангелина. А я как-то раз так сильно с велосипеда упала...
Дамир. В общем, мы хотели как лучше. Хочешь бояться — бойся дальше. А я полечу ещё куда-нибудь. Вон, с Юсупом. Когда у тебя ближайший рейс?
Юсуп. Послезавтра. Только что тебе в Воркуте делать?
Рита. Правильно. Давайте, бросайте мать. Один вон наплевал уже на моё мнение, на то, что я не за себя, а за него волнуюсь.
Юсуп. Я думал, мы давно договорились обо всём.
Рита. Договорились. Знаешь, как в груди всё сжимается, когда ты там наверху где-нибудь?
Юсуп. То есть не доверяешь?
Рита. Я не знаю!
Юсуп *(Ангелине).* Пойдём.

Юсуп и Ангелина встают, направляются к выходу.

Дамир. Юсуп, ты-то хоть не истери.
Юсуп. Я спокоен. Ты-то хоть не обижай меня.
Дамир. В смысле?
Юсуп. Ты прекрасно знаешь, что я никогда не истерю.

Юсуп берёт за руку Ангелину, и они выходят из комнаты.

Дамир *(Рите).* Довольна?
Рита. Доволен?

Наталья Вадимовна тяжело вздыхает.

4.

Ангелина одна в общажной комнате разговаривает по телефону. За окном густые сумерки.

Ангелина. Да, здравствуйте. Нет, Юсупа нет. Не берёт, ну, в полёте, наверное. Нет-нет, то есть... нет, я точно знаю, что он на работе, поэтому и не названиваю. Его это раздражает. Он хоть и не показывает вида, но я уже и так чувствую, когда какое настроение у него. Правда. Нет, он не обиделся, что вы. Юсуп — и обиделся? Нет, точно нет, я же говорю, я его чувствую... С кем? А, это окулист который, ну, немного знакомы, да. Так, что за план? *(Внимательно слушает голос в трубке, через несколько секунд удивлённо поднимает брови.)* Поняла. Поняла. Простите, вы думаете, это реально прокатит, в смысле поможет? Ну да, попробовать-то можно. Конечно, я бы тоже хотела, чтобы он больше времени проводил на земле. Так оно как-то спокойнее. Ну, разумеется, это между нами. Да, до свидания.

5.

В полутёмной спальне Дамир сидит голый на кровати, грустен и задумчив. Слышен звук спускаемой в туалете воды. Через несколько секунд в комнату заходит Рита в домашнем халате, садится рядом с Дамиром.

Рита. Ну, а ты почему не спишь?
Дамир. Думаю.
Рита. О чём?
Дамир. О тебе думаю.
Рита. Да? А что обо мне думать? Я вот она...
Дамир. Вот я и думаю, как я мог на тебе жениться вообще.
Рита. Не поняла.
Дамир. Это я не понимаю, как ты могла додуматься до такого.
Рита. Я хочу как лучше. Любая мать хочет лучшего для своего ребёнка.
Дамир. Лучшего. Ты Юсупа нашего хочешь с небес на землю опустить. Ты правда думаешь, что так будет лучше?
Рита. Я не думаю, я чувствую. У меня сильнейшая интуиция, и ты это знаешь. Вспомни, как мне в поликлинике сказали, что я не беременна, а я чувствовала, что беременна. Помнишь скандал с анализами? Я же права оказалась? Права?
Дамир. Ну, права.
Рита. Всегда со мной так было, с детства. Я же рассказывала, как от пожара семью спасла. Если бы я тогда заснула ночью, мы бы просто задохнулись все во сне. А когда у Юсупа с Ангелиной разлад начался. Они ещё скрывали, что разводятся, а я места себе не находила, чувствовала: что-то не так у них там. Ты ещё успокаивал меня шуточками своими: если мы с тобой не развелись, они тем более не разведутся. Помнишь?
Дамир. Помню-помню.
Рита. Ещё примеры нужны?
Дамир. Да слышал я твои примеры. Не один раз. Ты про ощущения, а я про факты говорю. Я говорю про постоянство Юсупа. Во всём, в том числе в желании стать лётчиком. И он-таки стал лётчиком, командир уже.

И с Ангелиной они сошлись. Ты же видишь, какой он у нас умный, постоянный, надёжный, как весь гражданский флот. Сейчас-то тебе чего не хватает? Сколько можно? Миллионы людей летают — и ничего. Сотни тысяч людей в авиации работают и живут долго и счастливо. Даже твоя история с кукурузником из детства. Он даже не упал, а жёстко сел, так? Все живы остались?

Рита. Покалечились некоторые.

Дамир. Но все живы?

Рита. Да не в этом дело.

Дамир. А в чём?

Рита. В том, что я чувствую насчёт Юсупа, сколько раз говорить? А ещё сон мне приснился недавно...

Дамир. Сон? С этого надо было начинать. Когда приснился? До полёта из Греции или после?

Рита. Какая разница?

Дамир. Большая.

Рита. После.

Дамир. Понятно. Ну, расскажи, что за сон, может, я тоже ужаснусь и поддержу тебя.

Рита. Не буду. Боюсь такое рассказывать.

Дамир. Давай-давай. Или я прямо сейчас позвоню Юсупу и всё расскажу.

Рита. Чего? Это ты мне угрожаешь, что ли? Ты обалдел?

Дамир *(берёт в руки мобильный телефон).* Что тебе такое приснилось, говори.

Рита. Сам Юсуп мне приснился. На кухне сидит, разделывает курицу, в форме, красивый...

Дамир. Живую?

Рита. Сырую. Плохо оттаявшую.

Дамир. И?

Рита. Сначала просто разделывал, а потом вдруг психанул, берёт тёрку и начинает тереть этот кусок на тёрке. Куски во все стороны.

Дамир. Дальше?

Рита. Всё. Дальше на улице что-то грохнуло, и я проснулась.

Дамир. Курица. Смешно. И почему это говорит о том, что Юсупу не надо летать?

Рита. Да не знаю я! И это не смешно, понял? *(Выходит из спальни, громко хлопнув дверью.)*

Дамир смотрит на мобильный телефон, откладывает его в сторону. Выходит вслед за Ритой.

6.

Доктор. Вот так. Мне, конечно, неприятно тебе это говорить, но здоровье важнее, наверное?

Юсуп. Ты же говорил, что не пьёшь теперь.

Доктор. Не пью, только чай и воду.

Юсуп. А по-моему, не только. Иначе не говорил бы такое.

Доктор. Слушай, я понимаю, неприятная новость, всё такое, но кто тебе ещё правду скажет, если не друг.

Юсуп. Какую правду? Ты сам себя слышишь? Как я, по-твоему, комиссию прошёл, если у меня внутриглазное давление?

Доктор. Обыкновенно. Что, они

тебя осматривали так же долго и тщательно, как я? Тебя перед каждым рейсом офтальмолог осматривает? Если у тебя это недавно, и на следующей комиссии это выяснится, а?

Юсуп. Осматривали. Может, не так тщательно, как ты. Но если мне летать нельзя, кто бы меня до работы допустил? В общем, спасибо тебе за заботу, я пойду. *(Встаёт, направляется к выходу.)*

Доктор. Я могу попробовать понять логику врача, который тебя допустил, типа ладно, пусть полетает пока, потом посмотрим, может, ничего страшного. Но скорее всего, у тебя это просто недавно, бывает такое. Ещё пару раз взлетишь, сядешь, там и до глаукомы недалеко, а там и до слепоты. *(Протягивает Юсупу рецепт.)* На, тут капли и внутрь ещё препараты. Бери и не выделывайся.

Пауза. Юсуп берёт рецепт, читает.

Юсуп. То есть ты хочешь сказать, у меня это недавно? Возрастное то есть?

Доктор. Скорее всего, да. Может, возрастное, сорок лет есть тебе уже. Может быть, какой-нибудь хронический стресс сказывается, не знаю. А пропустили... Да просто на авось пропустили — и всё...

Юсуп. Какое авось, это авиация!

Доктор. И что? В вашей авиации не люди, что ли, работают?

Юсуп. Ладно. Я тебя услышал, спасибо. *(Выходит из кабинета.)*

Доктор смотрит вслед Юсупу, тяжело вздыхает, достаёт из стола полную запечатанную бутылку коньяка, ставит её на стол, смотрит на неё, убирает в стол.

7.

В кабине самолёта.

Юсуп. Разрешите буксировку и запуск.

Голос диспетчера. Буксировку на вторую точку разрешаю, запуск по готовности.

Юсуп. На вторую разрешили, запуск по готовности, СЖР 178. *(Второму пилоту.)* Запускаем, от винта.

Второй пилот и Юсуп нажимают кнопки, щёлкают тумблерами, смотрят на приборы. Слышен гул двигателей, набирающих обороты.

Юсуп. Сука.

Второй пилот *(окидывает взглядом приборы, смотрит в окно).* Что?

Юсуп. Поверить не могу.

Второй пилот. Во что поверить?

Юсуп. Во всю эту хрень. Они реально думали, что у них это получится, что я не проверю это всё десять раз, ты понимаешь? Ладно, не обращай внимания, работаем. Дальше по чек-листу.

Второй пилот берёт с панели контрольную карту, настороженно поглядывая на Юсупа.

Второй пилот: Antiice.
Юсуп. As RQRD.
Второй пилот. Ecam status.
Юсуп. Checked.

8.

Очень раннее утро. Юсуп и Ангелина спят в одной постели, отвернувшись в разные стороны. Звонит мобильный телефон, Юсуп и Ангелина просыпаются.

Ангелина. Будильник?
Юсуп *(поднимает лежащий на полу мобильник).* Звонок.
Ангелина. Чего? Сколько времени?
Юсуп. Пять утра. *(Подносит телефон к уху.)* Док, ты совсем, в пять утра звонить? Случилось что?

Ангелина поворачивается к Юсупу, смотрит на него с заспанным интересом.

Голос Доктора *(очень пьяный).* Юсуп, прости меня, брат.
Юсуп. Что? За что?
Голос Доктора. И не пей ты то, что я прописал. Оно тебе не надо, слышишь меня? И не капай ничего никуда!
Юсуп. Подожди, не кричи. Ты там пьяный, что ли?
Голос Доктора. Да, пьяный, и что? Это из-за тебя всё! То есть, прости, не из-за тебя, а из-за твоих всё!
Юсуп. Ничего не понимаю. Что из-за меня?
Голос Доктора *(пьяно-слёзный голос).* Ты, главное, не капай и не пей там ничего. И рецепт выброси вообще, слышишь?
Ангелина. Кто это, доктор твой, что ли? Что с пьяным разговаривать, клади трубку.
Юсуп. Почему выбросить? Что-то не то выписал?
Ангелина *(пытаясь забрать мобильник из руки Юсупа).* Юсуп.
Голос Доктора. Рецепт правильный, обижаешь. Только он правильный для тех, у кого реально угроза глаукомы.

Юсуп отворачивается от Ангелины.

Юсуп. Так, а у меня угроза чего?
Голос Доктора. Да ничего! Не тупи!
Ангелина. Юсуп, ну, что ты с пьяным-то разговорился, потом перезвонишь...
Юсуп *(Ангелине).* Подожди ты. *(В трубку.)* Так, Док, ещё раз, насколько можно членораздельно. Ты выписал мне рецепт, который мне не нужен?
Голос Доктора. Да, да, да, блин! Обманул я тебя. Нормально у тебя всё по моей специальности.
Юсуп. Обманул? И зачем? Сам додумался или надоумил кто? *(Бросает взгляд на Ангелину.)*
Ангелина. Ну, давай, слушай это пьяный бред.
Голос Доктора. Это они меня попросили!
Юсуп. Кто «они»? Родители мои? Мама?
Голос Доктора. Сначала мама твоя позвонила и попросила. Очень попросила. Я отказался,

потом мне все по очереди позвонили, и Ангелина твоя.
Юсуп. Что, прямо все звонили и просили?
Голос Доктора. Все... твои... А я же не пью... не пил, сижу злой, как собака, думаю, и правда, а чё у тебя так хорошо всё. Ты меня простишь?
Юсуп. Всё ясно. Протрезвеешь — поговорим.

Юсуп убирает телефон от уха, строго смотрит на Ангелину.

И ты туда же?

Ангелина. Ладно, скажу сейчас. Я беременна.

9.

В кабине пилотов пассажирского самолёта.

Юсуп. СЖР 178, прошу руление.
Голос диспетчера. СЖР 178, предварительный ВПП 12 разрешаю. ВПП 12 за машиной сопровождения на В7.
Юсуп. Предварительный полосы 12 разрешили, по В7 за машиной сопровождения. *(Второму пилоту.)* Поехали.

Самолёт приходит в движение, Юсуп держит штурвал, Второй пилот следит за приборами.

Юсуп. Ну, Док, ладно. С ним могу не общаться. От завистников лучше подальше держаться. А что мне с беременной женой и родителями делать, а? После всего, что было? *(Вопросительно смотрит на Второго пилота.)*
Второй пилот. Если честно, не понимаю, о чём вы говорите.
Юсуп. Я говорю, как жить, если тебя окружают одни сволочи и предатели?
Второй пилот. Я не знаю, что сказать.
Юсуп. Встаём на старт.

Самолёт останавливается.

СЖР 178, предварительный полосы 12.

Голос диспетчера. СЖР 178, работайте. Счастливого пути!
Юсуп. Работа. 125, 250. Спасибо большое, и вам всего доброго! Гордый, старт, СЖР 178, предварительный ВПП 12.
Голос другого диспетчера. СЖР 178, доброе утро! Занимайте исполнительный ВПП 12. Ветер у земли 110 градусов, 4 метра в секунду.
Юсуп. Вперёд, на исполнительный. Пока я совсем не расстроился и не передумал летать.

Второй пилот настороженно поглядывает на Юсупа. Самолёт приходит в движение и скоро останавливается.

Юсуп. СЖР 178. К взлёту готов. Голос другого диспетчера. ВПП 12. Взлёт разрешаю, отдельные перелёты птиц.
Юсуп. ВПП 12, взлетаю, СЖР 178. *(Второму пилоту.)* Стартуем.

Самолёт приходит в движение, начинает разгоняться.

Птицы эти ещё. Контрольный в голову. Интересно, а если мы вот не долетим и грохнемся к чёртовой матери, они будут довольны? Ну, они же окажутся правы, наверное, порадуются. Прямо слышу голос матери: «Вот, я же говорила».

Второй пилот. Скорость принятия решения.

Юсуп берёт штурвал на себя, самолёт взлетает.

Юсуп. Нет уж, хрен им, мы ещё полетаем, да? (Подмигивает Второму пилоту.)

В кабине срабатывает сигнализация.

Второй пилот. Чёрт, левый двигатель, отказ.
Юсуп. Твою мать, птицы, словили всё-таки.
Второй пилот. Что, обратным?
Юсуп. А что, так не долетим?
Второй пилот. На одном двигателе до Симферополя?
Юсуп *(снимает наушники).* Или пусть падает, надо же близких порадовать, да?
Второй пилот. Да вы серьёзно, что ли? Каких, на хрен, близких? У нас двести человек за спиной!

Юсуп несколько секунд смотрит на Второго пилота, надевает наушники.

Юсуп. Аварийный давай.

Второй пилот нажимает кнопку, возникает тревожный звук аварийной ситуации «ПАН, ПАН, ПАН...» СЖР 178. One engine failure.

Голос другого диспетчера. SVR 178, your decision.
Юсуп. Высота, разрешите обратным разворотом. Высота.
Голос другого диспетчера. Разрешил обратным заход.
Юсуп. Обратным заход разрешили, СЖР 178. (Второму пилоту.) Пробуем.
Второй пилот. Всё, второй в отказ пошёл. Теряем мощность.
Юсуп. Ну нет, не сегодня. За полосой сядем.
Второй пилот. Как?
Юсуп. Как-как, как получится, отставить панику. Управление на мне.

Пилоты держат штурвалы, смотрят то вперёд, то на приборы.

Занавес.

Всем, кто не предал себя и своё дело, посвящается...
2020 год, зима-весна.

Владимир МОЛЧАНОВ

КРЕСТ

Владимир Анатольевич Молчанов родился в 1954 году на хуторе Полтавка Оренбургской области. Окончил Рудненский индустриальный институт, Институт высших управленческих кадров Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, стажировался в ФРГ. Прошёл путь от горного мастера до главного инженера ООО «НОСТА - Тюльган» Орско-Халиловского металлургического комбината. Награждён знаком «Шахтёрская слава» II степени. Печатался в областной газете «Южный Урал», журнале «Гостиный Дворъ». Член Оренбургской региональной общественной писательской организации. Живёт в Оренбурге.

По высокому, грубо выбеленному извёсткой потолку больничной палаты назойливо бегало жёлтое пятно. Двор за окном освещался ртутными светильниками, ровно охватывающими белым светом территорию и помещение. Но на деревянном столбе, стоящем напротив окна, болтался фонарь от старого освещения, из экономии не снятый при обновлении. На ветру он скрипел и отбрасывал на потолок жёлтые блики.

Пятно не давало сосредоточиться, раздражало.

— Не прошло и года, — тихо произнёс Алексей, грустно всматриваясь в стандартную обстановку палаты. — А на третьем этаже вроде покрасивше было.

Восемь панцирных кроватей, восемь простых тумбочек, две табуретки и обшарпанный стол на металлических ножках. Обстановку разнообразили рукомойник в углу да четыре стойки капельниц, сгрудившихся у дверей.

Пружины панцирной сетки давили в спину через тощий матрац,

заставляя постоянно менять положение тела. Запах хлорки, медикаментов и содержимого пластиковых бутылок, заполнявшихся через дренажные послеоперационные трубки.

На потолке в потоке белого освещения проявлялись какие-то геометрические фигуры, линии и буквенные обозначения. Жёлтое пятно, бегающее между фигурами, и вовсе создавало гомерическую картину.

— Чертовщина какая-то, — прошептал Алексей.

Потом сообразил, что это проявляются через извёстку рисунки чертежей, которыми при ремонте был оклеен потолок.

— Строительные, — разобрал Алексей, приглядевшись. — Как раз в кон, чтобы о работе не забывал.

И погрузился в сон, но ненадолго.

— Алексе-е-ей, ты храпишь, как пристреленный, перевернись, — сосед, Арсений Ильич. Зловредный старикан лет семидесяти пяти, в старые времена инспектор надзорных органов.

— Так мне что теперь, не спать? — раздражённо буркнул Алексей, лишний раз утверждаясь, как старый производственник, в мысли, что доброта в надзоре излишество.

— Спать спи, но другим не мешай.

«Хорошее дело. И каким же это образом?» — подумал, но препираться не стал и, забыв, что почка подвешена на игле-спице, крутанулся на кровати и скрипнул зубами.

Утро в больнице начинается рано, в седьмом часу.

— Так, больные, разобрали термометры, — медсестра фланирует с подносом между кроватями, как официантка в ресторане между столиками.

— Юль, а попозже будить нельзя? — не открывая глаза, возмущается Николай, послеоперационник.

— Нельзя. У меня смена, я из-за вас задерживаться не собираюсь. Кстати, готовь руку, кровь на анализ.

— Ты с меня уже столько крови высосала, что с тобой может сравниться только моя тёща, — откликнулся Николай.

Всё, тема поднята, начинаются анекдоты, были и небылицы про тёщ. До самого утреннего моциона. Потом завтрак, обход, назначения.

Ближе к десяти сёстры закатывают в палату каталку.

— Джафаров, раздевайся — и на каталку.

— Уже?

— Твоё «уже» полторы недели тянется. Достал всех своим нытьём: когда, когда?

— А теперь страшно, — раздеваясь, канючит Руслан.

— Не боись. Не ты первый, не ты последний.

Алексей перекрестил с грохотом выкатываемую в коридор каталку с Русланом.

— Он же мусульманин, чего крестишь? — вопрошает со своей кровати Арсений Ильич.

— Создатель разберётся.

— Веруешь?

— На войне, в больнице и в мыслях о детях неверующих не встречал.

Зашла санитарка со старшей медсестрой, собрала в пакет вещи Руслана и принялась перестилать кровать.

— Зачем? — удивился Алексей.

— Положено. Не на гулянку потащили, всяко бывает.

После их ухода наступила гнетущая тишина. Потом Николай глубокомысленно изрёк:

— Ахметка, Ахметка, а тебе расстрел. А ничаво, и там привыкнем.

Оживление, хохот и новая серия анекдотов...

Возвратившийся после УЗИ Алексей застал окончание ссоры между Арсением Ильичом и Захарием, добродушным грузином с койки напротив.

— Что ты всех терроризируешь? Забыл, какого с операции приволокли, а мы за тобой ухаживали? — чуть ли не криком, с мягким акцентом, выговаривал он старику. — То не так пахнет, то спать мешают. Выдрыхнешься за день, вот и не спится ночью.

Ильич лениво огрызался.

Чтобы не слушать, Алексей пошёл прогуляться по коридорам. Прошёл всего день, а он уже начал привыкать к обшарпанности углов, тёмным панелям и прочему убожеству.

«Народная медицина. Такого по телевизору не показывают. Ладно, хоть врачи ещё остались», — подумал он.

Дошёл до окна. Отсюда, в прогале деревьев, проглядывал купол больничной часовни святого Пантелеймона. Перекрестился и прочёл про себя молитву. Вышагивая по коридорам, обязательно подходил к этому месту и, глядя на крест, молил Бога о помощи.

Суббота. Утром заглянул лечащий врач, сделал назначения и оставил больных на попечении дежурного персонала и медсестёр. После наркоза Алексей отходил тяжело. Температура зашкаливала, но сестра её прозевала не без помощи самого больного, у которого начались глюки. Он уже жил «параллельной жизнью», терял в ней работу и квартиру, поэтому нёс околесицу, не очень понятную окружающим. По телефону отвечал невпопад, удивляя близких. После разговора с Алексеем сын перезвонил матери со словами «папа что-то не то гонит», та — ему. Алексей уже успел сделать попытку выйти из больницы на свет божий, но был, по счастью, остановлен у запертой двери охраной.

Звонок жены вернул в действительность, ударная доза лекарства сбила температуру, и он начал выходить из цейтнота. В голове просветлялось, и Алексей, обрадованный, что всё ему просто привиделось, постепенно включался в жизнь палаты. Подошёл Захарий.

— Оклемался? А то слежу и вижу, что ты не в своей тарелке, а понять не могу, — улыбнулся он.

— Глюканул малость, — вымученно улыбнулся Алексей в ответ.

— Что нужно, говори. Мы рядом.

Алексей опять подивился солидарности и милосердию больных друг к другу. Палата жила своей жизнью, отличной от той, за стенами больницы. Здесь радовались совсем другому, чем на воле: нормальному запаху мочи или цвету фекалий, снижению интенсивности отделения по дренажной трубке, нормализации уровня билирубина или амилазы в крови, доброму слову медицинского персонала. Здесь все на равных.

Ещё через два мучительных дня выхода из послеоперационного кризиса наступило облегчение. Измотанный, обессиленный Алексей шаркающей больничной походкой двигался по коридору и столкнулся со своим — с прошлой операции — хирургом, спускающимся с верхнего этажа.

— Здравствуйте, Александр Константинович!

— Привет. Ты что, опять здесь?

— Так с вами брюликами поделился, надо и урологию одарить.

— Всё шутишь. Молодцом. Слушай, мне тебя Бог послал. У нас в одиннадцать семинар с районными врачами в актовом зале, главный велел кого-нибудь из ушлых пациентов привести, выступить. А ты, судя по вопросам, которыми меня терроризировал, уже дока, так что давай, грамотей, помогай.

«Вечно куда-нибудь вляпаюсь, умник», — подумал Алексей, но отказать не смог.

Актовый зал, заполненный на две трети, пошумливал. Медики приветствовали друг друга, обнимались, даже целовались. Практически у всех одна альма-матер, многие знались ещё с академии. Алексей примостился на втором ряду с уголка и с любопытством оглядывал публику. Вышел профессор, встал за стол и коротким вступлением начал семинар. Через некоторое время вызвали Алексея, как представлявшего мнение пациентов.

— Уважаемые доктора! Я — коротко. Не буду говорить об условиях, в которых вы, слава Богу, ещё умудряетесь лечить, сами знаете. Мы поступаем к вам в разном состоянии. Вот я. Возвращался из командировки и уже в поезде болел. Дальше — авось, небось да безграмотность, хотя все симптомы были более чем налицо даже для меня. В результате к вам попал только через три дня со злостной механической желтухой. Мне повезло, что доктор, несмотря на билирубин за двести и несвёртываемость крови, положил меня на стол и прооперировал. Не без осложнений, возникших попутно операции: камень упал в основную протоку. Повезло и второй раз, в урологии: доктор безошибочно определил методику лечения и за короткий срок вытряс из меня лишние субстанции. И теперь я выздоравливаю.

«Как-то всё официально, по-научному, как на партконференции... а как по-другому? По-другому до этой образованной

публики не дойдёт», — мелькнула мысль.

Взгляд задержался на фразе, выделенной в календаре, лежащем на столе под стеклом: «... яви нам, Господи, милость свою». «Прямо-таки в тему», — подумалось ему.

— И всё же. Лежишь в отделении, наблюдаешь, и накатывает запоздалый страх, когда видишь, что вследствие ошибок и непрофессионализма периферийной хирургии человек сгорает за недели или становится инвалидом... Не хочу никого упрекать, и когда попадаем к вам, то уповаем только на доктора, который в палате первый после Бога. И если вы не уверены в исходе, уступите место у стола другому, тому, который лучше, и научайтесь у него. Ведь главный принцип врачевания — «Не навреди». И просвещайте нас, невежд, а мы вам низко поклонимся, понимая, что вы сделали всё, что могли. Спасибо вам!

Алексей поклонился и направился к выходу.

— Молодец, коротко, но грамотно и доходчиво, благодарю, — у дверей похлопал его по руке Александр Константинович.

— Что я? Вам моя глубочайшая признательность, доктор, — приобняв его за плечи, ответил Алексей.

— Выздоравливай, дорогой мой, а для меня лучшей награды нет.

— Всё ладненько, динамика положительная, — улыбнулся при обходе лечащий врач и, обращаясь уже к старшей медсестре, закончил: — Так что готовьте документы на выписку. Рекордно короткий срок пребывания у нас, уважаемый, учитывая диагноз, — снова повернулся к больному, — восстанавливайтесь и больше не попадайтесь.

Попрощавшись с обитателями палаты, по ходу и с персоналом, вышел из корпуса. Вдохнул полной грудью весенний воздух, насыщенный горьковатым духом лопнувших тополиных почек, зашагал по больничной территории. На выходе зашёл в часовню, поставил с молитвой благодарности свечи перед иконами Создателя, Богородицы, Николы-угодника и святого Пантелеймона. Перекрестившись, постоял с закрытыми глазами, обращаясь к небу.

Комнаты квартиры после больничных хором с высокими потолками показались маленькими и низкими. Позвонив жене на работу, лёг на диван и уставился в белый потолок. «Раньше были приступы болезни, сейчас бывают иногда приступы здоровья, — мелькнула в памяти вычитанная в интернете присказка. — Вот и получается, что самое главное к нынешнему возрасту — чтобы вовремя Бог прибрал. Дал бы возможность доделать всё предназначенное судьбой, да и призвал к себе».

Подал свой голос телефон, забытый в кармане куртки.

— Слушаю.

— Я так понимаю, выписался? — раздался голос начальника.

— Да, только что домой зашёл.

— И слава Богу. Отлёживайся выходные и выходи. Объект за тебя никто вводить не будет. Ждём, — и телефон отключился.

«Лихо. И погоревать не дал, — без особого раздражения, даже с некоторым чувством радости и удовлетворения отметил Алексей. — «Жистя» не тормозится».

Вернулся на диван и задремал. Приснилось, что его катят по больничному коридору на операционной каталке. Каталку кидает из стороны в сторону, Алексей цепляется за края, чтобы не слететь, а две толкающие её толстые медсестры в окровавленных халатах громко хохочут. Хохот обезображивает их лица каким-то мистическим оскалом...

Проснулся в холодном поту. Сон! Такого счастья Алексей не испытывал даже тогда, когда вышел из больничного корпуса на вольный воздух. «Бог не водружает на спину испытуемому непомерный крест»...

НОША

Мама болела. Весну промучилась, а к Пасхе «отошла». После похорон, немного погодя, отец привёл женщину с ребёнком. Как без хозяйки в доме? Никак. С Надеждой, дочерью мачехи, Варя подружилась быстро, делить-то особо нечего. А вот мачеха оказалась женщиной суровой, спуску падчерице не давала, да и своему дитю тоже. Здесь без обид — обеих держала в чёрном теле. Дочь помогала ей по дому, а потом и с новорождённым. На Варе лежало хозяйство: утки, куры, поросята да телята. Было тяжело, но Варвара не роптала, тянула упавший на плечи груз, как могла. К семнадцати годочкам выскочила (лишь бы из дома) замуж за Петрушу, с их улицы парнишку. Как посватался, так сразу и согласилась, хотя не особо он ей и нравился. Малорослый и конопатый. Какой-то несерьёзный как мужчина. Не опора. Хотя и добрый был.

— Варька, вставай, хватит дрыхнуть, пора убираться да скотину кормить, — поднимала её свекровь, уходя поутру на колхозную делянку. — Да печь протопи.

В общем, попала из огня да в полымя.

— Полежи ещё, — жалел её муж.

После ухода матери подскакивал и делал большую часть обязанностей, предназначенных Варе. Любил её очень. А у Варвары душа к нему всё равно не лежала. Раздражал. Уж если не люб, то хоть расстелись, всё равно не угодишь.

К весне Варвара родила дочку. В честь своей подружки-сестрёнки назвала Надеждой. А тут вскорости и война случилась, вместе только и успели дочку окрестить. Крёстной Надежду взяли.

— Прощай, Варюшенька. Даст Бог, свидимся ещё, — шептал Пётр, обнимая на прощанье.

Готов был заплакать, да перед мужиками стыдно.

«Вояка, тоже мне! Хоть бы ты не вернулся», — неожиданно подумала Варя.

Потом устыдилась своих мыслей и перекрестила мужа.

Не вернулся. Сгинул где-то подо Ржевом.

В войну хоть и тяжело, но тяжко всем. А вот после победной весны бытие поменялось. Свекровь надеялась на чудо и ждала сыночка. Но когда стало ясно, что сын не вернётся, осатанела. Проходу не давала.

— Нахлебники! И так жрать нечего, а тут вы ещё на моей шее сидите, — шипела она, обиженная на судьбу за сына.

Долбила каждый день. Вынудила вернуться Варвару в отчий дом. А там тоже не мёд, семеро по лавкам. Хоть вой. Одно утешение — дочь. Это и удерживало Варвару на белом свете, а то бы давно в омут головой.

— Господи, хоть какой-нибудь калека на тебя б позарился, — выговаривала мачеха.

Не со зла, а от жизненной безнадёги.

Варвара и рада бы была, да где он, её калека. Их и девки-красавицы не чурались за нехваткой женихов в округе. Один свободный мужчина — сосед Михаил. Да и тот заполошный. С войны пришёл после плена, краше в гроб крадут. По ночам метался и дико кричал, мать сладить не могла. Варвара его до ужаса боялась, стороной обходила.

До войны он был женат, и дочь была. Да жена с тоски свихнулась, к пленным бегать повадилась. Привяжет дочь за ножку к столу и убегает. Донечка незадолго до возвращения отца померла. С таким присмотром-то.

После появления в селе Михаила Тоська, его жена, исчезла. По селу слух пошёл, что Михаил её закопал. Спокойно судачили, без осуждения.

— Правда, что ты Таисию жизни лишил? — нечаянно столкнувшись у плетня с соседом, набралась смелости Варвара.

— Откуда такие зверские новости? — усмехнулся, не поднимая глаз, Михаил.

— Люди говорят, — ещё больше осмелела Варя.

— Люди наговорят, верь больше, — поднял он на неё глаза, полные звериной тоски. — Вытащил я её за косу на гору. Ничего не говорила, только скулила. Не стал брать грех на душу, навидался смертей. Только и сказал: «Иди. Увижу ещё раз — камень к шее привяжу и под яр столкну».

«Глаза у него. Голубые. Только темью наполнены. Как небо перед грозой», — подумала Варвара, отходя от мужчины.

С того времени появилась между ними связь. Как ниточка. Одно неосторожное движение — и порвётся. Но они береглись. И Михаил изменился. Стал мягче. Перестал ночами кричать.

Варвара подрядилась деревенское стадо пасти. Подальше чтобы от мачехи, от её разговоров. Весь день с Наденькой на воздухе, на воле. Михаил приходил к ним на

выпас, когда дела позволяли. То бутылку молока принесёт с краюхой хлеба. А то кусочек сала. Сядет рядышком на склоне взгорка и молчит. Изредка улыбается. Или с Наденькой играют, фигуры на холмике у норы суслика строят. Тепло от него стало исходить.

Однажды Варя задумалась, сидя на ветерке. Озябла. Вдруг почувствовала, что кто-то ей на плечи фуфайку набросил. Не удивилась. Догадалась — Михаил. От фуфайки, снятой с плеча, шло тепло. Быстро согрелась. Михаил присел рядом.

— Знаешь, Варюш, хватит нам с тобой по раздельности горе мыкать. Давай попробуем друг друга отогреть. Должно ведь получиться. Хоть остаток жизни порадуемся, — нарушил он молчание.

Варвара ничего не ответила. Только, ухватившись за руку мужчины, притянулась и преданно прильнула к плечу.

Остаток выплеснулся в целую жизнь. Родили двух дочек. Построили дом. Для Михаила всё посветлело. Он был любим женой, обласкан детьми. Успокоился, а пить и вовсе бросил.

Работали, а по вечерам в клуб ходили, на кино. И в тот раз также. Новый фильм привезли — «Судьба человека». Когда начали показывать концлагерь и собак, настигших в побеге героя фильма, Михаил не выдержал и, схватившись за голову, выбежал из зала.

У дома жена догнала и присела рядом с рухнувшим на завалинку Михаилом. Обняла за трясущиеся плечи.

— Успокойся, радёменький мой, успокойся, — шептала она. — Всё прошло, там осталось.

— Вот здесь оно всё, вот тут, — стукнул Михаил сжатым кулаком по груди и зарыдал. — Не уходит и никогда не уйдёт, до самой смертушки не забудется. Эти бесконечные колонны в один конец. Чёрный дым над трубами и горы пепла. Целые вороха. Всё, что осталось от людей. А собаки... Разве могу я забыть их пасти? Когда они рвут тебя, а ты по земле катаешься и не можешь отбиться...

Постепенно успокоился, затих.

— А всё-таки надо было это увидеть. Надо. Чтобы знать — не забыли. И что эта тоска не только меня гложет и долбит, как обухом по голове, — вдруг в звенящей ночной тишине с нажимом выдохнул из себя.

На следующий день в сопровождении детей они направились в клуб на повторный сеанс. Михаил, не отрываясь, смотрел на экран, вновь переживая свою жизнь. В окружении прижавшихся к нему близких гнёт, который носил на душе с тех времён, постепенно легчал.

Владислав ЗУБЧЕНКО

НАСТРОЕНИЕ

Владислав Аркадьевич Зубченко родился в 1966 году в Оренбурге. Стихи начал писать в школьные годы. Учился в Оренбургском государственном педагогическом институте, более 20 лет отслужил в пожарной охране. Автор почти двухсот стихотворений, новелл и рассказов. В 2018 году вышло в свет его первое большое произведение – роман «Рождённые огнём», посвящённый работе российских пожарных. Своё творчество Владислав Зубченко рассматривает, в первую очередь, как средство общения между близкими по духу людьми. Живёт в Оренбурге.

БЕССОННИЦА

Нет, сны ничьи...
В скитаньях на ночлег,
как пилигримы без тепла и крова,
лишь до утра останутся
и снова
пойдут в дорогу проживать
свой век...

Им не помочь,
их сводят дни на нет.
Их где-то ждут, спасая
от забвенья,
но не вернуть...
В чужие сновиденья
они придут, как полуночный
свет.

Они ничьи...
Их даже не понять,
их полушёпот тих, слова
невнятны...
Там мир не наш,
там все пути обратны,
но с ними лучше и теплее спать.

РАЗГОВОР О ДРУГЕ

Мой друг — его я почти теряю
среди майданов и тихих улиц,
охрипших криком или
молчаньем...
Мне очень надо, чтоб мы
вернулись.

Мой друг — всё время он где-то
рядом.
Не заживаю, не зарастаю...
Из нас обоих один угадан —
он одиночка, рождённый в стае.

Заблудший отпрыск, идущий
мимо
среди таких же, но непохожий.
Он просто выбрал другое имя —
я ощущаю его всей кожей.

Найду — пусть поздно,
склонюсь над телом...
С последней каплей, с последним
вздохом
пусть он поверит, что был
бессмертен,
одним, но всё же не одиноким.

БЛИЗНЕЦ

Мы с ним с детства слишком
похожи,
тот же голос, и та же стрижка,
часто путали нас, но всё же
мы с ним разные, так уж вышло...

Он упрямей меня и злее,
он с попутным не ладит ветром...
Он у сердца осколки греет
разлетевшихся звёзд, чтоб где-то
зажигать их на небе снова,
потому что кому-то нужно
отыскать в темноте другого,
потому что теплее в стужу...

Если мир говорит стихами
о простом и о самом важном...
Мы с ним разными временами
проживаем, как будто дважды.

Он, конечно, не понят мною,
и хотя мы чужие слишком,
я веду его за собою...
Или он меня — так уж вышло.

КУРИТЬ

Мы закурим одну,
как всегда, на двоих сигарету.
Задымим, как когда-то,
за углом, там, где только свои...
Мы привычки сменили —
храним лишь одну только эту...
Ты ведь знаешь, что детство
остаётся одно на двоих.
Помнишь, как не хотелось
нам за полночь с тобой
расходиться?
Дел по горло, и мамам,
как всегда, нас никак не понять...
Знаешь, мне это время
иногда, но ведь всё-таки снится:
я себе обещаю,
что брошу курить, — и опять.

НАСТРОЕНИЕ

Ничего не пройдёт,
снова кофе заварится в турке...
Дай бог памяти, турке
и дому примерно сто лет...

И остынет...
И кто-то
пройдёт за окном в переулке...
У тебя ощущенье бывает,
что прошлого попросту нет?

Что оно и сейчас —
только выключи всё это разом —
в вечно-серой парадной,
и машет в окне фонарём...
И, сходив за вином
в магазин, что, как выйдешь,
так сразу,
возвращается в этот
живущий давно с привиденьями
дом...

Далеко не уйдёт,
а заляжет опять в закоулке
и уснёт,
как измученный ленью
и старостью кот...
Я вчера на ремонт снёс
лудильщику старую турку,
думал — в мусор её,
ну а он мне сказал, что,
конечно, возьмёт.

УХОДЯЩИЕ БЕЗВОЗВРАТНО

Уходящие безвозвратно,
вы по-прежнему мной любимы.
Я храню все свои утраты
в отболевшей душе доныне.

Я как будто мудрей и строже
с этой памятью.
Вот мне снится
друг, который меня моложе,
я почти забываю лица...

Мы с ним оба как будто живы
здесь, на том или этом свете.
Там, вдали, в бесконечной ниве
он смеётся: не будет смерти!

Просто где-то меж жизней
длинных
знает путь он туда-обратно...
Просто всё ещё мы любимы
уходящими безвозвратно.

ЗАРОК

Зарекаюсь не от тюрьмы,
не от нищих своих дорог.
Зарекаюсь я от молвы,
самый сильный даю зарок...

Чтоб на кухнях и площадях,
мимоходом и невзначай,
где навязли слова в зубах,
кто-то имя моё молчал.

Тот, с кем жили мы бок о бок,
надоедливы и скучны.
С кем делил я судьбы паёк,
ничего не просив взаймы...

С кем, конечно, я был неправ —
он ведь тоже бывал хорош!
Не по нраву ему мой нрав
приходился порой, ну что ж...

То, что было для нас одних,
то, чего уж не сосчитать, —
пусть про это из нас двоих
каждый будет порой молчать.

Зарекаюсь я впредь и впрок,
будто вовсе его не знал.
Будто точно такой зарок
он однажды себе давал.

МАЭСТРО

Памяти Владимира Меховова

А Вы начинайте, маэстро, тихонько,
рассыпаны ноты, и осень забыла
мотив свой...
И холодно,
и одиноко...
Маэстро, Вы помните,
как это было?

А руки всё вспомнят,
Вы их положите,
и пальцы продолжат без нотной тетрадки.
Давайте, играйте!
Ну что Вы молчите?
Ну, может быть, с гамм мы начнём по порядку?

Ни звука,
ни вздоха
над старым роялем...
Но, кажется, слышно откуда-то сверху —
над этим лежащим под небом молчаньем
три первых аккорда повторены эхом...

Начало...
Один на один с тишиною
ты память стираешь
и с белой страницы
опять начинаешь, но только другое...
Играйте, маэстро,
должно получиться...

Елизавета КУРДИКОВА

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНЬЕ

Елизавета Сергеевна Курдикова родилась в Оренбурге. Окончила факультет режиссуры театра Оренбургского областного колледжа культуры и искусств. Стихи пишет с детства. Член Союза российских писателей. Печаталась в журналах «Гостиный Дворъ» (Оренбург), «Русское эхо» (Самара), «Арина» (Нижний Новгород), «Волга-XXI век» (Саратов). Автор двух поэтических книг – «Диагональ смятений» и «Возбранная кровь». Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (вторая номинация). Живёт в Оренбурге.

***

Победно скалится луна,
Чадит лампадный сон.
Неопалимая вина
Зовёт сиротский стон.

Не в силах выкликать беду –
Отчаянную тишь,
На забытьё в сквозном бреду
Огнём приговоришь.

Сотрёт со лба кровавый пот
Измученный рассвет,
Посмертно жду земных забот
В горниле долгих лет.

До слёз смеётся стерва-ночь
Над пустотой дорог:
– Во тьму ушедшему помочь?
Живым бы кто помог!..

Но питием небытия
Излечивает страх.
Молю, пролейся, жизнь моя,
В его безгласный прах!

***

Бессонна ночь под знаком Блока,
В горячке мается свеча…
Пленит, дурманит поволока
Лирического палача.

Коленопреклонённы вехи,
И тишина на небеси —
Он слышит, слышит сквозь
помехи
Сердцебиение Руси!

Вне времени и вне пространства
Его провидческая речь
Шелками вьюжного убранства
Объяла судорогу плеч.

И заневестилась морозно
На предрассветной мостовой,
И снова стало слишком поздно
Мне думать трезвой головой.

***

Смертоносная ноша —
В материнской груди,
Заиграла пороша,
До Эдема — в пути.

Не по воле Господней
В скорбный ад волокут,
От рубашки исподней
Оторвался лоскут.

Разлохматились косы
На кровавом снегу…
Встаньте, детушки-россы,
На крутом берегу.

Изможднною дланью
Зажимающий рот,
Выходи на закланье,
Непокорный народ!

Провиденья не ведай,
Вороньё не морочь,
Захлебнулась победой
Безысходная ночь.

Там заря заполошно
Обрывается в рай.
Тошно, Господи, тошно —
Поскорей забирай!

***

В. М.

Отвесные аксаковские звёзды
Пронзают светом небосвод
ночной,
Дворянский сон баюкают берёзы
Над обморочной заводью речной.

Сотрут печаль смиренные чертоги,
Приворожит разгульная верста,
Парной туман опутывает ноги,
И замыкает оторопь уста.

С весельем и бедою вперемешку,
Разгульно шарясь в празднестве
двора,
Сшибают с губ кровавую усмешку
Степные безутешные ветра.

Буди во мне уездную истому,
Целуй сентябрьским робким
холодком,
Закрой глаза — найду дорогу
к дому:
Он густо пахнет прошлым
с молоком.

Я не хочу печалиться, что ныне
Не помнит парк хозяйские шаги,
Что злым быльём бурьяна
и полыни
Покрыло время отчие долги.

Отрадно сердцу чуткое забвенье
Под наливной багровый
листопад…
Так неразлучны смерть
и воскресенье,
Что не страшит сойти навечно
в ад.

***

Памяти Б. Плотникова

Боренька, Боря, не чокаясь,
выпьем горя,
Споём дуэтом «Снился мне сад»,
С улыбкой встретим распад,
В траурном бешенстве автострад
Невыносимо, Боря.

Красная зона гулко шарахнет
дверью...
Не бросайте меня на земле!
В мире, который лежит во зле,
Скалится в крематорной золе
В ответ на моё «Не верю!»

Борис Григорьич, зачем Вы
в гробу?!
Вас ждут на сцену!
Ковид за ценой не стоит —
назначает цену,
Целует венчальным холодом вену,
Печатает смерть на лбу.

Можно я Вас не отпущу в небо,
Буду держать за руку
что есть мочи!..
Финальная сцена неумолимо
идёт к ночи —
Развязка, короче.
Аплодисментов обморочное
Плацебо.

***

Перехожу дорогу октябрю,
Чтоб он хозяйски взял меня
за глотку
И опрокинул в старенькую
лодку
Чахоточно кровавую зарю.

Я прихожу соперницей её,
С ненасытимо алыми устами,
Когда за поднебесными мостами
Сгорает листопадное жильё.

Над сиротливой заводью речной
Взорвёт печаль утиная охота,
Пороховая знобкая забота
Потешиться старинною игрой.

И запоёт, заплачет в камышах
Исповедальный, жалобливый
ветер,
Что давеча был радостен
и светел,
А нынче дробью кружится
в ушах.

Но, виноватых втуне не виня,
Октябрь жжёт покорную аллею.
Его персты, впечатываясь
в шею,
Вытягивают смуту из меня.

Неумолимо слышатся шаги
Державной примиряющей
разлуки,
Навек прощально скрещивают
руки
Единокровно смертные враги.

***

Коллеги пишут некрологи,
Шуршит продажная молва…
Не торопись глухие слоги
Облечь в священные слова.

Прицельным ядом — прямо в глотку,
На смерть, не чуя берега,
Свирепо мчит по околотку
Энкавэдэшная пурга.

Тебе ведь этого хотелось?
Тебе давно себя не жаль!
Дарю взыскующую смелость
И дерзновенную печаль.

Дарую обморочный иней,
Но предрекаю путь иной:
Ступай-ка по миру богиней,
Бесслёзной и непробивной!..

Смятенье сердца стынет сталью,
Стирает ночь твои следы,
Чтобы ахматовской вуалью
Загородиться от беды.

Евгения ЩЕРБАКОВА

ВСЕГО ЛИШЬ ЧАШКА КОФЕ...

Евгения Константиновна Щербакова родилась в Оренбурге. Окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета, защитила кандидатскую диссертацию по методике преподавания литературы. Работала учителем русского языка и литературы в школе, преподавателем литературы и культурологических дисциплин на кафедре теории и истории культуры в университете. В настоящее время – учитель в Губернаторском лицее-интернате для одарённых детей Оренбуржья. Автор более 60 публикаций по проблемам литературы и искусства. В журнале «Гостиный Дворъ» печатается впервые.

Кофе пить ей было нельзя. Когда-то она пила по пять чашек в день — злоупотребляла, конечно, хотя вполне честно отговаривалась тем, что, мол, давление низковато. Давно прошли те времена. Иногда держалась годами, а потом стала позволять себе чашечку в месяц, в неделю, в день. Но здесь Велка была тверда: одну в день — и всё, кофе ей вреден.

Тёмно-коричневая жидкость с белой шапочкой, под названием капучино, помогала настроиться на рабочий день, на труд, творчество. Она давала ощущение свободы от рутины, десять минут одиночества. И если утром дома Велка иногда держалась, бросая взгляды на стоящую на виду турку и симпатичную декупажную баночку с коричневым порошком, то по пути на работу непременно заходила в «Кофе-лайк».

Но и это было уже давно. Канули в Лету кофе-лайки, каждодневное нарушение диеты. Теперь ни «Эгоист», ни «Бушидо»,

ни «Жардин» — ничего не было в магазинах и магазинчиках. Как в столетние советские времена с их «сухим» режимом, продажа кофе была запрещена, и он выдавался небольшими коробочками исключительно махровым гипотоникам или кому-то в этом роде. Простым гражданам этот зачастую небразильский и очень московский деликатес выдавался раз в год по талонам. Две пачки по двести граммов. Всё объяснялось естественно: заботой правительства о здоровье людей. Многочисленные фастфуды были закрыты, кофе, водка и шоколад исчезли с полок. Ещё не были запрещены пирожки и булки, но поговаривали, что это вопрос времени. Надо было привыкать к здоровой пище: мясу, овощам и... ячменному напитку.

Велка была из разряда симпатичных, но рыхлых, склонных к полноте женщин. Пониженное давление, вечная сонливость из-за густой крови существенно отравляли ей жизнь. Но в часы интересного дела она становилась очень даже энергичной.

Сегодня, двадцать второго сентября, у Велки день рождения, и она мечтала, что кто-нибудь из родственников подарит ей практически контрабандный пакетик с целыми или молотыми зёрнами кофе. Но не растворимый, к которому она даже в условиях заботы о людях не смогла бы привыкнуть, появись он нечаянно.

Отец Максим говорил, что ограничения, введённые правительством, помогают ей бороться с этой страстью чревоугодия, но добавлял, что иногда можно и выпить чашку кофе, прибережённого для самых трудных минут.

Утром, отведя ребёнка в садик и проводив мужа на работу, исполнив свой ежедневный ритуал — протерев пазы оконной рамы и подоконник (чистота была её пунктиком), она бездумно уставилась в окно. Вернее, задумчиво. Шёл первый сентябрьский дождь, было серо, промозгло, но всё-таки тепло и уютно. Окна «сталинки» напротив приветливо улыбались, ревущие машины уже вовсю неслись по дороге. В девять тридцать у неё должны были начаться занятия по дизайну. По дистанционке, конечно. Велка только собралась читать утреннее правило, как раздался звонок. Совсем не неожиданный. И вправду — разве может быть неожиданным звонок в восемь пятнадцать?

Открыв дверь, она увидела вредного, вечно сверлящего что-то в своей квартире соседа, у которого теперь был очень жалкий и потерянный вид.

— Помогите. Жена на даче. А мне наклоняться нельзя... Зрение. Врачи запретили.

— А что такое?

— Масло... Я разлил масло на площадке. Надо как-то убрать.

Она посмотрела на пол и увидела осколки трёхлитровой банки и медленно, но верно растекавшуюся лужу подсолнечного масла.

— А почему в банке? Что, в бутылку пластмассовую нельзя было налить?

— У частников купил. В банке было.

Ну что за сосед противный? Что, делать ей нечего было, что ли? На занятие ещё надо настроиться. В окно посмотреть. Вдохновение поймать. Никто в банке масло не покупает, даже у частников. А он... Где он только частников таких нашёл? И разве ж от него отвяжешься? Не по-человечески это. Совесть замучит, если не поможет, но на самом деле убирать это масло так не хочется. Как много в жизни надо делать через силу...

— Уж и не знаю. У меня урок через час. Воду в ведре, я так понимаю, вам тоже менять нельзя. Тяжесть носить, наклоняться.

— Может, я тряпки пойду заготавливать? В масле они быстро пачкаются, — проговорил с извиняющимся видом противный сосед.

— Да. Тряпки. Идите, заготавливайте.

Как раз час она и плюхалась с собиранием масла на площадке, бесконечно меняя воду в ведре. Капли стекали с лестницы, образуя лужи на этаже ниже. Когда всё было закончено и пол блестел, она постучала к соседу и, держась за ноющую поясницу, сказала:

— Всё. Вымыла. Ходите только осторожно. Всё-таки масло. И проветрите, чтоб быстрее пол просох.

— Спасибо. Я так вам благодарен. Я ваш должник. С меня подарок.

— Не надо мне ничего. До свидания.

Потом она рассказывала десятилетним девочкам, как шить мишек Тедди, сначала сбивчиво от усталости, но потом всё больше входя во вкус и преображаясь в весёлую и энергичную преподавательницу. Если бы ещё чашечку кофе в перерыве... Ненормальная: такую зарядку получила, что хоть валерьянку пей, а мысли всё о кофе.

— Вера Никитична, а какой материал лучше для мишки взять: фетр, плюш или мех?

— Уж точно не фетр: он жёсткий, из него шляпы делают.

— А рубашку мишке лучше какого цвета сшить? Может, в красно-синюю клетку?

— Почему бы нет... Только смотрите, чтоб лоскуты по цветам подходили друг к другу.

И вот уроки закончились. Через три часа придут гости. Надо успеть приготовить, ребёнка из сада забрать. Кому только нужны эти дни рождения? В день рождения хорошо бы выспаться, книжку почитать, прогуляться и уж никак не тушить кур и не делать бутерброды. Чашечка кофе улучшила бы настроение, хотя бодрости уже хватает и без неё.

Бегом туда... Бегом сюда... Успевает... Всего-то четыре человека придут: мама, папа и сестра с мужем. Поймут, если что не так. Курица подошла. Теперь в садик за Никиткой. Валерьянки выпить не успею.

Всё. Велка, редкий раз не опоздавший после работы муж и Никитка ходят вокруг стола. Ждут гостей.

Четыре. Мама позвонила и сказала, что Настя с Сашей (сестра с мужем) только через час заберут их с маленькой Варенькой и тогда уж быстро приедут. Расстроенная, говорит, что, если б не маленькая внучка, давно уж примчалась бы к Велке. Ох уж эта деловая колбаса Настя! Кстати, именно из-за неё родственники называют её Велкой. Сестра всего на четырнадцать лет моложе. Однажды четырёхлетняя Настя на вопрос, куда она идёт, ответила: «Да в комнату к Велке своей пойду». Почему-то другим это показалось очень смешно, хотя против прозвищ сами же и восставали.

В общем, что это за день рождения такой, когда за стол нормально не сесть? Уселись втроём. А потом, сытые и спокойные, с половинчатыми, но вполне красивыми блюдами встречали гостей. В разгар скромного веселья кто-то позвонил в дверь.

— Извините, пожалуйста, — сказал сосед, — мне всё-таки очень хочется вас хоть как-то отблагодарить. Вы избавили меня от кошмара.

Слово-то какое литературное — избавила... Вот тут-то и можно было попросить, чтоб он не сверлил больше в воскресенье с двух до четырёх, когда Никитка спит, но Велка сдержалась: неинтеллигентно это говорить растерянному человеку.

А сосед протянул ей пачку кофе в зёрнах «Бушидо». Классического. Без добавок, без ирландских химических сливок.

— Спасибо, Алексей Николаевич. Но...

— Пожалуйста, возьмите. Я гипотоник, а кофе не люблю. Жене нельзя. Вы люди молодые, вам иногда хочется, а достать негде.

— Спасибо, спасибо большое. Так приятно. У меня день рождения как раз, — зачем-то разоткровенничалась Велка. — Тридцать восемь лет.

— Ну так с днём рождения!

Вечером Велка уже не стала пить кофе. Но завтра, если, конечно, никто больше масло в подъезде не разольёт, она своего не упустит. Хотя что-то уже и не очень хочется...

Владимир Ягличич – один из лучших поэтов современной балканской литературы

В Сербии его имя известно всем знатокам изящной словесности. Несмотря на то, что в Европе, да и на балканских просторах всё больше пишут белым стихом, верлибром, в Сербии ещё есть авторы, которые предпочитают писать регулярным стихом. Один из них – В. Ягличич. Он родился в 1961 году в Кра́гуеваце, где живёт и сегодня. Это почти рядом со столичным Белградом. Автор 15 поэтических книг, а также четырёх романов и одного сборника рассказов. С русского, английского и французского перевёл множество книг. Является лауреатом крупных литературных премий Сербии, а также премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Его поэтика ненавязчива и вместе с тем оригинальна, его голос хорошо вписывается в русскую поэзию, сочетая в себе современную метафоричность и точные смыслы между прошлым и будущим. Я рад представить его крепкую метафоричную поэзию, где метафоры не способ самоутверждения, а подтверждение правоты автора. Ведь именно об этом так точно сказал О. Мандельштам: «Поэзия есть сознание своей правоты». Здесь можно было бы поставить точку. Но необходимо сказать о переводчиках этой подборки. Алла Козырева, московский литератор, знаток сербского языка, не так давно ушла от нас, не дописав своей последней книги; Сергей Шелковый – активно работающий автор многих поэтических книг, проживает в Харькове (Украина). Всё остальное – в поэзии Владимира Ягличича, главное – внимательно и правильно прочитать его сильную и оригинальную поэзию.

Евгений ЧИГРИН

Владимир ЯГЛИЧИЧ

«ЖИТЬ ТЯЖЕЛЕЙ, НО ПОЁТСЯ – ВСЁ ЛЕГЧЕ…»

Владимир Ягличич родился в 1961 году в селе Горняя Сабанта (Сербия). Автор 15 поэтических книг, а также четырёх романов и одного сборника рассказов. С русского, английского и французского перевёл более пятидесяти книг. Является автором и составителем «Антологии русской поэзии XVIII и XIX веков», «Антологии Серебряного века». Лауреат ряда литературных премий Сербии, а также премий «Золотое перо России» и «Имперская культура» имени Эдуарда Володина.

Перевод Аллы Козыревой
(Москва)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мне много признанья дали,
гонялся успех за мною.
Но только к чему медали?
Слеза ребенка ценою.

Да, песни мои распевали,
но в мире так много гноя.
Застенки спрячешь едва ли,
застолье убийц чумное.

У власти они не в опале,
оплатят им пир кровавый.
Болею я не о славе.
Тем более славе личной.
Болею я о провале,
он общий, он наш, привычный.

РАДИОВЕДУЩИЙ

Ветер голосами засорили,
бодрые, кричать боимся звонко.
Звук журчит в космическом
эфире,
отзвук в барабанной перепонке.

Сохраняйте это настроенье,
нам включайте музыку для
пляжа,
а для споров — мостопостроенье,
радиоэфир — надежда наша.

Может, встретимся в эфире этом,
хоть кружатся порознь наши
души.
Что ещё стряслось с безумным
светом?
Вести каждый час вбивайте
в уши.

Ненависть и губит нас, и гложет,
вопиет душа в изгнанье снова.
Мир сдержать пускай восторг
поможет.
Музыка — программы всей
основа.

В МУЗЕЕ КОКИ ЯНКОВИЧА*

Из окна музея мне открылось
поле,
муравьёв-рабочих много
полуголых,
на лесах, на стройке свет играет
вволю.
В октябре медовом звонко
кружат пчёлы.

Как тепло! Рубаху распахнул
рабочий,
от тепла и света поле зеленеет.
Светлой пеленою мне накрыло
очи,
потерял я голос, всё во мне
немеет.

Как меня накрыло поволокой
странной?
Может, неизвестность отняла
дар речи,
свет теперь повсюду,
день молчит румяный,
будто обнажённой дамы вижу
плечи.

Человек естествен, правильна
природа.
Здесь я — в этом мире?
Он подобен раю.
Даже решетом я набираю воду,
а душистый воздух шляпой
собираю.

Весь внутри прострелен яркими
лучами,
будто каракатиц пальцы —
я текуч,
тьме назло всемирной, вопреки
печали, —
я и сам — луч.

Перевод Сергея Шелкового
(Харьков, Украина)

***

В воздухе родины, отчего края
дышит поэзия, —
пусть неосознанно, —
только в минуты прощанья
сжимая
сердце — печалью и лаской
позднею.

---

* Никола Кока Янкович — скульптор, академик, родился в Крагуеваце. После его смерти в Крагуеваце был создан его мемориальный музей на окраине города.

А с каждым новым свиданием
празднество
полнится солнцем шмелиного
пения.
Здравствуй, Шумадия,
песня и здравица!
Здравствуй, и вдох мой,
и сердцебиение!

Буквы, над лугом сияя
соцветьями,
шепчут спасенье нам —
кем бы мы ни были.
Не потому ли рассветами летними
мгла осеняет их головы нимбами?

Здесь вдруг услышишь в тиши
одиночества,
как в озарении, словно до опыта,
некие почвенной глуби
пророчества,
то, что — до Тацита,
то, что — вне Оксфорда.

Вещи здесь мечены целью и сутью:
судно в порту, и Икар
приводняется.
Греет наседка свой выводок
грудью,
бабушка, глядя на них,
усмехается.

Листья шумят неустанно, вещая
новые тропы. В дремотном
подлеске
ал и улыбчив боярышник, зная:
всё здесь надёжно, всё точно
на месте.

***

О Боге ничего не знаю.
Одно лишь очевидно: гений.
И, суть Его не приближая,
уходят вдаль ночные бденья.

И гладь морей, и хаос горный,
и летний луг в цветенье пенном —
всё это Он творил упорно
в своём сиротстве вдохновенном.

А люди? Неуютно с ними —
за своего не принимают
и фарисейской лжи во имя
на крест Спасителя бросают.

И словно нищий возле церкви,
жду то, что вряд ли мне
судилось:
любовь, чьи очи не померкли,
далёкой чаровницы милость.

А ночью вновь меня разбудит
мой стих — не «дважды два —
четыре».
За этот грех меня осудят,
но не сейчас, не в этом мире.

Реальность — отблеск
сновидений:
круги, пути в надежде зыбкой.
Мы ропщем. А рабочий гений
творит грядущее с улыбкой.

ГОРИЗОНТ

Открывал, и не раз, я избушки
оконце,
что глядело на плавность
холмов впереди,
на картинку-открытку в обилии
солнца,
чей уют нас от гибели мог бы
спасти.

Но взметнулась жестоко
смертельная битва,
каждый день обращая
в предгибельный фронт.

Заколочены окна.
Умолкли молитвы.
Избы кривы, мертвы.
Жив один горизонт.

ПАМЯТЬ О ВОССТАНИИ

Спокойно всё теперь, в земле
и на земле,
покой и мир царят в отчизне
долгой тени.
И радуемся мы просторней
и смелей
деревьям, и плодам, и даже
зёрен тленью.
Смиренная земля не произносит
вслух
пророчеств, что порой
ей слышимы вполслова, –
о том, что лишь любви былого
мира дух,
исчезнув под дождём,
готов открыться снова.

Не сразу различишь в родимой
мгле густой
хрип боевых коней и панцирей
мерцанье,
и сербских молодцов в отваге
молодой,
и, сквозь румянец сил, о жертве
прорицанье.
Не сразу разглядишь –
неудержим их ход,
безмолвен их полёт
в пространстве, брат за братом,
в те долгие луга, где мир героев
ждёт,
где вечность славы льнёт
к их серебристым латам.
Истории иной и не было у нас,
лишь та, что пролилась на землю
с тяжким ливнем.
Народ суровых правд, мы свой
иконостас
страданьем утвердим и боль
за благо примем.
И чувствует душа, что доля
смысла есть
и там, где свет надежд не тешил
нас от века.
Кто жертвует собой –
тот в будущее весть,
тот входит в новый мир –
Синжделич, Райич, Велько*.

ОЗЕРО

Гордане Б. Тодорович

В тот день, уже на смертном
ложе,
Вы книгу Мура в руки взяли.
И тихо, словно жизнь итожа,
мне том на память подписали.

«И в каждом сердце, – я читаю, –
хранится шум волны озёрной».
Я молод был, ещё не зная
тех вод, незримых априорно.

Вы ныне – плеск озёрной тайны.
Глаза отражены глазами.
Вы не ушли и неслучайно
Вы – здесь, на берегу,
Вы – с нами.

---

* Танаско Райич, Хайдук Велко и Стеван Синджелич – вожди Первого сербского восстания

ОН

Через парк, от суда и до почты,
я гуляю, неспешно, во фраке.
Загляну в вашу комнату, точно
глаз кошачий, фонарик во мраке.
Летний вечер. Игры моей зона —
бутики, супермаркеты, банки.
Под оркестр, под рекламу неона
снова глажу плечо горожанки.

Если ж дождь, словно боль
головная, во все окна стучит
неустанно,
«Торопись воплотить, —
заклинаю, — человеческий род,
мои планы!»
Вот на танцах, субботнею
ночью, я всех хлопцев
в красавиц влюбляю.
И, с усмешкой в невестины очи,
жениха на войну отсылаю.

Вы, кто старше, глазами
в экраны! В разноцветье
бездумного счастья,
в представления политикана,
в лицемерные россказни власти,
в поп-певиц, в шарлатанов-
пророков, в тех злодеев,
что выбились в судьи,
в финансистов «прозрачных»
потоков. Все они — мне
послушные люди!

Не перечь мне, дитя, резким
тоном, не суди, а послушай
совета.
Посмотри на моих компаньонов:
академики, в лаврах поэты.
И лишь там, где над крышею
храма крест стоит, я шаги
ускоряю.
А за мною, без страха, без срама,
хвост волочится, след заметая.

ХОЗЯИН

И в праздник Крестной славы*
ото сна
поднимет ночь меня негромким
зовом.
В букетах звёзд небесная страна
не спросит о пути моём
ни словом.

Увижу вновь порог, под ним
змею**,
притихшую на камне в чуткой
дрёме.
В траве двора узнаю тень свою
и шаг минувший свой почую
в доме.

Опустят тёмный занавес немой
и тишина, и голос эха странный.
И перед тем, как я вернусь
домой,
замру, застыну, словно
и не званый.

Чтоб шорох из гостиной
услыхать,
согреться вновь слезой свечи
о Боге
и чтоб открылось благо
мне опять:
калитки скрип — под ветром
от дороги.

---

* Крестная слава — праздничная дата, нечто сродни русским именинам. Каждый дом в Сербии помнит своего святителя и славит его в ночь Крестной славы, собирая родных и друзей за столом с угощением

** Праг — распространённое в Сербии верование о том, что под каждым порогом в доме спит змея, охраняющая дом

КАПУСТА

Неспешно выросший кочан
широколистый,
готовый к сечке туготелый шар
хрустящий
засола ждёт, когда на бочку
крест плечистый
положат сверху и пудовый
камень — к вящей

и пущей верности.
Квашенье — род искусства
(что лишь немногим знатокам
сулит удачу).
Пока что снята с гряд и сложена
капуста
и бочек ждёт своих, покрепче,
побогаче.

И вот, посечена хозяйскими
руками,
в день остывания осеннего
светила,
умножась в сущности своей
под тесаками,
она несёт в себе достоинство
и силу,

готовность к жертве без малейшей
тени грусти —
под бодрый стук, под золотистый
отблеск кадки.
Какая мудрость в этих головах
капусты,
всё отдающих — ныне, здесь
и без остатка!
Всё обретающих в осеннем
онеменье,
всё то, что отдано без страха
и сомненья.

ДАРЫ

Миловану Беконьи, скульптору

Когда проводишь друга —
снова, снова! —
в нездешний мир, в загадочную
тишь,
закрывшись в мастерской,
не помня слова,
с немым резцом опять
заговоришь.

Но все шумы, весь хаос
многоликий
в затворничество целятся твоё —
шаги влюблённых, фар
вечерних блики,
околичное, с лаем псов, жильё.

Пусть гул толпы бахвалится
победой.
Но надо было с демоном сойтись
в единоборстве ради правды
этой —
искусства, светом полнящего
жизнь.

И пусть друг друга рвут они
на части,
ни разума не помня, ни стыда, —
и те, кто рвутся к вожделенной
власти,
и те, кто должен уступить места.

Ты знаешь: шум машин,
надменно-сухо
звучащий, страсти зов, поход
во власть —
всё это не от сути, не от Духа,
и, как вселенский прах, должно
отпасть

перед смиренным обликом иконы.
Все лжи слои осыпаться должны
пред вечным, перед тем,
что ждёт исконно
на самом дне духовной глубины.

И только тот, кто наших слёз
достоин,
кто прожил и ушёл как человек,
вернётся в некий час, поэт
и воин,
чтоб с мастером вдвоём назвать
свой век

по имени. Взгляни же миру в очи,
ваятель, чтоб в резце себя нашла
надежда, чтоб Судья небесный
зорче
вгляделся в штрих-пунктир
добра и зла.

Чтоб в дереве, металле или камне
прошли бы пред судом Его седин
тысячелетья следом за веками —
пешком, бегом ли,
«Формулой один».

В счастливой силе дня ты
и не вспомнишь,
что слаб и наг, что на две трети
сед.
Лишь в мудрой одинокой думе
полночь
шепнёт, что каждый свой оставит
след.

И этот след на вязком
бездорожье —
итог трудов резца и мук пера.
Свой нежный дар Христу
и плану Божью
несут сквозь скудость мира
мастера.

Несут сквозь казнь бездушья
и бездумья
отвагу и отзывчивость сердец,
дабы, итожа счёт жестокой сумме,
простил хоть часть стадам своим
Отец.

ТАЗ

Во дворе, возле крана с водою,
почти у забора,
долгий век доживает посудина
старого таза.
Он служил ещё бабушке,
помнится, в прежнюю пору,
а теперь в его чаше герань
расцвела яркоглазо.

В нём купали меня. И касались
Господнего чада
Иорданские воды в купели его
допотопной.
Потому нам доныне, за слабую
веру награда,
льются ливни с небес,
над асфальтом, над грядкой
укропной.

И хоть мухи жужжат над
отжившим железным сосудом,
всё искрится его оцинковка
под солнцем средь зноя.
И смирившись с кончиной своею,
с часов самосудом,

он и участи нашей крупицы
уносит с собою.
Он, кто первым узрел наготу
нашу, Божью убогость,
омовений родительских
помнящий нежность и строгость.

СЛАБОСТЬ

Узлы в мышцах, тромбы в венах,
гематомы у сухожилий и спазмы
в икрах ног.
А сердце, сжимаясь, словно
ягнёнок в хлеве
(тахикардия), скачет из депрессии
в стресс.
В моём физическом исчезновении
преломляется замысел
мира. И уже напрасна
доверчивость к другим снам:
когда внезапно, словно огнём
крапивы, обожжёт
прадавняя и моложавая
непредсказуемая ярость.

Только бы не прозевать мне
автобус.
Тот голубой, запылённый,
забрызганный чёрной болотиной,
тот, с порезанным и рваным,
заштопанным сидением,
со стариком кондуктором,
которого я уже старше.
Чтобы сел я у окна
и поздоровался с мимолётным
домом,
чтоб увидел луг, пахучую ниву
и стерню,
чтобы заметил лица,
ещё не испорченные злостью,
в которой больше не трепещет
мудрое слово.

А потом, чтобы вышел наружу —
где? — в Крчине, например,
заглянул на сельское кладбище
(рядом с торговой лавкой),
чтобы какое-то дитя сказало
«добрый день»,
а дальше чтобы погрузился я
в травы, холмы, долины,
потерявшись навеки в чём-то
невыразимом,
убийственном и целительном,
судьбоносно витающем над
невозможностью плана,
над ежедневной арендной
платой, в невыразимом,
пределы чего я утратил,
но что меня ещё любит.

Там бы я, там, ободрился,
сидя под ветвистым деревом,
вглядываясь, как солнце входит
в меня,
пробуждая в моём теле
незнакомое ещё существо,
чтобы и оно, пусть слабое
и крошечное, стало истоком,
сплетённым в новорождённой
мгле
с не осознавшими свои силы,
неколебимыми лесами,
с которыми я стану единой
семьёй,
не зная несчастья, ужаса,
разорений и изгнаний.

Там бы мне умереть,
в той придуманной стране,
где на поле опадает несуразность
колючей ограды,
средь кудрявых подлесков,
на ровной стерне покоса,
там, где в воздухе слышатся
звуки новых сонетов цикады.
И если не сыщется для меня
шалаш там, гордый, ничей,
если напомнит болезнь,
что по тонкому всё и рвётся,
если станет на пути моём целая
палата врачей,
всё же последним усилием воли
дух мой туда вернётся.

БОГ СКАЗАЛ

Имени отца своего не знаю.
Головы братьев — на кольях
острых.
Мать моя — дыма река без края.
А младшие сёстры — на дальних
погостах.

Друзья мне — крапива да дикий
тёрн.
Любовь — это то, чего не бывает.
Бутылка плывёт, без записки,
средь волн,
и ветер морской её подгоняет.

И Бог сказал: «Живи, если жив,
и душу свою не сгуби в изменах,
куда бы ни звал тебя плоти
порыв.

Ты прах среди прахов
бессчётных, бренных.
И трон ли получишь
иль в дырах суму,
не смей, не пытайся спросить —
почему».

МИЛОСТЬ

М. Янковичу Мидже
(1932-2010)

Сел мужик на треножник
в прекрасный Господний день,
хвост коровий к ноге подвязал —
хлопотать не лень.

Доит вымя парное и полнит
ведро молоком,
только вдруг опрокинулся,
рухнул у яслей ничком.

Это было вчера, а сегодня
слышно: «Ну вот,
наконец-то от дум и забот
старик отдохнёт».

И свеча на столе слезится,
и катится воска сок,
и покойника бороду подвязал
атласный платок.

После тяжкой работы родные
стоят над ним,
лёг хозяин чуток вздремнуть,
лежит недвижим.

Тридцать лет я здесь не был,
блуждая в добре и зле,
не был близко, вплотную
к смерти, к родной земле.

Тот же дом невысокий,
где жизнь человека трудна,
только трещин погуще
и вспучена больше стена.

Тридцать лет промелькнуло,
как будто ладонь о ладонь,
и сияет над днём похоронным
небесный огонь.

Может быть, я живу в глухоте,
словно в неком плаще,
в слепоте, в непроглядном
сиротстве людей и вещей,

где, явив свою милость,
отбросив прозрачную тень,
смерть приходит мгновенно
в сияющий дивный день.

ОБОСНОВАНИЕ ОТСУТСТВИЯ

А мы с Борой Хорватом*
отсутствовали как мёртвые,
пребывая в иных краях —
посущественней, поважней.
Не было с вами нас,
лишь посмертные абрисы лёгкие
на земле мы оставили.
С ветром минувших дней,
с ритмом его искали гармонию
строки наши,
чтобы не каждый понял слова,
но голос любой узнал.
Жить — тяжелей, но поётся —
всё легче, всё дальше.
Вот и забудьте о страхе,
вы, кто нас услыхал.

РАЗГОВОР

Николе Живковичу

Дух германский взявший
за основу,
славянин по сердцу и уму,
издали пришёл ты, чтобы снова
возвратиться к долгу своему.

Ты принёс рассказ о мощном
звуке
Вагнера, где смерть любви равна,
и о Ницше, что верней науки
знал и змей, и грифов имена.

Говорили мы весь день с тобою
о путях Европы и о том,
кто какого миру дал героя,
вставшего над временем мостом.

Вслушивались в собственное
сердце —
где мы ныне? И коль Дух един,
как сравнить железный гений
немца
с нежной силой музы Апеннин?

Где теперь в духовном изобилье
мира наше место, где наш след?
Всё ль идти нам к сумрачной
могиле
по распутью иль забрезжит свет?

Нам и дня с тобою не хватило,
вслед и ночь, грустя, на убыль
шла.
Было жаль родной земли,
что силы
собственной ещё не поняла.

Потому что сын забыл об отчей
вере, колыбель забыл мертвец.
Или нам судьба — слепые очи
пагубных вождей, глухих сердец?

СОЛНЕЧНОЕ УТРО

Едва рассветёт, ощутишь себя
солнца собратом.
А воздух невинностью
и наготою девичьей
сияет. И брызжут булыжники
улицы златом,
и клювы дверей отворённых
зевают по-птичьи.

Жара вызревает, и кажется,
в ней оседают
все отзвуки давешних споров
твоих и сомнений.
А тело и крепнет, и словно
покой обретает
на розе ветров, на распутье,
развязке сплетений.

---

* Бора Хорват — сербский поэт, умерший в Крагуеваце

Твой разум уже отстаёт.
Есть дороги прямее.
Дрожит мошкара по пути
в световой колоннаде.
И сонмы жужжащих существ,
мириады-пигмеи

роятся над утром единственным,
млея в усладе.
И мир — это сон, и предчувствиям
внятен не хуже,
чем явь. Ибо сон тем реальней,
чем глубже.

САД

Эти ягоды отчего сада румяные
есть теперь не могу.
Но глазами любви
вижу я, как пульсирует в них
неустанное
первородство земной
материнской крови.

Этот сад ободрит ещё душу
цветением,
продолжением тех многотрудных
побед,
где соха и мотыга продлятся
струением
вен дождя, где спасенья для
семени нет.

Со скамьи поднимаясь, гуляю
по саду я
и себя в самой дальней из ниш
нахожу
бесконечного мира, весеннего
лада я,
и не запахом новых плодов
дорожу,
но свеченьем, сквозь воздух,
родительских глаз,
жизнь проживших со смыслом
и не напоказ.

СТУДЕНТЫ

Выходили мы, будто из чрева
пещеры,
из натруженных каменных стен
факультета.
И тетради стихов неким
символом веры
мы держали в руках.
Большинства уже нету
на земле средь живых.
Это смерть распахнула,
разметала крыла —
словно шелест бумажный,
за спиной прорастающий,
время взметнуло.
Но в тот полдень мой юный,
влюблённо-отважный,

так она выходила на склоне
семестра,
так светилась, тетрадку к груди
прижимая,
что казалась сестрой
темнокосою ветра,
что будила цветы на всех ветках
средь мая!
Проходила, и город вздыхал
полногрудо,
и казалось, лишь воздух нас
соединяет.
Я завидовал бёдрам,
косе её — чуду,

что не будет моим и ничьим
не бывает.
И я думал, что эти белейшие
зубы,
стать её, в нежнокожей
светимости ранней,
тайно ждут перелёта,
чтоб ангелов трубы
окликали её для небесных
касаний.

Шла она, и был город
её отраженьем,
провода телеграфа осанну
ей пели,
и лягушки в болоте дурманились
пеньем,
и стреляли зрачки её точно
по цели.
И с реалий слетали вуали,
а бронза
изваяний входила в рифмованный
опус.
Все движенья её, поворот
её торса
совершенный являли,
единственный образ.

Молодыми богами, неся свою
святость,
сквозь пространство тех дней
мы вдвоём проходили.
И, оставив внизу отчуждённости
тяжесть,
воспаряли на вздохе.
И белые крылья,
исчезая в искомой небесной
отчизне,
оставляли божественных смут
отпечатки
нам, не смеющим соединиться
при жизни,
нам, несущим предчувствие
в нерве сетчатки,
сквозь зиянье смертей и времён
притязанья —
красоту, чудный сон за пределом
сознанья.

Потому и теперь жив во мне
прежний трепет,
стоит мне лишь пройти мимо
стен факультета.
Не мешает ни страх,
ни забвения лепет,
и куда б я ни шёл, —
во все стороны света, —
где бы я ни блуждал, прихожу
без укора
к тем же встречам, что снова
реальны и зыбки.
И всё жду твоего неизбывного
взора,
всё ищу состраданья небесной
улыбки.

МЕЖА

Тем летним утром солнце встало
рано
и спряло золотую пряжу споро.
В тот яркий день на ум пришло
Йовану
поставить на меже столбы забора.

И с проволокой, с бухтою
колючей
стал Йован на меже на пару
с зятем.
Семейной злой обиды,
тёмно-жгучей,
со хмурых лиц не смыть
и не согнать им.

«Зачем же, Йован, —
грянул голос брата, —
отрезал ты моей земли полметра?»
И взвился над межой клинок
булата
с коротким свистом жалящего
ветра.

И прибежали люди в Божьем
страхе
к меже, где тишина сгущалась
грозно.
И брат стоял в разорванной
рубахе
и в сердце бил себя, но было
поздно.

И умер Йован в братовых
объятьях,
уснул под пряжей солнца
золотою.
И только небо ведало о братьях —
что нет межи, лишь вечность
за межою.

БАССЕЙН

В сентябре обезлюдел бассейн.
И по глади воды
три листка проплывают,
купальщиц былых заменяя,
откупавшихся в августе.
Лишь на ограде следы —
полотенца, забытые
их отлетевшею стаей.
Если ветер подует чуть крепче,
почуешь ясней,
сколько дней растерял ты
за месяц, за месяц всего-то.
Впрочем, надо укутаться.
Ноет под зябкостью дней
незалеченной раны глубинная
долгая нота.

В ресторане и в шахматы можно
играть возле самой воды.
Только не с кем. Все стулья
пустуют. И вовсе уж плохо
с появленьем приезжих.
Надежды сезона пусты,
и осталось от лета не больше
последнего вздоха.

И его Ты возьмёшь у меня,
Господин. Но позволь
опускать мне пока что в бассейн
и лодыжки, и пятки,
соглашаясь на роль в эпизоде.
Ведь главная роль —
время, легче пера, но берущее
всё без остатка,
без отдачи, без жалости.
И где-то там, в пустоте,
горловые дрожат и беззвучно
вибрируют связки.
Так позволь же мне кануть
в пространства надёжные те,
как под воду ныряльщику,
и без малейшей опаски.

Вот и дверь закрывают.
Закатный густеет покой.
И хорошенькой официантки
глаза заскучали —
прикурив сигарету, качает
скрещённой ногой
на пригреве вечернем, на стыке
тепла и печали.
И твоя бы рука прикоснуться
к колену могла,
но движенье упрятано в плен
пеленою бетона.
И куда бы в итоге
случайность-игра ни пришла,
здесь, на стыке миров,
ты найдёшься. Земные дела
за предел отрицанья выводят.
И выдох тепла —
может, больше, чем надо тебе
на уклоне сезона.

***

Тёмным утром, когда наплывает замедленный дождь,
понимаю, что путь мой проляжет теперь через капли.
Даже если и стихнет их ритм, от него не уйдёшь,
ибо звук из глубин — это точность без слова, не так ли?
Мокрый ветер порывом дорогу в ветвях прочесал,
в растерявшем и листья, и память притихшем подлеске.
И дорога Спасителя ждёт, чтобы присных позвал,
чтобы в каплях глаза Его рыб обозначились в блеске.

Олег СЕЛЕДЦОВ

И В ПОЛДЕНЬ, И В ПОЛНОЧЬ

Олег Валерьевич Селедцов родился в 1967 году в г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Работает на республиканском радио телерадиокомпании Адыгеи. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат международного литературного конкурса имени В. Каверина, Всероссийского литературного конкурса имени И. Шмелёва, Всероссийского литературного конкурса имени В. Шукшина «Светлые души», а также нескольких региональных фестивалей авторской песни и поэзии. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея. Живёт в Майкопе.

1. Несколько слов вместо предисловия

Это было потрясающее, незабываемое время. Страна находилась на перепутье эпох. Все, абсолютно все ждали перемен. Вот сейчас, вот ещё немного — и начнётся такое! Такое!! Какое такое? А шут его знает, но обязательно начнётся. Не может не начаться. Иначе зачем все эти перестройки, реформы, переделы, ускорения, хозрасчёты? Страна бурлила в ожидании. Миллионы граждан Союза наконец-то (по крайней мере, так им казалось) слились в единый гражданский поток. Хотя, пожалуй, это был поток не сжатых в единый громящий кулак коммунистов и беспартийных, рабочих, крестьян и интеллигенции, это был общий клуб дисциплинированных телезрителей, добровольно и добросовестно наблюдающих за потрясающими по драматизму событиями съезда народных депутатов. Правилом

хорошего тона стала ругань и пародия на действующего генсека, лучшим соревнованием стало количество анекдотов о генсеках прежних. Пусть в стране не было мыла и сахара. Пусть на многие товары и продукты вводились талоны и купоны. Пусть мир содрогался от доходивших до него сведений о последствиях техногенных катастроф, сотрясающих весь Советский Союз. Пусть во многих регионах ещё вчера единого государства шла открытая гражданская война. Пусть кровоточили ещё в памяти народа раны войны внешней — афганской. Пусть дни великой советской империи были сочтены. И всё-таки это было золотое время. Такого энтузиазма в народе не было, наверное, уже лет сорок, если не считать полёта Гагарина. Каждый вдруг поверил, что он не винтик бессмысленной системы, а Человек. Да что там! Почти гений. Или без всякого «почти». ГЕНИЙ! Каждый уверовал, что застойным и тоталитарным временам пришёл долгожданный конец, что ещё чуть-чуть — и великий народ великой страны всесокрушающей лавиной сметёт царство партбюрократов кремлёвской закваски, а вместе с ними и сонм новоявленных провинциальных выскочек, маскирующихся в демократические цвета, но вышедших отнюдь не из гоголевской шинели, а из низового партийного и старшего комсомольского аппарата.

И кипели страсти на городских митингах, и оглашались подъезды и подвалы жилых многоэтажек беспощадными песенными спичами популярных рок-групп. И все были уверены, что будущее обязательно будет прекрасным, что завтра или послезавтра... ну, на худой конец, через годик всё будет просто изумительно. А иначе и быть не может. А иначе к чему все эти съезды, к чему эти рок-плакаты? К чему эти надписи на заборах: «Сволочи! Верните Солженицына!»? Зачем эта не совсем понятная реабилитация Сахарова? К чему этот недоумок Чонкин в популярном молодёжном журнале? К чему выбравшееся из грязных дощатозаборных периферий на страницы уважаемых литературных изданий слово из трёх букв, набранное с уважением и даже подобострастием? Зачем, наконец, эти ожидания новых Минина и Пожарского, обязательно, слышите, обязательно существующих среди миллионов наших соотечественников, готовых вот-вот, в нужный час, повести за собой страну на борьбу со смутой?

И главное — для того, чтобы светлое, прекрасное, изумительное Завтра наконец превратилось в Сегодня, нужно и можно было потерпеть. Чуть-чуть. И нехватку мыла, и чай без сахара, и талоны на... водку, извините, и едва помещающееся в телеэкран ры... лицо внука известного детского писателя, погибшего, защищая эту страну, и радиационные облака из зоны взрыва атомной станции. Ничего. Раз надо, мы потерпим. Мы вообще народ терпеливый.

Да и ненадолго всё это. На годик. Ну, на пять лет. Не больше. А потом! Потом!!!

Всеобщий энтузиазм охватил все социальные слои, все отрасли трещавшей по швам экономики. Мы расскажем о педагогике. Ну да, а почему бы и не педагогика? Вы скажете, ерунда, мол, реформа образования до сих пор, более двух десятков лет буксует, и никакие Е... извините, Гэ не могут пока придать этой сфере хоть видимость порядка. Ну и что! Главное ведь начать или, как говорил генсек, на чать. Ну, потерпите ещё чуть-чуть. В министерствах московских люди, чай, поумнее нас обитают, простите, работают. Но мы увлеклись.

История эта началась в далёком уже восемьдесят девятом году. Тогда студенты одного провинциального педагогического вуза вознамерились сами, без указки свыше, совершить настоящую революцию в одном отдельно взятом пионерском лагере. Они решили создать свою детскую республику. Да, именно республику. А что? Согласны. Придётся поломать кое-какие или все атрибуты старой полуказарменной пионерской организации. Да кто это разрешит? «Вы что, с дерева свалились?» — скажет нам иной скептик. С дерева, не с дерева, а республику свою ребятушки создали. И она два месяца существовала под пристальным оком крайкома комсомола и других компетентных организаций. Прикрыть её так и не решились. Новаторская педагогика. Запретишь — себе дороже выйти сможет. Такое уж это было время. Однако о времени: хватит трепаться, чай, не генсеки.

Время, начинаю о лагере рассказ.

2. Прибытие

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День первый. Жара невыносимая. Приехали в лагерь на двух попутках. Ромка забыл в автобусе свой костыль.Похоже, нас здесь не ждали. Смена, оказывается, начнётся не двадцать девятого, а второго, на четыре дня позже.Кормить нас здесь пока не собираются. Алик провёл планёрку. Решили домой не ехать, а бороться с трудностями своими силами. Ну что же, будем работать».

Натянув штаны и рубашки себе на головы и уже с трудом двигая ногами под нещадно палящим солнцем, они пробирались по колхозным делянкам. Идти оставалось метров двести. Затем лесополоса и большое поле спелого гороха. Что может быть лучше гороховой каши, когда в животах второй день вместо пищи лишь горькие воспоминания об этой самой пище, а рядом так много вкусного, спелого гороха?

Алик знал эти места ещё с прошлого года, когда работал в этом лагере отрядным вожатым,

поэтому утром, когда на планёрке распределял обязанности по добыче продуктов на всеобщее пропитание, сам вызвался идти за горохом, взяв в помощники Майкла. Впрочем, каждый получил задание по силам и по желанию. Демократия, господа-с. Ромка отправился ловить рыбу. Рыбак, ему и удочку в руки, раз уж сетей пока нету. Кешка должен был достать мидий. Что это такое и с чем их едят, никто толком не знал, но Кешка уверял, что он большой специалист по мидиям, а здесь, в районе искусственного моря, они должны водиться в большом количестве. Девчонки получили задание нарвать фруктов и ягод к компоту, благо все близлежащие к лагерю деревенские постройки были богаты фруктовыми садами. На всю операцию Алик отпустил ребятам два часа. Позже нельзя. Кушать чего-то уж больно хочется.

Конечно, можно было не добывать себе пищу таким полупервобытным способом, а просто сходить в ближайший сельский магазинчик, купить продукты, затратив при этом гораздо меньше сил, но гораздо больше средств, которых у студентов-практикантов и так было не шибко много. Но ведь тогда напрочь погибал дух романтики, который так заманчиво маячил перед бойцами педагогического отряда «Свежий ветер» весь последний месяц их жизни. А вчера? Вчера на автовокзале областного центра они решили ехать не рейсовым автобусом, а попутками. Романтика так романтика, тем более, что по вокзалу бегал шустрый паренёк, оказавшийся водителем порожнего автопассажирского средства, гордо именуемого автобусом пригородного сообщения «Кубань». Никогда не ездили в таком, гм... автобусе? Ездили? А на дальние расстояния? Тоже ездили? Ну и страна у нас! Всё перетерпим. Всё!

За мизерную плату договорились ехать с этим водителем до развилки, ведущей к райцентру, в котором и находился их лагерь — будущая детская республика. А от развилки пешком, как полагается романтикам. Километров семь-восемь. Ерунда. Ехали почти без приключений, если не считать того, что на тридцать седьмом километре задымил мотор, а на пятьдесят шестом лопнуло заднее колесо. «Кубань», господа, в смысле, автобус. Кстати, пока водитель возился с колесом и охлаждал загоревшийся двигатель, будущие вожатые-республиканцы забрались в придорожное пшеничное поле и с каким-то непонятным наслаждением жевали сырые зёрна, периодически давясь и кашляя от жёсткой и острой шелухи.

От развилки они прошли с полкилометра, и их подобрал «РАФик» ветеринарной помощи, а с автостанции райцентра они уехали рейсовым автобусом. И только здесь, заставив всю заднюю площадку сумками и чемоданами, романтики обнаружили пропажу Ромкиной трости. О, это была чудесная трость, выполненная по заказу хорошим художником и резчиком по дереву, очень

красивая. Да и не в красоте, собственно, дело. Без трости Ромке было трудно. Тело давно привыкло к трём точкам опоры, а теперь нога после десятиминутной ходьбы саднила, и боль становилась всё сильней. К вечеру появилась опухоль. И всё же Ромка решил не прибегать к помощи палок и коряг, в избытке валявшихся на берегу рукотворного моря, где и разместился их лагерь. Раз пропала трость, значит, так тому и быть. Ромка был фаталист, поэтому, скрипя зубами, терпел боль в своей многострадальной ноге. Сегодня Алик нарочно послал Ромку ловить рыбу. Во-первых, ходить далеко не надо, сиди себе на бережку да хватай свеженькую рыбёшку, а во-вторых, никто, кроме Ромки, заядлого рыбака, не сумел бы достать главную и основную часть будущей ухи.

Жара усиливалась с каждой минутой. Красные, как свежесваренные раки, Алик с Майклом доползли до горохового поля. После небольшой передышки принялись выколупывать в пакеты горох из стручков. Минут через десять, к удивлению и явному неудовольствию обнаружив, что гороха в пакетах прибавляется всё меньше и меньше, решили собирать урожай прямо со стручками. Чего уж там, в лагере можно очистить. Ещё через десять минут Майкл не выдержал:

— Всё, командир, брось меня. Иди назад один. Я уже никуда не дойду. Когда будете есть кашу из этого гороха, вспомяните меня добрым словом.

— Ничего, братишка, не дрейфь, ещё пару усилий, ну, не пару, чуть больше. Давай ещё минут пятнадцать, и будем закругляться.

— Что? Пятнадцать минут? Я и так уже покрываюсь волдырями. Через пятнадцать минут в лагерь вообще некому будет идти. Лишь дня через два туда доставят наши сварившиеся в гороховом гарнире и, кстати, подававшие неплохие надежды тела. Пора в лагерь, командир.

— Майкл, имей совесть. Мы ничего ещё не собрали.

— Как не собрали? А стручки? Для супа, ну, такого супчика с мидиями и рыбкой хватит. Не губи, командир. В конце концов, подумай о ребятах. Мы умрём здесь, а они там, в лагере, не дождавшись от нас заветного гороха. Представляешь, они уже наловили мидий, карпов и бычков, наварили компота и сидят, бедняжки, ждут. Чего ждут, догадываешься? Гороха нашего. Умрут ребята. И девочки умрут. И Алиска. Командир, решайся. Через пятнадцать минут будет поздно.

— Ты думаешь? Откровенно говоря, я и сам уже вот-вот сварюсь.

Алик оглядел свой и друга пакеты с собранным стручковым горохом, хотел было установить последние пять минут для сбора урожая или для очистки совести, но вздохнул и скомандовал:

— Ладно, пошли в лагерь. Совесть совестью, а республике мы нужны живыми. Пошли, братка.

— Нет, командир. Не пошли, а поползли.

— Отставить! Что значит поползли? Хотя...

И друзья, с трудом передвигая обгоревшие ноги, где пешком, а где и на четвереньках двинулись в обратный путь.

На камбузе шло совещание. Педагогический отряд «Свежий ветер» расположился вокруг широкого раздаточного стола, подсчитывая трофеи и прикидывая, чего бы им из этих трофеев соорудить, чтобы не протянуть ноги до завтрашнего дня. С трудом добытые продукты представляли собой примерно полкилограмма спелой алычи (больше нарвать девчатам не позволили что-то уж больно сердитые собаки, охранявшие садовые деревья), десяток яблок, несколько полуспелых слив, грамм четыреста гороху в стручках, пяток мелких пескариков да полбулки хлеба. Последнее было добычей Кеши. Как-то вот не заладилось у него с мидиями. Вдоль побережья рукотворного моря в избытке валялись пустые раковины моллюсков, но раковиной сыт не будешь, да и кто знает, что за обитатели ютились в этих раковинах прежде. Вдруг ядовитые? Чтобы реабилитировать себя в глазах своих товарищей — настоящих добытчиков, Кеша стал ходить от калитки к калитке по окрестным дворам и жалобно просить:

— Добренькие хозяева, я студент. Вожатый вашего... нашего лагеря. Не найдётся ли у вас лишнего кусочка хлебушка? Нет-нет. У нас всё есть. Спасибо большое. Не надо картошки, и сала не надо. Вот только хлебушка бы кусочек. Нам только завтра завезут.

Словом, хлеб у педотряда теперь был. Правда, без сала. Но с картошкой. Одна сердобольная хозяйка всё-таки всучила упиравшемуся Иннокентию пакет с молодыми клубнями.

Что же касается рыбной ловли, то когда все горе-добытчики были уже в лагере, последним торжественно, в сопровождении маленьких местных рыбачков пяти-шести лет, к камбузу, прихрамывая, подкатил Ромка, гордо держа перед собой трёхлитровую стеклянную банку, в которой обречённо плавали пять мелких, не более тополиного листочка, пескаришек. Уха у вожатых намечалась добрая.

И, вы не поверите, уже через час, несмотря на все старания добытчиков, весь педагогический отряд наконец-то позавтракал, а заодно и пообедал.

Что же касается ужина, то его должен был подвести сухим пайком начальник лагеря, с которым Алик связался по телефону ещё вчера. Ну вот, кажется, прибыли. Можно начинать готовиться к встрече детей.

Над лагерем, нещадно паля, резвилось южное солнце. Погодите, погодите, республики захотелось? Будет вам республика! А может, пока не поздно того? По домам? Дома мягкая постель, душ с тёплой водой, мама голубчики потушила. По телеку футбол. Аргентина играет. Бросьте,

ребята, ну зачем вам вся эта бодяга? Нет? Остаётесь? Упрямые, заразы.

Вожатые сидели в тени беседки, утомлённые солнцем и долгим приготовлением завтрака-обеда и удовлетворённые, тем не менее, результатами недавнего пиршества, вдыхая специфический воздух, игриво ласкавший их со стороны близкой свинофермы. Вожатые мечтали о замечательных пионерах, которые скоро приедут и которые будут самыми лучшими на свете. А уж с ними-то лагерная смена действительно будет самой волшебной и самой неповторимой на свете.

3. Республика

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День третий. Жара невыносимая. Сегодня заезд пионеров. С утра мы с Аликом надели красные галстуки, прошлись по лагерю под звуки пионерских маршей.Затем торжественно на вожатском построении галстуки были сняты. Ромка при этом губами и руками исполнял сигнал «Захождение». Всё, с пионерством распрощались. Да здравствует республика! А вот и первые пионеры, то есть первые республиканцы прибыли. Побегу принимать. Пора работать».

Республику придумал Алик. Ещё в прошлом году. Он работал в этом лагере вожатым и видел, что меньше всего на свете его подопечные любят всякие там построения, торжественные линейки, девизы, речёвки, трудовые десанты. А уж про смотр песни и строя говорить не надо. Тут такая любовь! Что ой, мамочки, несите мне цианид. Алик пытался было на вожатских планёрках поговорить об этом с начальником лагеря и со «страшной», вернее, старшей вожатой, но, кроме снисходительных улыбок, никаких других эмоций это у собеседников не вызывало. И хотя по стране уже вовсю шагала так называемая перестройка, посягать на основы существовавших порядков, установок и режимов, мягко говоря, было ещё не совсем можно. Пионерская организация пока была незыблемой частью общей системы, и, стало быть, разговоры на эту тему должны были быть закрыты. И пионеры Алика продолжали ходить строем под речёвку и девиз, продолжали сдавать рапорты на утренних линейках, продолжали для галочки гордо именоваться, ну, например, заведующим культурно-массовым сектором отряда или членом редакционной коллегии дружины. Круто? Мурашки по телу не бегут? Нет? Почему? Солидно же! Член... санитарной... дружины... совета дружины имени пионера-героя...

На эти должности ребят набирали без особой охоты. Так, на повестке дня нашего отрядного сбора выборы активистов. Нужно выбрать члена совета дружины.

Какие будут кандидатуры? Ну, смелее, ребята, активнее, вы же пионеры. Предлагайте своих товарищей. Ну, что же вы?

Тишина. Пионеры разглядывают полы в отрядной палате или стены, на худой конец, потолки. Можно почитать письмо из дома. Или помечтать, как пригласишь сегодня вечером на дискотеке на медленный танец Лариску — до того красивую девочку, что смотреть в её сторону не стоит, может голова закружиться, лучше уж рассматривай стены да потолки.

Знакомая картина? Конечно, и в пионерской рутине бывали исключения. У Алика в отряде нашёлся мальчик Мишка Латышев, который лично, едва ли не со слезами напросился быть горнистом, флаговым, звеньевым, членом совета дружины и фотокором. Все эти должности на сборе отряда он получил единогласным решением своих товарищей, которые были несказанно рады. Не за товарища, конечно, а что чаша сия миновала их лично. Всю смену Мишка носил красный галстук, хотя, скажем вам по секрету, пионером не был. То ли болел, когда всех принимали, то ли был исключён за какую-нибудь провинность, какая, к лешему, разница. Нормальный парень. Активист. Пусть себе ходит в галстуке.

Апофеозом той прошлогодней смены стал смотр песни и строя. Его проведению администрация лагеря уделяла особое внимание, так как ожидалось прибытие высоких гостей из обкома комсомола и крайсовпрофа. Последнее слово, кстати, не ругательное, нынешнее МДОУ звучит куда как более угрожающе. В числе гостей, не смейтесь, это правда, был и товарищ Митрофанов. Не тот, который из фильма про Иночкина, а другой, но тоже очень важный и, главное, Митрофанов. Что означало слово «крайсовпроф», пионеры не знали и готовились к смотру с опаской, словно от самого этого слова веяло чем-то таинственным и даже небезопасным. Девочка-девочка, срочно выключи телевизор, закрой все окна и двери, занавесь наглухо шторы. По улицам движется крайсовпроф на колёсиках.

По сценарию, утверждённому лет ...цать назад, руководить смотром должен был физрук лагеря. Физруком был добрый грузин Мурман Шавидзе, известный тем, что, учась на филологическом факультете, умудрился сделать в кафедральном диктанте семьдесят восемь ошибок. Но ошибки ошибками, а по доброте душевной позволял Мурман детям буквально ездить на себе, за что снискал всеобщую любовь и прозвище «розовый бегемотик».

Так вот, после приезда дорогих гостей дружина построилась поотрядно на центральной аллее. Администрация, горнисты, барабанщики и гости с товарищем Митрофановым разместились у флагштока на «костровой» площади. Костровой она числилась по документации. Никаких костров никогда, конечно же, на ней

никто не разводил, вы что, с ума сошли? Физрук Мурман раньше подобных мероприятий не проводил, он вообще, как бы это помягче сказать, в лагере работал поневоле и больше всего на свете любил поспать после сытного обеда. Сейчас он заметно волновался. По сценарию он должен был командовать действиями дружины, но оказалось, что от волнения физрук позабыл, что такое дружина. Забудешь тут, когда рядом лично товарищ Митрофанов. Обернувшись к стоящему, по сценарию, конечно, несколько позади представителю крайсовпрофа, Мурман спросил шёпотом: «А где дружина?» Товарищ Митрофанов решил сделать вид, что не понял, что над ним издеваются, и махнул белой ручкой куда-то в сторону горнистов и барабанщиков. Мурман взял микрофон и отчего-то очень уж сиплым голосом скомандовал двум горнистам, трём барабанщикам и группе чтецов, которые готовили для смотра стихотворный монтаж: «Дружина, равняйсь, смирно! Председателям отряда сдать рапорта!» Вообще-то правильно говорится «председателям советов отрядов», но в данной ситуации это мелочи. Горнисты, получив такой приказ, стали удивлённо смотреть на барабанщиков, а барабанщики вытаращились на чтецов. Покрасневший, как вишня, Мурман продолжал читать записанные в сценарии команды: «К торжественному маршу, поотрядно, шагом марш!» Возникло что-то вроде немой сцены. «Марш», — не то повторил, не то спросил физрук, и горнисты, чтецы и барабанщики, спасая положение, затоптались на месте. Прибежала страшная, ой, простите опять, старшая вожатая, что-то строго внушила полумёртвому грузину, и смотр начался с самого начала. Это ещё хорошо, что товарищ Митрофанов не обнаружил в выходке лагерного физрука намёк на подрыв устоев.

После традиционной сдачи рапортов слово взял начальник лагеря. Он торжественно провозгласил ПРАЗДНИК песни и строя открытым и после бурных аплодисментов передал бразды правления смотром старшей, ну, наконец-то правильно, именно старшей вожатой. Той, кстати, не привыкать было командовать такими мероприятиями, ведь за плечами годы кропотливой работы в службе исполнения наказаний малолетних преступников. Да-да! Не шухры-мухры. Стра... Э, старшая вожатая, искоса поглядывая на высоких гостей, сообщила микрофону что-то о торжественности момента, о чести, которой удостоились пионеры лагеря, о вечной заботе, проявляемой партией к... ну, и так далее, как положено, а затем, глядя в сценарий, обратилась к начальнику лагеря: «Товарищ начальник лагеря! Разрешите открыть праздник песни и строя!» Начальник поперхнулся: «Так это... разрешаю». «Флаг поднять!» — то ли оправдываясь,

то ли продолжая линейку, выдавила из себя вожатая, простите, старшая вожатая. Флаговый тут же начал поднимать красное полотнище по флагштоку и довольно быстро его поднял. Между тем старшая продолжала вести линейку: «Право поднять флаг предоставляется лучшим пионерам и октябрятам лагеря. Пионеры и октябрята, на флаг!» Флаговый понял, что поторопился, и начал лихорадочно флаг спускать, чтобы его могли вновь поднять лучшие пионеры и октябрята лагеря, которых в суматохе, кстати, не успели назначить. В это время заиграл Гимн Советского Союза. Очевидно, так значилось в сценарии. Флаговый несколько растерялся, но быстро взял себя в руки. Раз исполняется гимн, флаг должен подниматься. И тут полотнище заело. Ни вверх, ни вниз. Закон подлости. Закон подлости!!! Любой в этой ситуации опустил бы руки и постарался бы провалиться под крепкий асфальт костровой площади, но только не старшая вожатая. Оценив обстановку, она рявкнула изо всех сил: «Наш девиз!»

Дальше была всеобщая истерика и скорый отъезд товарища Митрофанова.

Вот именно против такой пионерской организации и восстал Алик, когда придумывал свою республику. В обкоме комсомола поначалу слушать его отказались наотрез, впрочем, как и в облсовпрофе; ещё одно страшное слово, сродни ранее выговаривавшемуся нами. А в этом самом обл... тьфу, зараза, в этом самом у Алика, кстати, были хорошие знакомые. Не помогло. Кафедра педагогики института, в принципе, не возражала, но и рекомендовать программу новоявленного новатора к реализации не решилась. И тогда Алик поехал в «Орлёнок». Как раз в это время во всероссийском пионерском лагере ЦК ВЛКСМ проводились курсы старших пионерских вожатых и начальников лагерей юга России. Алик представил свой проект республики на всеобщее обсуждение. Состоялась весьма непростая защита. Алик выслушал кучу замечаний, сомнений, советов, и, наконец, его программа получила зелёный свет в качестве педагогического эксперимента.

Теперь нужно было сформировать педагогический отряд. Насчёт мужской части будущей вожатской команды у Алика сомнений не было. Конечно, Кешка — этот великовозрастный ребёнок. Ромка — поэт, человек с трезвой головой. Майкл — виртуоз гитары и восточных единоборств. А вот девчат нужно было искать. Впрочем, вопрос этот решился сам собой, как только в театральной студии института, где скрашивали свой досуг все парни будущего педотряда, появилась Настенька. Алик знал, что будет с ней работать, уже на второй день их знакомства. Ну, во-первых, она прирождённая вожатая, любит безумно детей, знает кучу игр, песен и разных вожатских

затей, во-вторых, в неё смертельно влюблён Кешка, а в-третьих, такие свои в доску люди на дороге не валяются. С Настенькой в педотряд пришли красавица Светлана, грустная девушка Ольга и Алиска. Алиска с первого же дня не сводила глаз с Алика, буквально заглядывая ему в рот, что, естественно, ему льстило. Педотряд сформировался весной, и несколько месяцев ребята притирались друг к другу, чтобы в лагере между ними не произошло никаких недоразумений.

И, поверьте нам на слово, это действительно была одна команда. Команда непохожих, талантливых, дерзких и неравнодушных. Они просто болели своей игрушечной республикой, и теперь им оставалось только заразить этой болезнью пионеров.

* * *

Перчишка приехал в этот лагерь в пятый или шестой раз. Он сразу узнал Алика, с которым валял дурака ещё в прошлом году, и решил, что будет проситься в его отряд. Но оказалось, что Алик в этом году работает старшим вожатым. Тогда Перчишка попросился в отряд к большому бородатому дяде со странным именем Иннокентий, который, к его удивлению, сразу же заставил его снять пионерский галстук:

— Понимаешь, старик, ты приехал не в пионерский лагерь, а в республику. Первую в мире детскую республику. Понимаешь?

— Я не старик. И какие там ещё республики? Я в этот лагерь езжу каждый год. Это пионерский лагерь «Звёздочка». Спросите, если не верите, вот хоть у Алика. Он меня знает.

— Авторитетное заявление. И всё же, старик, это республика. Ничего. Скоро всё поймёшь. А за старика не обижайся. Это у меня привычка такая. Тебя как зовут-то?

— Перчик.

— Что-что? Какой такой перчик? Шутишь?

— Вообще-то меня зовут Алёша, но ребята называют Перчишкой. Я привык.

— Классно. Перчишка так Перчишка. Будем работать, старик?

— Это в смысле трудового десанта? Ну, не успел человек в лагерь приехать, как его тут же заставляют работать. Ничего себе республика.

— Нет, старик. Никаких трудовых десантов. Это у меня поговорка такая. Привычка, понимаешь?

— Угу.

— Ну что, будем работать?

— Попробуем.

— Молоток. Ну, давай, беги в свою палату, располагайся. А я буду встречать других республиканцев. Вон как раз идут две новенькие девочки.

И Перчишка направился в свою палату, которая находилась в домике на сваях, у самого берега рукотворного моря, по дороге прикидывая, когда лучше сбежать из этой, извините, республики, от

этого странного бородатого Иннокентия и от его глупых поговорок.

Вечером Алик обошёл все палаты, в каждом отряде провёл беседу. Бывшие пионеры, а ныне республиканцы, мало что поняли из его эмоциональных речей, кроме того, что теперь не надо ходить строем, носить галстуки, разучивать пионерские песни. Что теперь у них появятся свои министры и что в ближайшее время им предстоит выбрать президента.

4. Алик

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День шестой. Выборы. Агитация сегодня строго запрещена. Нарушители, которые пытаются вывешивать плакатики с именами своих кандидатов, штрафуются фантиками — нашей республиканской валютой. После обеда чуть не произошло непредвиденное: ребятки из моего отряда хотели похитить Алика — главного кандидата в президенты, но попытка была неудачной. Ромка объяснил похитителям, что за такие дела может пострадать их кандидат. Голосовали все дружно. Даже сторож и повара. Жара всё-таки невыносимая. Ладно, будем работать».

Президентом с подавляющим перевесом стал Алик, что вообще-то было справедливо. Из всех вожатых педотряда «Свежий ветер» он был самым опытным. Это была третья его смена в этом лагере, а если ещё учесть две недели стажировки в «Орлёнке», да ещё то, что в пионерском возрасте он прошёл через великолепную школу «Артека», да ещё ко всему этому прибавить юношеский необузданный темперамент, нескончаемый задор и веру в успех, то вырисовывается достойный портрет президента, по крайней мере, игрушечной республики. Алик был большим выдумщиком. Этой весной он под видом командира педагогического отряда старших вожатых побывал в пяти лагерях на побережье Чёрного моря. В одном лагере, в Анапе, его вообще приняли за ревизора. Кормили от пуза, выделили лучшие апартаменты. А он, кстати, не просто путешествовал. Расспрашивал, узнавал, интересовался, примечал. Словом, брал на вооружение всё, что может пригодиться для будущей республики.

В день заезда пионеров случился первый конфликт. Завхоз лагеря Юра Зинин, молодой парнишка, ужасно худой, неженатый и какой-то весь... неухоженный, что ли, которого даже дети за глаза называли Зина Юрин, получил инструкцию от начальника лагеря Евгения Трофимовича Каца — того самого, что чудом остался в должности после прошлогодней истории со смотром песни и строя, — встречать прибывающих детей обязательно пионерскими

маршами. Благо пластинок с записями этих маршей было в пионерской комнате преизрядное количество. Зина добросовестно принялся выполнять инструкцию, как вдруг в радиорубку ворвался Алик и вежливо так потребовал, чтобы вместо маршей звучали добрые современные песни. Нет, ну в самом-то деле, приехали люди в лагерь, ну хочется им послушать там «Ласковый май», «Мираж», «Iron Maiden», в конце концов. А им с самого порога пионерские марши. Что-то типа «Согретые сталинским солнцем, мы дружно к свободе идём», ну, или что-то в этом роде. Попенял Алик завхозу, а тот справедливо, заметьте, справедливо указал на инструкцию начальника. Но надо знать Алика. Он собственноручно переставил пластинку. Голос Шатунова тут же затянул про телефон и тайну, которую этот самый телефон ему гарантирует. Однако, как только Алик покинул радиорубку, из репродукторов снова зазвучал Большой детский хор ЦТ и ВР. Алик вернулся и снова поменял пластинку. И опять, после того как он вышел на главную аллею, грянула песня про трудную дорогу и пионерский горн. Рассвирепев, Алик ворвался в рубку и начал крушить несчастные пластинки о каменные ступеньки:

— Ах, какая незадача! Какие жалкие осколочки! Какая трагедия! Спокойно, Ипполит, спокойно. А теперь, товарищ Зинин, слушай меня внимательно. Если ты ещё раз попытаешься сделать что-нибудь против моей воли, то, клянусь тебе, это будет последний день твоего пребывания в лагере. У меня куча друзей и в райкоме, и в обкоме комсомола, и в крайсовпрофе. Мне стоит сказать одно лишь слово, и ты вылетишь отсюда под звуки своего любимого марша. Ты понял?

Похоже, слово «крайсовпроф» действительно обладало неким магическим свойством. Во всяком случае, Зина сдался и даже, что ну совсем удивительно, не доложил о случившемся начальнику лагеря. А может, и доложил, но Евгений Трофимович, старый и мудрый еврей, оставил это происшествие без каких-либо последствий. Нет, конечно же, дело было не в маршах. Алик сам был воспитан на задорных пионерских песнях и любил их. Дело было в принципе. Раз уж решили делать республику, то про старые добрые марши нужно было временно забыть. Удивительно, но для достижения демократии, оказывается, нужно иногда прибегать и к диктатуре.

Куда более серьёзный поединок предстоял Алику на следующий день. После открытия смены все отряды собрались на своих костровых площадках на особые костры-знакомства. Алик с физруком Майклом были в гостях у старшего отряда. Песни пели, пускали по кругу веточку туи, рассказывали о себе. Хороший такой, добрый вечер. И тут к Алику подошла взволнованная Настенька:

— Алик, только тихо, там на берегу какой-то придурок пристал к Алиске. Кричит, что он грузин, по-русски не понимает, а она должна мыть ему ноги.

Не дослушав, парни сорвались с места. Действительно, в небольшом лесочке у прибрежной полосы стояла очень напуганная Алиска. Вокруг её шеи был намотан пионерский галстук, в который цепко вцепился коренастый незнакомец. Где-то рядом гремела музыка и урчал мотор автомобиля. Майкл слегка кивнул Алику, дескать, паренёк этот здесь не один.

— В чём дело? Алиса, что случилось? — Алик решил сразу не бросаться в бой безрассудно, а выяснить для начала обстановку.

Испуганная вожатая не успела ответить. Вместо неё, резко обернувшись, дыша перегаром в лицо Алику, но не выпуская галстук, зарычал чужак:

— Вали на фиг отсюда! Убью, понял? Я грузин. Это моя добыча.

— Тебе, парнишечка, здесь джунгли, что ли? Добычу будешь искать в Африке или в Грузии своей.

— Что ты сказал? Сейчас тебе так дам, что никогда не встанешь уже.

— Может быть, — вмешался Майкл, — а может быть, и нет.

Он напрягся, напружинил стальные мускулы. Видно было, что ещё немного, и он обрушит на чужака пару-тройку бронебойных ударов.

— В конце концов, побеждает не грузин, не русский, не китаец, а тот, кто лучше дерётся. Я правильно говорю?

Лицо Майкла оставалось спокойным, но именно в этом спокойствии и таилась угроза для любого противника. Майкла не волновали сейчас ни приятели чужака, которые могли прийти к нему на помощь, ни пьяные угрозы незваного гостя.

И чужак не выдержал:

— Что вам надо вообще?

— Отпусти галстук. Видишь, моей девушке это неприятно, — Алик старался говорить спокойно, но так, как у друга, у него не получалось, видно было, что он себя еле сдерживает.

Объективности ради надо сказать, что грузин, или кто уж он там, был крепче и сильнее его, но Алик был прав, и это придавало ему дополнительные силы.

— Отпусти галстук!

— А ты кто такой? Что ты лезешь в дела не свои? Это красивая девушка. Я хочу с ней разговаривать.

— Это моя девушка. Моя невеста. Понятно тебе?

Чужак отпустил галстук, и друзья заметили, что он боится. Всерьёз боится.

— Вы что, работаете здесь?

— Да, мы здесь работаем. Я старший вожатый этого лагеря. Гостям мы всегда рады... если они приходят по-хорошему. По-плохому приходить не советую.

— Эй, парни, если попадёте в мой посёлок и кому-нибудь расскажете, что я...

Алик перебил его с возмущением, честно говоря, именно сейчас ему нестерпимо хотелось съездить по трусливо подрагивающим губёнкам пришельца, но старший вожатый себя сдержал:

— Слушай, приятель! Я три года служил на флоте. Меня в городе знает каждая собака. И никто, никогда, запомни это, никто не скажет, что я стукач. Понял?

Чужак окончательно сдался. Он стал заискивающе улыбаться. Что-то приплёл о том, что у Алика очень красивая невеста, о том, что его ждут друзья, а он, если, конечно, кого-то здесь обидел, просит его извинить. И быстро ретировался.

— Очко у парня не железное, — съязвил Майкл.

— Ладно. Всё в порядке. Всё, девочка, успокойся, всё позади, пошли в лагерь.

Алик обнял дрожащую Аліску за плечи, и в этот миг слёзы брызнули из её глаз. Она рыдала, уткнувшись в грудь бывшему моряку, которому в этот момент тоже почему-то захотелось плакать...

* * *

Алик был настоящим романтиком. Однажды он ввалился в два часа ночи в вожатскую комнату, где мирно похрапывали Ромка, Кеша и Майкл.

— Эй, сони, вы с ума сошли? Подъём! Как можно сейчас спать! Подъём, говорю! Проспите всё на свете! Вставайте, суслики, вам говорят!

— Да имей же ты совесть, — сквозь сон прорычал Ромка. — Днём гоняешь нас, не даёшь передышки, в тихий час заставляешь репетировать всякие вожатские номера. После отбоя планёрки до часу ночи. Дай хоть ночью пару часиков поспать спокойно.

— Вставайте, сони! В такую ночь грех спать. Вставайте, это приказ! Ну, в самом деле, мужики, вы только посмотрите, какая красотища! Потом будете жалеть, что не увидели. Подъём!

— Алик, мы тебя свяжем, — промычал Майкл.

— Согласен, но позже, а сейчас вставайте живенько!

— Да что случилось-то?

— Случилось? Такое случилось, что вам ни в одном сне не приснится.

Три головы оторвались от своих подушек.

— Ну, не томи, что случилось?

— Подъём, мужики, всё сами увидите.

Он заставил друзей одеться, умыться и выйти из палаты на центральную аллею.

— Готовы? А теперь дружненько посмотрели наверх!

Ночь была удивительной, волшебной, расчудесной, неописуемой, незабываемой. Какие звёзды! Разве это звёзды? Это золотые блюдца. Близкие — лишь протяни руку, манящие, таинственные. А сколько их! Миллиарды? Нет такого числа и такого звездочёта, чтобы приложить к ЭТИМ звёздам подобие цифр. Глядя в это бездонное нагромождение золота в

сияющей черноте июльской ночи, можно было сойти с ума. Полностью терялось ощущение земного. Нет больше лагеря, республики, моря, деревьев, слов, желаний, поступков. Есть только бездна космоса и эти далёкие близкие звёзды.

— Боже мой, словно в космическом корабле, — зачарованно выдохнул Кешка.

— Мужики, — глаза Алика счастливо сверкали, отражая золотой звёздный блеск, — мужики, давайте пить чай. Прямо здесь.

Друзья вытащили из палаты столик. Поставили его посреди главной аллеи, которая в республике получила название «проспект Космонавтов», принесли банкетки, поставили самовар. О том, чтобы идти спать, не могло быть и речи. Ведь кругом такая ночь и такие звёзды. Друзья пили чай, затем взяли гитару и стали петь. Пели негромко, но хор вожатских голосов разбудил Настеньку, а та растолкала подруг. Обеспокоенные девочки-вожатые высунули заспанные головки в окошко. И вот уже весь педагогический отряд «Свежий ветер» пьёт чай под звёздами и поёт добрые песни о дружбе, о верности, о любви, конечно. Спать? Успеют ещё выспаться. Что вы! У них вся жизнь впереди. Большая, добрая, честная. Жизнь.

* * *

Алик не умел проигрывать. Любое самое незначительное поражение он переживал как страшную личную трагедию. В середине третьего потока у него случился нервный срыв или что-то вроде того. Смена была интернатовской, особая специфика, особые детки. Но республика продолжала существовать. И вот на третий день после заезда к Алику подошла красивая девочка Оленька Тищенко.

— Алик, отпустите меня, пожалуйста, в город. Я поступаю в медицинское училище, и мне нужно завтра утром сдавать вступительные экзамены.

— А справочка, направление или вызов есть?

— Нет. А разве директор интерната вам ничего не говорил?

— Персонально о тебе мне директор ничего не говорил. Так что отпустить тебя я не могу, не имею права.

— Почему?

— Ну, сама посуди. Путь неблизкий. Тебя по дороге убьют или изнасилуют, а отвечать придётся мне? Так?

— Я сама за себя отвечаю. Мне уже шестнадцать лет.

— Нет, девочка, не совсем так. Тебя сдали в лагерь, как говорится, с рук на руки, поэтому отвечать за тебя придётся отрядному воспитателю и мне. Тем более, если я тебя отпущу без надлежащего документа.

Оленька заплакала и выбежала из пионерской комнаты. Происшествие забылось само собой, а через две недели в лагерь приехал директор интерната проведать своих подопечных. Увидев Оленьку, он сразу же поинтересовался у неё:

— Ну как, поступила?

— Нет.

— Почему?

— Меня старший вожатый не отпустил сдавать экзамены.

— Как так?

— Он сказал, что без направления или справки не имеет права никого отпускать.

— Я же тебе давал справку. Ещё в интернате. Ты что, забыла?

— Забыла.

— Нет, ну молодец, слушай. И что теперь, красавица? Ты головушкой своей хоть когда-нибудь думать начнёшь? Ты знаешь, что по закону теперь я не имею права оставить тебя в интернате? Всё. Восемь классов закончила, в училище не поступила, прописки городской у тебя нет. Сама виновата. Всё. Куда хочешь теперь, туда и иди, хоть на панель. Поняла теперь, балда?

С Оленькой случилась истерика. Впрочем, ненадолго. К обеду она пришла в себя, чего нельзя было сказать про Алика. Происшествие с девочкой очень сильно ударило его по нервам.

Он заперся в пионерской комнате, забился в угол и сидел так, молча уставившись в одну точку. Он не хотел никого видеть и не мог никого слышать. Напрасно Ромка и Кешка ломились в дверь, напрасно Майкл грозил эту дверь выломать, заодно разбив окно, напрасно Алиска умоляла впустить только её одну. Алик полностью ушёл в себя. Что же это получается? Это выходит, что он сломал человеку жизнь, искалечил судьбу хорошей, доброй девчонке? Сироте, которую теперь никуда не возьмут, ни на какую работу, потому что у неё нет ни образования, ни прописки? Воображение президента республики рисовало картины одна страшней и безобразней другой: ночлежки, бомжи, проститутки, сутенёры, наркотики, СПИД и, наконец, заброшенная, забытая могилка с номерком вместо имени на самом краю городского кладбища. Алику хотелось выть. Ему бы поплакать. Да ладно вам! Ну, президент, ну, моряк, и что? Не человек, что ли? Поплакал бы, может, и полегчало бы тогда. Слёзы бурлили где-то в глубине обожжённой несчастьем души, но не имели сил вырваться наружу. Так прошёл день. Алик не завтракал и не обедал. Ближе к ужину, когда всю пионерскую комнату заполнил свет утомлённого августовского солнца, он вдруг встал и подошёл к окну. За окном в танцевальных ритмах карнавала шумела и веселилась его республика. Его детище. Его погибшие нервные клетки. Его бессонные ночи. Его радость, его гордость, его трагедия. Алик вглядывался в надвигающиеся сумерки, словно боялся пропустить некую деталь, настолько важную, что вся его дальнейшая жизнь без неё не будет иметь ни малейшего значения. Что это за деталь, да и есть ли она вообще, Алик не знал, но вдруг... В одну миллионную долю секунды глаза его, словно закрытые мощными шорами, внезапно

разверзлись, и он увидел то, что давно уже разучился замечать: там, за окном, зримо, отчётливо, ярко смеялся, искрился и торжествовал Его Величество месяц август. Тот самый август, который так любил Алик в детстве, которого ждал каждый год, как лучшего своего друга, с которым не виделись аж целый год. И вот теперь президент, тьфу, какой к лешему президент, старший вожатый, и это сейчас неважно, студент, человек, человечек по имени Алик забыл своего друга, предал его, увенчанный славой, делами и заботами. Предал. Сам себя предал. Алик от неожиданности этого открытия едва не потерял сознание. Батюшки, господа хорошие, он стал бюрократом, обычным, рутинным бюрократом. Для него теперь справочка, бумажка важнее человеческой жизни, важнее души человека. Души трепетной и ранимой. Алик закричал. Но за окном бушевал республиканский карнавал, и слабый крик старшего вожатого не был услышан никем, даже Алиской, которая теперь всегда почти была с ним рядом. Алик не мог больше оставаться один в пустой и тёмной пионерской комнате; пошатываясь, он направился в медпункт. Достав из аптечки несколько упаковок успокоительного, он стал судорожно толочь таблетки в стакане...

Очнулся глубоким вечером. За окном вожатской палаты блистала светомузыка, носились тени и маски. Алик был один. Он лежал и медленно умирал. Он не сразу понял это, а когда понял, не сразу испугался. Страшно стало лишь тогда, когда он понял, что никого уже и никогда не увидит, что все, весь мир забыли про него, как и он забыл об этом мире. И ещё он вдруг понял, что поступает правильно. Сегодня он не заметил за окном август, а однажды, вот так же подойдя к окну, вдруг обнаружит, что прошла жизнь, а он и не заметил. Алику опять стало страшно. Еле слышно он выдавил из себя: «Помогите». Но никто не услышал, никто не пришёл проститься со своим президентом. И тогда Алик сказал сам себе: «Ты сам хотел этого, братишка». Закрыл глаза и провалился в пустоту небытия. Он не помнил, как приехала неотложка, не помнил, как везли его в районную больницу, как делали промывание желудка, как ставили капельницы. В себя он пришёл лишь утром. После объяснения с врачом и милиционером Алик не пошёл на завтрак, а, забрав свою одежду, сбежал из больницы.

В лагере к нему сразу же зашёл Евгений Трофимович и, не вдаваясь в расспросы, сказал:

— Ну, вот что, дорогой президент, из стационара, я так понимаю, ты сбежал. С этим я улажу. А ты вот что, собирайся-ка ты и поезжай домой денька на три. Не больше. Ты мне здесь нужен. Заварил кашу со своей республикой — надо расхлёбывать. За тебя здесь пока Роман попрезидентит. Давай, давай, собирайся. Как раз

сейчас Снегирёв поедет в город, повезёт Ольгу Тищенко поступать в ПТУ. Вот с ними и поедешь.

И вот уже через десять минут они втроём: Оленька, Кешка и Алик — ехали в «пирожке» начальника лагеря на автостанцию. Теперь президент «Звёздочки» знал, что нужно делать. Он и только он один должен исправить свою ошибку. Он обойдёт все училища, будет просить, умолять, грозить, пугать крайсовпрофом, но девочку эту, за которую он теперь в ответе, не бросит никогда.

Через неделю Оленька поступила в ПТУ с общежитием и до конца лагерной смены вернулась в «Звёздочку». Теперь Алик при всех называл её сестрёнкой, танцевал с ней обязательный для всех дискотек «президентский танец», пел по ночам под окнами её палаты серенады, вызывая дикую ревность Алиски. Про больницу и всё такое прочее он забыл. Такой уж был человек президент «Звёздочки».

5. Ночные походы

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День восьмой. Жара невыносимая. Президент своим указом утвердил меня в должности председателя комитета республиканской безопасности. КРБ. Девчата сразу же прозвали меня местным Берией. В мои обязанности входит теперь лагерная дисциплина. Все, кто любит побаловаться в тихий час, попадают у меня в так называемые штрафные батальоны, где выполняют тяжёлые физические работы — что-нибудь унести, что-нибудь принести. За это сегодня ночью кто-то из детишек измазал меня зубной пастой. Надо будет страшно отомстить. Будем работать».

Планёрка закончилась за полночь. Как всегда, ребята поставили чай, соорудив кипятильник из двух лезвий для бритвенного станочка. Это много позже они узнают, что вода, вскипячённая таким образом, вредна для здоровья и почти радиоактивна, но кто в бурной юности думает о таких пустяках, тем более, когда за спиной служба в армии, годы, проведённые в студенческих общагах, где без таких вот самопальных кипятильников было просто не обойтись.

Девчата сварили кукурузу, добытую в вечернем рейде на соседнем колхозном поле. Майкл взял гитару, и педагогический отряд «Свежий ветер» начал вторую, неофициальную планёрку, длившуюся иногда до двух часов ночи. Как бы между прочим Кешка заметил, что кто-то прошлой ночью намазал его зубной пастой.

— Бездельники! В стране с мылом проблемы. Порошки стиральные по талонам, а эти лоботрясы вымазывают друг дружку пастой с головы до ног. Да ещё и бельё постельное всё в пасте.

— Может, поотбирать у них

всю пасту и выдавать утром для чистки зубов? — отозвалась грустная вожатая Ольга.

— Да ладно бы друг друга мазали, — добавил, перестав играть, Майкл, — так они ещё норовят и вожатых того.

Ребята помолчали. Майкл взял новый аккорд. Под задушевные звуки гитары и аромат травяного чая не хотелось думать о пасте, мыле и тем более всяких там талонах.

Молчание прервал звонкий голосок Алиски:

— А что, ребята, а пойдём-ка и мы их намажем!

— Ты что, чаю обпилась?

— Я против. Несерьёзно это.

— Сами их к бережливости призываем, к дисциплине. В стране с пастой проблемы, с мылом...

— Ещё пасту на них тратить.

— А что? Это идея. Умничка Алиска, — хорошенькое личико девушки покрылось румянцем от хвалебных слов президента, — клин, как известно, вышибают клином. Айда, братцы.

В самом деле, что вожатые не люди, что ли? Не молодые люди? Могут себе позволить чуть-чуть пошалить. У Алика уже сверкали глазёнки, было понятно, что теперь его не остановить. Двигаясь бесшумно, завёрнутые в простыни, по юной республике скользили вожатские тени. От палаты к палате. Конечно, некоторым из таинственных белых призраков мазать зубной пастой пионеров было непривычно, но были здесь и настоящие асы, хоть и пионерское детство этих асов закончилось, ой, страшно подумать когда, почти десять лет назад. Многие первые попытки измазать пастой сонные личики и торчащие из-под одеял пятки и ладошки были, особенно для призраков с девичьими формами, мягко говоря, не совсем удачными. Детки просыпались, вожатые тряслись от смеха, убегали с шумом, едва не переворачивая кровати. Но инструктаж президента, привыкшие к темноте глаза, нагретая подмышками паста привели боевые порядки «ребячьих комиссаров» в должное состояние. Действия призраков стали уверенней и смелей. Некоторые палаты девочек закрывались на засов изнутри. В такие комнаты Кешка влезал через окно и открывал дверь товарищам. Бесшумно выползая из одной палаты, Алик лицом к лицу столкнулся с Зиной.

— Что это ты не спишь?

— Не спится что-то. А вы что делаете?

— Я? Проверяю ночной покой моих подопечных. Как-никак я здесь пока ещё старший вожатый. Отвечаю за своих пионерчиков.

— С зубной пастой в руках?

— Не понял! Тебя, молодой человек, это не должно волновать. Пасту я отобрал у Перчишки, он мазал ею своих товарищей.

— То-то я слышу, что кто-то в лагере безобразничает. Хотел уже Евгению Трофимовичу звонить.

— Слушай, паренёк. Юра, ну что ты за человек такой? Ходишь, вынюхиваешь. Почему

нельзя решать все вопросы со мной? Почему ты чуть что — сразу стучишь шефу?

— Никому я не стучу. Я обязан докладывать вышестоящему начальству о том, что происходит в лагере. Не забывайте, я завхоз этого пионерского лагеря...

— Ты не завхоз, ты понос лагеря. Ещё будешь вякать, я тебя в сортире утоплю, тебе там самое место, — это внезапно из-за спины Алика вырос Майкл.

Зина немедленно растворился в ночи. Встреча с по... простите, завхозом не испортила настроения шалившим вожатым. Закончив с палатами главного корпуса, они по «партизанской тропе» двинулись к дальним домикам. «Партизанской» тропинка называлась потому, что после отбоя здесь зачастую можно было встретить крадущихся пионеров или пионерок. Без всякой пасты и прочих глупых намерений. Просто нужно же деткам хоть когда-нибудь ходить в туалет, который размещался на другом конце лагеря. Реже по этой тропинке продвигались дети или их вожатые для ночных встреч под звёздами с предметами своего обожания. Ну, вожатые-то ладно, они хоть и дети, но взрослые. А вот пионерам шляться по ночам на свидания строго запрещалось, и председатель республиканского КРБ Берия, он же Иннокентий Снегирёв, тщательно следил за этим, укомплектовывая свои штрафные батальоны попавшимися влюблёнными.

Вот на этой тропе и застукал вожатых Евгений Трофимович, неизвестно как оказавшийся здесь, в лагере, в этот час. Бегство вожатых было стремительным. Белые простыни мелькали так, словно на юную республику посреди июля обрушилась внезапная метель или тайфун с добреньким именем Женя. Ромка, хромая, улепётывал последним. Ему трудно было догнать товарищей, и он юркнул в дверь первой попавшейся на пути палаты. Здесь мирно посапывали девочки второго отряда. Недолго думая, Ромка залез под одну из кроватей. Через несколько секунд дверь палаты отворилась. На пороге возникли очертания начальника лагеря.

— Кто здесь? — послышался испуганный девичий голос.

— Девочки, у вас всё в порядке?

— А что случилось?

— К вам никто сейчас не забегал?

— Нет. Мы спали. А что случилось-то?

— А почему дверь не закрыта? Ваша дверь ведь закрывается изнутри?

Ромка похолодел. Он вспомнил, что дверь открыл Кешка, забравшийся в палату через окно. Измазав девочек пастой, вожатые не могли закрыть дверь и оставили её незапертой. Всё. Сейчас Ромке будет полный абзац.

Но девчата его не выдали.

— Это, наверное, кто-то ходил в туалет и не закрыл за собой.

— Да? Ну, ладно, спите. Спокойной ночи. Двери закройте только.

Директор убедился, что дверной замок защёлкнулся изнутри,

и только после этого продолжил обход лагеря. Ромка лежал под кроватью, боясь пошевелиться. И вдруг:

— Ну, и долго вы намерены там валяться?

Ромка поперхнулся. Это его, что ли, спрашивают?

— Роман, как вам не стыдно. Мы спасли вас от начальника лагеря, а вы там лежите и молчите.

— Ах, да, девочки, тут такое дело.

Сконфуженный Ромка вылез из-под кровати.

— Спасибо вам, девочки. Извините за беспокойство. Мне... это... пора.

— Куда?! То есть как это пора? Намазал нас пастой. Перепугал. Заставил врать начальнику лагеря. Я, может быть, от стыда и страха теперь до утра спать не смогу. А он, видите ли, пора!

Теперь Ромка сквозь сумрак ночи разглядел, что не спали все девочки в палате. А вопросами его атаковала самая бойкая из них, Леночка Латышева, сестра того самого активиста, что в прошлом году был и флаговым, и горнистом, и... леший ещё помнит кем.

— Ну, — насмешливо продолжала Леночка, — что теперь будем делать?

— А что вы хотите? Конфет у меня с собой нет. Завтра выдам вам по конфетке.

— И всё?

— А что ещё?

— А то, будете рассказывать нам истории и сказки до тех пор, пока мы не уснём.

— А уснём мы не скоро, — добавила ещё одна бойкая акула с ангельским личиком.

— Ну, вот ещё. Спасибо вам, конечно, за помощь, но пора и честь знать. Сказки им расскажи. Весёлые вы, однако, девчоночки. Всем привет!

— Ах, так! А я вот сейчас как закричу на весь лагерь. Вмиг примчится начальник, и кому-то не поздоровится.

— О, да это шантаж.

— Именно. А как вы думали? У меня вся ночная рубашка в зубной пасте. Мне её теперь полдня стирать, а мыло сейчас, сами знаете, дефицит. Так что не ломайтесь. Садитесь поудобнее. Так. Рассказывайте. Спать тоже будете у нас. Мы вам освободим кровать.

— Ну, это уж дудки. Ещё чего!

Леночка сначала тихо, но с каждым мгновением всё громче и настойчивей стала повизгивать.

— Всё, всё. Понял, понял. Успокойся. Не девочка, а...

— Что?

— Всё хорошо, говорю. Значит, такая история. Блин, все истории забыл.

— Что-что?

— Жила-была одна девочка. Очень непослушная девочка. Вот как-то мама сказала ей, уходя из дома...

— Это про гроб на колёсиках, что ли?

— Ну, а вы что хотите?

— Нормальное что-нибудь. Не эту же бодягу.

— Гм. Хорошо. Жила-была

одна девочка. Обычная девочка. Училась в обычном классе обычной советской школы.

— Это правда?

— Правда, правда. Закрывайте глаза, укладывайтесь поудобней и слушайте. Так вот, приехал как-то в город, где жила эта девочка, на гастроли сам Валерий Леонтьев.

— Фу, мы Леонтьева не очень.

— А кого вы очень?

— Шатунова, например. Или Рому Жукова.

— Про Шатунова в другой раз. А сейчас про то, что я видел своими глазами. Вы же просили правдивую историю, так?

— Давайте про Леонтьева.

— Так вот, приехал, значит, этот самый Леонтьев на гастроли, да вот беда, нос у него красный. Выступать не может. Ни грим, ни пудра не помогают. Красный нос — и всё тут.

— Напился, что ли?

— Если бы. Всё оказалось гораздо хуже. В этом городе, как потом оказалось, жила банда леонтьефобов.

— Кого-кого?

— Ну, это такие люди, которые терпеть не могут Леонтьева. И вот на своей сходке решили они певца того...

— Замочить?

— Это кто сказал? Что за выражения? Учитесь, сударыни, выражаться по-русски. Не замочить, а это... дискредитировать. И вот представьте: идёт Леонтьев по городу или по гостинице, заходит в магазин или в туалет, и везде ему попадаются огромные, квадратные парни, ужасно уродливые, потому что леонтьефобы, как известно, из породы пёсеголовцев.

— Кого?

— Вы что, и про пёсеголовцев не знаете? Это такие оборотни, они живут на Украине, в Карпатах, кажется. Злобные, жестокие. Убить их можно, если только отрубишь голову. Вот от таких пёсеголовцев и расползлись по Руси-матушке всякие гады и извращенцы. Так вот, идёт себе Валерий Леонтьев по городу, а злобные вурдалаки тут как тут. Шипят ему в лицо одну и ту же фразу: «Ты не мужик, ты не мужик». Хотел он одному из них ответить, а тот ему в нос кулаком. Со всей дури. Представляете? И так было несколько раз. Милиция, городское начальство ничего не могут поделать. А что вы сделаете, если эти пёсеголовцы обладали гипнозом. Любого нормального человека враз дурачком делают. И вот однажды идёт себе Леонтьев, а негодяи квадратные, как всегда, за ним по пятам. И тут навстречу та самая девочка, про которую я вам в начале рассказывал. Она тоже любила Шатунова, а Леонтьева, честно говоря, не очень. Но, увидев омерзительных преследователей певца, пожалела его. Человек всё-таки, хоть и Леонтьев. Бросилась под ноги одному из вурдалаков, а пока он ругался, брыкался и грозился, успела схватить певца за руку и юркнуть с ним в проходной двор. Там была одна небольшая дверца, что-то

вроде заброшенного грузового лифта. Вот туда и потащила девочка несчастную звезду эстрады. В лифте этом, вернее, не лифте даже, а узкой каморке и одному-то человеку было тесно, а тут двое, да ещё и один из них певец с красным носом. Но делать нечего. Леонтьефобы злы до безумия. Они и убить могут. Сидят девочка и Леонтьев, дышать боятся. Но отчего-то делается девочке с каждой секундой всё неспокойней на душе. Отчего-то хочется ей или заплакать, или на луну завыть. Глянула она на Леонтьева, а это и не Леонтьев вовсе. Лицо, шерстью обросшее, уши торчком, челюсти вперёд волчьей мордой вытянуты. Ужас сковал несчастную девочку. Еле слышно выдавила она из себя: «Простите, Валерий... вы... не... человек? Вы... пёсего...»? «Да!!!» — дико заорал вурдалак и вонзил клыки в нежную шею несчастной жертвы.

— Мамочки! Я от страха описалась...

В эту ночь мужская половина педагогического отряда «Свежий ветер» так и не дождалась своего товарища, сгинувшего в пещерах полигона Семипалатинск, на дне Марианской впадины или в самом центре Бермудского треугольника. Поиски были напрасны. Ромка заявился перед самым подъёмом.

— Ты где был? — сопровождая этот вопрос словами, не предназначенными для того, чтобы попасть на страницы этого правдивого повествования, обрушились на него парни.

— Мужики, не ругайтесь. Тут такое дело. Я сегодня ночью стал мальчиком.

— Это как?

— Как в анекдоте, помните? Лицо кавказской национальности устраивается на работу в Москве, заполняет анкету: национальность — грузин, возраст — тридцать пять лет, мужчина или мальчик... а как это? Ему объясняют, что если спал с женщинами — значит, мужчина. А, понял, пиши «мальчик», разве с ними уснёшь.

— А при чём здесь этот анекдот?

— Я всю ночь сегодня провёл с девочками из второго отряда.

— Что?!

— В хорошем смысле, что вы! Сказки им всю ночь травил. И вообще. Разве с ними уснёшь. Словом, мужики, пишите «мальчик».

— Слушай-ка ты, мальчик, надавать бы тебе по одному месту. Мы здесь с ума сходим, переживаем за тебя, между прочим, а ты...

Предгрозовую атмосферу разрядил внезапно появившийся в палате Евгений Трофимович Кац:

— Алик, до меня дошли слухи, что вожатые нашего лагеря сегодня ночью не спали, как обычно, не охраняли мирный сон своих подопечных, а занимались тем, что залезали в окна пионеров и мазали им лица, заодно с постельным бельём, дефицитной зубной пастой. И притом во главе всего

этого безобразия находился старший пионерский вожатый лагеря. Это так?

Алик подавился.

— Ев... Евгений, простите, Трофимович, это просто какое-то нелепое недоразумение. Вас снабдили нелепой и гнусно лживой информацией.

— Так вот, я надеюсь, что подобные недоразумения в моём лагере не повторятся. Очень неприлично старшему вожатому, президенту (Кац сделал упор на это слово) республики забираться через окна и пугать детей.

— Евгений Трофимович, уверяю вас...

— Значит, мы договорились.

Начальник исчез так же внезапно, как и появился, а Алик срочно собрал всеобщее вече на площади Восстания. В республике не было линеек, как в других пионерских лагерях, здесь было вече — стихийно собираемый сбор. Причём такое вече мог созвать не только президент, министр или воспитатель дежурного отряда, но и любой республиканец, будь то пионер младшего отряда или медицинская сестра. Вече обязательно для всех. На него собираются все граждане республики, включая поваров и сторожей. Пионеры собираются поотрядно, вернее, по своим городам, так как в республике вместо отрядов — вольные города. В каждом городе есть свой градоначальник, есть свой герб, свой гимн и даже шпионы, которые добывают информацию о жизни и тайнах других городов.

На этот раз Алик созвал вече из принципа. Конечно же, он понимал, что виноват, что шеф справедливо вкатил ему нагоняй и даже, можно сказать, что он легко отделался в данной ситуации, но азарт прошлой ночи уже прочно схватил его мохнатыми, цепкими лапами за маленькое, но горячее сердце, и потом президент «Звёздочки» не останавливался на полпути.

— Граждане независимой республики «Звёздочка»! Братишки и сестрёнки! — объявил Алик, когда градоначальники доложили ему о явке своих горожан. — Я созвал это вече, чтобы в нашей республике торжествовала справедливость! Чтобы раз и навсегда покончить с одним безобразием, творящимся в нашей цветущей, молодой республике. Я имею в виду мерзкие ночные похождения отдельных несознательных личностей, эти гнусные вылазки с зубной пастой. Что же это получается, братья мои? Нам всем выпало счастье создать свою собственную республику добра и радости. Мы называем друг друга братишками. Мы пытаемся жить одной дружной, неразлучной семьёй. А ночью? Ночью делаем друг другу гадости? Где же наше братство? Где дружба и справедливость? Выйдите из строя те, у кого ни разу не были испачканы зубной пастой рубашка или майка. Кто не застирывал в холодной воде рукомойника наволочку от подушки. Нет таких? Смешно? А может, это такой особый, товарищеский, братский даже, я бы

сказал, юмор? Ну, тогда я прошу выйти тех, кто был очень доволен своей испачканной рубашкой. Ну? Таких тоже нет? Тогда слушайте президентский указ. Сегодняшний день объявляется днём примирения и большой стирки. Сейчас медсестра, простите, министр здравоохранения Тамара вывесит списки, какая из палат будет стирать постельное бельё республиканцам другой палаты, другого города. В стирке примут участие все, кроме поваров, у них и без того забот хватает. Вечером специальная комиссия, созданная из республиканцев всех городов, проверит отстиранное бельё и подведёт итоги. Победители конкурса будут награждены походом в детское кафе «Гномик». Всем всё понятно?

— А вожатые тоже будут участвовать в стирке? — спросила та самая бойкая Леночка Латышева, которая ночью шантажировала Ромку.

— Естественно. И не только вожатые. Но и министры. В том числе и министр снабжения Юра Зинин. Я думаю, ему будет приятно, что вверенное ему государством бельё будет блистать белизной. Ещё вопросы есть?

— И президент будет стирать?

— Президент в первую очередь. Ещё вопросы?

— У матросов нет вопросов.

— Тогда всё. Хотя нет. Ещё одно. Кое-кто распространяет по республике зловредные, вражеские слухи, что якобы старший вожатый лагеря, ваш всенародно избранный президент лазает по ночам в окна к детям и мажет их пастой, — Алик выразительно посмотрел в сторону Зины. — Так вот, со всей ответственностью заявляю: это ложь! Ни в какие окна я не лазал! Понятно? Я входил исключительно через дверь.

* * *

Вечером в лагере случилось ЧП. Пропал Перчишка. Он чем-то не поладил с Кешей. Кажется, дело касалось того самого постиранного белья. Палата Перчишки не оказалась в числе победителей. Бывает такое. Тоже мне повод для скандала. Хотя, с другой стороны, Перчишка, когда другие добросовестно стирали наволочки и простынки, больше валял дурака, нежели заботился о чистоте постельного белья малышей. Теперь понятно, почему Кешка на него наехал.

— Перчик, кончай дурачиться. Так мы проиграем. По твоей милости, между прочим, — басил бородатый вожатый.

— Кеш, а Кеш! Давай я лучше твою бороду постираю. А то она всё синяя да синяя.

— Перчишка, заткнись.

— Кеш, а Кеш, не надоело тебе убивать несчастных жён?

— Перец несчастный, я сейчас тебя самого убью. Стирай сейчас же! Куда это ты направился?

— В туалет.

Перчишка убежал и вернулся только перед ужином. Он принёс полную кепку спелой алычи.

— Вот, братцы! Помни мою щедрость!

— Какой же ты негодяй, Перец! Мы здесь за тебя ишачим, а ты алычу жрёшь!

— А вы что, пополам переломились, что ли, оттого, что я пару ягодок скушал? Или вам влом было за меня одну несчастную наволочку прополоскать?

— А мы твои наволочки и не стирали. Вон они лежат, тебя дожидаются.

— Ах так, ах, вы так? Так вы с друзьями? Да? А я для них ягоды собирал! Вы не друзья, вы придурки ненормированные.

— Перчишка, заткнись, договаркаешься.

- Сам заткнись, Синяя Борода, иди вон лучше своих жён души. Настеньку, например.

Кешка не выдержал, он влепил распоясавшемуся бездельнику подзатыльник.

— Пошёл вон отсюда, мразь!

Перчишка часто-часто заморгал глазами, резко сорвался с места и побежал в сторону моря.

— Ничего, на ужин вернёшься.

Но Перчик не вернулся ни на ужин, ни на дискотеку. Вот ещё засада. Хорошо если он просто сбежал домой, посёлок здесь рядом, и добраться к родным стенам двенадцатилетнему мальчугану не составляет особого труда. А если не сбежал? Если утонул, бедолага. Назло всем. Бороде этой синей, президентишке несчастному, Ленке Латышевой, отказавшейся танцевать с ним на последней дискотеке. А что? Пусть теперь рвут на себе волосы, пусть рыдают. Ха-ха-ха! Так вам и надо, жалкие людишки, такого парня не уберегли.

В девятом часу, осмотрев весь лагерь, Кеша доложил обо всём Алику. Тот сразу забил тревогу, вызвал начальника, приказал тщательно закуток за закутком прочесать лагерную территорию. К поиску привлекли старших мальчиков из первого отряда. Обыскали всё: палаты, хозпостройки, цветник, тропинки, камбуз, туалеты, клуб, берег моря. Перчишки нигде не было. Евгений Трофимович хотел было ехать домой к родителям пропавшего мальчика. А если его нет дома? Какой это будет удар несчастным папе и маме. Нет. Нужно ещё раз всё обыскать. Искали? Что значит искали? Плохо искали, раз нет результата. Ещё раз. Сантиметр за сантиметром. И хватит уже болтать, время-то идёт.

Под клубом была пустая палата, в которой иногда ночевали рабочие с буровой вышки, искавшие в районе лагеря минеральную воду. Кешка уже заглядывал сюда пару раз. На полу в палате лежало несколько свёрнутых матрасов, в беспорядке валялись подушки, какие-то тюки, одежда бурильщиков. Кешка подошёл поближе, ему вдруг стало мерещиться, что один из бушлатов шевелится. Ну да, так и есть. Кешка развернул бушлат и увидел спящего Перчика.

— Просыпайся, вставай, эй, бродяга.

— Что? Что такое? Это ты? Пришёл снова меня бить?

— Пер... Знаешь что, дружище, ты это... не сердись, что ли.

Погорячился я, прости уж. А знаешь что, если хочешь, дёрни меня изо всех сил за бороду. Я не обижусь.

Перчишка хитро прищурился.

— Честно?

— Конечно, честно.

— Ну, давай.

Перчик сделал вид, что готовится что есть силы дёрнуть вожатого за бороду, но вдруг зевнул, потянулся и, великодушно улыбаясь, изрёк:

— Ладно уж, мир. Пойдём в лагерь.

— Ах ты мой Перчишка, бродяга! Ты что, так и спал здесь всё это время?

— Не-а. Я ещё это...

И мальчик указал на две постиранные наволочки, висевшие на бельевой верёвке в пустой палате бурильщиков.

6. Кешка

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День десятый. Жара невыносимая. Сегодня играли на отрядном месте в фанты. Алик загадывал желания. Игра получилась занятной. К нам присоединились ребята и вожатые из других отрядов. Настенькин фант оказался последним. Алик знал это и нарочно загадал этому фанту провести Снегирёва за бороду по проспекту Космонавтов под песню: «Всё выше, и выше, и выше». Настенька вела меня весьма торжественно. Пионеры умирали со смеху, а я сгорал от стыда. Всё-таки паразит этот Алик. Хотя, если быть до конца честным, я готов был вот так идти за Настенькой хоть на край света. Ну как тут в таких условиях работать?»

Кешка учился на факультете начальных классов. И вовсе не для того, чтобы получить хоть какой-нибудь диплом о высшем образовании или без особых забот отсрочить призыв в армию. Кешка учился на факультете начальных классов по призванию. Что это вы хихикаете? Не верите. Да вот честное слово. Поверьте, бывает и такое. Этот здоровенный, бородатый дядечка жутко любил детей, да и сам, впрочем, был ещё совсем ребёнком. Кешка был звёздочкой института и гордостью ректората. Парней за всю историю факультета можно было пересчитать по пальцам одной руки. Поэтому каждого из них знали, холили и лелеяли. И не только преподаватели, но и декан, и ректор, и даже представители областной администрации. Такая слава ко многому обязывала. Кешка, кстати, был из очень известной театральной семьи, даже не просто семьи, а целой театральной династии. Ещё прапрадед его Никита Снегирёв собирал аншлаги на сцене императорского театра.

Да. А что вы думали? Дед Кешки снимался в кино, а отец занимался театральной режиссурой. Поэтому сам Кешка просто обязан был посещать театральную студию, участвовать в студенческих КВНах и театральных капустниках, петь, играть на гитаре, сочинять песни, знать песенный репертуар туриста и, конечно же, раз уж ты студент, романтик и обладатель такой бороды, ты обязан ещё и быть законченным рок-н-роллыциком. Кешка был битломаном. Когда Алик впервые увидел его в театральной студии, а в перерывах между занятиями сцендвижением и мастерством актёра каждый студиец по заданию мастера занимался импровизациями, так вот, когда Алик впервые увидел Кешку, тот топтался во внутреннем заснеженном дворике института, что-то вычерчивая, вернее, вытаптывая на снегу. Алик заинтересовался, стал следить. Кешка протоптал большую букву «В». «Вера, — вслух заключил Алик. — Или Валя. Хотя, может быть, и Виолетта». Кешка не ответил и протоптал букву «Е». Алик усмехнулся. Конечно, Вера, дураку теперь понятно. Тут бородатый парень вытоптал букву «А».

— Эй, братишка, букву «Р» пропустил. Получилось «ВЕА».

— Ничего я не пропустил, — пробасил горе-художник, — по-английски «Битлз» так и пишется.

Тут они и познакомились. Кешка оказался своим в доску. Кстати, о битломании, с Настенькой его тоже свела любовь к ливерпульской четвёрке. На лекциях они сидели рядом (Настенька тоже была из породы будущих учителей начальной школы) и вместо того, чтобы конспектировать доклады профессоров, перекидывались записками о том, какой альбом лучше: «Сержант Пеппер» или «Жёлтая подводная лодка». Однажды, когда в очередной раз они до хрипоты спорили о роли в группе Джона и Пола, Кешка вдруг поймал себя на мысли, что, собственно говоря, не важно, прав он или нет в этом споре, ему просто хочется спорить с этой девушкой. Не девушкой даже. Ведь Настенька, она такая... куколка, Белоснежка, принцесса. Ну, что вы улыбаетесь? Вы же её не видели. Вот то-то и оно. И спорил Кешка с Настенькой, и говорил без умолку, лишь бы рядом, лишь бы с ней. Так родилась любовь. Банально, обыденно? Нет, братцы мои, волшебно, сакрально. Только была та любовь несчастной. Эх. Четырежды объяснялся Иннокентий, четырежды предлагал неприступной битломанке не дружбу, нет, а руку и сердце. А уж мужем Кешка был бы самым надёжным на свете. Это правда. Ведь надёжность — главная черта этого бородатого ребёнка.

И четырежды Настенька отвергала его любовь.

— Плюнь, Кеша, не стоят они

того, чтобы мы по ним сохли, — говаривал ему Алик. - Ты, братишка, просто цены себе ещё не знаешь. Вот погоди, они, этот слабый, хе-хе, пол, ещё штабелями будет падать к твоим ногам.

Кешке не нужны были штабеля разбитых женских сердец. Ему нужно было только одно, такое холодное, но такое драгоценное сердечко обожаемой им Настеньки. Вообще-то, если уж говорить честно, у Кешки были весьма сложные, незавидные даже отношения с представительницами противоположного пола. В свои девятнадцать лет он ещё ни разу не целовался, да и робел как-то в присутствии красивых девушек, предпочитая в компании ухаживать исключительно за своей гитарой. В лагере Кешка сделал ещё одну попытку объясниться с Настенькой, и снова неудачно. Не помогли ни чудный летний вечер, ни мерцание крылатых звёздочек-светлячков, ни Млечный Путь, зонтиком нависший над влюблённым и его пассией. Настенька была непреклонна. От горя он почти обезумел. Схватил походный топорик и стремительно бросился куда-то за территорию лагеря, где был старый, заросший густым камышом пруд, называемый местными жителями болотом.

Алику доложили. Президент забеспокоился.

— Вот, блин, не случилось бы чего с несчастным Ромео. Майкл, пойдём его искать.

Верный друг Майкл не заставил себя упрашивать, и поисковая экспедиция отправилась в путь. Со стороны болота раздавался, как говорится, топор дровосека. Друзья отправились на звук. Ну, так и есть. По пояс голый, с порезами на локтях и плечах, Кешка рубил камыш. Рубил жёстко и отчаянно. Алик не стал ему мешать.

— Челентано в таких случаях колол дрова, — съязвил Майкл.

— Извини, братишка, сейчас не до шуток. Погибает парень. Совсем погибает.

Вечером через Зину у местных жителей они разжились «сельской радостью» и после официальной планёрки пили самогон, закусывая молодой картошкой с колхозных грядок и огурцами. Пили молча. Ни о чём не хотелось говорить. Только однажды сам Кешка, поглядывая на свои израненные руки, прервал молчание, обращаясь не то к Алику, не то к самому себе:

— Ты прав, братка, не стоят они того.

И тогда Майкл достал гитару, и они вполголоса вчетвером орали рок-н-ролльные песни, так, чтобы не разбудить спящих и ни в чём не виноватых республиканцев. Всё-таки детей они любили. Особенно Кешка.

Однажды ему здорово влетело от Алика. После планёрки, когда вожатые разошлись отдыхать, старший вожатый заглянул в палату мальчиков старшего отряда, в которой было очень уж тихо, подозрительно тихо. В палате не было никого. Подобная картина наблюдалась и в дальних домиках, и в

палатах девочек. Вместе с детьми исчез и их бородатый вожатый. Алик разыскал Ромку, тот уже почти спал в своей коечке.

— Рома! Братишка, эй, где твой отряд?

— В смысле?

— В прямом. Где твой отряд и твой вожатый?

— Не знаю, Алик, а что случилось?

— Товарищ воспитатель, у тебя в полном составе пропал отряд. Ночью. Вместе с вожатым, между прочим, а ты спать укладываешься и в ус не дуешь. Подъём! Быстренько. Майкла не буди, пусть спит. У него отряды не пропадали. Сами найдём.

Однако самим найти пропавший отряд на территории лагеря не удалось. Пришлось будить девчат. Представляете, вот пропал один Перчишка — и какой переполох. А тут в лагере исчезает целый отряд. Это даже не ЧП, это техногенная катастрофа.

— Сестрёнки, у нас пропал отряд, вместе со Снегирёвым. Никто не знает, куда они подевались? Может, видели Иннокентия или его ребят после планёрки?

— Я видела, — сказала грустная девушка Ольга. Кстати, грустная она была не именно в эту минуту, а вообще, то есть всегда, так и звали её ребята «грустная девушка Ольга», хотя внешняя грусть не мешала ей быть хорошей вожатой и надёжным человеком. — Я видела, как первый отряд вместе с Кешкой направлялся с фонариками в сторону Королевского пляжа. Я думала, что ты, Алик, в курсе.

— Всё, девочки, отбой. Спасибо, Оленька.

Королевский пляж находился в полутора километрах от лагеря и назывался так за великолепные песчаные берега, где было удобно загорать, и чудесный скалистый мысок, на котором прекрасно ловилась рыба. Именно сюда увёл своих подопечных вожатый первого отряда Иннокентий Снегирёв. Здесь и застал ночных туристов Алик.

— Вечер добрый, хотя, конечно, уже давно ночь. Как костерок? Девочки, не холодно? Кеша, можно тебя на одну минутку?

Кешка виновато поднялся, предчувствуя угрозу. И было чего опасаться. Алик ласково улыбался, что не предвещало ничего хорошего:

— Иннокентий, твою... надеюсь, ты понимаешь, что я завтра же должен выгнать тебя из лагеря к бабушке лешего? И выгоню. Завтра же! Собирай свои манатки, и чтоб духу твоего в лагере не было. Ромка останется и за воспитателя, и за вожатого. Ничего. Справится. Хотя я и ему строгача влеплю. У человека под носом отряд пропадает, а он спит себе спокойненько. А может, он в курсе?

— Алик, братка, Рома здесь ни при чём. Он нормально провёл отбой. Уложил всех спать. Он правда ничего не знал.

— Тем хуже для него и для тебя.

— Понимаешь, я ему как-то намекнул про ночной поход, а он мне, мол, даже не думай.

— И правильно сказал.

— Вот видишь, а если бы я к тебе обратился, ты вообще слушать бы не стал.

— Конечно, не стал бы. Инночентий, я понимаю: ночь, звёзды, романтика, всё такое. Но есть правила. Есть техника безопасности. Есть... Поход нужно проводить в дневное время. В сопровождении двух взрослых и с медицинским работником, между прочим. А если бы у тебя, не дай бог, кто-нибудь сейчас сломал бы ногу? Чтобы ты делал? Побежал бы с больным на руках в лагерь, а остальных бросил? А пока ты бегаешь в лагерь, остальные на радостях полезли бы купаться? Устроили бы ночной заплыв с нырянием под корягу? Семеро бы нырнули, а вынырнули пятеро? Что ты смеёшься?

— Я не смеюсь, Алик, так вышло.

— Хреново вышло. Ты подвергаешь опасности детей, понимаешь, детей.

— Но ведь они почти уже взрослые.

— Почти? Сам-то ты взрослый, раз позволяешь себе такие выходки?

— Алик, послушай, мне кажется, это важно. Вот мы сделали республику, так?

— Допустим.

— Мы сломали старую, заржавевшую машину, по крайней мере, стараемся её сломать. Так?

— Что-то типа того.

— А от инструкций ни на шаг отойти не можем.

— Кеша, Кеша, лошадей не гони. Почему не можем? Можем, но наша республиканская демократия — это вовсе не анархия. Мы, прежде всего, — одна семья. Понимаешь? Семья. Так, по крайней мере, мы нашу республику задумывали. А что это за семья, где отдельные вожатые или не вожатые делают что-то себе любимым в угоду, тайком от всех остальных? А теперь, скажи-ка мне, борец с инструкциями, что мне, как старшему вожатому, теперь в этой ситуации делать? Завтра про ваш поход узнает весь лагерь, и начнётся бунт. Не усмехайся, дорогой. Малыши из третьего отряда и девчонки из второго повесят нас с тобой на реях. Чем они хуже твоих почти взрослых любимчиков? Они тоже хотят в поход. А девочки-вожатые? Обязательно кто-нибудь скажет, что Кешка — друг Алика, и поэтому президент ему всё разрешает. Так?

— Ну, кто скажет, Алик?

— Так, Иннокентий, так. Конец нашей демократии. Конец нашей республике. Пойдём к ребятам.

Алик и провинившийся Кешка вернулись к костру. Здесь царило гробовое молчание. Слава богу, почти взрослые пионеры всё-таки тоже чувствовали себя виноватыми. Лишь угли в костре потрескивали весело, почти ехидно, мол, доигрались, стервецы, сейчас вам будет взбучка.

Республиканцы ждали решения своего президента.

— Вот что, други мои, — почти равнодушно начал Алик. — Надеюсь, вы понимаете, что завтра я с треском выгоню из лагеря вашего вожатого. Молчать! Никаких оправданий я слушать не намерен. Ваш вожатый совершил должностное преступление. Прес-ту-пле-ние. Кто не знает, что это такое? Преступников в нашей республике мы не потерпим.

Алик замолчал. Молчали и пионеры. Даже угли в костре перестали на время стрелять, притихли.

— Но я готов забыть обо всём, что произошло. Готов. Если сейчас, здесь же каждый из вас даст мне самую страшную отрядную клятву, что ни одна душа, никогда, ни завтра, ни этим летом, ни через пять лет не узнает о вашем преступлении. Никогда. Иначе Снегирёв немедленно отправится домой.

Отблески костра задумчиво застыли на лицах притихших ребят. Первым нарушил молчание Перчишка:

— Значит, этого похода не было? Не было этого костра? Не будет никакой ухи? Значит, всё это нам только снится? Какой хороший сон. Даю слово, что никто про этот сон не узнает.

— И я.

— И я.

— И я даю слово.

И фраза эта эхом прокатилась сквозь ночной покой Королевского пляжа. Мистическое ночное действо у костра окончилось. Никто так никогда и не узнал о том, что произошло той ночью. Республиканцы умели держать слово.

7. Чистота – залог здоровья

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День одиннадцатый. Жара невыносимая. Удивительные вещи происходят в нашей республике. Как председатель комитета республиканской безопасности, я отвечаю за порядок и покой во время тихого часа и после отбоя. Позапрошлой ночью к мальчишкам второго отряда — главным нарушителям дисциплины — пришлось применить строгие меры. Самого главного буяна я отправил стоять на полчаса в туалет. Он сначала упирался, бузил, но потом вдруг согласился. Но самое интересное произошло на следующую ночь. Когда я вошёл в палату, где живут эти бездельники, они специально устроили шум, гам и тарарам. Я пригрозил, что отправлю их всех в туалет, тогда они наперебой стали просить, чтобы я их именно туда и отправил. Честное слово. До сих пор не понимаю, что их так туда тянуло. Я нарочно ходил проверять, не сбежали ли по каким-либо своим бузотёрским делам. Так ведь нет, стоят, шельмы. Довольные, аж светятся в темноте от удовольствия. Дела! Будем работать».

В вожатскую палату ворвалась воспитательница третьего отряда красавица Светлана:

— Алик, мне нужно срочно с тобой поговорить. Даже не знаю, как сказать. Словом... Алик, у моих мальчиков вши.

— Что?

— Ну, этот, как его, педикулёз.

— Что такое?! — Алик подскочил, как ужаленный. — Что? Какой-такой пе... Это что, серьёзно?

— Понимаешь, подходит ко мне сейчас мальчик, ну, ты его знаешь, Баклан его зовут.

— Ну-ну, знаю-знаю. Дальше.

— Подходит и говорит: «Света, вы знаете, у меня что-то сильно болит голова». Я посмотрела, а у него в голове насекомые так и кишат, так и кишат. Что делать?

— На голове.

— Что?

— Не в голове, а на голове.

Алик внезапно зачесался. Чесались — и жутко чесались — голова и шея. Странно, как это он раньше этого не замечал?

— Слушай, Светик, такое дело, посмотри и мне голову, что-то зачесалось.

Светлана проверила голову своего старшего вожатого.

— Нет ничего. Чистая голова.

— Светуля, мне кажется, что ты не тщательно посмотрела. Будь добра, посмотри ещё раз. Не хватало мне только педикулёза.

— Алик, да ничего там нет.

— Светлана! Светочка, лучший мой воспитатель, самая красивая девушка нашей республики, ну, проверь ещё раз. Пожалуйста. Видишь, я волшебное слово знаю. Пожалуйста. Ну, что тебе стоит?

Девушка ещё раз самым тщательным образом осмотрела упрямую голову президента. Насекомых не было. Алик собрал срочную планёрку.

— Братишки, у нас ЧП. Мне трудно об этом говорить, но наши дети завшивели. В третьем отряде обнаружен педикулёз.

— Как педикулёз?

— Не может быть!

— Алик, что же делать?

— Вот бездельники, я их в штрафной батальон.

— Тихо, братишки, тихо! Главное — никакой паники. Делаем вид, что ничего не случилось. Сейчас тихо, спокойно расходимся по своим отрядам и ненавязчиво, но самым тщательным образом проверяем головы наших пионеров. По очереди. Сначала воспитатель, затем вожатый. Заодно проверьте и друг у друга. О результатах немедленно докладывать мне. Всё. Действовать решительно, но без паники. Всё, всё. Чего стоим? Живенько по отрядам. Алиска, задержись на минуточку.

Вожатые разбежались по отрядам. Алиска подошла к старшему вожатому.

— Я слушаю, мой президент.

— Алисочка, хорошая моя девочка, тут такое дело, проверь мне голову, пожалуйста.

Через полчаса Алик успел обежать весь лагерь в поисках шампуня и дважды тщательно вымыл голову. К этому времени педагогический отряд в полном составе

собрался в здании сената — бывшей пионерской комнате.

— Докладывайте, чего ждёте.

— Всё в порядке, Алик, никаких насекомых у детей не обнаружено. Ни одного случая.

— То есть как? А в третьем отряде?

— И в третьем отряде тоже. Всё чисто.

— Проверяли тщательно?

— Тщательней не бывает.

— А Баклан?

— Знаешь, Алик, у несчастного Баклана мы проверяли голову раз десять. Все. По очереди. Чистая у него головушка.

— Не понял. Испарились, что ли? Так. Все свободны, кроме Светланы и Ольги. Вы обе за мной.

В сопровождении девушек Алик ринулся к палате мальчиков третьего отряда. Вместе они вывели несчастного мальчишку по прозвищу Баклан на солнышко, и Алик собственноручно, волосинка за волосинкой проверил мальчугану голову. Насекомых не было. Алик устало почесал уже меньше зудевший затылок:

— Светлана, через десять минут мне на стол объяснительную записку. Лагерь на целый час был выбит из нормального рабочего ритма. Вот это настоящее ЧП. Всё. Все свободны.

Придя в свою палату, Алик долго сидел, задумавшись. В дверь заглянула Настенька.

— Алик, ну, ты как, всё нормально?

— Нормально, сестрёнка.

— Выглядишь устало.

— Бывает. Слушай, сестрёнка. Хорошо, что ты зашла. У меня к тебе просьбочка. Деликатная. Проверь мне голову для очистки совести. Ладно?

* * *

Перед обедом состоялась ещё одна внеочередная планёрка. Вожатский педотряд собрал Евгений Трофимович:

— Товарищи вожатые, я неоднократно просил, чтобы вы внимательно следили за своими подопечными, особенно в смысле их ночных хождений в туалет. Сегодня мною обнаружены весьма дурно пахнущие следы продуктов пищеварения пионеров, а я надеюсь, что именно пионеров. И отнюдь не в туалетах, а в цветнике и на полянке у дальних домиков. Для тех, кто забыл, напоминаю: послезавтра в лагерь приезжает комиссия Госсанэпиднадзора. Если мы не хотим неприятностей (начальник сделал нажим на слове «мы»), всех этих испражнений сегодня в лагере быть не должно. И впредь. Если замечу что-либо подобное, убирать будете вы. У меня всё.

Начальник лагеря удалился. Планёрку продолжил Алик:

— Что будем делать?

— Как что? У Кешки есть зондеркоманда залётчиков, нарушителей порядка. Пусть они и убирают. Бумажки же убирали, — резонно ответил Майкл.

— Мне кажется, это не одно и то же, бумажки и... это самое, — парировала Настенька.

— Какая разница? Пусть убирают. В конце концов, всё это де... все эти кизячки валяются возле их палат. Мальчишечкам просто лень ночью бегать в сортир.

— А доказательства, что это именно они заминировали территорию, у тебя есть?

— Какие там доказательства. Пусть пашут, чтобы другим неповадно было.

— Я не уверена, что это педагогично.

— А вожатым убирать за своих бездельников педагогично?

— Нет. Но на то мы и вожатые, чтобы найти выход. Ты, например, уверен, что после такой экзекуции эти ребятки не сбегут домой из лагеря? А ты, Алик? Посёлок вон, за забором. Мы каждый день кричим «республика», «демократия», а сами устраиваем нашим детям настоящий концлагерь.

— Так что — ты предлагаешь нам самим убирать чужое добро?

— Не знаю. Пока не знаю.

— Знаешь, Алик, — Майкл не на шутку рассердился, — пусть меня выгонят из лагеря, но лично я убирать чужие кизячки не буду.

Остальные вожатые почему-то тоже не выразили восторга от перспективы личной очистки территории от кизячков. Ситуация казалась тупиковой. Наконец, заговорил Алик:

— Ну, вот что. Слушал я вас долго и внимательно. Сделаем так. Вы, кстати, не забыли, что главный принцип существования нашей республики — это игра? Так давайте превратим эту отвратительную процедуру в игру, в увлекательную игру. Кешка, давай своих залётчиков. Алиска, неси фотоаппарат. Настенька, будешь корреспондентом «Комсомольской правды». Кто у нас сегодня дежурный воспитатель? Ты, Ромка? Живо в радиорубку к микрофону. Майкл, беги к Зине, пусть срочно несёт сюда носилки и лопаты. Скоренько, братишки, скоренько! Сбор перед сенатом через десять минут.

Ровно в назначенное время зондеркоманда штрафников в составе шести человек выстроилась на проспекте Космонавтов. Залётчики обречённо осматривали территорию лагеря, прикидывая, по сколько же бумажек им нужно будет собрать, пока бородатый «Берия» милостиво не отпустит их на обед. Внезапно из репродукторов вырвались позывные республиканского радио, а вслед за этим зазвучал трескучий голос воспитателя первого отряда:

— Внимание, внимание, внимание! Говорит и показывает детская республика «Звёздочка», работают все телевизионные и радиовещательные точки республики. Сегодня впервые в мире состоится событие, участники которого навечно войдут в историю. Им выпала великая честь! Внимание всем! Спешите видеть это историческое событие! У вас ещё есть шанс не опоздать к началу. Спешите все

на проспект Космонавтов! Все к зданию сената!

Ошарашенные штрафники непонимающе глядели то на репродуктор, то на Кешку, важно поглаживающего свою бороду, то друг на друга. Вокруг быстро стали собираться любопытные. В сопровождении разодетых в парадную пионерскую форму Светланы и грустной девушки Ольги появились Алик и Зина. Они несли носилки, на которых грудились лопаты. Репродукторы выплеснули на растерянных залётчиков торжественные фанфары, после чего на мгновение воцарилась гробовая тишина, которую нарушил звонкий голосок Алика:

— Дорогие республиканцы! Простите, я волнуюсь. Вам и только вам Родина доверила почётное и важное дело. Сегодня вы будете участвовать в торжественной и печальной церемонии захоронения дорогих вашим и нашим сердцам кизячков, которые валяются в беспорядке на месте их злодейского убиения. Орлы! Соколы! Родина верит вам! Сейчас каждый из вас получит лопату и распишется в приказе министра снабжения республики о готовности жизнь свою положить за это святое дело (Алик прослезился). Вперёд, орлы! Вся республика, затаив дыхание, смотрит на вас!

На ничего ещё не понимающих бедолаг вновь обрушились радиофанфары, густо смешанные с бурными аплодисментами присутствующих. Они по очереди расписались в какой-то бумажке, вложенной в красивую папку с золотым тиснением. Зина вручил каждому лопату, и, в сопровождении огромной толпы зевак, процессия двинулась к месту будущего подвига. И только тут до несчастных штрафников дошло, что им предстоит всего-навсего убирать чужие испражнения. Кое-кто даже собрался было протестовать, но тут на них налетела переодетая до неузнаваемости, с нарисованными усами и густыми бровями Настенька. Она представилась корреспондентом центральной газеты и стала брать интервью у героических участников первой в мире акции похорон кизячков. Вопросы её сопровождались вспышками Алискиного фотоаппарата. И мальчишки загорелись. Им захотелось позировать, захотелось давать интервью. Они весело соскребали, сгребали, сваливали на носилки засохшие и ещё свежие вонючие лепёшки. Нашлось и несколько добровольных помощников из числа любопытствующих зевак. Мишка Латышев, ну, вам о нём рассказывали, чуть не разревелся, когда ему не дали лопату. Кизячки, собранные со всей территории менее чем за четверть часа, были торжественно на носилках отнесены за здание сената, где их и похоронили в наспех вырытой яме. Кешка воткнул в свежий холмик шест, а шутник Майкл прицепил к этому шесту бумажку с надписью: «Спите спокойно, безымянные герои», которую, впрочем, сняли в этот же день по приказу

Евгения Трофимовича. В память об этом событии была выпущена стенгазета, своеобразная фотолетопись необычной акции. И вот странное дело, но после этих дурацких похорон ни одного кизячка на территории лагеря до конца смены так больше и не появилось.

* * *

И ещё одно происшествие потрясло республику в этот бешеный день борьбы за чистоту. Воспитатель дежурного отряда Роман потерял одного своего воспитанника. После обеда Ромка пришёл к Алику и равнодушным тоном провозгласил:

— Вот бездельники эти пионеры. И ведь хочется с ними по-хорошему. Так нет же, не получается.

— Это ты к чему?

— Ну, вот хотя бы взять Мухомора. Ещё с утра заступил на охрану границы республики... Я, как положено, прочитал ему приказ, иди, говорю, дружище Мухомор, на ворота, к обеду мы тебя сменим.

— Ну?

— Баранки гну. Четыре раза проверял посты. Ни разу в упор Мухомора не видел.

— А на обед он приходил?

— Нет. Я, честно говоря, думал, что к нему родители приехали из города. Потому и нет его ни на посту, ни на обеде. Но никакие родители из города не приезжали.

— Так! С ума сойду от вас. Рома, братишка, у тебя пропал пионер. Пропал ещё утром. И ты только сейчас мне об этом сообщаешь? Нет. Расстреляйте меня, я не вынесу. Столько ЧП за один день. Хватай Кешку, Майкла, девчонок, прочешите весь лагерь. А я пойду побеседую с мальчишками из твоего отряда, может, его обидел кто, вот он и сбежал из лагеря.

Алик почти бегом понёсся к дальним домикам. Мухомор, о котором идёт речь, был румяным и шустрым мальчиком по имени Серёжа Гудков. Был он большущим выдумщиком. Прозвище своё получил не за то, что не любил мух и прочих комаров, а за неизменную красную с белыми пятнышками панамку, с которой не расставался две смены подряд. Общереспубликанскую известность Мухомор получил за игру в туриста. Однажды к Кешке прибежал мальчик из третьего отряда, вы его уже знаете, Баклан. Кстати, Баклан, как оказалось, это вовсе не прозвище, это фамилия. Именно не Бакланов, а Баклан. Так вот, запыхавшись, он сообщил, что встретил по дороге мальчишку в красной панамке с большим рюкзаком на спине, который направляется к обрыву у берега моря. Иннокентий полетел к дальним домикам с мировым рекордом скорости. Навстречу ему, весело мурлыкая песенку, шагал Мухомор, действительно с огромным рюкзаком за спиной.

— Серёжа, что случилось?

— Ничего не случилось, Кеша.

— А почему ты с рюкзаком?

— Это я просто в туриста играю. Весело.

И вот этот турист пропал, похоже, по-настоящему. На берегу моря, на круче его не было. В палате тоже. Мальчишки его не видели. Лишь кто-то вспомнил, что перед самым обедом на футбольном поле вроде бы как мелькала красная панамка с белыми пятнами. Но поскольку отряд был дежурным, и у каждого были свои обязанности по охране республиканской границы, на панамку Мухомора никто особого внимания не обратил. Алик отправился за лагерь на стадион. У входных лагерных ворот под грибком одиноко сидела Юля Логунова — вице-мэр первого отряда.

— Мухомора не видела? — осведомился Алик.

— Нужен мне ваш Мухомор. Сачок-ударник. Рома его назначил со мной дежурить, а он сюда даже не явился. Говорят, на стадион убежал, в футбол гонять.

Алик вышел за ворота, прошёл вдоль выкрашенного яркой синей краской забора с нарисованными на нём мальчиком и девочкой, отдающими пионерский салют, и свернул к футбольному полю. Ещё издали он увидел красную панамку, под которой угадывалась одинокая фигурка мальчугана, неподвижно сидящего в дальнем конце стадиона.

Алик прибавил шагу.

— Серёжа, что случилось? Ты болен? Тебе плохо?

— Ничего не случилось. Вы напрасно беспокоились. Вот только кушать хочется. Обед уже, наверное, прошёл. Обещали меня сменить, да вот забыли, наверное.

— Ничего не понимаю. Что ты здесь делаешь?

— Я на посту.

— На каком посту?

— Мне Ромка приказал охранять границу.

— Ну?

—Я и охраняю.

— А почему здесь-то?

— Как почему? Утром я у него спросил, что мне делать. Он сказал, чтобы я шёл на ворота. Вот я и стою на воротах.

— На каких воротах?

— Как на каких? На этих вот. На футбольных.

* * *

И ещё два слова о чистоте. Не знаем, правда, уместно ли здесь об этом. Вы знаете, когда Алик впервые взглянул на Алиску не как на подчинённую ему вожатую, а как на красивую, да что там, очень красивую девушку? Нет? Это произошло на следующий день после приезда педотряда в лагерь. Парни тогда дремали в обед в пионерской комнате и, как положено настоящим мужчинам, трепались о женщинах.

— Похоже, — жаловался друзьям Ромка, — я эту смену проживу холостяком.

— Почему?

— Ну, не за пионерками же мне приударять? А вожатые наши все заняты. Настенька — Кешкина пассия, на Светланку Майкл глаз положил. Про грустную девушку Ольгу я и говорить не хочу. Она своего избранника из армии ждёт

не дождётся, потому и грустная такая.

— А Алиска?

— Что Алиска?

— Как тебе Алиска?

— Что-то я тебя, Алик, не пойму. Алиска же по тебе сохнет.

— По мне? Ты это серьёзно?

— Мужики, хе, а он вроде того не замечает.

— Алик, хватит прикалываться. Слепому видно, что у вас любовь.

— Любовь? Да вы что, мужики. Я и не думал даже.

— И дурак, раз не думал. Алиска — она такая.

— Какая такая?

— Как бы это выразить? Чистенькая вся. Надёжная, словом.

И вот от этого «чистенькая» стало Алику тепло и хорошо так, что был бы он котёнком, замурлыкал бы от удовольствия. Чистенькая.

Вечером они сидели с Алиской на качельке. Над лагерем царила вечерняя тишина. Алик что-то спрашивал, она что-то отвечала, он что-то говорил, она слушала.

— Ты откуда?

— Из Ялты.

- Здорово! Я был в Ялте, и не раз. Чудесный город. Вообще чудное место — Южный берег Крыма. Я был там в детстве в лагере. И знаешь, там была девочка, которая мне очень нравилась, её тоже звали Алиской. А может, это была ты?

— Не знаю. Может быть.

— Странно.

— Что странно?

— Всё. Этот лагерь, этот вечер, эти звёзды. Словно бы всё это уже было когда-то. Вот сейчас со стороны набережной заиграет музыка. Духовой оркестр. Они всегда играют там в это время. Пойдут отдыхающие. К пристани подойдёт морской трамвайчик, высыплет горсть припозднившихся пассажиров. На набережной сейчас весело. А как пахнет... Чувствуешь аромат магнолий, акаций, кипарисов? Голова кругом. А в клубе сегодня концерт. «Мираж» приехал. Или «Машина времени».

— Лучше «Аквариум».

— Конечно, «Аквариум», как я мог забыть. Борис Борисович как раз в эту минуту поёт: «Мне кажется, я узнаю себя

В том мальчике, читающем стихи.

Он стрелки сжал рукой, чтоб не кончалась эта ночь.

И кровь течёт с руки».

Сердце Алика сжалось. Ему показалось, что стихи Гребенщикова и впрямь про него, про мальчика, читающего стихи своей самой лучшей и самой чистенькой на свете девочке.

— Алиса, можно я тебя поцелую?

8. Майкл

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День двенадцатый. Дождь. Все республиканцы попрятались под крыши и помирают от

скуки. Приходится их веселить. Интересную штуку придумал Майкл. Он разнёс по всем отрядам настольные хоккеи и назначил чемпионат республики. Сначала каждый город проводил свои собственные соревнования до выявления чемпиона, а затем чемпионы разыграли звание лучшего из лучших в республике. В играхпринимают участие и вожатые, и даже девочки. Среди вожатых легко победил Алик, очевидно, с такой же лёгкостью он одолеет и чемпионов других городов. Майкл сказал, что победителей принято купать в шампанском, а так как шампанского у нас нет, то мы просто выбросим Алика под торжественные звуки спортивного марша под дождь. А как же! Будем работать».

Погода была изумительной. Алик, Ромка и Майкл взяли лодку и поплыли проверять сети. Сети? А что тут такого? Мы же вам говорили, что Ромка — неисправимый рыбак. Он и поставил сеть два дня назад. Нет, конечно, вожатые не были браконьерами, упаси бог, хотя, если уж совсем честно, лов рыбы сетью здесь был строго воспрещён. Но очень уж хотелось насушить рыбки к закрытию смены, и поэтому два раза в день, утром и вечером, Ромка брал кого-нибудь из ребят и плыл проверять свою сеть. В этот раз ничто не предвещало неприятностей: ни рыбнадзор, ни неожиданный визит начальника лагеря, ни погода. Наоборот. На море был штиль с лёгкой, еле заметной рябинкой. Ребята взяли вёсла и в одних плавках полезли в лодку. На плоском лодочном дне весело грелась, радуясь солнышку, небольшая лягушка, которую друзья не стали прогонять. Пусть себе путешествует, если ей так нравится. Ромка сел за руль, а Алик с Майклом на вёсла. В отличие от Алика, отслужившего три года на флоте, Майкл брал весло в руки первый раз в жизни. Поэтому немного времени, прежде чем отплыть от берега, ушло на его обучение шлюпочным командам, обращению с веслом и взаимодействию с экипажем. Ничего так. Быстро схватывает парень.

Наконец, лодка пустилась в плавание. Чайки кружились над кораблём, задевая крыльями океанскую гладь. Форштевень бодро разрезал изумрудную неприступность солёной воды. Хотя нет, насчёт солёности — это мы переборщили. Море-то было рукотворным, а стало быть, пресным. Ну и что с того? Всё равно здорово плыть на вёслах в такую чудную погоду. Правда, когда впереди показались пенопластовые буйки рыбачьей сети, Ромка обратил внимание, что на небе появились лёгкие облака, которые росли столь стремительно, что пока ребята после двух неудачных из-за неслаженности попыток подвели своё судно к нужному месту,

облака эти превратились в тяжёлую чёрную тучу, не предвещающую ничего хорошего. Ромка стал проверять сеть, но не успел он осмотреть и двух метров, как на лодку обрушился град. Нет, не град, а горный ледопад. Ледышки величиной с голубиное яйцо сыпали сплошной стеной, в считанные минуты превратив спины ребят в сплошное окровавленное месиво. Нужно было срочно грести к берегу.

— Табань! Табань! — кричал Ромка, призывая гребцов дать задний ход, чтобы лодка, зацепившаяся за сетку, окончательно в ней не запуталась.

Алик, естественно, активно табанил, а вот Майкл в это время изо всех сил грёб, лишь бы грести.

— Табань, придурок! Мы сейчас прочно сядем!

— Какой кабан? — зло ругался Майкл, работая веслом во всех возможных направлениях.

Приложив нечеловеческие усилия, Алик в одиночку вытянул судно из опасной зоны. Покружив несколько кругов на месте, лодка пошла, наконец, к берегу. Но не успели друзья пройти и двадцати метров, как град прекратился. Мало того, с неба исчезли любые подобия туч. Небосвод, словно умывшийся внезапным ливнем, был чистым-чистым, и солнце сияло так весело, словно издевалось над изрядно побитыми браконьерами. Водная гладь превратилась в настоящее зеркало. Ни одной самой ничтожной рябинки не было на поверхности моря, куда только мог долететь взгляд. Вода была тёплой-претёплой, какой не бывала в самую отчаянную жару. Ничего не напоминало о недавнем капризе природы, кроме, конечно, иссечённых спин да мёртвой лягушки, плававшей на дне лодки кверху брюшком.

Алику вдруг ужасно захотелось искупаться. Так сильно, что, забыв все морские правила, он встал на корму и ласточкой прыгнул в зеркальный кипяток искусственного моря. Проплыв некоторое время под водой, Алик вынырнул в какой-то сладкой неге, отфыркиваясь и мурлыкая от удовольствия. Но тут он заметил, что друзья его пребывают в менее радужном настроении. Мало того, Майкл грозит ему веслом, а Ромка одаривает четырёхкабельтовым браконьерским ругательством. Алик мгновенно вспомнил, что прыгать с лодки категорически запрещено, так как судёнышко имеет все шансы перевернуться.

— Мужики, мужики! Я не прав. Готов нести наказание.

Парни успокоились, Алик аккуратно залез в лодку. Некоторое время друзья сидели молча, но вдруг безудержный взрыв смеха сотряс браконьерское судно, почище, чем недавний прыжок.

— Ха-ха-ха! Табань, табань!

— Го-го-го! Какой, го-го-го, кабан? Го-го-го!!

— А лягушка! Ха-ха-ха!

— А ныряльщик! Хи-хи-хи!

— А круги на одном месте!

— А сетка!
— Ха-ха-ха!
— Хи-хи-хи!
— Го-го-го!!
— Кстати, о сетке, — едва отдышавшись от смеха, сказал Ромка. — Надо бы вернуться. Там рыба была. К вечеру она начнёт гнить.

* * *

После обеда снова пошёл дождь. Затяжной. Вода лилась с небес сплошным потоком, словно небосвод лопнул по швам, и теперь никаким небесным МЧСам не удаётся страшную дыру залатать. Чтобы не умереть со скуки, решено было провести чемпионат республики по настольным играм. Майкл предложил хоккей. Кстати, вы знаете, что такое настольный хоккей? Нет? Конечно, в инструкции к применению написано, что эта игра предназначена... Развивает глазомер... Только, сколько бы ни было написано инструкций, прочитав их, вы ничего не узнаете о настольном хоккее. Прежде всего, это азарт, это тактика, это скорость и бешеные атаки, это умение сбить темп игры, когда противник, увлечённый атакой, уже ощущает над головой лавровый венок чемпиона. Ему нужно, чтобы шайба летала над картонным полем со скоростью сто километров в час, чтобы жалкие подобия сопротивления со стороны, кстати, вы не помните, с кем он играет, словом, со стороны этого были раздавлены, размазаны десятками влетающих в чужие ворота шайб. И вдруг степенное, неспешное ведение шайбы, ювелирные, тонкие передачи. Игроки противника почти спят на льду. Они что — издеваются? Разве можно так играть? Погоди, вот только наши ребята перехватят шайбу, они тебя разденут со всеми твоими пасами и со всей твоей глухой защитой. Но шайба словно привязана к клюшкам игроков противника, и всё чаще они хозяйничают в зоне торопыги. И счёт на табло, увы, не в его пользу. Торопыга сердится, нервничает, психует, срывает верные передачи, снова психует. Так играть нельзя. Это не хоккей, а фигурное катание какое-то. Хорошо, мы тоже будем спать на льду. И в то мгновение, когда отчаявшийся поборник атак переходит к неспешной комбинационной игре, его противник вдруг взрывается шквалом разящих атак. Его игроки преображаются. На поле уже вовсе не плоские металлические болванки с нарисованными красками лицами. Что вы! Это сам Харламов, это гений хоккея Михайлов, это лучший звеньевой Петров. А в воротах? Знаете, кто стоит в воротах? Догадываетесь? Ну, конечно же, Третьяк, кто же ещё? И уже счёт на табло такой, какой может присниться только лучшим баскетболистам «Лос-Анджелес Лейкерс». И уже лавры чемпиона заслуженно благоухают над кудряшками, казалось бы, безнадёжного аутсайдера. Вот что такое тактика. Вот что такое настольный хоккей.

Но в этом чемпионате не было лавров, купания в шампанском, золотых медалей и крупных призовых. Победителя — Алика — под свист, импровизированные фанфары и дружный хохот юных республиканцев весело искупали под дождём, чему он нисколько не обиделся. Выиграл он честно, хотя и не должен был, пожалуй, участвовать в чемпионате. Ведь играл Алик в настольный хоккей так, как играет в шахматы Анатолий Карпов. Честное слово. Не верите? Попробуйте сыграть с ним партию. Не с Карповым, с Аликом, всё сразу и поймёте.

Однако дождь всё не прекращался, и до ужина ещё оставалось время. Чтобы не дать скуке закрепиться в рядах республиканцев, Алиска предложила:

— Слушай, Майкл, сходи в медпункт.

— Зачем?

— Спой Тамаре серенаду.

— А почему я?

— Ну, так, для прикола.

Тамара была лагерной медсестрой, а в республике занимала должность министра здравоохранения. Толстенькая, некрасивая азербайджаночка, она сторонилась вожатых и всегда уходила ночевать в посёлок, благо дом её находился неподалёку от лагеря. Тамара умела сопереживать чужой боли. За это её уважали и дети, и вожатые. К ней и направилась шумная кавалькада республиканцев во главе с исполняющим на гитаре тяжёлую рок-н-ролльную балладу Майклом. Тамара, обеспокоенная появлением такого количества людей, вышла навстречу, хотела что-то спросить, но тут же отскочила в испуге от Майкла, упавшего вдруг перед ней на колено и затянувшего неожиданно тоненьким голоском:

— О Тамара, Тамара! Ясный месяц очей моих!

Я с гитарой и шпагой умоляю у ног твоих.

Я твой раб, о Тамара! Я не вор, не шпион.

Выходи, о Тамара! Выходи на балкон.

Счастливые юные республиканцы до слёз хохотали и от души радовались тому, как удачно их физрук спел свою серенаду, а может, и тому, что впервые видели свою медсестру такой весёлой и смеющейся.

* * *

Майкл был мастером восточных единоборств. Не просто мастером — фанатом. Все знали об этом, и, несмотря на то, что тренировался он всегда один, рано утром, на пустынном берегу моря, местные мальчишки тайком бегали смотреть на эти тренировки и называли Майкла не иначе как «машиной смерти». А уж когда его назначали дежурным министром по республике, посторонние элементы не рисковали посещать лагерь. Чревато! Майкл очень любил тяжёлый рок. Часто брал гитару и играл роковые композиции, виртуозно гоняя натренированные пальцы по понимающему его настроение грифу. При

всём при этом Миша Гончаров, как на самом деле звали Майкла, был невероятно добрым парнем. И умным. Зачитывался Достоевским. Любил персики. И всегда, честное слово, был готов незамедлительно прийти на помощь попавшему в беду другу.

Майкл рос без родителей. Так получилось, что сначала отец, а затем и мама Миши завели новые семьи, новых детей и разъехались: он в Москву, а она в северную столицу. Мише не было тогда и десяти лет. Смотреть за мальчиком стала родная бабушка, Мироновна. Да ещё иногда двоюродный дед — генерал, между прочим, в отставке. Вот и получилось, что пробивал себе в жизнь дорогу Майкл сам. В классе его обижали, сами понимаете, когда заступиться за тебя некому, ты невольно становишься объектом насмешек и издевательств. Тогда он занялся боксом, а затем и кунг-фу. И, кстати, достиг в этих видах блестящих результатов.

Мироновна жила бедненько, алименты родители присылали нечасто, поэтому магнитофонов и проигрывателей у него не было. И Миша, накопив денег из тех, что давала бабушка на школьные обеды, купил по дешёвке гитару, хорошую гитару у одного алкаша, некогда славившегося по всему Советскому Союзу, и научился прекрасно играть. Во время призыва в армию Майклу грозил Афганистан. Но в самую последнюю минуту военком, изучая документы призывника, внимательно оглядел его с головы до ног и почти равнодушно осведомился:

— Генерал Гончаров случайно тебе не родственник?

— Дед.

— Ясно.

И Майкл попал служить в караульную роту. После армии он сам, без всякой протекции, поступил в институт и учился, особо не напрягаясь, без троек. С Аликом Майкл познакомился в театральной студии. В тот день до начала занятий оставалось ещё минут десять. Студийцы дурачились, перекидывались шутками. И вот представьте: подходит вдруг к вам высокий, мускулистый парень, до этого скромно сидевший в углу и внимательно изучавший надписи на подоконнике, подходит и без всяких предварительных приветствий заявляет как бы сразу всем, но в упор глядя только на Алика:

— Мужики, я обожаю рок. А вы?

— Смотря какой рок.

— Ладно, забудьте, что я спросил.

Майкл очень стеснялся неудач. Любых. Тут же всем стремился доказать, что это была вовсе не неудача, а досадная случайность. При этом он мог простить кому угодно всё что угодно, кроме предательства. Он никогда не навязывал окружающим свои симпатии и антипатии. Но не согласиться с ним решался далеко не каждый. Ну, вот, к примеру, идёт лагерная дискотека. Ну, там всякие Шатуновы поют, Державины, Суханкины. А Майклу

хочется, чтобы прозвучала его любимая композиция. Он идёт в радиорубку, вежливо просит у диск-жокея микрофон и чуть приглушённым голосом объявляет:

— Мужики! Сейчас мы запустим прикольный медляк группы «Металлика». Большая просьба: все, кто мне друг, пусть танцуют.

И хотя танцевать под «хеви-металл» весьма непросто, кому хочется быть не другом самому Майклу? На этот танец сбегался весь лагерь.

В республике Майкл конфликтовал только с начальником лагеря. Дело в том, что по штату должность плаврука должен был одновременно исполнять физрук. Что поделать, лагерь-то небольшой. А море было вырыто таким образом, что глубина в десяти метрах от берега была такой же и через сто метров. Утонуть, конечно, можно, если очень уж далеко заплыл и ногу сводит судорога. Но вожатые своих подопечных никогда далеко от себя не отпускали. Купайтесь, пожалуйста, столько, сколько нужно, но далеко не заплывайте. Всё равно глубже, чем здесь, дна не будет. Поэтому Майкл всегда ругался, когда как всегда внезапно появлявшийся шеф заставлял его устанавливать на положенном расстоянии от берега «конец Александрова», предписанный инструкцией ОСВОД СССР. Конечно, Евгений Трофимович должен был выполнять инструкцию, но, друзья, судите сами, с такой инструкцией купание детей больше походило на барахтанье гусей в деревенской луже. Майкл нарочно, с согласия Алика, не ставил заграждения, предпочитая наблюдать за купанием республиканцев из воды, где он, как тот самый витязь из сказки Пушкина, только что без чешуи, как жар горя, всегда готов был спасти любого чокнутого купальщика, вздумавшего вдруг попытаться утонуть. Напрасно Алик и другие вожатые пытались убедить Евгения Трофимовича отказаться от затеи с ограждением. Начальник лагеря был непреклонен. Каждый раз, едва появляясь в лагере, он шёл на берег и сразу же вызывал к себе Майкла.

— Гончаров! Где «конец Александрова»?

— Где-где? У Александрова.

— Всё шутишь. Даю тебе, шутник, последний шанс. Не будет «конца Александрова», не будет и тебя в лагере.

Начальник невозмутимо удалялся, а Майкл жаловался Алику:

— Достал он меня своим «концом». Дождётся он, будет ему конец, и Александрову будет конец, и концу будет конец. Или я буду не я.

— Успокойся, Майкл. Что ты разошёлся? Сбавь обороты. Он старый, умный еврей. Ему надо без особых забот доработать до хорошей пенсии. Ты ему хоть двести разных, один страшнее другого, концов обещай, он от тебя без одного-единственного, но нужного ему по инструкции «конца Александрова» не отстанет.

— Это точно. Не отстанет.

— И прекрасно. Ты вот что. Ты поставь этот конец, шут с ним.

— Алик...

— Не перебивай. Поставь этот конец, как того требует инструкция. Но не там, где купаются дети, а правее. И дети будут нормально купаться, и инструкция будет соблюдена. Если что, дежурный на воротах сообщит о прибытии шефа, мы парочку детишек в зону конца на пять минут определим. Остальных на берег, загорать. А если Зина шефу что-нибудь успеет настучать, прикинься свечкой. Знать, мол, ничего не знаю, течением «конец» снесло. Давай, действуй.

Детишки Майкла уважали и слегка побаивались. Так продолжалось до того дня, как его назначили дежурным министром. В обязанностях дежурного была и проверка чистоты и порядка в палатах после отбоя. И, кстати, проверка степени вымытости ног юных республиканцев. В тот день ноги у детишек перед сном были вымыты тщательно, и претензий у спортивного министра по этому поводу не было. Лишь в третьем отряде на месте не оказалось самой маленькой девчушки Светланки. Просто она действительно была самая маленькая. Ей не было ещё семи лет, и она задержалась у умывальника. Майкл подождал, и ещё подождал, наконец, когда терпение его готово было переходить к стадии лопанья, девочка заявилась. На ней было огромное махровое полотенце и не по размеру гигантские шлёпанцы.

— Так, я не понял, мадемуазель. Почему так поздно моем ноги? — рявкнул Майкл, стараясь выглядеть как можно более грозным.

— Когда кран освободился, тогда я и стала умываться, — спокойно ответила девочка.

— Разговорчики! Будешь так поздно приходить, я тебя съем.

— А никто тебя и не боится.

— Скажите, пожалуйста! — голос Майкла подобрел. — Маленькая, а такая шустрая. Ладно уж, живи, Светка-пипетка.

— А ты Мишка-коротышка.

Палата так и покатилась со смеху: Майкл был метра на полтора выше девочки.

Так до конца смены они и называли друг друга: Светка-пипетка и Мишка-коротышка.

9. Бунт

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День четырнадцатый. Ах, как хорошо начинался этот день. За час до подъёма Ромка разбудил всех наших ребят, весь отряд, и мы у дальних домиков переодевались, гримировались, красились. И когда горнист протрубил подъём, и пионеры высыпали с вожатыми на физзарядку, в самый разгар наклонов и приседаний раздался душераздирающий разбойничий свист, и на проспект Космонавтов выскочила шайка страшных пиратов. Они заставили музрука играть

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца», а Майкла заставили разучивать пиратскую гимнастику. Пираты стянули с флагштока флаг республики и водрузили на его место «Весёлого Роджера». Так хорошо начинался этот день. День Нептуна».

Пираты исполнили свою миссию на отлично. На всех столбах висели листовки: «Вожатых на мыло!», «Президента на рею!», «Повара в бульон». У входа в ресторан «Морской волк», а именно так в республике стала называться лагерная столовая, был вывешен здоровенный плакат: «Да здравствует анархия!» Вот с него-то всё и началось. Завтрак прошёл хорошо. Каждый отряд, прежде чем войти в ресторан, должен был потрафить чем-нибудь пиратам. Ну, там спеть морскую песню, станцевать танец «Яблочко» или какой-нибудь жуткий пиратский пляс. На худой конец можно было просто прокричать «Пятнадцать человек на сундук!» После завтрака пираты, исполнив свои роли, пошли переодеваться. Теперь до обеда по плану педагогического отряда должны были состояться конкурсы, викторины, перетягивание каната и другие морские затеи. Но вместо этого случилось непредвиденное. Выходка пиратов с листовками и анархией так понравилась юным республиканцам, что ни во что другое они уже не хотели играть. Все стали писать и развешивать листовки. Стихийно собирались группы, ходившие по лагерю и скандировавшие: «Долой президента! Долой президента!» Кто-то, может быть, из детей подкинул идейку: «Даёшь президентом Цыгана!» Цыган — это добрая сторожевая собака, которая редко на кого рычала и содержалась в лагере скорее для соблюдения очередной инструкции. Идея была мгновенно подхвачена всей детской половиной республики и одним взрослым, которым, как донесли Алику вожатые, оказался завхоз Зина. Наверное, именно с его подачи у вожатской палаты появился плакат: «Президентские ублюдки, убирайтесь вон! Мы хотим только купаться и танцевать!» Терпение Алика лопнуло вместе со стеклом в сенате, где педагогический отряд «Свежий ветер» собрался на экстренную планёрку. Кстати, камешек, влетевший через разбитое стекло, был отнюдь не маленьким.

— Нужно что-то делать, — плакала и без того грустная девушка Ольга, у которой анархические надписи были сделаны прямо в палате, зубной пастой на полу.

— Что делать, что делать! — ворчал Майкл. — Выйти сейчас, накостылять по шее главным зачинщикам, а Зину покалечить!

— Да, братки, доигрались мы в демократию.

— Ну что за дети? Мы к ним со всей душой, а они — вожатые, убирайтесь.

Алик был растерян. Он ожидал всего. Но такого! Его республика, его детище — всё рухнуло

в одночасье. И рухнуло-то с его же подачи. Это же он сам придумал всю эту бодягу с пиратами. Хотелось ведь сделать этот день интересным, запоминающимся.

— Может, попробовать с ними договориться? — неуверенно пробурчал он.

— С кем? С этими анархистами?

— Ну, должен же быть у них комитет или что-то в этом роде. Инициативная группа. Что-то такое.

— Ага. Щас. Ты не видишь, что происходит? — осаживал его Ромка. — Это бунт. Стихийный, но, кстати, умело управляемый бунт.

— И всё-таки я попробую. Кешка, врубай радио. Собирай вече.

Как ни странно, на вече собрались почти все республиканцы, исключая поваров, обиженных погромом, оставленным в столовой после завтрака, а также начальника лагеря, медсестры и нескольких мальчишек из второго отряда, самовольно убежавших купаться. Совершенно непонятным было отсутствие в лагере Евгения Трофимовича. Неужели он ещё ничего не знает? А может, Зина нарочно не сообщил ему о происходящем до определённой поры? Не похоже на Зину.

Алик вышел к республиканцам в морской бескозырке и тельнике, надеясь разрядить обстановку своим флотским авторитетом. Однако его появление было встречено оглушительным свистом, улюлюканьем и скандированием: «Долой! Долой! Долой!»

— Братишки и сестрёнки! — начал было президент, но слова его захлебнулись и утонули в общем почти животном крике: «Долой!!!»

В вожатых вдруг полетели яблоки. Не ожидавший такого поворота событий Майкл рассвирепел, как ягуар.

— Убью, гады! Кто кидает? Вы покойники!

Алик, Ромка и Кешка втроём едва удержали готового кинуться на толпу бунтовщиков физрука.

— Спокойно! Спокойно, братишка! Разве ты не видишь, Зина только этого и ждёт. Успокойся, успокойся, брат. Возьми себя в руки.

В это время над площадью Восстания прокатился новый шквал криков: «Цыгана в президенты!» И тогда Алик собрал всю мощь своего военно-морского голоса и рявкнул: «Молчать!»

На секунду воцарилась тишина. Воспользовавшись этим, Алик скороговоркой продолжил:

— Значит, вам не нравится наша республика? Значит, вы хотите только купаться и дрыгаться на дискотеке? Значит, вы хотите президента-собаку? Цыгана? А может быть, Зину? Так вот вам мой последний указ. Я слагаю с себя полномочия президента, распускаю кабинет министров и сенат, и мы с вожатыми немедленно уезжаем из лагеря. Живите как хотите, а нам здесь больше делать нечего.

Такого поворота событий не ожидал никто, даже Зина, ухмылявшийся словам Алика в задних рядах бунтарей. Вожатский отряд стремительно покинул вече, а следом за вожатыми в воздухе растворилась тень Зины. Алик действовал решительно и всерьёз. Он заставил всех вожатых срочно собрать свои сумки и чемоданы.

— Алик, что ты делаешь? Так нельзя. Мы не можем вот так бросить своих детей, — лепетала Настенька, при этом её хорошенькие глазки округлились от ужаса.

— Алик, послушай, Настенька права, это перебор, — вторил Кешка.

— Братишки! Дорогие мои! Я не знаю, правильно ли я поступаю, можно ли так поступать, но, клянусь вам, другого выхода просто не вижу. Делать что-то надо. Мы не просто студенты, мы вожатые и воспитатели. Мы должны воспитывать. Силой этого делать нельзя ни в коем случае. Тогда как? Они хотят анархии? Хорошо. Пусть будет анархия. Мы дадим им такую возможность. Клин клином вышибают. Посмотрим, надолго ли их хватит. Мы уезжаем из лагеря. Уезжаем по-настоящему. Но только до вечера. Об этом не должна знать ни одна живая душа, кроме нас с вами. Ромка, братишка, у тебя самая трезвая голова сейчас. Я прошу тебя, очень прошу, если хочешь, умоляю, ты должен остаться в лагере. Один. Ну, чего ты заранее испугался. Сиди себе здесь, в пионерской комнате, музычку слушай и так ненавязчиво следи за детьми. Чтобы не было покалеченных или утонувших. Возражения не принимаются. Всё. Всю ответственность я беру на себя.

— Ладно, президент. Тебе виднее. Что касается ответственности, мы вместе эту кашу заварили, вместе нам и расхлёбывать. Я так говорю?

— Всё пять баллов, мужики!

— Ладно, мальчики, будь что будет.

Под свист и улюлюканье всё ещё увлечённых игрой в анархию пионеров педагогический отряд «Свежий ветер» покидал территорию лагеря «Звёздочка». По дороге к автобусной остановке их нагнал «пирожок» начальника. Евгений Трофимович был подчёркнуто спокоен.

— Что случилось, друзья? Какие-то проблемы?

— Всё в порядке, Евгений Трофимович. Так нужно.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверены.

— И надолго вы ретируетесь?

— После обеда, как штык, вернее, как семь штыков, будем в лагере.

— Кто-нибудь там остался?

— Конечно. Роман. Ситуация под контролем.

— Под контролем. Эх, дети, дети. Может, мне тоже слегка проконтролировать?

— Лучше не надо, ну, если только совсем чуть-чуть.

— Ну-ну.

Начальник укатил в сторону лагеря. Рейсовый автобус подошёл быстро. Последнее, что донёс ветер до слуха уезжающих вожатых, была зловещая фраза лагерных репродукторов, в которой, сквозь расстояние, угадывался Ромкин голос:

— Говорит радио пионерского лагеря «Звёздочка». Ну, что, дети мои, демократия закончилась. Начинается диктатура. Всем отрядам начать подготовку к смотру песни и строя. Подготовить форму, выгладить галстуки. У микрофона Мао Цзэдун.

На районной автостанции опальные вожатые сдали свои сумки и чемоданы в камеру хранения и отправились на прогулку по посёлку. Они посетили детское кафе «Гномик», купили мороженого и лимонада. Правда, из этой кафешки Алику пришлось уводить друзей раньше, чем планировалось. Дело в том, что, съев ложку мороженого, совсем уж грустная девушка Ольга просто расплакалась.

— Мы здесь сладкое жрём. Мороженое, воду, конфеты. А они там, может быть, с яблони упали и ноги переломали. А кто-то наверняка утонул в море.

— Так уж и наверняка.

— Ах, Алик, какой ты жестокий.

— Ребята, может, вернёмся? — дрожащим от слёз голоском спросила Настенька.

— Так, так! Всё! Всё-о-о! Осталось только мне расплакаться и броситься назад в лагерь с криком: «Простите меня, подлого!» Если мы сейчас вернёмся — это конец. Республику нужно будет закрывать. Возвращаться к старому. А вы знаете, сколько человек, в том числе и из, так сказать, наделённых властью, ждут, что наш эксперимент провалится? Вы не задумывались над этим? Ради чего мы столько сил отдали, столько нервов загубили? Ради чего? И потом: эйфория пройдёт. Послезавтра от нас сбежит половина детей, если мы сейчас отменим республику. Они нам верят. Они верят, что мы всё делаем всерьёз. Хорошо. Не хотите мороженого — не надо. Пойдём просто гулять.

— Ну, Алечка, миленький, ну, давай хоть не до вечера, давай хотя бы до обеда. Как они там без нас кушать будут? — это Алиска, подойдя сзади, обняла президента за плечи.

— Всё! Я сказал. Пошли отсюда. Кто не согласен, разрешаю на меня жаловаться, но не сегодня. Завтра. Всё.

Вожатые погуляли в парке. Зашли в музыкальную школу, где работал их лагерный музрук и одновременно министр культуры республики Николай Иванович Трудников, наперебой рассказали ему всё. Николай Иванович, человек опытный, бывший артековский вожатый, выслушал их внимательно, лишь изредка покачивая головой, и затем, немного подумав, сказал:

— Отчаянные вы ребята. Не знаю, смог бы я вот так же поступить. А вообще, молодцы. Клин

клином, говоришь, вышибают? Ну-ну. Только не переборщите. К полднику обязательно возвращайтесь в лагерь.

Ободрённые вожатые зашли в местный пивбар, где знакомая Алику по прошлому году бывшая лагерная повариха угостила всех пивом, по кружечке. Затем в привокзальном видеосалоне они смотрели мультики про Тома и Джерри. И только после этого Алик не выдержал.

— Всё. Хватит! Пора в лагерь!

Девочки закричали: «Ура!»

* * *

У лагерных ворот вожатых встречала толпа республиканцев. С воплями и криками они бросались на шеи своим воспитателям, вожатым и министру. В лагере царило всеобщее ликование. Кое-кто из детишек даже плакал от счастья. Малыши, конечно. Когда первая волна радости улеглась, Алик приказал собрать отрядные сборы. Он лично побывал на каждом сборе и побеседовал с республиканцами. Оказалось, что никто и не думал устраивать анархию, что это была простая игра. Ну, пошутили — и всё. Весело же было. Никто и не предполагал, что вожатые так обидятся. С ними, с вожатыми, дети не хотят расставаться никогда и ни за что. И другого президента, кроме Алика, им и даром, и за миллион не надо. Воду мутил завхоз, которого мальчишки из первого отряда теперь грозятся отлупить.

Алик собрал вече.

— Друзья, — сказал он тихо, — я всегда был с вами откровенен. Кто помнит меня по прошлому году, пусть подтвердит, что Алик всегда со всеми поступает только по справедливости. Ведь так? Может, я кого-то обидел? Может, был с кем-то несправедлив? Может, кого-то по его просьбе не отпустил домой на выходные, на свой, между прочим, страх и риск? Может, урезал время для дискотек, которые, как известно, в нашей республике заканчиваются в одиннадцать вечера, на час позже, чем во всех других лагерях? Может, запрещаю купаться вволю и заставляю вас бултыхаться в луже, ограждённой «концом Александрова»? Может, в лагерь мало привозят мороженого? Так почему же вы отплатили нам сегодня такой чёрной неблагодарностью?

— Алик, прости нас!

— Алик, мы не хотели!

— Это была глупая шутка!

— Мы не знали, что так получится.

— Вожатые, простите нас!

Алик выдержал паузу.

— Надавать бы вам всем по попе. А, Кешка, как думаешь?

— И впрямь надавать бы!

— Надавать, Алик! Ура! Надавать!

— Ладно уж. Живите. Сегодня у нас с утра был день Нептуна? Положено купаться. Но многие из вас сегодня уже накупались на месяц вперёд. Так? Не слышу!

— Так, Алик, так.

— Так... — передразнил президент. — Беда мне с вами. И вообще

я не понимаю, чего мы здесь стоим? Айда купаться!

* * *

Во время купания Мухомор на радостях что есть силы огрел Майкла древком пиратского «Весёлого Роджера» по голове. Майкл, сосчитав все звёзды, внезапно украсившие солнечный небосвод, поймал Мухомора за ногу и понёс дрыгающегося и брыкающегося «туриста» к его отрядному вожатому.

— Иннокентий, твой ребёнок собирался лишить меня молодой, цветущей жизни.

— Пустите меня, никого я не хотел убивать и лишать. Это случайно получилось. Я просто поскользнулся.

— Иннокентий, тебе не кажется, что слишком уж много случайностей допускают сегодня твои орлы?

— Да, что-то многовато.

— Мне жалко убивать этого шкета, и я решил, что лучше убью тебя, как главного виновника всех сегодняшних неприятностей. Так, мне кажется, будет справедливо.

И Майкл с размаху надел Кешке на голову картонный флаг, предварительно отпустив Мухомора, который на четвереньках ретировался. Инцидент был исчерпан.

В это время со стороны пляжа раздался многоголосый, звонкий детский смех. Майкл и Кешка поспешили туда. Оказывается, это давал представление толстенький мальчик из первого отряда Саша Холодов по прозвищу Весельчак У. Это прозвище он придумал себе сам. Ещё в день заезда, знакомясь с новыми товарищами и вожатыми, он серьёзно попросил:

— Не зовите меня Сашей. Зовите лучше Весельчак У, как в кино.

— Ну, уж если ты весельчак, то должен быть и Крыс.

— Есть такой, есть! — обрадовался Весельчак. — Он позже приедет. Это мой друг. Худющий и длинный. Настоящий Крыс. Зовут Женька, но можно называть Крысом, он не обидится.

Саша Холодов действительно оказался весельчаком. По ночам он устраивал в своей палате настоящий театр теней при помощи карманного фонарика и своих рук. Посмотреть этот спектакль приходили и Алик, и даже девочки-вожатые. Среди персонажей его театра были колхозный сторож, у которого украли свиней; орёл, спасающийся от охотников-мазил; завсегдатай медвытрезвителя, за версту чующий, где гонят самогон; интеллигент, зашедший постричься в дорогой салон красоты. Представления заканчивались далеко за полночь, потому что мальчишки всё время просили повторить полюбившиеся номера на бис. И вот теперь Весельчак устраивал спектакль на воде в честь праздника Нептуна: то изображал пузатого дельфина, прыгающего по волнам, то кита, выпускающего фонтан, то подводную лодку с перископом. То просто разбегался и падал в воду

плашмя, растопырив руки и ноги, со страшным грохотом и огромным фонтаном брызг.

А потом на лодке приплыл Нептун, в котором почти нельзя было угадать грустную девушку Ольгу, появились морские чудища и русалки. Персонал лагеря, вожатых и даже как всегда невесть откуда появившегося начальника искупали по традиции. А Алик, уже забывший тревоги уходящего дня, лично по очереди вытащил из вожатской палаты сопротивлявшихся Настеньку и Алиску и от души выкупал их в море, прямо в одежде, вызвав прилив нежности у одной из девушек и волну ревности у одного из парней. Из-за этого, между прочим, на следующий день в республике состоялась кровавая дуэль.

10. Настенька

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День пятнадцатый. Жара невыносимая. Нет, конечно, Алик — мой друг. Я люблю и уважаю его, но то, что он сделал вчера с Настенькой, не может быть прощено. В конце концов, это должен был сделать я, в смысле искупать Настеньку. Дуэль и только дуэль спасёт мою уязвлённую честь. Алик великолепно фехтует. Здесь у меня шансов нет. У него какой-то даже разряд. Поэтому я выбрал пистолеты. Стреляться будем по ирландским правилам, как у Майн Рида. Шесть патронов. До смерти одного из противников или до тех пор, пока кто-нибудь не попросит пощады. Завещание написано. Пойду прощусь с Настенькой. Всё. Будь что будет».

По счёту «три» Алик нырнул в раскрытое окно сената. Именно нырнул, потому что здание пионерской комнаты построено было по полуподвальному типу. Пол располагался значительно ниже уровня земли, на которой стоит это здание. Алик просто сделал три огромных прыжка со своей стороны сената, то есть со стороны, отведённой ему для исходной позиции, и, не раздумывая, бросился головой вперёд в раскрытое окно пионерской комнаты. Теперь судьба дуэли была фактически решена. Если Кешка попробует ворваться сюда через дверь, он непременно получит пулю. А бежать вокруг сената, чтобы, как Алик, проникнуть в пионерскую комнату через окно, Кешка не будет. Слишком много времени на это уйдёт, да и рискованно. Так думал Алик, когда головой вперёд летел в комнату, ставшую по условиям дуэли местом их кровавого поединка с оскорблённым Иннокентием. Что произошло дальше, президент не понял и не мог понять ещё минут пять. Едва коснувшись руками ковра пионерской комнаты и сделав кувырок, он ощутил прикосновение к голове металла и услышал оглушительный выстрел. От неожиданности Алик отлетел

к стене, где его тут же снова настиг торжествующий Кешка, разрядивший оставшиеся патроны в грудь сопернику.

— Как это? — только и успел спросить умирающий президент, упал на ковёр и затих. Так требовали условия дуэли. В комнату вошли Майкл и воспитательница третьего отряда Светлана, выполнявшие миссию секундантов.

— Всё по правилам, — покачал головой Майкл, констатировав смерть дуэлянта.

— И у нас нет претензий, — хитро улыбаясь, сладким голоском пропела красавица Светлана.

— Дуэль окончена! — торжественно провозгласила вице-мэр первого отряда Юля Логунова, которая играла роль распорядителя поединка. — Алик мёртв.

Только после этого несчастному президенту разрешили встать. Толпа любопытных республиканцев, кто с ликованием, а кто и с грустью встречали в дверях сената победителя и побеждённого. К Алику подбежала Алиска. В её глазах блестели настоящие слёзки. Алик смог лишь виновато развести руками и сипло пробурчать некую банальную фразу:

— Разбег. Мгновенье. Я лечу в окно.

Но пуля в грудь мне, вот и всё кино...

А к Кешке в это время подошла Настенька. Она почему-то не смотрела ему в глаза, словно решаясь на что-то важное. Кешка ждал, затаив дыхание, ведь всё это, эта дуэль, эта победа, этот подвиг, в конце концов, были ради неё. Может, теперь-то она оценит своего рыцаря по достоинству. Наконец, Настенька подняла голову:

— Значит, ты победил? И ты боролся за мою честь? И всё было по правилам? Молодец. Спасибо. Только знаешь, Кеша, я ведь всё видела. Видела, как ты вбежал в пионерскую комнату ещё тогда, когда распорядитель только собиралась начинать преддуэльный отсчёт. У тебя была хорошая позиция. За сенатом не видно, как человек с твоей стороны проникает внутрь. А я видела, потому что болела за тебя. Поздравляю с победой. А вот и награда.

И тут Настенька залепила оторопевшему Кешке звонкую пощёчину, приведя в шок всех, кто это видел. Затем она подошла к Алику и, сказав Алиске: «Прости», — поцеловала его в щёку. Алик вымолвил только одно слово:

— Дела!

* * *

После этого случая отношения Настеньки и Кешки сильно испортились. Она словно вообще не замечала присутствие Иннокентия. Понимая, что подобные взаимоотношения вожатых вредят общему делу, учитывая также, что он и сам в некотором роде был виновником происшествия, Алик решил во что бы то ни стало их помирить. Удобный случай не заставил себя долго ждать. В райкоме партии как раз состоялось плановое совещание

по проблемам организации летнего отдыха школьников на базе школьных площадок и, естественно, районного пионерского лагеря «Звёздочка». На этом совещании были запланированы отчёты начальника и старшего вожатого лагеря. Но Алик упросил Евгения Трофимовича взять с ними двух отрядных вожатых, чтобы порадовать членов бюро райкома каким-нибудь добрым вожатским номером. Специально для этого отрепетировали гимн педагогического отряда, естественно, собственного сочинения. Шеф хитро улыбнулся, но всё-таки согласился. Перестройка, новые веяния. Кто знает, может, в райкоме как раз и нужны такие вот молодые, задорные, естественно, в свете решений руководства партии.

Ехать предстояло в лагерном «пирожке». Евгений Трофимович и водитель сидели, как и полагается, впереди, в кабине, а Алику с вожатыми пришлось довольствоваться кузовом, где было непередаваемо душно и жарко. Однажды в этом кузове Евгений Трофимович перевёз сразу четверых вожатых и пятерых пионеров. Честное слово! Хоть в книгу рекордов обращайся. А когда бедолагам дышать стало совсем невыносимо, и даже вожатые готовы были запаниковать, ситуацию разрядил мальчик из второго отряда Артур Папазов, носивший, кстати, титул «наимудрейшего» за победу в общереспубликанском конкурсе эрудитов. Он ехидно изрёк:

— Что, задыхаетесь? А вы делайте, как я. Мне хватает воздуха.

— А как ты делаешь, Артурчик? — спросила Алиска.

— Я нахожу дырочку, засовываю туда нос, подышу-подышу чуть-чуть — и порядок.

Это выражение «наимудрейшего» было затем занесено в «Золотой фонд» республиканской мудрости, как, кстати, и другое изречение Артура, относящееся к красавице Светланке: «И чего вы все так ею восхищаетесь, у неё же ноги ниже колен».

Как бы то ни было, но тогда, после слов Папазова о дырочке в кузове и возможности засовывания в неё человеческого носа, вожатые насмеялись вволю, и дышать им от этого стало намного легче. Иное дело сейчас, когда в закрытом кузове «пирожка» только трое пассажиров, из которых двое в упор не замечают друг друга. Простор. Дыши — не хочу.

Бюро прошло быстро. Номер вожатых и отчёт Алика были приняты одобрительно, можно было ехать в лагерь. На обратном пути начальнику понадобилось заехать по своим делам на овощебазу, находившуюся на значительном расстоянии и от лагеря, и от райцентра. Ребята долго тряслись в тёмном и душном кузове «пирожка», закрытого снаружи. Наконец, машина остановилась. Слышно было, как хлопнула дверь кабины. Затем наступила тишина. Прошло минут пять. Атмосфера в кузове накалилась.

Жара, как писал в своих дневниках Кешка, была, без преувеличения, невыносимой. А духота! Когда машина двигалась, ещё можно было дышать, но теперь друзья испытали на себе, что такое настоящее пекло. Ещё через десять минут, мокрые, словно их всех бросили в кипящее озеро, они стали задыхаться.

— Да что он там, картошку разгружать остался? — ворчал Алик. — Давно уже пора назад вернуться.

Настенька и Кешка отмалчивались, очевидно, упрямство, ну, из-за той ссоры с дурацкой дуэлью, помните, пока ещё брало верх над жарой и удушьем. Наконец, снова хлопнула дверь кабины.

— Ну, надо же, какой Евгений Трофимович метеор. Успел сделать все дела за считанные секунды и даже сохранил жизни своим вожатым.

— Наконец-то поедем, — пролепетала как бы самой себе Настенька.

Однако мотор и не думал заводиться. Алик вышел из себя. Он стал колотить в стенку кузова, примыкавшую к кабине.

— Эй, вы что там, сварились, что ли? Откройте нас! Дайте воздухом подышать! Эй, проснитесь! Нельзя так издеваться над людьми! Эй!

Ответом была тишина. Сквозь узенькую щёлочку в закрытых снаружи дверях «пирожка» виднелось только бескрайнее колхозное поле.

— Или они там в кабине действительно сварились, или их обоих попросту нет. Слушайте, братишки, ещё пять минут такого пекла, и сваримся мы. Надо что-то делать.

Алик давно снял с себя футболку и сидел в кабине по пояс голый. Кешка сначала тоже хотел последовать его примеру, но, глядя на Настеньку, которая по понятным причинам не могла снять платье, обречённо напялил на себя рубашку.

— Да ладно тебе, Кешка, — сказала вдруг Настенька. — Раздевайся уж. Я не обижусь.

— Ни за что. Мне вовсе и не жарко, — обрадованно ответил Иннокентий.

— Нужно как-то открыть этот ящик, а то нам всем совсем скоро станет очень уж не жарко, — пробурчал Алик и поковырял щёлочку между дверцами ключом от пионерской комнаты, который всегда носил с собой.

— Слушай, — обратился он к Кешке, — если расшатать двери и одновременно нажать на собачку, можно будет открыть одну створку.

Так они и сделали. После нескольких неудачных попыток дверь всё-таки поддалась, и фонтан ослепительно ярких солнечных лучей со всего маху обрушился на полуживых друзей. Они выползли наружу, жадно хватая сухими ртами обжигающий, раскалённый воздух. Вокруг них не было ни одной живой души. Даже собак, обычно охраняющих подобные

овощехранилища и базы. В кабине «пирожка» также никого не было. Казалось, что время кончилось, пришёл конец света.

— Бермудский треугольник какой-то, — удивлённо озирая окрестности, произнесла Настенька.

— Какой там треугольник, обыкновенный советский колхоз, — отозвался Алик. — Иннокентий, айда искать людей.

Они пошли к складским помещениям и там довольно быстро нашли Евгения Трофимовича, лениво беседовавшего с двумя женщинами. Увидев красных, еле плетущихся вожатых, он крайне удивился.

— Как, разве вас не отвезли в лагерь?

— Почему-то не отвезли.

— И где же вы всё это время находились?

Узнав о том, что происходило с вожатыми последние сорок минут, старый добрый еврей Евгений Трофимович Кац пришёл в ужас. Он сам сел за руль «пирожка», посадив Настеньку в кабину, и, обещав строго наказать нерадивого водителя, отвёз ребят в лагерь. А к вечеру, через этого самого водителя, долго извинявшегося перед друзьями, передал вожатскому отряду огромный полиэтиленовый пакет, килограммов до двадцати пяти, доверху наполненный сливочным пломбиром. После планёрки для педотряда был устроен пир. Начальник лагеря был прощён, а Кешка с Настенькой, к общей радости, снова стали друзьями.

* * *

В лагере Настеньку называли «куколкой». Нельзя сказать, что была она писаной красавицей, но черты лица, телосложение действительно придавали ей сходство с великолепно изготовленной куклой, которые обычно выставляются в витринах магазинов игрушек на самом видном и почётном месте, поражая посетителей красотой и надписью на ценнике. Что касается цены, то в случае с Настенькой всё было просто. Цену себе она не набивала. Была такая, какая есть. Добрая, скромная, жалостливая, надёжная. Впрочем, все и относились к ней соответственно, как к куколке. Осторожно и даже нежно, словно боялись каким-либо неосторожным поступком или словом повредить это отнюдь не кукольное великолепие. Даже голосок у Настеньки был настолько звонкий и ласковый, что многие республиканцы нарочно ловили момент, чтобы услышать удивительный смех вожатой второго отряда, подобный звону тонкого колокольчика и журчанию горного ручейка. А во время вожатских концертов все, буквально все, словно сговорившись, умолкали, когда Настенька без микрофона объявляла:

— Ну, что? Надеюсь, вы не разочарованы? Вас приветствует республиканская группа «Свежий ветер».

И эхо её слов обдувало присутствующих настоящим свежим и добрым ветром. Неисправимая

битломанка, она наделяла мальчишек в лагере именами ливерпульских музыкантов, и те нисколько не обижались. Потому что на Настеньку вообще невозможно было обижаться. Она являлась своеобразным символом добра и чистоты детской республики, её талисманом, если хотите. И уже много, много лет спустя, когда Анастасия Волошина стала регентом православного церковного хора, никто из её друзей, уж как бы ни сложились их судьбы, не удивился, не осудил и не оспорил избранного Настенькой непростого духовного пути. Словно каждый из них в глубине сердца знал, верил, что где-то в мире есть теперь у него свой надёжный молитвенный заступник. Не кукольный. Настоящий. Храни Бог тебя, Настенька.

11. Ромка

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День семнадцатый. Жара невыносимая. Сегодня к Алиске приехали мама и сестра. Алик, как всегда, придумал розыгрыш, хотя, на мой взгляд, весьма дурацкий. Чтобы попасть на пир, приготовленный для Алиски, он нарядился женихом, а меня с Ромкой нарядил сватами. Хотя больше всего мы походили на клоунов. Постучав в женскую половину вожатской палаты, вся наша процессия в картузах, кепках козырьком наоборот, с вениками вместо цветов, ввалилась свататься. «Привет всем добрым людям», — сказал Ромка. Потом он немного подумал, очевидно, вспоминая, что следует говорить ещё в таких случаях, и добавил: «Значит так, у вас товар, а у нас... это... забыл... а, вспомнил, а у нас тара!» На этом сватовство закончилось. Но арбузом нас всё-таки накормили. Да. Будем работать».

Воспитательница третьего отряда Светланка была в гневе. Сегодня во время обеда Ромка за уши вытащил из-за стола двух её пионеров: Баклана и рыжего Женьку. За то, что они делали из хлеба шарики, кидались ими и распихивали их по карманам. Ромка не был в этот день дежурным воспитателем, но такое отношение к хлебу не могло оставить его равнодушным, и он лишил озорников обеда. Узнав об этом, Светланка прибежала жаловаться к Алику.

— Что он о себе возомнил? Он кто? Секретарь обкома комсомола? Генерал? Ты вообще замечал, как он себя ведёт? Индюк надутый. Строит из себя неизвестно что. Хромоножка несчастный. Жалко, что потерял свою палку, я бы этой палкой ему вторую ногу сломала.

— Света! Света, опомнись! Ты что говоришь? Эх, Светочка, если бы ты только знала, что ему пришлось пережить и каково ему теперь без этой своей палки.

— Мне-то какое до этого дело?

Будь ты трижды инвалид, надо прежде всего быть человеком.

Сказать по правде, в чём-то Светланка была права. Характер у Ромки был тот ещё. Палец в рот класть не стоит: оттяпает по локоть. Многие недолюбливали парня, но никто так хорошо не знал Ромку, как Алик.

— А как бы ты повела себя на его месте? Не дай бог, конечно. Ведь при всём при том он не озлобился, не спился. Как думаешь, каково это — в двадцать четыре года быть калекой, инвалидом?

— Ну, не знаю. Разговаривать с ним невозможно.

— А ты пробовала?

— Пробовала. Бесполезно. Он точно Мао Цзэдун какой-то.

— Перестань, Света. Ладно, слушай, только обещай, что этот разговор останется между нами.

— Обещаю. Ты же меня знаешь.

— Ой, знаю, девонька, знаю. Словом, ситуация такая: ногу он покалечил в армии. Зимой, на учениях. Он в войсках ПВО служил. Готовил с отделением ракету к пуску. Скользко. Зима. Как уж так получилось, но упал он с пусковой установки. Да так упал, что нога пополам согнулась. Почти год по госпиталям. Кости неправильно срослись. Пришлось ломать, вправлять заново. Потом врачебная комиссия признала его негодным к строевой. Отправили домой. Ходить мог только с костылями. А ведь совсем ещё мальчишка. И умница большой. В армию, между прочим, сам напросился. Мог бы поступить в институт и получить отсрочку. Не захотел. Отслужу, мол, настоящим мужчиной стану, тогда, мол, и об учёбе подумать можно будет. Была у него до армии девушка. История, конечно, банальная, но как только зазнобушка Ромкина увидела костыли, так любовь мигом куда-то испарилась. Это среди вашего брата не такая уж редкость. Ольга, пожалуй, исключение. Ждёт своего солдата, ни на кого другого и смотреть не желает. А эта — извини, мол, Ромочка, любовь любовью, а жить с инвалидом мне интереса нет. Ну и что? Другой бы, говорю тебе, опустился бы, только не Ромка. Достал какие-то книжки, стал специальной гимнастикой заниматься, ногу разрабатывать. И, представь себе, через год уже ходил без костыля, но с палочкой. Разработал ногу и летом подал документы в наш институт. Хромал, конечно, сильно, но, сжав зубы, терпел. Умница. Да к тому же эрудит, поэт. Читала его стихи? Все мы пишем понемногу, но куда нам до Ромки. Он Поэтище! В институт поступил легко, хотя и ляпнул для чего-то на экзамене, что Наташа Ростова изменила Андрею с поручиком Ржевским. Такой уж характер, что поделаешь. Так вот, поступил, учился, а в первую же зиму снова трагедия. Переходил улицу, никого не трогал. Как положено шёл, через переход, на зелёный свет. Тут из-за поворота неожиданно выскочила иномарка и, не снижая скорости,

на него. Он оступился, палка в сторону, нога в другую. В том же самом месте, опять пополам. Снова больница. Операции. Год на растяжках. На курсе он дружил с девочкой. Смешная такая, Нонка, может, помнишь? Он ей стихи писал, сонеты. И, представь себе, после этой аварии стала она за ним ухаживать, сиделкой сделалась. А он после второй своей поломки капризным сделался до неприличия: и подушка не так лежит, и суп пересолен, и из закрытой форточки всё время дует. Наверное, хотел, чтобы она его нытья не выдержала и сбежала, как та, первая. А Нонка ничего. Терпит. Он ей тогда прямо сказал: «Знаешь, подруга, уходи-ка ты отсюда. Не нужна ты мне, калеке». Не ушла. Тоже с характером девочка оказалась. А он, если честно, и сам уже не верил, что встанет, вспоминая, каких трудов ему стоило сделать это в первый раз. Тогда Нонка через друзей Ромкиных, через родителей узнала, какой он гимнастикой занимался, нашла эти книги, заставила его вновь разработать несчастную ногу. Он кричал от боли. Сознание терял. Но постепенно дело с мёртвой точки сдвинулось. Костыли. Палочка. Десять шагов в день, двадцать, пятьдесят. Да. И вот, наконец, выписка. Приехал домой. Ну, думает, если бы не Нонка его, никогда не смог бы ходить, да что там ходить, жить не смог бы. И лучшей жены ему теперь никогда и нигде не найти. Вернулся в институт, встречает её, а она ему: так, мол, и так, дорогой мой Рома, я замуж выхожу. Люблю его до безумия и всё такое. Он чуть в петлю не полез. Запил сильно. А потом, откуда только силы взялись, плюнул на всё, взвалил на себя кучу общественных нагрузок, ушёл в дела, в учёбу, поступил в школу вожатых. Кстати, он единственный из нашего педагогического отряда имеет диплом вожатого. Словом, выкарабкался. Вот только веру в людей потерял, особенно в женский пол. Сама понимаешь, есть отчего. В театральной студии сейчас учится при нашем институте, там мы с ним и познакомились. Он очень хороший парень, Света. Сильный, надёжный. Надо только уметь разглядеть это хорошее за его защитным панцирем. Вот так.

— Алик, извини, братик, я же не знала ничего.

— Так, девушка, что-то мы с тобой разговорились. Что у тебя сейчас по плану? Быстро к своему отряду! Битый час пионеры без воспитателя! А насчёт сегодняшнего недоразумения не переживай, я поговорю с Романом. Может, и накажу, чтобы не распускал руки. Ну, всё, беги.

* * *

Нельзя сказать, что у самого Алика отношения с Ромкой всегда были безоблачными. Однажды, сославшись на плохое самочувствие, Ромка не пришёл на вечернюю планёрку. Ничего не подозревая, Алик, как всегда,

обсуждал с вожатыми прошедший день, как вдруг в пионерскую комнату постучал Зина.

— Алик, я очень извиняюсь, можно тебя на минуточку?

— Да, я слушаю.

— Мне, конечно, всё равно, это, конечно, не моё дело, но девочки из первого отряда сейчас на пляже. Устраивают ночное купание.

— Понял тебя, Юра, спасибо за информацию. Хе. Всё-то ты замечаешь. Ладно, я сам разберусь. Шефу можешь не сообщать.

Алик, не распуская вожатых, попросил немного подождать и стремглав бросился на пляж. Метров за двадцать он перестал бежать и кошкой прокрался к берегу. В море действительно кто-то купался. Слышался смех, визг и плеск воды. Однако, как ни старался Алик быть невидимкой, его заметили. Кто-то явно стоял, как это говорится, на шухере. Раздались приглушённые голоса:

— Кто-то идёт.

— Ромка, это Алик, что делать?

— Девчата, живо на берег, прячьтесь в кустах. Я его отвлеку.

Алик шёл теперь, не таясь. На берегу не было никого, только в ночной глади моря барахтался воспитатель первого отряда.

— Как здоровье, Роман? — равнодушным тоном осведомился Алик.

— А, Алик, это ты? Знаешь, решил вот пару раз окунуться для бодрости. Говорят, при головной боли это хорошо помогает.

— Что ты говоришь? А я и не знал. Вроде бы на флоте служил, а не знал. А девочки от чего помогают? От брехни?

— Какие девочки?

— Обыкновенные. Из твоего отряда, между прочим, которые в кустах сидят. Так, быстренько выходим. Я сказал, быстренько. Ага, знакомые всё лица: Логунова, Кудирова, Кильдюшова... Что же это за болезнь такая, Рома, ты мне скажи по секрету.

— Ладно, Алик, чего там. Понимаешь, я им это купание обещал. Помнишь, после дня бантиков мы лучше всех убрали территорию. Прости, Алик, мы быстро. Окунёмся пару раз — и в лагерь.

— Господи боже мой! Что же мне с вами делать прикажете? Один детей по ночам в походы водит, другой купания устраивает. Да ещё и врёт. Здоровье у него плохое. От кого, от кого, а от тебя, Роман, я этого не ожидал. Живо в лагерь. Зина вас видел. Завтра же шефу всё будет доложено.

Алик развернулся и пошёл в лагерь. Он продолжил планёрку, ничего не сказав о происшедшем остальным вожатым. Вскоре в пионерскую комнату постучался Ромка. Не глядя ни на кого, он прошёл на своё место. Алик сделал вид, что не заметил приход воспитателя. После планёрки Ромка отозвал президента:

— Братишка, мне надо с тобой поговорить.

— Ты о чём, Роман? Уже

поздно. Я, честно говоря, с ног валюсь. Пошли спать.

Алик дулся на Ромку целых два дня. И всё это время Роман пытался объясниться с Аликом, извиниться, но тот неизменно под разными предлогами уходил от разговоров. Наконец, в день республиканского фестиваля молодёжи и студентов, после карнавала и факельного шествия, в двенадцатом часу ночи Алик вызвал Ромку:

— Помнится, ты обещал своим девчонкам ночные купания.

— Алик, братка, ну как мне искупить свою вину?

— Не искупить, а искупать. Вот что, Рома, ваши ребята после карнавала грязные, в саже, краске и гриме. Под краном это не отмоешь. Так что собирай свой отряд, возьмёте два больших фонаря. Кешка с тобой. Даю полчаса. Всё, вперёд на море. Да и возьмите Алиску, она тоже вся в краске.

* * *

Однажды папа одного мальчика из первого отряда подарил Ромке бутылочку хорошего коньяка. Не взятку, нет, упаси бог. Просто так, для настроения. А что? Вожатые, между прочим, тоже люди, и расслабиться им иногда позволительно, но только иногда и в особо отведённое время, когда все детишки в лагере спят добрым сном и даже пёс Цыган предаётся своим собачьим грёзам, в которых он всё-таки стал президентом республики и теперь питается исключительно свежей ветчиной да сервелатом. Так вот, после планёрки собрались вожатые, как обычно, попить чайку, поиграть на гитарке. Ромка достал коньяк. Но девчата пить отказались, как уж их ни уговаривали. Тогда Ромка пустился на хитрость. Заваривая в банке чай, он отлил туда граммов сто пятьдесят из своей бутылочки. Чай получился превосходным. Девчата пили его с удовольствием.

— Рома, ты где всё время находишь травы для чая? — спросила Настенька.

Алик при этом поперхнулся, но вовремя взял себя в руки.

— Вы разве не знаете, что Ромка у нас знаменитый травник? Если нужна какая-нибудь целебная трава, не стесняйтесь, обращайтесь к Роману. Ну, а как вообще?

— Что вообще?

— Ну, как чаёк и всё такое?

— Порядок, а что? — забеспокоилась вдруг красавица Светланка.

— Да нет, ничего такого.

— Ой, ребята, что-то вы темните.

— С чего вы взяли, девчонки? Ночь какая классная, чай вкусный, настроение хорошее. Ну-ка, давайте-ка ещё по одной кружечке.

Друзья выпили ещё по кружке. Стало вдруг легко-легко на душе. Захотелось петь. Кто-то, кажется, вожатый с бородой рассказал анекдот с бородой. Неожиданно анекдот этот вызвал взрыв общего смеха. Планёрка затянулась. Настроение было великолепнейшим. И ночь эта,

действительно волшебная, с её июльским благоуханием, с дивной мелодией гитарных струн, со светляками, пульсирующими, точно спутники, по секретным ночным орбитам, с чаем, дарящим бодрость и покой, ночь эта не должна, не может кончаться, как никогда не закончится дружба этих в меру наивных, в меру дурашливых, в меру рисковых, но очень надёжных и, поверьте, хороших людей.

А потом Ромка провожал девчонок в их вожатскую палату, долго читал им свои стихи, пока Алик с Кешкой под рок-баллады Майкла мыли посуду. А потом Алик и Майкл, тихо прокравшись под окно вожатской комнаты, вполголоса пели серенады, за что, кстати, были награждены букетиком цветочков, сброшенным из окошка чьей-то нежной ручкой. А потом никто долго не мог уснуть, пребывая в сладкой неге бесконечной и неповторимой юности. О коньяке в чае девчата так и не узнали, хотя и догадывались, конечно. Но так ли уж это было важно? Ведь до конца смены оставались считанные дни.

Да и юность этих трепетных романтиков оказалась вовсе не такой уж бесконечной. Всего через несколько лет... Хотя стоит ли говорить, что ждало их всего через несколько лет? Когда каждый из них, ломаемый тяжестью обрушившихся на страну испытаний, старался, как мог, выжить, не потеряв при этом в себе самом человека. Выжили. Кто как.

Все, кроме Ромки. Стон оборванной струны гулко отзывается в сердце.

Талантливый поэт, ранимая душа, он не смог приспособиться к реалиям новой жизни, построенной на волчьих законах рынка. Дважды в тяжелейшей схватке с судьбой он выходил победителем, на большее не хватило сил. В тридцать лет с отрядом казаков-добровольцев он отправился в Сербию. Отчаявшись или по зову сердца, теперь об этом не стоит гадать. Как не стоит гадать и о том, как погиб бесстрашный русский парень, презиравший смерть, трусость и предательство. При себе у погибшего героя не было ни документов, ни адреса. Только листочки, мелко исписанные стихами. Ромка.

12. Только не будет смены такой

Из дневника Иннокентия Снегирёва:

«День последний. Жара? Дождь? Какая разница. Вот и окончилась наша бурная, наша сказочная смена. Милые, родные мои ребята и девчата, вот уж не думал, что придётся расставаться. Все, конечно, договорились приехать в этот лагерь следующим летом, опять на второй поток. Как было бы здорово, если бы приехали. Хотя недаром поётся в чудесной песне юных орлят: «Только не будет смены такой»... Вот и всё. Последняя ночь. Королевская ночь».

Вожатые отравились. Серьёзно. Произошло это необъяснимо и, пожалуй, случайно. Накануне праздника закрытия смены, во время праздничного обеда, на камбузе по личному распоряжению Евгения Трофимовича всем детям на десерт выдали по тарелке сгущённого молока. Вожатым остались остатки со дна бидона, причём в хорошем количестве. Наевшись до отвала, педагогический отряд, уложив детей отдыхать в тихий час, собрался репетировать вожатские номера для праздничного концерта. Пришли все, кроме грустной девушки Ольги. Как оказалось, ей сразу после обеда стало плохо. Закружилась голова, появилась тошнота. Ромка, кстати, тоже пожаловался на лёгкое недомогание. На это, правда, никто внимания не обратил. Репетиция прошла без недоразумений, но во время самого концерта вдруг стало плохо Кешке. Он убежал в вожатский туалет и приполз обратно абсолютно зелёный, сообщив, что его изрядно тошнит. К финалу концерта в вожатскую палату перебрались позеленевший Ромка, а затем и Настенька. На финальную песню — вожатский гимн — их едва ли не пришлось выносить на руках. Однако спели здорово, вложив в своё пение все эмоции подошедшей к концу смены, все радости, победы, мелкие огорчения и поправимые поражения. После концерта заболевшие вожатые расползлись по палатам. На ногах оставались лишь Светланка, Алик и Алиска. Алиска, кстати, вообще не ела эту злосчастную сгущёнку, терпеть её не могла. И ещё, конечно, на ногах был Майкл, который не обедал со всеми, а ездил по особому заданию Алика в город. Вернувшись в лагерь, он ворвался в палату с криком:

— Мужики! Хватит дрыхнуть! Гляди, чего я вам привёз!

Он открыл чемодан-дипломат, набитый хорошим бутылочным пивом.

— Как раз и рыбка наша подоспела. Зря, что ли, мы её с таким трудом добывали? Табань! Табань, мужики! Хе-хе.

При виде пива и упоминании о рыбке Кешка снова кинулся в туалет.

— Э, что у вас тут случилось?

— Сами понять не можем. Четверо неподъёмных. Все — вожатые.

— А детки?

— Слава богу, пронесло.

— Не надо про «пронесло», — огрызнулся еле слышно Ромка.

— Да ладно вам хандрить-то. Сегодня же королевская ночь, братишки!

В палату вошла Алиска.

— Алик, у нас ещё одна потеря. Светлане плохо.

Алик и сам чувствовал лёгкое недомогание, но не придавал этому значения. Однако только он взял в руки солёную тушку рыбки, его мгновенно накрыл сильнейший приступ тошноты. Да, вот вам и королевская ночь. Тамара, которую привёл Майкл, констатировала сильнейшее отравление.

По-хорошему весь педагогический отряд нужно было немедленно отправить в районную больницу. Но оставить детей одних, без присмотра, в королевскую ночь? Вы с ума сошли?

Положение спасал Евгений Трофимович. Он привёз две видеокассеты с комедиями. И пока детишки в клубе смеялись над похождениями во времени чокнутого профессора, вожатым сделали усиленное промывание желудков. Алиска, как могла, утешала друзей:

— Ну, потерпите, ребятушки, всё обойдётся. А помнишь, Алик, как ты устроил промывание желудка Оксане и её компании?

Конечно, Алик и другие вожатые помнили это. Тогда президент отучил своих республиканцев лазать по ночам на камбуз. Ладно, пока в клубе идёт видеосеанс, а вожатым ставят клизмы, так и быть, расскажем вам ту историю. Дело было так.

В столовой для специальных целей хранилась концентрированная аскорбиновая кислота в огромных таблетках. Вот за этой-то аскорбинкой и повадились лазать через окно, аккуратно отогнув гвоздики и сняв стекло, детишки из второго отряда во главе с бедовой девочкой Оксаной Бизерман. Оксана была пацанкой. Ну, как это? Очень просто. Ненавидела девчонок, одевалась всегда как мальчишка и дружила исключительно с мальчиками. О том, что на камбуз кто-то периодически проникает по ночам, Алику сообщил Евгений Трофимович. Алик пообещал разобраться. Честно говоря, сначала президент решил, что начальник лагеря намекает на ночные посещения столовой самими вожатыми. Но Евгений Трофимович, благодаря Зине, был хорошо осведомлён о вожатских планёрках под гитару. Однажды он даже застукал педагогический отряд во время празднования Алискиного дня рождения, затянувшегося далеко за полночь. Шеф тогда слегка пожурил вожатых, но только слегка. На камбуз же вожатые, а тем более через окно, никогда не лазали.

Ситуация прояснилась, когда Алиска принесла Алику таблетку аскорбинки.

— Вот, отобрала у своих. Лизали её по очереди.

— Так, воришек нам только не хватало. Алисочка, прошу тебя, об этом никому.

— Ну, не знаю, не знаю. Что я с этого буду иметь?

— Если не прекратить это безобразие на корню, мы все будем что-то иметь. Ладно, моя зайка, я тебя поцелую. Позови-ка мне Тамару.

— Вот всегда у тебя работа прежде всего. Я ведь и обидеться могу.

— Ну что ты, солнышко, не обижайся. Прежде всего ты... ну, и работа.

После отбоя Алик устроил спектакль. В сопровождении медсестры Тамары он стремительно врывался в каждую палату и, придав лицу выражение нескрываемого ужаса, говорил, почти заикаясь:

— Ребятушки, миленькие! Умоляю, скажите. Клянусь, вам ничего за это не будет, но это вопрос жизни и смерти. Ещё не поздно вас спасти. Никто из вас не ел таблеток с камбуза? Это концентрированная кислота. Если съесть такую таблетку целиком, вместо того, чтобы развести в двух вёдрах воды, она разрушает желудочно-кишечный тракт, разъедает стенки кишечника, затем через кровь распространяется по всему организму. Если вовремя не принять меры, последствия могут быть самыми печальными. Судороги, спазмы, перебои дыхания, остановка сердца. Умоляю, все, кто ел эти таблетки, пойдёмте со мной.

Алик, конечно, любил пошутить и подурачиться. Это знали все республиканцы. Но сейчас по его виду и голосу было видно, что президент не шутит. Многие шли за ним, ощущая, как учащённо бьётся сердце, как уже начинают сковывать руки спазмы и эти, как их, блин, судороги.

— Алик, а если я только разочек лизнул, мне тоже идти?

— Даже если один разочек. Лучше перестраховаться. Зато будешь уверен, что останешься жив и здоров, что не получишь инвалидность в одиннадцать лет. Быстренько за мной.

Уходя из очередной палаты в сопровождении несчастного пионера или испуганной до заикания пионерки, Алик слышал в спину:

— Вот ведь придурки. Наелись дряни.

— Мне тоже предлагали, но я отказался.

— А я чуть было не попробовал.

— А я понюхала и не стала есть.

— Вот и дура, что нюхала. Лучше иди с Аликом.

— Вы думаете?

— Конечно, если не хочешь всю жизнь провести в инвалидном доме.

— Ой, мамочки. Алик, подождите меня.

В конечном итоге возле лагерного умывальника собралось около двух десятков республиканцев, кто хотя бы разок попробовал злосчастную аскорбинку. Тамара, которую Алик подговорил заранее, сказала, что для спасения бедных лакомок нужно каждому выпить по два трёхлитровых баллона воды с содой.

— А если я съела несколько таких таблеток? — спросила главная виновница событий Оксана Бизерман.

— Тогда лучше три банки.

— Нет, лучше четыре, — решилась Оксана.

Почти час несчастные детишки добровольно промывали себе желудки, выпивая сверх меры ещё

по одной, контрольной банке содового раствора. Вожатым до слёз было жаль своих подопечных. Но отступать было нельзя. С воровством нужно было бороться самым решительным образом. Лишь однажды вопрос Оксаны едва не поставил вожатых в тупик:

— Алик, а если это яд, то почему его держат на камбузе? И разве это не витаминки?

Положение спасла Тамара.

— Это действительно аскорбиновая кислота, но концентрированная. Её применяют для очистки котлов, больших сковородок от жира. Кислота разъедает жир, и котлы очищаются. Вот так же эти таблеточки могли разъесть и ваши желудки.

— Ой, мамочки.

— Да. И разводят такие таблетки в пропорциях одна на пятьдесят литров воды. Понятно?

Понятно было только то, что с такими вещами шутить лучше не надо. Долго ещё среди вожатых не утихали споры, правильно ли они поступили, заставив бедных детишек промывать свои желудочки. Однако до конца летнего сезона ни один человек больше на камбуз не лазал. С воровством было покончено.

И вот теперь, словно в отместку за несчастных шалунов, желудки промывали вожатым. Когда после принятия клизм и содовых растворов слабые вожатые отлёживались в своих палатах, Майкл, всё время пытавшийся поднять друзьям настроение, сказал:

— Мужики, а может быть, всё-таки пивасика вмажем? Зря, что ли, я его вёз? Да и рыбка в самый раз. А?

Ромка только поёжился. Кешка глубоко вздохнул. А Алик, привстав на локтях, задумчиво изрёк:

— Если человек отравился, значит, к нему в организм попала инфекция. Палочка. Так? А если кишечную палочку поместить в дрожжевую среду, что получится? Кишечное бревно. Эй, братишки, клин клином вышибают. Давай, Майкл, своё пиво.

И друзья осушили по бутылочке высококлассного, советского ещё напитка, правда, без рыбы. Чудо ли произошло, или друзья уж чересчур сильно горели желанием провести королевскую ночь, как это положено в лучших лагерях, но только им и в самом деле стало значительно лучше. Через некоторое время Кешка вместе с Майклом убежали готовить дискотеку. Алик с Ромкой ещё с трудом могли передвигаться, но верили, что встанут и покажут всем танцевальный мастер-класс. За окном буйствовала последняя республиканская дискотека. Строжайшим указом президент запретил до окончания дискотеки мазать кого бы то ни было: товарищей, вожатых или спящего сторожа — зубной пастой. А дискотека сегодня длилась до часу ночи. Поэтому сейчас республиканцы танцевали, проводили конкурсы, играли в игры. Алик и Ромка, лёжа в своих коечках, слушали

музыку. Впрочем, скучать им не приходилось. Их палата в эту ночь стала всеобщей гостиной и постоянно была набита людьми. Сюда постоянно забегали мальчишки и девчонки из разных отрядов, рассказывали «королевские новости».

— Света Яковенко из третьего отряда пригласила на белый танец Кешку и объяснилась ему в любви.

— Баклан достал Ольгу и Светлану. Ходит по пятам и выпытывает, как устроиться на ферму ухаживать за свиньями.

— Ага. Они ему: «Отстань, Баклан», — а он: «Ну скажите, ну скажите».

— Он этих свиней обожает. Он всю смену на ферму бегал.

— Помнишь, Ромка, ты его за уши оттягал за то, что он хлебные шарики делал? Так это он для своих свинок гостинцы делал.

— Там Юра Зинин пришёл. В платье девчачье вырядился. Дурак дураком.

— Слышали, Весельчак У гоняет по всему лагерю Алиску.

— Вот я ему погоняю по одному месту.

— Кстати, девочки из третьего отряда поклялись сегодня ночью измазать пастой тебя, Алик, и тебя, Ромка, и Майкла, и Кешку.

— Ну, это мы ещё поглядим, кто кого измажет.

— О, слышите, «металл» заиграл? Это Майкл поставил, надо бежать.

Вожатская палата пустеет. Ромка через силу поднимается.

— Пойду, проведаю девочек. Как там они, бедненькие?

В палату забежала Алиска. Справилась о здоровье президента. Поцеловала и со вздохом спросила:

— Неужели всё? Завтра все уедут? А как же мы без них?

— Ничего, солнышко, будет другая смена. Будем работать, как говорит Кешка. Всё будет нормально. Ну, давай беги, дети тебя ждут.

— Ты давай выздоравливай. Без тебя дискотека словно искусственная. И не забудь про президентский танец.

Заглянул Майкл.

— Как дела, братка? Слышал последний медляк? Весь лагерь танцевал. Кстати, сейчас будет для тебя сюрприз. Слушай.

Из репродуктора прозвучал голос Кешки:

— А сейчас для всё ещё больных вожатых и, прежде всего, для нашего президента Алика звучит президентский танец.

И, заглушая восторженные крики республиканцев, по лагерю полились плавные и красивые звуки любимой танцевальной композиции всех детей и вожатых этого лета. Голос Франка Дюваля, чуть приглушённый и от этого таинственный, просил прикоснуться к его песне далёкую незнакомку. Песню эту особенно обожал Алик, и поэтому в республике установилась своеобразная традиция: каждую дискотеку заканчивать именно этой композицией, которая получила название

«президентский танец». И Алик действительно был своеобразным хозяином этого танца. Какими бы делами ни был занят, неизменно к этому танцу он был на дискотеке, приглашая потанцевать с ним самую красивую девушку. Чаще всего, конечно, он приглашал Алиску, которая, заслышав звуки президентского танца, также, где бы ни находилась, устремлялась на проспект Космонавтов, где и проводились дискотеки, даже если в этот момент у неё были неотложные дела. Здесь она старалась сразу же попасться на глаза Алику, который, конечно, не мог не пригласить её танцевать. Если же по какой-либо причине Алик должен был танцевать с другой, он всё равно подходил к Алиске и виновато объяснял:

— Извини, Алисочка, сегодня я обещал этот танец Константции. У неё день рождения.

Алиска печально вздыхала, но спорить с Аликом не могла. И вот уже малютка Константция, девочка из третьего отряда, положив руки Алику на локти, ведь до плеч с её-то ростом дотянуться проблематично, озирает победно своих подружек: ну, я вам говорила, что президент сегодня будет танцевать со мной? Так умрите от зависти, глупышки! Сегодня я королева бала.

Так продолжалось всю смену. И вот теперь, когда президентский танец последний раз оглашает чарующими звуками республиканскую дискотеку, он, Алик, лежит в палате из-за дурацкого, нелепого отравления. И такая взяла его вдруг досада, что отвернулся к стене и буркнул другу Майклу:

— Не могу слушать это лёжа. Лучше бы не включали.

— Нет проблем, братка, — отозвался Майкл.

Он подошёл к коечке президента, откинул одеяло и, легко, словно тростинку, подняв на руки, вынес его из палаты туда, где двигались в медленном танце республиканцы, встретившие Алика и Майкла криками дикого восторга. Майкл поднёс друга к Алиске. Алик встал на ноги. Ничего. Стоит крепко.

— Разрешите, сударыня, пригласить вас на президентский танец.

— С радостью, мой президент.

И они поплыли над землёй, над цветными огнями лагерной иллюминации, над корпусами, над цветником, над дальними домиками, над волшебством неповторимого звёздного фейерверка, устроенного Кем-то, наверное, самым Главным, в честь этой первой республики детей и вожатых, и в полдень, и в полночь жившей по неписаным законам дружбы, братства, чести, верности и любви. А потом были игры, были остатки зубной пасты, выдавленной на друга, который не обижался, потому что сегодня так надо, таков закон королевской ночи. Были смех, визг и слёзы. Да, слёзы. Настенька, грустная девушка Ольга и Светланка были застигнуты Аликом на ночном берегу рыдающими.

— Вы что, девчата?

— Алик, завтра уже ничего этого не будет. Не бу-у-у-у-де-ет.

Девочки захлёбывались от рыданий.

— Что вы, сестрёнки, что вы? Столько слёз. От этих слёз наше море из пресного сделается солёным. Ну, как маленькие, право.

Честно говоря, Алику и самому хотелось плакать, да и Майкл, сославшись на срочные дела, задрав зачем-то лицо к звёздам, срочно убежал куда-то. Через несколько минут на берегу была почти вся республика. Алик испугался, что сейчас начнётся всемирный потоп, но ситуацию разрядил Весельчак У из первого отряда. Он бежал, смешно вращая толстыми ручонками, за хохочущей Аликой и рычал:

— Алиса, где миелофон? Алиса, где миелофон?

* * *

На следующее утро подъёма как такового не было. Республиканцы отсыпались после буйной королевской ночи. Но Алик всё равно проснулся рано. Такая привычка, что поделаешь. Он взял заранее приготовленные мелки и вышел за территорию лагеря, на аллею, ведущую к автобусной остановке. Это была узкая асфальтовая дорожка, по бокам которой росли высокие пирамидальные тополя. Аллея шла мимо лагерного стадиона, мимо ворот, на которых когда-то сидел Мухомор, мимо колхозного поля, которое нередко одаривало вожатых молодой картошкой и кукурузными початками, мимо как всегда благоухающих по утрам корпусов свинофермы, где почти всю смену провёл Баклан. Было свежо. Алик поёжился, огляделся по сторонам и, словно боясь быть застуканным врасплох, стал торопливо, но твёрдо выписывать на дорожке слова и предложения. Это был последний сюрприз президента своим республиканцам. Всходившее солнце, смеясь лучами, читало прощальное письмо Алика. Надписи не были замысловатыми. Алику хотелось, чтобы дети, уезжая из лагеря, прочли это послание и улыбнулись. Просто улыбнулись, вспомнив странички истории детской республики.

«Перчишка, не вешай нос», «У неё ноги ниже колен», «Баклан, свинки ждут», «Констанция, где д'Артаньян?», «Турист, тебе не на ворота, а прямо», «Ню, так где миелофон?»

Дойдя до конца дорожки, у самого пересечения её с трассой Алик раскрошил последний мелок с какой-то досадой на самого себя. Он ещё раз перечитал эту последнюю надпись: «Вот и всё. Назад не оглядываться», — вздохнул и зашагал в лагерь.

К обеду все дети разъехались. Евгений Трофимович разрешил вожатым на пару дней съездить отдохнуть по домам, чтобы затем с новыми силами, вернувшись, приступить к работе на третьей смене. Вожатые собрали вещи не так быстро, как это было в день пиратского бунта, ведь теперь им некуда было торопиться. Повариха Лена, чувствуя себя виноватой за отравление вожатых,

накормила их приготовленным по высшим меркам кулинарного искусства обедом. Друзья последний раз прошлись по территории, присели на дорожку, как полагается, и направились к автобусной остановке. Проходя через лагерные ворота, педагогический отряд удивлённо переглянулся. Из репродукторов им вслед бросилась мелодия президентского танца.

— Зина, — сквозь зубы процедил Ромка, — может быть, он не такой уж и негодяй.

— Ладно, посмотрим, впереди целая смена, — ответил Алик.

— Будем работать, — подытожила Настенька.

Ребята шли по прощальной аллейке и читали надписи, сделанные президентом. Для них это тоже был сюрприз. Вот, наконец, последняя, призывающая не оглядываться назад. Алик вышел на трассу и вдруг остановился в изумлении. На самом пересечении аллейки с трассой белела ещё одна, неизвестно откуда взявшаяся надпись. Полуденное солнце, как могло, старалось не высушить внезапных слёз на щеках здоровенных парней и прижавшихся к ним девушек.

— Пойдём, братишки, а то опоздаем на автобус, — стараясь казаться равнодушным, произнёс, наконец, Алик. И педагогический отряд «Свежий ветер», создавший первую детскую республику и одержавший первую в своей жизни большую победу над рутиной и суетой, зашагал к остановке, оставляя позади себя последнюю, ещё хранящую тепло незнакомых рук, прикасавшихся к асфальту, надпись: «Алик, вожатые, вы лучше всех»

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

«Я ВИЖУ СОЛНЦЕ И МОЛЮСЬ ЕМУ»

Виктор Васильевич Брюховецкий родился в 1945 году в Алейске Алтайского края. Около 50 лет проработал на опытном заводе государственного института прикладной химии, служил в рядах Советской армии. Заочно окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения по профессии инженер-электромеханик. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор 14 поэтических книг, более 100 публикаций в отечественных журналах. Лауреат всероссийских литературных премий им. А. Прокофьева, им. А. Невского, Пушкинской (Нью-Йорк), журналов «Москва», «Наш современник», «Нева» и др. Живёт в пос. Кузьмоловский Всеволожского района Ленинградской области.

***

Судьбы моей суровый матерьял
С заплатами соломенного цвета...
О, знать бы, кто меня
на прочность проверял,
И сна лишал, и не давал ответа.

Водил смотреть, как через край
стрехи
Снопы лучей швыряет солнце
в окна,
Как зноя летнего тягучие волокна
Качают острых тополей верхи.

Подсказывал, мол, вот,
где скрыто всё, —
В огромном диске яростного
света!..
Сармат кузнец, когда приметил
это,
Ось отковал и вставил в колесо!

Тележное — со скрипом
и подпрыгом,
Оно свело кочевника с ума...
И покатилось солнышко
по ригам,
Ссыпая золотишко в закрома.

Вставали тени и ложились криво.
Дышали многоярусно стада.
Пластая крылья, прижимались
к гривам,
Добычу настигая, беркута

И замирали в развороте гордом,
Нацеливая страшный свой удар.
Дымилась печень, и,
кровеня морды,
Саженной рысью волки шли
под яр.

А солнце било это всё с размаху
Лучами света в локоть толщиной,
И, расправляя под ремнём
рубаху,
Пел человек, влюбляясь в шар
земной.

Я песню эту слышу сквозь эпохи
И, принимая будущую тьму,
В любом цветке, в любом
чертополохе
Я вижу солнце и молюсь ему.

ПРИШЁЛ НОЯБРЬ...

Пришёл ноябрь, и с ним пришло
безделье.
С утра дождит, под вечер
мокрый снег.
Хозяйка спит, хозяин варит зелье
И точит ножик... Чем не печенег?

Потом — декабрь, буранные
заносы,
Собачий гон, звенящий хруст
подков...
Куда ни кинь — кругом одни
вопросы,
Как собранные колья в частокол.

Господь в углу, где соткана
паучья
Лихая сеть из яда и слюны,
На пламя дует. Полыхают сучья.
В трубе поёт. А около стены,

Средь хомутов и трёпаного
плиса,
Где с каблуков осыпана земля,
По сторонам поглядывая, крыса
Сидит, смешно ушами шевеля.

Другой бы в крик, а мне она
безвредна,
И ни к чему, и просто всё равно...
На стёклах дождь.
На километры — бездна.
Россия. И разгадки не дано.

***

Поездная тоска. Ни рукой,
ни ногой...
Выгибается поезд гремящей
дугой!
Наплывают поля, уплывают
поля.
Чернозёма пласты, ястреба,
гоголя...
Вот скажи: где такое увидишь
ещё?
Да нигде. Да ни в жизнь.
Ни в какие века!
Чернозём... Ястреба... Тополя...
Вороньё...
Лебединая песнь! Золотая строка!
Поезд порет пространство
на тряпки, как холст.
Убегают колосья за край
ковылей.
Мне любить эту жизнь
до разлуки, до звёзд,
До последней великой печали
моей.

От сарматских времён —
золочёная Русь!
Я вдыхаю простор, задохнуться
боюсь.
Ветер пахнет медово, горячий,
густой,
Вышибает слезу и, кружась
над верстой,
Тучи гонит на запад.
А мне — на восток!
Размотайте, колеса, сомнений
моток
Между небом и твердью,
средь этой красы
В две весёлых, блестящих
стальных полосы,
Чтоб душа замирала, от воли
пьяна,
И трезвела от счастья —
какая страна!

***

К ним под вечер с делянок
мороз приходил,
И печные дымы устремлялись
к звезде.
Бился повод, и капала пена
с удил,
Превращаясь в слюду.
И мерцало в слюде.
Опрокинется Ковш, колыхнутся
Весы,
Млечный Путь из белёсого
станет седым,
Загрохочут цепями тяжёлые псы,
На ночлег разбираясь по будкам
своим...
Это было в далёком суровом
краю.
Там на крик «выходи!» отвечали
«стреляй».
Там спустили убитых тела
в полынью
Ушаковки-реки: мол, храни,
не теряй!..
Закрутила река в ледяную
струю
Обнажённую страшную тайну
сию,
Но сберечь не смогла,
расплескала в камнях...
Я представлю тот ужас, конвой
на конях, —
И, представив расстрельным себя,
на ветру,
Я гнедому конвою
«стреляйте!..» — ору.
Не стреляют. Их нет.
Их зарыли уже.
Для чего же сходились
на том рубеже?

ДУША

Отгоревала, отлюбила?
Нет, нет! Она ещё жива,
Она ещё найдёт слова,
И вздрогнет в колоколе било!

Сегодня утром рано-рано,
Когда ещё не рассвело,
Тяжёлой дробью из тумана
Ей кто-то выстрелил в крыло.

Ну что ж, подобное не редкость.
И я приветствую стрелков
За их настойчивость и меткость,
За хладнокровие курков.

Стреляйте! Пусть сочится кровью,
Пусть ноет рана и горит,
Душа вас отблагодарит
И состраданьем, и любовью.

Она обязана любить:
И тех, что словом окрыляют,
И тех, что по крылам стреляют…
Чур, люди! Только не убить…

НОЙ

Очнулся Ной, а на дворе Россия.
Лицо расплюснув о стекло окна,
В дом смотрит Хам, глаза его
косые
Ещё хмельны от блуда и вина.
Тревожно гоготала птица
в клети,
Рассвет во двор катился
по крыльцу,
И Ной подумал: «Ох уж эти
дети,
С друзьями пьют, а жрать идут
к отцу…»
Телега прогремела под окошком,
Прошли крестьяне в поле
на свеклу́.
Ной птицу накормил зерном.
Картошку
Хам разогрел и сел один к столу.
Потом он спал.
А Ной, хрустя артрозом,
Носил в сарай дрова, травил
жуков,
Потом кусты подкармливал
навозом,
Потом смотрел на пьяных
мужиков,
Что шли, шатаясь, по домам
с работы.
Потом проснулся Хам и снова ел.
Поев, ушёл — и никакой заботы…
А Ной трудился, думал
и смотрел…
Созрело яблоко!
В селе заготконтора
Не принимает фрукты —
нет нужды.
И Ной подумал: сколько же
вражды!
И усмехнулся: яблочки раздора.
Растим, гноим…
Шмурыгая резиной,
Крестьянки возвращались
ввечеру.
Пришёл сосед за фруктами
с корзиной:
— Снесу свинье… Не пропадать
добру…
Так день прошёл.
Под лампою лучистой
Ной грел суставы, Библию
листал.
Он думал, что он жить уже устал.
А жить ему вот так ещё лет
триста.

***

И постучишься в дверь.
И не спеша
Войдёшь в мой дом и грустно
улыбнёшься.
Рукою бережно волос моих
коснёшься,
И нежностью наполнится душа.

И спросишь, словно о своём
скорбя:
— Ну, как ты жил один все эти
годы?
— А я не жил. Я просто ждал
тебя,
Как вечный пленник ждёт
глоток свободы.

***

...и музыкою сфер, и сумеречной
мглою,
И сусличьей норой с капканом
и флажком,
И космосом с его космической
золою,
И снежною крупой, и пенным
свежаком...

Я думал — это быт, а оказалось —
небо,
Я думал — это прах,
а оказалось — быт,
Я думал, что я был, а оказалось,
не был,
И, значит, я не жил, и, значит,
не убит.

Но я ещё приду и этот мир
открою,
С его большой рудой, с гаданием
сорок,
С задумчивостью рек,
с его землёй сырою,
С колодцем у скрещения дорог.

И кто б ни говорил, ни тыка
воздух пальцем,
Ни теребил пеньку для будущей
петли,
А я уже иду неузнанным
скитальцем
По огненному ободу земли.

***

Имя — Анна...
Странно и туманно...
Словно из далёка-далека...
В наших встречах не было
обмана.
Грусть была и радость.
На века.

Поезда приходят и уходят...
Старый клён, посаженный тобой,
На подворье каждый вечер
бродит,
Горькою качая головой.

Звёзды гибнут, падают полого...
Клён стареет, золотом шурша...
У какого дальнего порога
Обо мне болит твоя душа?

У какого моря-океана,
Под какой нездешнею луной?
Анна... Анна...
Как всё это странно.
Имя-то какое, боже мой...

ЗВЕЗДА В ВИФЛЕЕМЕ

Свершилось.
И новая встала звезда.
Шепталась прислуга в царёвых
палатах,
Недобрые люди в овчарнях
и хатах
Искали того, кто пришёл
навсегда.

Округа на всё отвечала
молчаньем.
В пещере под сенью
хранительных сил
Марии был знак, и Мария
с вниманьем
Смотрела на тех, кто дары
подносил.

Младенец сопел и пелёнки мочил,
Не знал о своей удивительной
роли
И всё-таки, словно
в предчувствии боли,
Сжимал кулачки и ногами сучил.

СЛОБОДА

Лилии Стариковой

Крепка Россия Бугульмой!
Хочу домой, хочу домой...
2017

Бугульме... Бугульму...
Бугульма...
Степь да степь, ни куста,
ни холма.
Чернозём, кизяки, саманы
Да метельная песнь сатаны.

Как завоет в трубе, загудит!
Печь откликнется и зачадит,
И сверчок засверчит в полутьме:
— Бугульма... Бугульму...
Бугульме...

Застучит за стеной пулемёт,
Развернутся лавины в намёт
И сойдутся, как сходят с ума.
Бугульму... Бугульме...
Бугульма...

Голос прошлого звонкий такой,
Как рассветных сорок ворожба!
И подать до Урала рукой,
Но Урал переплыть не судьба.

Не судьба, моя жизнь, не судьба!
Засыпаю и вижу раба,
Что к свободе идёт через степь,
Где и ставит надёжную крепь...

Горизонт, ковыли, удила,
Тень косого крыла от орла,
Тропота с перезвоном подков
Да живая вода родников.

А касаемо худшей беды —
Здесь добудут и мёртвой воды,
И пока там разборки да суд,
Принесут, окропят и спасут.

ОТ УРАЛА ДО КАЗАНИ

За окошком серость, морось.
Замер лес, ни ветерка,
Только музыка и скорость,
Да дорожная тоска.

Бабы... Рыжики с глазами...
Горы зелени-ботвы...
От Урала до Казани,
От Казани до Москвы...

На обочины и пашни
Серый день роняет тень.
За плечами день вчерашний,
Впереди грядущий день.

Сытый скот, колодцы, крыши,
В полосе горох с овсом...
Эту повесть не опишешь
Ни пером, ни колесом.

Эту повесть надо сердцем
Слушать, под соском держать,
С инородцем-иноверцем
На два голоса читать.

Это надо зреть глазами
Мудрыми. Как у совы!..
От Урала до Казани,
От Казани до Москвы...

***

Назидали: «Солнце вечно, Сосо.
Без него, Сосо, погибнет земля...»
Покатилось по земле колесо,
Докатилось колесо до Кремля.

След глубокий проторило оно,
Кровью залило глаза и уста...
Говорят, что это было давно,
До Владимира ещё, до Христа.

Будто было это в той стороне,
Где дома стоят на курьих ногах,
Где всю осень веют злак на гумне
И всё лето косят травы в лугах.

Где живут, не понимая зачем,
И поют, не понимая о чём,
Где, когда берут на цепь,
то затем
Отпевают, обернув кумачом.

И тоскуют о далёком былом,
О своём не уставая вздыхать,
И, плугами шевеля чернозём,
Всё, что было, норовят
запахать.

***

За окном российская темница,
Страшная темница,
Темнота.

Б.Корнилов

Бессонница... Тоска...
Не потому ль темно
И сумеречно так, хоть запирай
хоромы.

На «голубом глазу» бандитское
кино,
Переключу канал — нацисты
и погромы.

Смотри и выбирай!
Найдётся на Руси
На всякого, а нет — купи билет
в Египет,
Там сфинксы и пески,
двугорбые такси,
И толпы Нефертить,
и Нил ещё не выпит.

А можно и южней,
В Судан, к нубийским львам:
Потрогать их усы, слегка
взъерошить гривы,
Покинув отчий дом, где солнце
по утрам,
Рассеивая мрак, идёт
неторопливо

По золоту хлебов,
Над трубами печей,
Гуляет вдоль шоссе, бликует
на капоте,
Кладя на руль авто тепло
своих лучей
На самом злом твоём и дерзком
повороте.

Но время есть ещё,
Остановиться чтоб
И не упасть за край истерзанной
России.
Лихую эту тьму великий эфиоп
Сумел же одолеть, хватило
всё же силы.

У ВЕЧЕРНЕГО КОЛОДЦА

Заправить пеньку
в оцинкованный коуш,
Отметить, что солнце уже
не палит...
Смерть входит без стука.
Хозяйка.
Чего уж...
А я не готов, хоть помыт
и побрит.

Побрит, но не брит, не латыш,
не пшеклентый,
Советский российский,
Пропахший костром,
Живущий землёй не арендной,
не рентной,
А честной, добытой тяжёлым
трудом.

Не молод уже, но в порядке
и в силе,
И эта хозяйка пока не моя...
Гудели комбайны, и псы голосили,
И тучи белёсой кривые края

Висели над полем, как рваные
свитки,
Где всякое слово старо и мудро...

Мычали коровы, скрипели
калитки,
И ворот скрипел, и гремело
ведро;

Дрожала пенька, и хрустальная
влага
Плескалась и падала вниз
тяжело...
Домашних гусей за ватагой
ватага
С пшеничных полей
возвращалась в село.

И я понимал, что и солнце,
и гуси,
И красная жатка, и колос литой,
И в небе осеннем высокие гусли
Над славной отчизной, до боли
простой,

Во мне будут жить до последнего
часа,
И где-нибудь в самой забытой
дыре
Я вспомню, как я этим всем
облучался,
И буду спокоен на горьком одре.

Олег ГЛУШКИН

ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Олег Борисович Глушкин родился в 1937 году в Великих Луках. Окончил кораблестроительный институт, работал на верфях и в море на траулерах. Член Союза российских писателей, член российского ПЕН-клуба. Входит в состав Совета по культуре правительства Калининградской области. Автор нескольких книг прозы. Составитель русского варианта антологии «Лики родной земли», выпущенного совместно с писателями Германии, Польши и Литвы. За эту книгу получил звание лауреата Артиады народов России. Составитель книги «Кровоточащая память Холокоста», а также «Антологии калининградского рассказа». Печатался в журналах и альманахах в России и за рубежом (в переводах). Живёт в Калининграде.

Тишина до звона в ушах. Один в доме, не считая Сусанны. И ещё есть главный хозяин — большой чёрный кот. Сусанну я накормил гречкой. Маленькая, как мышонок. И суетливая. Спит в своём номере, видит детские сны. Она пишет для детей. Такие сны ей необходимы. Вся наша проза — это подсмотренный сон. Директор писательского дома сказала, что писатели всегда интересуются, кто до них занимал апартаменты. Боятся чужих снов. Боятся плагиата, который непрошено может втиснуться в их творения. Мне ничего не страшно. Завтра приедет сюда много писателей из разных стран. Будут писать наперегонки. Будут завидовать друг другу. Возможно, и меня вовлекут в этот общий психоз. Но я не поддамся. Я решил больше не писать. К чему все наши выдумки или, того хуже, копирование реальности? Разве недостаточно фотографий? Их сейчас только ленивый не делает. Автоматическая наводка, фото на

экранах компьютеров. А выдумка? Да за неё надо преследовать по закону. Это ведь ложные показания. Собрать всех выдумщиков и отправить в ссылку. В Одессу. Как Александра Сергеевича. Там их так засмеют, что станут на Магадан проситься.

Решил я: ни строчки более. И сразу день мой освободится. С утра буду прогулки длинные устраивать, воздухом свежим дышать. Куплю абонемент в бассейн, буду по часу в день плавать. Пойду на курсы английского языка. Стыдно в наш век не знать английского. Выучу язык — стану путешествовать. Первым делом махну в Италию, потом в Лондон, захочу — и за океан переберусь. Там друзей у меня много. Одноклассников. А надоест суша — устрою морские прогулки. Сидеть в шезлонге и смотреть, как журчит, исчезает струя от винта за кормой. Кормить чаек — это ли не счастье! Возможно, и любовниц заведу, двух или трёх, насколько меня хватит. Раньше я этих разных девиц только в тексте своём имел, пора и оживить моих страстных героинь. Куплю себе крутой мотоцикл. Стану байкером. С визгом понесусь по автобану. Только ветер свистеть будет. По дороге подцеплю симпатичную шлюшку. Посажу сзади. Пусть обнимает меня, пусть визжит от страха и теснее ко мне жмётся. Впрочем, байк не очень солидно для меня. Увидят мои читатели — обхохочутся. Известный писатель — и на байке. Нет, уж лучше куплю фордик небольшой. Но быстрый и юркий. С откидывающимся верхом. И с сидениями откидывающимися, чтобы можно было любовью в нём заниматься. Господи, сколько наслаждений ты послал человекам, а я, как дурак, получал удовольствие от сочинительства, от этого эрзаца жизни, от безвкусного заменителя страсти.

Так что решено. Надо пожить в своё удовольствие. Хватит сидеть в доме творчества и изображать из себя писателя. Блокирую в компьютере всякий набор текста. Оставляю только рекламы туристических фирм и сайты знакомств. Знаю, что есть секс-туры, что можно найти девицу, жаждущую разделить с тобой радость познания мира. Такой вот прогресс. Пока я свои завиральные тексты о любви писал, мучил своих Ромео, всё на самом деле так упростилось, что, наверное, читатели мои посмеивались над страданиями новоявленных Вертеров. Чего там страдать, зачем, клик — нажим на клавишу — и вот она перед тобой, твоя Джульетта, готовая на все выдуманные тобой любовные игры. Пошарил в интернете, заказал себе эскорт на Гаити; девица уж больно мне приглянулась, есть у меня заначка от одной литературной премии, хватит не на один тур.

Отправил жене электронную почту, конечно, обо всех своих планах не написал, но сообщил главное: я бросил писать. Ждал, что она меня отговаривать начнёт. Всегда она мои тексты хвалила и повсюду заявляла, что лучше

меня никто в нашем городе не пишет, не писал и писать не будет. Ответ от неё был неожиданным. «Наконец-то, — написала она с восклицательным знаком, — наконец-то мы станем жить, как все люди».

Как все люди, в её понимании, — это огородом своим заниматься. Летом она в огороде дневала и ночевала. Я сам бы туда и дорогу бы не нашёл. Приходилось всего один раз в году туда ездить, чтобы помочь урожай увезти. Мешки с яблоками и картофелем таскать к автобусной остановке. Постоянно ездить туда я отказывался. То один текст надо дописать, то другой поправить. И казалось мне, она меня понимает. Творчество прежде всего. А на поверку выходит, она это творчество просто терпела. Нет, раньше, когда гонорары платили, искренне поощряла, а вот последние годы, когда гонораров и след простыл, очевидно, притворялась. Вот живёшь с человеком много лет под одной крышей, а что у него на душе, никогда не узнаешь.

Был здесь в доме писательском ещё один писатель из нашего города, вернее, поэт, никогда поэт прозаика не поймёт. Сочинил он с утра стих — и весь день свободен. Для него такой вопрос: писать или не писать — не стоит. Он здесь ни строчки не сотворил. Играл в казино, да так проигрался, что пришлось домой автостопом возвращаться. Говорит, игра ему нужна, чтобы адреналин в крови заиграл, что без драйва он и строчки порядочной не может сочинить. Позвонил он мне вечером, просил за него долг карточный отдать одному латвийскому историку. Денег у меня не густо, но куда деться, пообещал этот долг вернуть. И ему я эту весть сообщил, что писать бросил. «Ну, вот и правильно решил, — сказал он. — Кто сейчас в наше бурное время толстые книги читает, зачем их писать, только бисер метать перед свиньями. Стихи — другое дело, к стихам ещё интерес остался, их покупают. Видел на полках: в книжных магазинах почти нет поэзии». Не стал я с ним спорить. Пусть так думает. Действительно, нет на полках поэзии, потому что давно уже не берут магазины в продажу стихи. И ещё сказал он мне: «Ты только больше никому не говори, что писать бросил. Оставайся известным писателем, получай гранты и премии, чем плохо». Прав он, ведь сколько моих коллег уже давно ничего не пишут, а в литфондах пасутся и везде убедительно рассказывают, какие они известные, и как их во всём мире читают, и какие им международные премии выдают. Лапшу на уши вешают. Да кому охота с этой лапшой разбираться. Верно подсказал мой поэт: никогда не надо дверью хлопать и стулья ломать. Уходить надо по-английски. Пусть все думают, что я большой роман пишу, только пусть на всякие выступления не зовут. Некогда мне. Я, к примеру, в Таиланд выехал и там пишу, необязательно рассказывать, что поехал я тайский секс познавать.

И после принятого решения так легко на душе у меня стало, ну словно ангел поцеловал меня, так просторно всё вокруг, так чудесно в мыслях и природе. Вечером затопил я камин в писательском доме, уселся напротив, на огонь смотрю мечтательно. Сотрудницы молча мимо ходят, думают: вот вдохновение пришло к русскому писателю, не будем ему мешать. А я дождался, когда они по домам разбредутся, достал припасённую бутылку водки, сделал бутерброды с красной рыбой. И когда пробило двенадцать на больших настенных часах, торжественно сжёг свой писательский билет. Подложил берёзовых чурок в камин, огонь заполыхал сильнее, и сунул я в этот крематорий красную книжицу. Господи, сколько я претерпел, пока её получил, сколько меня мурыжили, какую радость испытал, когда впервые её в руки взял. А теперь вот без всякого сожаления устроил писательское аутодафе. Поначалу не хотела гореть, слишком твёрдый картон, всё обугливалась по краям, а потом как вспыхнула, как завертелась, завилась в трубочку и затрещала. Чёрный кот у ног моих трётся, понятно, что одобряет меня. Налил я себе рюмку, выпил залпом, и так потеплело внутри, да и снаружи тепло. А за окном дождь начался. Ничего не знаю слаще, чем слушать перестуки дождя в тёплой комнате у камина. А теперь вдвойне мне приятнее. Раньше я в такое время, под дождь, сочинять бросался, ночь мог стучать по клавишам. А теперь вот свободен. И задремал я в уютном кресле, согретый внезапно свалившимся на меня счастьем.

А во сне явился ко мне великий пролетарский писатель Максим Горький. Высокий, сутулый, с клюкой, усы обвисшие, и сразу видно, не в настроении. Кашлем заходится, бедолага. Мне от него в жизни, видно, никогда не отвязаться. Живу я на улице Горького, с женой своей познакомился в Москве на улице Горького, первую литературную премию получил Горьковскую, там к ней прилагался бюст его. Этот бюст я в своё время об стенку расколотил, так он мне надоел: стоял на письменном столе и с укором смотрел на меня. И вот теперь ещё и в сон ко мне явился, совсем он меня достал. Сгинь, говорю, нечистая писательская сила, и крестом его осенил. Но не помогло. Он, атеист большевистский, с высоты своего роста посмотрел на меня с прищуром, и слёзы на его глазах появились. «Вот, — сказал, — знаю я, любил ты наш писательский труд, и матушка твоя не зря с малолетства мой роман тебе читала». Удивился я, откуда он это знает, ведь действительно был у нас в доме роман «Жизнь Клима Самгина», не для детского ума чтение, но других книг не было, и вот, когда болел я, а болел я часто, просил мамашу почитать мне. Она была женщина строгих правил и, доходя до отдельных мест, норовила их пропустить, но

я роман знал и тотчас ей замечал, что не сходятся события, что надо всё подряд читать. Она краской заливалась и вынуждена была пропуски читать. Вот такой я был маленький негодяй. И те чтения губительными стали. Во мне ведь именно Горький посеял вирус писательства. И его роман, и его слава...

— Это ты, старик, во всём виноват! — закричал я, сам удивляясь своей смелости. — Куда ни кинешься, везде ты! И пароходы с твоим именем, и города, и библиотеки, и школы, и институты, и улицы. Сам-то небось жил в своё удовольствие, а нас на каторгу обрёк! Соцреализм нам в ноги кинул!

— Ну ты и злопамятный! И обидчивый, словно кот! Кто тебя, дурака, заставлял целыми днями писать? Вся писанина — она от лукавого!

Я рассмеялся, понимаю, что это сон, но какой нелепый сон! Чтобы основатель соцреализма и такие глупости провозглашал!

А он продолжает: да я себе ни в чём не отказывал. Дом всегда гостями полон был и в Москве, и на Капри, и женщины вокруг вертелись, сейчас таких красавиц не встретишь. Две Марии сразу — одна другой краше, одна в театрах блистала, от самого Саввы Морозова её отбил, другая, Мура, птица была высокого полёта, даже Уэллса бестия соблазнила. Никто перед ней устоять не мог. Но краше всех Тимоша, жена моего сынка. И со всеми я не раз в раю бывал. Такие ночи были — как вспомню, так вздрогну! Писательские ночи, сиденье за столом без сна — это для тех писателей, кто жизни не ценит. Вот и ты из таких! Так что иди-ка ты, добрый человек, в люди, а когда семя своё вконец израсходуешь, включай свой компьютер...

Нет, конечно, это не Горький, понимаю я во сне, откуда он мог о компьютерах узнать, да и потом тот, настоящий Горький, который был пролетарским писателем, конечно, творчество превыше всего ставил; когда писал, никто к нему в кабинет зайти не мог, а когда однажды жена без стука дверь отворила, он в неё стулом запустил.

И чёрный кот из нашего писательского дома тоже в сон влез и говорит:

— Саданул стулом, я сам видел!

Заставил я себя сон этот дурацкий прервать. Открыл глаза. В камине угли ещё красные. И на стене фотография Горького в полный рост — и как я раньше не заметил. Ну, точно он такой, каким я его во сне видел. Обиженный на всех и на всё. Ненасытный сочинитель! Ему ли меня учить, сам он на славу купился, убийце подыгрывал, знал, что творится вокруг, и молчал. Одна эта поездка на Беломорканал чего стоит, когда целую бригаду писателей он возглавил, готовую восхвалять палачей и обречённых на мучения узников. Он что же — хочет, чтобы я сейчас отправился по белу свету, развлекался и жизнь вкушал по полной программе, а потом опять за писательский стол сел? Не бывать этому!

Я ведь не сразу решил, что пора писать бросать, я ведь всё основательно взвесил. Если уж брошу — так брошу! Трудно такое даётся, но свобода дороже всего.

Это как с курением, я много лет курил и всё время хотел бросить, и никак не получалось, хотя и клятвы я давал, и пари заключал. Ничего не помогало. Бросал я много раз. В первый раз, когда в армии срочную службу проходил, там деды у нас сигареты отбирали, противно всё это даже вспоминать, сколько унижений претерпел. А однажды попал на дальний пост, где давно уже сигареты кончились, и отдал я свой блок сигарет для общего пользования. И три месяца не курил. А тут посылка от мамаши, и в ней сигареты. Куда денешься. Никто уже у меня тогда не отбирал, сам дедом стал, дни до дембеля считал. Потом подобный же случай приключился в море. Тогда, в советское ещё время, посылали писателей в командировки на рыбацкие суда. Время было нескучное, встречали везде так, что и не приснится. Разные чудеса из рыб приготовляли, были мастера, ну и выпивки полно. А меня послали на малый траулер. А там люди без курева почти два месяца, озверевшие, какая им тут литература. Не знал я об этом, вынул из пачки сигарету, вся команда ко мне сбежалась, говорят, хоть дымом подышим. Всё курево, что со мной было, отдал я им. Зато как они меня слушали, как кричали «Браво!», словно артисту знаменитому. И решил я: больше не закурю.

Назад возвращались с промысла рыбацкого, навстречу нашей плавбазе идёт транспортник, а на нём другой наш писатель, нам на смену, кричит с высокого борта своего: «Тут тебе посылку жена прислала, перебирайся к нам». Транспорт как раз к нам пришвартовался, чтобы топливо у нас взять. Я на сетку и вверх, спрыгнул в объятия коллеги. Пошли к нему в каюту, открыли посылку, а там бутылка «Столичной» и блок сигарет. Выпили за встречу, ну как тут не закурить. И позже много раз пытался я бросить, но всё же опасался, что без дымка сигареты сочинять будет трудно. Уговаривал себя — есть же некурящие писатели, и пишут здорово. Сигарета не помогает, она мозг затуманивает. И долго я себя уговаривал. И сам же эти уговоры отвергал. Вот, убеждал я себя, здоровье подорвёшь своё. И отвечал себе: а что я — дольше других жить хочу? Что это я о себе должен так заботиться, сколько природой заложено в генах, столько и проживу. Или вот ещё довод: слишком дороги сигареты. И ответ: что же я буду на куреве экономить, что же я — и на сигареты не могу заработать? И вот всё-таки решился, бросил окончательно. Прозрение на меня нашло. Вроде теперешнего. Понял я, что курение способно унизить человека. Началось время, когда повсюду стали запрещать курить. И в разных учреждениях приходилось в туалетах таиться. На конференциях во двор выбегать. Так и в ресторанах и кафе

стало. И вот был я зван на день рождения к одному славному адмиралу нашему, который тоже в писателях числился. Снял он зал в престижном ресторане, а там курить нельзя. А выпить и не закурить — весь кайф пропадает. И вот мы стали один за другим на улицу выбегать, а то и вовсе всей компанией у входа в ресторан дымили. Солидные все люди, а как школьники. А тут ещё и дождь заморосил. И в тот раз я твёрдо решил: хватит. Так что тяжело приходит решение, но если приходит оно осознанно, если оно способно жизнь изменить — я не отступлюсь. Если уж курить бросил, то писать брошу — это точно. От вредных привычек надо решительно избавляться...

Я уверен, со временем многие мои коллеги моему примеру последуют. Надоест им эта бодяга. Ведь в наше время написать текст мало, надо искать спонсора или знакомого издателя, надо везде проплачивать, а коли добился издания книги, то гонорара вряд ли добьёшься, или дадут такой мизер, что и говорить о нём не приходится, чаще книгами расплачиваются. Считаешь, говорят, что твой роман гениален, — вот и попробуй его продай. А как продать? Сдавать в магазин — гиблое дело, там такую наценку сделают, что не по карману читателям, торговцы деньги любят из воздуха делать. Ты трудился, писал, не разгибаясь, несколько лет кряду, издатель на риск шёл, деньги выискивал, в типографии верстальщики, переплётчики и прочие мастера за мизерную зарплату своё дело сотворяли. А тут продавец только за то, что книгу с прилавка достанет и в руки покупателю даст, столько же, сколько все трудяги, вместе взятые, поимеет. Приходится суетиться и другие способы продажи книги выискивать. Всё время книги в суме таскаешь. Так что от писательства не только геморрой наживаешь, но и грыжу. Лучше всего на встречах с читателями продавать. Видят они живого писателя, хотят автограф его поиметь, пожалуйста — берите и без всякой наценки. Но часты ли эти встречи? Это раньше писатели считались оракулами, в обществе, где все рты на замке, лишь писатель иногда между строк, в подтексте правду вставлял, и все эту правду выискивали и понимали. А сейчас кому нужна эта правда?! Телеведущие всё расскажут. Они теперь у нас оракулы. Правда, есть ещё писатели, которые и по телевизору мелькают, и считаются очень продвинутыми. Но сколько это сил отнимает, чтобы продвинутым стать.

Есть у меня один друг, фамилию его называть не стану, знаю по давнему опыту, стоит кого-нибудь в свой текст вставить — и пошли обиды, и прощай, дружба. Поэтому я несколько всё изменю, и это будет не он, а, скорее, такой собирательный образ, типичный деятель пера. Роста он небольшого, зато борода у него окладистая, с бородой писатель всегда солидней кажется. Вот соберёт он школьников да библиотекарей и

этак торжественно, оглаживая бороду, о себе вещает. И сколько у него книг, и как эти книги раскупают, и какие гонорары он раньше получал, а главное, расскажет о встречах с известными деятелями. И о том, как эти известные его ценили, как дружбой с ним гордились. И с Солженицыным он был на дружеской ноге, и Ростропович для него играл, и Ахмадулина ему свои стихи читала. И называет он этих великих запросто: Слава да Белка. Только Солженицына Сашкой назвать не решается, понимает: перебор будет. Рассказывает по много раз обо всех этих встречах и каждый раз новый штрих добавляет. Както выпивали в одной писательской компании, так он поведал, как Шаламов у него в доме полгода жил. Посмеялись мы тогда. Нигде и никогда не упоминается о том, что великий мученик к нам в город заезжал. Некому было его поддержать, умер в нищете, в доме для престарелых. Подлавливали моего друга-писателя и на других завиральных фактах. А с него как с гуся вода. Я его както пристыдил, да ещё при других. Он обиделся. Сказал: с тобой, как с женой, в компании ходить не стоит, всё ты про меня знаешь!

Другой мой товарищ, уже в годах вроде и солидный такой, а чтобы как-то себя возвеличить, очень наград и премий возжелал. Просто помешался на бронзулетках. Их сейчас много выдают, всяких наград. Раньше были правительственные награды, не более десятка их было. А теперь любая область, любое предприятие свои награды штампует. А всякие памятные медали — их просто не счесть, к любому юбилею. Надо только вовремя подсуетиться — и вот уже вешай на пиджак очередную награду. Впрочем, никто почти их не нацепляет. А этот мой писатель, когда идёт в администрацию деньги на издание просить или на встречу с читателями, надевает парадный свой китель (он когда-то на флоте служил), и этот китель весь в наградах. Я как-то раз этот китель в руки взял, так с трудом удержал. А тут человек на себе этот китель таскает. Но надо же как-то выделиться. Вот она, доля писательская. Вот она, борьба за признание. На этом ведь тоже наживаются. Помню, приезжал к нам один предприимчивый писатель из Москвы; какой он писатель, не знаю, но делец ловкий. Привёз чемодан орденов на любой вкус. И свидетельство всем показывает, что имеет право писателей награждать, дано оно не кем-нибудь, а президентом гуманитарного международного фонда. На меня он насел — хочешь орден Гёте, последний остался, за шесть кусков уступлю, это же почти даром! Еле я от него отвязался, объяснил, что недостоин, и при чём здесь Гёте, я же на русском языке пишу. Ну и ладно, согласился он, у меня и в Москве такой орден с руками оторвут.

Хотя меня эти страсти не очень заботили, а ведь если начистоту, тоже хотелось признания. Хотелось, чтобы не в пустоту писал,

ведь главная беда — не читают книги, а если и возьмут книгу, то в первую очередь писателя признанного. Но ведь сколько сил на эту кутерьму надо затрачивать, как себя унижать. Теперь я от всего этого избавлен: если я писать перестану, то и забот нет никаких. Надо только для верности с кем-нибудь пари заключить, так договориться, что если я писать начну — с меня тысяча баксов, а если выдержу — то он выкладывает. Вот такой спор затеять можно. Вернусь домой и сразу заключу это пари, хотя бы с тем нашим бородачом.

И выпил я ещё две рюмки водки, на потухающие угли в камине долго смотрел, искорки там маленькие вздрагивали и гасли. И так захотелось мне для полного счастья закурить, просто нестерпимо. Хорошо, что ночь ещё была, магазины не работали, да и дом писательский пуст. И не станешь же будить Сусанну. Я знаю, она покуривает. Постучишь, а она подумает, я к ней приставать буду. Нет уж, с писательницами романы затевать — последнее дело, вместо секса выслушивать их разглагольствования — это не для меня. Пошёл я к себе в комнату, лёг на кровать, не раздеваясь, и заснул сном праведника.

А утром в полудрёме мне разные сюжеты стали блазниться, это как обычно у меня: всё сочинительство в такой полудрёме происходит, надо только не заснуть — и сразу за стол, и записать хотя бы кратко. А тут сюжет — пальчики оближешь. О том, как некто, назовём его К., приехал в свой родной город и случайно узнал, что здесь живёт его взрослая дочь, случай, впрочем, довольно-таки типичный, сколько у нас детей без отцов растёт. И он влюбился в эту дочь, тоже ничего нового, кого сейчас инцестом удивишь. Но оказалось, что она работает в туристическом бюро, в котором подыскивают партнёров для совместных секс-туров, и вот на пароме, везущем туристов в Таиланд, они открывают друг другу душу. У меня иногда так получается: придумаю сюжет и героев, а они потом в реальной жизни оживают, возможно, со мной тоже нечто такое произойдёт. А ведь когда о себе пишешь, всё здорово получается. Но ждать никогда не стоит. Нельзя давать первому запалу исчезнуть. И вскочил я, и бросился к компьютеру, а страницу новую открыть не могу. И тут до меня доходит: это ведь я сам его заблокировал. Ведь я же твёрдо решил не писать. И вот в первое же утро забыл свой запрет. Вот ведь какая навязчивая болезнь эта писанина. Хорошо, что догадался компьютер заблокировать.

Впрочем, зачем мне компьютер? Ведь лучшие свои рассказы я написал от руки. Вот и этот напишу, а вдруг это будет самый гениальный мой рассказ. Вот напишу этот рассказ и брошу писать. Это как с курением получается — бросить легко, и, как говорил американский писатель, я сам много раз бросал. Так что готов пари с любым заключить — обязательно брошу.

Жара и холод

Дети моих друзей заселяют жаркие земли. Им никогда не увидеть первозданность снега. Завораживающая белизна не для их глаз. Жёлтые барханы — застывшие волны пустыни — заменят ли чарующую прохладу января? Яркие крылья тропических бабочек, Бахайские сады и сочные плоды манго — всё это, конечно, прекрасно. Но я не променяю эти красоты на первый пушистый снег. В голодную военную зиму я слизывал снег с руки, он казался мне сладким. Снежные бабы во дворе заменяли чудеса Диснейленда. Лабиринты, прорытые в снегу, были занимательнее компьютерных игр. В них мы прятались, играя в партизан. Мы «убивали» фашистов. Матери вздыхали: растёт безотцовщина. Мы хотели испытать себя, чтобы не струсить потом, в настоящей войне. Самодельные лыжи были самой заветной мечтой. В школе я мчался по лыжне, легко скользил по снегу и потом, в институте на соревнованиях, из последних сил пытался доказать своё первенство. Понять, как живут в странах, где нет снега, почти невозможно. Реки и моря там никогда не замерзают. Есть искусственный лёд, но никогда он не заменит сотворённого природой. Ледоход и ледостав — эти слова из моего далёкого детства не поймут в жарких странах. Их обитатели не видели, как в ледоход искрящиеся на солнце льдины пытаются сковать пространство воды или наползают на быки мостов. Прыжки со льдины на льдину сродни русской рулетке. Можно и не рисковать, а добровольно окунуться в холодную купель и потом растереть себя мохнатым полотенцем. Испытание на выживание. Удивишь ли нас чем-то, если в зимние дни мы с удовольствием едим мороженое, а в крещенские морозы окунаемся в проруби. Всю жизнь мы испытываем себя на прочность. Что хотим мы доказать сами себе? Понятия не имею.

Все мои испытания, казалось мне, позади. Они оживают только в воспоминаниях. Сегодня мне надо затратить неимоверные усилия, чтобы добраться до берега моря, — ноги отказываются слушаться. И вот я стою у кромки прибоя — одинокий странник, почти выживший из ума старик, и вспоминаю о том, как свободно допрыгивал до баскетбольного кольца, как выигрывал на стометровке и прыгал с трамплина на самодельных лыжах. Мысленно повторяю прыжок. Дух замирает. Преодолев свой страх, ты взлетаешь навстречу облакам, ты вытягиваешься, словно парящая птица, и за мгновения наслаждения полётом расплачиваешься падением в сугроб. Это совсем не страшно. За всё надо расплачиваться. Наградою, годами позже, с тобой остаются воспоминания. Ты летал — и не разбился, ты тонул — и не захлебнулся. Ты прыгал с борта корабля в голубую гладь океана. Купание на виду у акул! Ты ловил восходящие потоки на

планере, и видел землю с высоты, и понимал счастливых птиц, летящих над землёй. Ты был без парашюта, им тоже не требовался парашют. Почувствовать под собой бездну — вот что ты хотел. Побороть страх, заложенный в генах годами скитаний, погромов и гонений.

Но разве эти испытания серьёзны? Родись на десять лет раньше, и ты получил бы такой набор смертельных трюков, что вряд ли бы выжил. Сумел бы ты подняться из окопа под шквальным огнём, сумел бы броситься на амбразуру или направить свой горящий самолёт на таран? Никаких гарантий дать не могу. Я был слишком мал, когда фашизм приговорил меня к смерти. Охваченный пламенем эшелон врывается в мои сны. Рвы, наполненные телами детей, — это уже не из моих видений. Палачи любили снимать на плёнку мучения своих жертв. Все эти страхи я ощутил потом, я не понимал всей надвинувшейся на меня и нашу семью катастрофы.

В далёкой Чердыни, на Урале, я радовался выпавшему снегу и скользил по льду реки на санках, сделанных из металлического прута. Мы спаслись здесь от неминуемой смерти. Мы бежали из своего города летом. Нас не пугал мороз. Поначалу нас закалила жара. Было душно и жарко в теплушке, куда набилось человек двадцать. Ещё большую жару создавал горящий вагон. Самолёты с чёрными крестами делали небо опасным. Воды не было. Нечем было погасить огонь, пожирающий вагонные стенки. На стоянках мы устремлялись за водой. В памяти моей — длинные очереди у водоколонок. Никому не известно, когда тронется поезд. Все оглядываются на стоящий под парами паровоз. Он пыхтит и издаёт свист. Он наш спаситель. Пусть бомба попадёт в любой вагон, но только не в паровоз. И пусть пойдёт снег. С тех пор я не люблю жары.

Мои предки слишком долго жили в России, из генов выветрился зной пустыни. А может быть, в крови — предчувствие невыносимого жара крематория и охваченных огнём запертых синагог. Никто не расскажет о том, как сгорают заживо, как задыхаются в дыму. Ещё страшнее гореть в танке, с задраенными люками, словно в скороварке. И если удастся открыть люк и вывалиться наружу огненным факелом, то спасти может только снег. Валяться по нему, стиснув зубы и не позволяя крику вырываться наружу. Снег как спаситель. Зима почти ассоциируется с Победой. В память впечатаны цветные картинки: Наполеон со своей гвардией удирает из России, сани с дрожащими от холода французами. Они закутаны в женские шали. И строчки Пушкина, в детстве ещё не совсем понятные, да и сейчас отвергаемые: «... кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?»

Бог — он ведь тоже похож на Деда Мороза. В тулупе, за спиной

котомка с подарками. В моём детстве мы не мечтали о том, чтобы он принёс в виде подарков игрушки, даже конфеты не были нам нужны, нам очень хотелось, чтобы он принёс хлеб или сухарики.

На далёком Урале, в городе, лишённом картинных галерей и музеев, в морозное утро окна являли самые причудливые и манящие узоры. Серебряная паутина располагалась по какому-то неведомому закону, никогда не повторяясь. Мы вглядывались зачарованно в белые стёкла и дыханием своим старались пробиться сквозь белизну, оттаивали прозрачные кружки. Они тоже становились частью картины, эти маленькие окна в зимний мир заснеженных улиц, занесённых сугробами. В первую очередь надо было расчистить проход к крыльцу. Широкие деревянные лопаты не слушались детских рук. Но мы старались. У меня даже некоторое время хранился мой детский рисунок — маленькие кургузые человечки с большими лопатами, в лохматых ушанках.

Я так любил рисовать. Но не было бумаги, не было карандашей, не было красок. Тех человечков я нарисовал в доме моего товарища, он был сыном местного начальника. Остальные рисунки времён эвакуации не сохранились, потому что я рисовал угольками. И не на бумаге, а на фанере и дровах. Так что моё творчество оперативно предавалось огню.

И всё-таки среди моих бумаг сохранились ещё два рисунка. Один я сотворил в первом классе: чёрные самолёты с крестами пикировали на бегущих людей. В этой толпе были и мы с мамой и сестрой. Рисунок, рождённый памятью о том, как мы выбегали из горящих вагонов и нас старались убить. Этот рисунок мама послала в газету «Пионерская правда» и заставила меня сделать ещё один. Вот он-то и сохранился. Из газеты ответили, что мой рисунок заслуживает внимания, правда, написали, что будет лучше, если я не стану выдумывать то, чего не видел, а стану рисовать школьников и про то, как мы играем. Уж какие тут выдумки, если в голове у меня до сих пор повторяются крики раненых и разрывы бомб! Я не потому бросил рисовать, что меня остановил этот ответ, просто краски было трудно достать, и они были слишком дороги. Написание стихов не требовало таких затрат, в ход шли старые газеты или исписанные уроками тетради. Другой рисунок сотворён позже. Много лет спустя, в дальнем рейсе в море, поражённый красотой океанских закатов, я осмелился взять в руки кисти и краски. И того и другого было в изобилии, так что и море, и небо у меня получились ярко-красные, зато парусник выделялся своим белым цветом — это была незакрашенная часть листа. Может быть, тогда я осознал, как важно оставлять пробелы.

В том рейсе мы остались без запасов воды. Вокруг, насколько видел глаз, простирался водный

простор, а мы страдали от жажды. У нас вышел из строя опреснитель. И тогда наш изобретательный рефмеханик увлёк меня идеей создания опреснителя морской воды. Он предложил очень простой принцип: морскую воду мы замораживали в судовой морозилке, а потом оттаивали и, пользуясь тем, что пресная часть воды тает быстрее, отделяли её от солёной. Так холод и лёд пришли нам на выручку. Тем более что дело было в тропиках, и холодная опреснённая вода стала самым вкусным нашим напитком.

Примерно такое же удовольствие от стакана воды я получал в детстве, когда почти повсюду появились продавцы газированной воды, и мы, выпросив у родителей три копейки, с наслаждением пили сладкую шипучую воду. Тогда ведь мы почти не знали вкуса конфет и сладких пирожных. Стыдно признаться, но я мечтал стать продавцом газированной воды.

Мы с рефмехаником, конечно, могли бы продавать свою холодную воду и обогатиться, но в рейсе такая мысль ни разу не мелькнула. Это сейчас из всего пытаются сделать бизнес, а в тот момент никто не думал о своей личной выгоде. Все мы зависели от вылова рыбы, от движения её косяков. И ещё зависели от захода в иностранный порт, он был нужен не для развлечения, а для того, чтобы получить валюту. Валюта была не настоящая — выдавали боны. Но за эти боны можно было купить заграничные шмотки у нас в городе, в особом магазине «Альбатрос». Как в этих тропических рейсах мы мечтали о снеге и холоде, мы отдали бы все свои боны за один зимний день. А где-нибудь на Чукотке, не исключено, готовы были отдать с десяток соболей за один день в наших тропиках. Но обмен временными поясами ещё не налажен и даже не открыт.

В жаркие тропические дни рубашки истлевали от пота. Мы завидовали тем, кто ушёл ловить путассу к Ирландии или окуня на Джорджес-банку. Это были в основном мурманчане. Мой друг, механик из Мурманска, напротив, считал, что нам повезло и работа в тропиках сродни отдыху на южных курортах.

Я не верил ему, пока в один из рейсов нас не загнали на самый Север, севернее некуда — там, вдали, мы видели сплошные белые поля. В штилевом море ещё можно было тралить, но едва начиналось волнение, волны достигали палубы, и вода почти на лету превращалась в лёд. Лёд заковывал судно в белую броню: мачта, тросы, надстройки — всё было белым, палуба превращалась в каток. Зрелище это не вызывало у нас радости. Объявлялся общий аврал. Мы вооружались ломами, пешнями, скребками, кто чем мог, и долбили, окалывали лёд и сбрасывали его за борт. От того, как скоро мы могли это сделать, зависела наша жизнь. Лёд нарастал на верхней палубе, корабль терял остойчивость и мог опрокинуться вверх килем.

При таком исходе нет надежд на спасательные шлюпки и плотики, нет надежды и на спасательные пояса. В холодной воде человек способен выдержать не более десяти минут. Нам повезло, мы справились со льдом. Один мой соплаватель, седой как лунь, рассказывал, что обледенение застало их в послепраздничный день, народ с похмелья еле двигался. Люди не сумели выйти на окалывание льда, валялись в каютах. И судно сделало оверкиль. Всего пару минут оно было в перевёрнутом состоянии. Очередная волна вздыбила его и поставила на киль. Но за эти пару минут мой соплаватель поседел.

Морские походы — это не только романтика и алые паруса, это и определённая степень риска. Это и вероятность последнего гибельного часа. Этот час подстерегает везде, бывают крушения поездов, падают самолёты, не оставляя никакого шанса всем, кто ещё несколько минут назад наслаждался полётом и смотрел на облака. Корабли гибнут не сразу и не всегда всех увлекают за собой в морскую пучину. Случаи резкого оверкиля редки. Есть таблицы непотопляемости, надо спрямлять крен и дифферент. Корабль должен тонуть, не опрокидываясь, погружаться на ровном киле. Не всегда это выполнимо. Шлюпки тоже не всегда успевают спустить из-за крена. Вся надежда на надувные плотики, но они не все всплывают, а те, которые всплывут, не могут вместить всех успевших броситься в воду с борта тонущего корабля. Надо успеть забраться на плотик, пока холод не сковал тебя.

В проливах затонул большой траулер. Я тогда был в комиссии, искавшей причины этой трагедии. Всё было засекречено. Так полагалось в те годы. Все были нацелены на то, чтобы найти технические недостатки. Тот несчастный корабль только несколько дней назад вышел из родного порта, все понимали — водка кончается после прохождения проливов. Да, не сумели спрямить траулер, и потому оборвались шлюпки. Да, самоустранился капитан, чудом выжившие говорили, что он со словами «всё бывает» ушёл к себе в каюту и заперся там. Мы тогда не знали, что на корабле были секретные грузы и что капитан не имел права давать сигнал SOS. Мы знали одно: не дело судить мёртвых. Их жёны должны были без всяких препятствий получить пособие.

В очередном рейсе я встретился с рефмехаником, который участвовал в спасении тонущих людей, вернее, в вылове их замёрзших тел. Была весна, и вода за бортом была не выше пяти градусов. Тела загружали в просторную корабельную морозилку. У многих, сказал рефмеханик, были перебиты пальцы. Я не сразу понял, что это значило. И когда осознал, накричал на своего товарища. Даже если и так, он не должен был говорить об этом. На него накричал,

а сейчас понимаю: надо смотреть правде в глаза и никого не винить. Два всплывших плотика не могли всех вместить, те, кто успел влезть на них, били по рукам тех, кто пытался спастись. А если бы не били? Плот, перегруженный, всех увлёк бы в пучину. И всё же это не укладывается в голове. Сам погибай, но товарища выручай, — так меня учили. Сейчас уже другое, лагерное, правило пришло в нашу жизнь: умри ты первым, а я последним.

Стихия есть стихия. Никакие страшные рассказы и случаи не смогли меня отвратить от моря, я остался предан ему, и я всегда получаю заряд энергии от этого постоянно меняющего цвет и неугомонного пространства, вздымающего из своих глубин водяные валы. Купелью и могилой одновременно назвал море поэт, погибший в сорок втором, а другой поэт сочинил такие строчки: «Не всё ли равно, — сказал он, — где? Ещё спокойней лежать в воде». Он стал обеспеченным и признанным и был предан земле с большими почестями. Возможно, и хотел бы покоиться в море, но разве допустили бы такой пассаж власти. Он ведь стал их придворным поэтом. Мой друг, литовский поэт, умер в самом расцвете. Он успел завещать, чтобы прах его развеяли над морем. Жене его пришлось преодолеть много чиновничьих барьеров, чтобы исполнить это завещание. Не всё ли равно — где? И всё-таки. Завидую самой великой женщине, встречи с которой подарила мне судьба. Её неумелые стихи рождались из жизни, полной подвигов и страданий. Она ушла на фронт добровольцем, была совсем юной, врачевала, спасала бойцов, потеряла возлюбленного, почти всю родню потеряла — легли в безымянные балки и рвы, уготованные для евреев. Работала до девяноста лет. Была признана и награждена высшими титулами. Была небольшого роста, годы высушили её. Совсем лёгкая. Купалась круглый год. Мне казалось, что ей даже не надо грести руками, — вода и так держит её на плаву. И вдруг я узнал, что она утонула. И я понял: она не утонула, она сама специально вобрала в себя воду.

Есть море, в котором невозможно утонуть, даже если захлебнёшься его солёной водой. Его напрасно называют Мёртвым. Оно теперь излечивает от разных хворей. Люди, вымазанные грязью, добытой со дна моря, похожи на воинственных папуасов. Жаркое солнце делает грязь горячей. Люди ищут прохлады. Тень пальмовых деревьев не спасает. Духота, как в мукомолке на судне.

Стоит пробыть в этом рыбном крематории хотя бы один час, как весь пропитываешься запахом рыбной муки и аммиака. Я обычно снимал робу перед входом в каюту. Но пахла не только роба — всё тело не могло избавиться от едкого запаха. Я не обязан был лезть в мукомолку, но там постоянно что-нибудь ломалось, и машинист звал меня. Мы завидовали глазуровщикам, тем, кто покрывает замороженные брикеты глазурью.

Открытый зев морозилки, сама глазуровочная машина — всё окутано холодным воздухом. Лёгкий парок, словно дыхание на морозе, хочется глотать, раскрыв рот. Но всё хорошо в меру, и когда на перегрузках объявляют аврал, и тебе достаётся место в трюме, через полчаса ты уже начнёшь мёрзнуть и вспоминать жар мукомолки.

А потом, возвращаясь с подвахты из морозного трюма, идёшь по накалённой солнцем палубе и поначалу радуешься. Но когда через подмётки ботинок проникает жара, убыстряешь шаг, чтобы скрыться от солнца в каюте.

Как же соединить жару и холод, как научить себя любить любую погоду?

Есть один верный способ — настоящая парилка. Даже в тропических рейсах мы ждали, как праздника, банных дней. На каждом корабле есть своя баня, её так старательно обустраивают, обряжают, словно невесту. И она отдаёт сторицей. Запах распаренных берёзовых веников возвращает ароматы берега. Вода из ковшика, соприкасаясь с раскалёнными камнями, рождает облако пара. Вытягиваешься на полке и перед хлёсткими ударами проводишь веником вдоль тела. Жар обдаёт тебя. Хорошо, если догадался натянуть на голову шерстяную шапочку, а на руки надел перчатки. Чтоб мозг не закипел и руки не обгорели. Ты таешь, растворяешься, затем пулей выскакиваешь из парилки и ныряешь в самодельный бассейн, организованный в морозильном трюме, — и чувствуешь, что родился заново. На берегу никак не могу повторить это состояние. Вроде и сауна приличная есть у друга-капитана, и травы там у него всякие душистые, и пиво холодное, а вот морозильного трюма с бассейном нет.

Морские приключения давно не для меня. Остаются воспоминания. Чтобы о них писать, не нужны путешествия. Нужно просто выбрать подходящее место обитания. Совершенно ни к чему Таиланд или Эйлат. В жару невозможно творить. Мысли плавятся, не находится нужных слов. Как пишут романы писатели в жарких странах, не представляю! Но и в холод вряд ли что разумное напишешь — дрожащие руки не смогут соединить буквы клавиш в слова. Всё хорошо в меру. И я никогда не променяю свою дождливую Балтику на жаркие тропики, а тем более на морозную сибирскую тайгу. И когда мои земляки жалуются на погоду, я не разделяю их сетований. Просто они не испытали, что такое жара и что такое холод. А если и испытали, то забыли.

Наталия ЕЛИЗАРОВА

«ЭТОТ ДОМ, ЭТОТ МИР – НАШ»

Наталия Михайловна Елизарова родилась в городе Кашире Московской области. Окончила Московскую Академию предпринимательства при правительстве Москвы, Литературный институт имени А.М. Горького. Член Союза писателей Москвы. Автор нескольких поэтических сборников, гимна Ночной Хоккейной Лиги. Печаталась в журналах «Нева», «Юность», «Урал», «День и Ночь», «Зинзивер» и др. Лауреат премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность», Первого международного литературного конкурса «Линия фронта», победитель конкурса «Поэзия в парках», дипломант Первого Тургеневского конкурса «Бежин луг». Стихи переведены на многие языки. Живёт в Москве.

***

Марии Серовой

Холодом дышит город. Ночь.
Ледоход.
Ледяной ветер гонит холодные
глыбы.
Они сберегли пианино
в немыслимый голод-год,
в блокаду не жгли картины,
а вы смогли бы?
Они не отдали дома,
друга-ворога, серый камень
которого уходит по колена
в Неву.
Правда, сожгли Гёте и Шиллера
своими руками,
чего простить не могу,
но понять могу.
И вот на этом стуле с зелёным
войлоком
крутится девочка, долбит-мучает
Генделя.
Её судьба — под аркой этого
дворика,
и уже неизвестно, было ль
всё это
иль ничего и не было...

***

Чтобы кто-нибудь где-нибудь
ждал и смотрел в окно,
И курил, и в озябших пальцах
терзал карандаш.
Если ты — половина моя,
то мы — одно,
Этот берег и луг, этот дом,
этот мир — наш.
Если взгляд ускользает, а руки
опять холодны,
Только холод уже не вне,
он давно внутри,
Быть не целым, а просто
осколками мы вольны,
От войны остались развалины —
посмотри.

***

Я видела чёрную рыбу в лоне
реки,
не ту, которую караулили
рыбаки,
не ту, для которой наживка
есть и добротна снасть,
не словить — не съесть такую,
поплыть — пропасть.
Она шевелила огромным своим
хвостом
и воздух ловила бездонным,
беззвучным ртом,
плыла от людей в виденья свои
и сны,
плыла от студёного лета в пруды
весны.
Плыла от меня в невиданные
края —
туда, где у жителей чёрная
чешуя.

***

И участь не имеет предпочтений.
А. Зарахович

На безрыбье рыба даже ты,
Человек.
Раздуваешь ноздри и плывёшь
карасём.
Сверху сбросят поплавок —
вот и всё!
В вёдрышке потащат на брег.
И захочешь, как на духу…
«Не карась я, слово — плотва».
Чистят рыбу, засучив рукава,
на засолку и на уху.

***

А я её не помню похорон,
я не была — тогда была
в Париже,
но резкий крик кладбищенских
ворон
всё громче, и отчётливей,
и ближе.
Под деревом — ограда и плита,
унылый быт отмеренного после.
Лишь ветру суждено перелистать
весь календарь, на холмик
листья сбросить.
Останутся сухие даты две:
январь, июль. И жизнь —
короткий прочерк.
Вороны-воры прячутся в листве,
и плачет дождь со мною
и хохочет
над нами. Он ведь хлещет
свысока,
промочит человечка и умоет,
останутся — прозрачны — облака
и даты, поминаемые мною.

***

Тело ма-а-аленькое, и маленький
нужен гробик.
Помнишь, ты рисовала ромбик
в первом классе мне, треугольник
и круг.
Не забуду больных твоих рук,
пальцев растрескавшихся,
ложившихся мне на шею.
Столько умею уже! Столько могу!
Лишь не забыть пургу,
окаменевшую в минус тридцать
могилу.
Милая, когда ты махала мне
из окна,
навалившись на подоконник
(не доставая ногами пола),
я верила, в мире есть маленький
пони,
чудный, волшебный пони.
Бегал ли он в твоих снах?

***

Зеркала отражают паутину
ранних морщин,
и взросленье чужих детей,
и триумфы чужих мужчин,
и чужие дали, и выси, и глубину,
и твою вину, только твою вину.
Светлолика поверхность —
амальгама иных широт.
От неё не укроется то,
как кривится рот
и как выглядит будущее,
спрятанное в зрачок,
но заброшен невод, крючок,
сачок,
паутина соткана, на стрёме
стоит ловец.
Так пастух загоняет стадо
своих овец,
так хозяйка зазывает гусей
с пруда,
где растут стеною крапива
и лебеда.
Так прохожий путник
вглядывается в темноту,
так поэт катает слово-голыш
во рту,
так ступает время на больную
твою мозоль.
Отойди от зеркала,
глаза не мозоль!

***

Как ни ложись,
а не продолжить сна...
Рассвет в невымытые окна
хлещет,
а в комнате такая тишина
и по полу разбросанные вещи.
В день наступивший нежность
унося,
где гул и гвалт — не птичий,
человечий —
ты на дорожку всё-таки
присядь,
вдруг этот сон был
правда-правда вещий.
Вдруг сбудется, неверью
вопреки,
нахлынет и врасплох застанет.
И будут взгляды и шаги легки...
Поверить как себя заставить?

Елена КРЮКОВА

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Елена Николаевна Крюкова родилась в Самаре. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького, Московскую государственную консерваторию. Прозаик, поэт, музыкант, искусствовед. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России. Публиковалась в журналах «Нева», «Новый мир», «День и Ночь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Юность», «Москва». Лауреат премии им. М.Цветаевой (2010), Кубка мира по русской поэзии (2012), X *Международного Славянского форума «Золотой Витязь», Международных литературных премий им. И.А. Гончарова (2015), им. А.И.Куприна (2016), им. Э.Хемингуэя (2017), Южно-Уральской литературной премии (2016, 2017), литературной премии им. С.Т.Аксакова (2019), литературной премии «Мыслящий тростник» (2020). Живёт в Нижнем Новгороде.*

ИРКУТСКИЙ РЫНОК

Моему Иркутску
Моему Байкалу
Ушедшим любимым
Живым друзьям

Рынок, гордая стать,
Распрями-ка спину!
Я пришла к тебе — мать —
За куском для сына.

Дым из труб, будто чуб,
Всё по ветру носится.
Душу выдохну из губ —
Сразу заморозится!

Снег искрится мне в лицо,
Ровно сотня ножиков.
Рынка крепкое крыльцо
В каком веке рожено?

Я по рынку пройдусь,
Разольюсь, как вино.
Ни в кого не влюблюсь —
Сердце сожжено давно!

Снег упорный такой —
Насмерть хочет ослепить!
Я стою, гляжу с тоской:
Что мне на обед купить?

Всё на славу, всё путём!
Небосвод высокий.
Я пришла к тебе дитём —
Оботри мне щёки…

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Ты, глазурь-печатка,
пламенем — во мрак!
Я — живой заплаткой:
Время — главный враг.
Тело белое глядится кочергой,
Прошлым бешенством-безумьем —
ни ногой
В эту семечек — в метели —
шелуху,
В те сугробы, что ложатся
под соху,
Под железного мороза
дикий плуг —
Где там жар голиц округ
нежнейших рук!.. —
В те частушки, что на площади
алкаш
Голосит, подачкой солнцу,
баш на баш,
В ту сибиринку, татарский
глаз разрез
На собачью стаю, в тот
мохнатый лес,
Лай кликуший, душу вывернет
носком
Крупновязаным!.. разлука —
в горле ком…
Там Байкал слезою синею течёт!
Там стою я, дни-огни наперечёт,
На брегу, близ изумрудной
Ангары —
В небе-море самолётные костры!
И на рынок там ворвусь
из-за угла —
Зимний гусь, боец, ну что,
твоя взяла!
Выжгло Время мне земную
благодать.
Между всеми — хоть на рынке
порыдать!
Снежный рынок, посреди
тебя стою —
Ты мой храм, паникадилом
жизнь мою
Подпали! Кадилом перечным
зажги!
Задеру башку — а не видать
ни зги:
Синь великая польётся
мне в глаза,
Неболикая, немая бирюза,
Вот, Байкал, едва уйму
чудную дрожь —
Всем посконным небом надо
мной плывёшь!
Ты мой купол!
Я — лишь роспись на тебе:
По солёной штукатурке,
по судьбе!
Я — казармы, я — слезами,
водопад
Криков, шёпотов, прощания
солдат,
Позолота я, и звёзды без числа,
Окна — сотами, медовой
сытью — мгла,
Это пристань, и змеиная волна,
Ну же, выстынь в льдяном
зеркале без дна,
Перламутром, перлом,
помнящим Раскол,
Протопоп да чада — вон,
по льду побрёл…
Ах ты, Время!
В модных латах… всё звенишь!
Я — зерно, а ты — прожорливая
мышь…
Я — куржак, налипла слоем
на стрехе,
Волчьим воем глухо каюсь
во грехе…

Ох, мой рынок! Ангара-моя-вода!
Окунусь — и не восстану никогда
Из смарагдом зеленеющего сна:
Я твоя стремнина, мощная волна!
Как одну толкнул вперед тебя
Отец?!
Как в тайге уснул стрелецкий
голубец…
Голомянки, сиги, омули, ельцы,
Лучезарные ленки́ —
во все концы
Толщи чистой, яркоглазой,
ледяной —
Догонять меня: ах, станет что
со мной…
Погоди, моя девчонка! Погоди!..
Зарядят в ночи старухины дожди,
То ли вдовий, то ль монаший
вденешь плат —
А тобой в дегтярной тьме
огни глядят…

Ох, мой рынок!
Ну, давай, в огнях торгуй!
В небеса швыряй замёрзлых
сливок буй!
Мой буй-тур, алмазный княжич,
снеговей —
Синь-вина плесни в ладони мне,
налей!
Горсть подставлю,
кожу горечью сожгу,
Жадно выпью, захмелею на бегу,
Только выстонать всю правду —
вышел срок! —
Только выбросить дарёный
перстенёк
Во сугробы, только выстыть
на ветру,
Только выкрикнуть: не смейся!
не умру! —

Над заваленным орехами лотком,
Над завязанным отчаянно
мешком —
Нежный омуль там да вяленый
чебак,
Мне, безумке, ты, рыбак, отдай
за так!
Я — все эти оснежённые лотки!
Я — собакам кость из пламенной
руки!
Я — лимоны, мёд, вся золотая
снедь,
Я сверкаю, не даю вам помереть,
Я кормлю собой собак, зверей,
людей
На изломе, на отлёте площадей,
Вот уже я пища ваша, град
и весь,
И себя насущным хлебом дам
вам днесь!

Рынок! Рынок!
Тыквы, чир, окорока!
И черника, и брусника —
на века!
Черемшовый — из бочонка —
терпкий дух…
Бормотанье, как вязанье,
двух старух…
А девчонка пляшет, ягодку жуя…
Не гляди, ведь страшно…
вылитая я…
Ярко-красно с досок ягоды текут
В белизну… да поживи ты пять
минут…
Погляди на кистепёрые платки,
На меха на кочерге святой руки,
На соболий сверк синеющих
снегов —
Я, родные, вот я ваша вся
любовь!

Вот такою вы запомните меня:
Здесь — на рынке зимнем —
языком огня —
Над сияньем репы, клюквы
и капуст —
Над дрожаньем в заревой
улыбке уст —
Время, дай обнять!..
Целуй, метельный враг!..
...я — глазурь-печатка —
пламенем — во мрак.

(инвалидка с рюкзаком)

Ой ты, баба без ноги,
Инвалидушка!
Не шлёт писем из тайги
Сын Никитушка.

Ой, давным-давно пришла
Похороночка,
И без мужа родила
Ты ребёночка...

Боль в отрезанной ноге —
Как железный прут.
А напротив-то, в ларьке,
«Солнцедар» дают...

А морозы всё лютей
В кости вкручиваются...
«Помолюсь-ка за детей —
Пусть не мучаются!..»

ЯНВАРСКИЕ РУНЫ

я наступаю на снег тяжёлой
стопой
а может легчайшей невесомой
как снег
вижу спиною лопатками:
над головой
солнце замедлило дикий
таёжный бег

рынок — огромный зал а люстра
зенит
светом клеймит поджигает
беззубо смеясь
дед над корзиной чебаком
сушёным звенит
валятся серьги златой облепихи
в грязь
я так иду краше павы купчихи
важней
кто-то мне в спину швыряет
крика снежок
баба разложит на синем снегу
омулей
ягоду алую сгребёт в кровавый
стожок
не прикасайся ко мне пока
нежно иду
в воздухе снежном ко смерти
весёлой плыву
я целовалась когда-то ах
на ходу на холоду
переходила вброд позёмковую
траву
как любили и как предавали меня
как подавали меня монетою
в горсть
как посылали руганью злей огня
то ли хозяин а то ли под водку
гость
Рынок сибирский и вольно
птицы летят
вдаль по-над торжищем
сколь я сто́ю теперь
кто бы сказал кто бы нить
отмотал назад
сеть рыбацкую кинул в чёрную
дверь
сколько солнца и сколько
торговок вопят
так зазывают — душа —
наизнанку чулок
не рассказать никому деисусный
мой ряд
не объяснить уж лучше рот
на замок

не вспомянуть а может пора
вспоминать
не помянуть а может рюмку
поднять
молча горько торжественно
исполать
выпить за радость за дней
убитую рать
я иду мимо алмазов на нищих
лотках
я иду мимо лабазов мимо иных
времён
время застылые сливки круги
молока
милой Сибири луны руны племён
лица рынка в меня вихрево летят
крынка валится бьётся
осколки льда
я — лишь костёр
углей пророческий ряд
чин праотеческих войн слепая
слюда
всех бы обнять да времени мало
в обрез
всех бы прижать к сердчишку
заячьему
я старуха метельнее всех невест
в кедровой фате ухожу из света
во тьму
нет Адов аспид на кой ты мне
сдался мрак
вон до небес апсиды и ниши
слепят
звёздный салют вой нежных
слепых волчат
вечная боль
раз иначе нельзя никак
не прикасайся ко мне я уже
стала огнём
это святой мой облепиховый
заиндевелый астрал
видишь на рынке-цирке светло
как днём
а это ночь — плавником —
ельцовый коралл
мглою — багульник
лицо заливают огни
слёзно сиянье время гуди трубой
дай мне оплакать еловые ночи
и дни
дай порыдать над колючим
хвойным тобой
шаг замедляю куда я теперь
смотрю
солнце в лицо мороз о где
я теперь стою́
солнцем пла́чу
луной целу́ю зарю
временем гасну у рынка
на соболином краю

(скрипач бежит, весь замёрз)

Вон в треухе скрипач —
Скачет, как ужалили.
Ну, на скрипочке поплачь —
Небо как в Италии!
Стало песней давно
Твоё поколение.
Сквозь метельное рядно
Небо — как в Туркмении!
Валидол ледяной.
Спать идёшь на цыпочках
Не с зазнобой, не с женой —
С сиротливой скрипочкой…
Что ты нос вороти́шь —
Цены, что ли, жалятся?
Здесь тебе не Париж —
Некому здесь жалиться!..

НИКТО И НИКОГДА

ах ну вот ты красотка лицом
да к лицу
рожа в рожу гляди луноликая
Смерть
ты на рынке меня наряжала
к венцу
ты сажала меня во медвежию
клеть

ты вопила:
живая ну сгинь-пропади
копья музыки гиблой швыряла
мне в грудь
я руками раздвинув снега
и дожди
сквозь тебя пролагала пуржистый
мой путь
ну таращься мордаху свою
приближай
щёки в белой муке красный жир
на губах
ты так рядом стояла
твой крик: помирай!
что ж не падаешь! —
снегом застыл в волосах
ты хрипела: скорей ты иссохни
змея
до надсада: давай отдавай же
концы
я тебя изничтожу ты будешь моя
как все толпы народы купцы
подлецы
а весь рынок глядит
а весь рынок визжит
наблюдает меня и её: кто кого
точат в рыбном ряду заревые
ножи
а в платьёвом — трясут выхваляя
шитво
ах ты Смертушка сколь я видала
тебя
сколь увижу ещё где же ярость
и страх
ты жалейка моя ты калека-судьба
я ребёнком держала тебя
на руках
помирала я в родах
тонула в морях
и на рельсах валялась а поезд —
в накат
о таком не засохнуть
в крови-письменах
о таком и в последней молитве
молчат
заслоняет лицо твоё ржавой
луной —
круглы санки-ледянки —
мои небеса
снега визг под ногой
под повозкой стальной
крик истошный: осталось всего
полчаса!
наплевать! словно глаз приоткрыт
красный рот
я гляжу в него зубы блестят как
белки
ты шарахнешься Смерть
и пройду я вперёд
ощутив тебя на расстоянье руки
я пройду напролёт
сквозь тебя я пройду
я авоську лимонов и мёда куплю
обернусь засмеюсь на крутом
холоду
я тебя ненавижу Смертяка люблю
я смертельно люблю твой
незнамый приход
я зрачками ловлю голубиный
твой лёт
рынок видишь:
две бабы и зеркалом — лёд
рынок слышишь:
никто никогда не умрёт

ЛОДКА

Я лодкой смолёной переплыла
Селенгу ли ах Ангару
Мерцала бутыль на краю стола
Металась простынь в жару
Убийцу голубила
С ведьмой пила
Молила зверям — костей
Баранья доха мне была мала
И мал пирог для гостей

А как я стариться зачала
Пьянчужка-плотник забрёл
И лодку сладил и два весла
Из духа что бос и гол
Из жёстких плеч из дощатых ног
Плачь горностай колонок
И стала я лодкой и бедный Бог
Рыбалил во мне одинок
Я только лодка под звёздами я
Венера Вега Денеб
Волна — не вода а ветхость белья
Ветхозаветный снег
Шаман танцует и в бубен бьёт
Каменным кулаком
Я только лодка взрезаю лёд
И в крохи крошу бортом
Топаз Мицара Алькора жесть
Сириус — в борозде
Я лодка я у реки ещё есть
Пустая а люди где
Садись народ не пускай слезу
Молись замерзнём пускай
Терпи народ я перевезу
Тебя за полярный край
За тракт безлюдный где плачет
волк
Моими слезами друг
Где ляжет мир мой боярский
шёлк
В окрестье тяжёлых рук
И кинут весла
Таймень на дне
Застыл то ли жив то ль нет
Мороз я лодка забудь обо мне
Я просто дощатый свет
Я просто везучий шалый ковчег
Везу вас во времена
Где валит серебряный Божий
снег
Где вмёрзну я в лёд
Одна

(мать с ребёночком)

Бабье тесто всходит тяжко —
Опадает в миг один.
Не изношена рубашка
Со годин моих родин!

Несу тя на локоточке,
Доченька рожоная.
Ох, опять бессонна ночка,
Глоточка лужёная!..

Ты прижмись ко мне тесней
Пальтецом немарким.
Вот пройдёт немного дней —
Глянешь краше мамки.

Вот куплю тебе игрушку
За копейку да за двушку,
А внутри гром и хруст —
Аж гремит на весь Иркутск!

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ

голые люди дрожат умирают
от счастья лепечут
псалом что не услышит никто
никогда
голые люди горят голые свечи
рушатся как под бомбёжкою
города
голый твой поцелуй руки закинь
за шею ему
солнцем смеётся рот вот лодка
ночная а вот весло
ведь всё равно сгаснет голый свет
все уйдут во тьму
а вы взлететь в небеса успейте
крыло и крыло

голые люди уже летят и земля
под ними
тоже летит принакрыта
скомканной белой парчой
голые люди впотьмах повторяют
имя и имя
видят над койкой старого
зеркала срез косой
тихо косятся туда ищут своё
отраженье
красный костёр а вокруг синий
бессмертный лёд
тихо шепчут голые губы
не делай движений
помни никто никогда не умрёт

жарко как в преисподней
а может в Эдеме
крепче стиснет плоть
на прощанье душа
голые люди над миром летят
надо всеми
кто им нищим подаст хоть бы
тень гроша
кто над ними голыми ржёт
во всю глотку
над беззащитными — творит
беспощадный глум
кто на них снизу глядит как
на днище лодки
сквозь посмертную толщу
через родильный шум

жарко чувствуй водой землёй
облаками как жарко
жадно его нагого нагая сильней
сожми
жалко до горя стыдно до боли
жалко
через зверьи века оставаться
людьми
голыми пламенами на железной
кровати
голой памятью-позолотой плита
гранитно чиста
голые люди всё длят и длят
объятье
голый Господь слёзно глядит
на них со Креста

НОЧЬ МОЯ

Ах, рынок мой, звёзды крупные…
Ночной, и брожу меж ларей я…
Меж ящиками и ступами…
здесь лошадь стояла каряя…
К телеге старой привязана,
сама шаталась от старости…
Ах, рынок, алмазами-стразами
пронзаешь мои усталости…
Вот время моё могучее,
слепящее, краснозвёздное —
Лежит на прилавке тучею,
дрожит — рыданье бесслёзное…
Лежит на прилавке омулем
мертвяцким… о, рыба снулая…
Лежит вверх еловым комлем…
увялая ночь, минулая…
Дары земли прибайкальския!..
дары земли забайкальския…
Кругами — сливки слюдянские…
гранаты вон чужедальские…
Так вижу всё ясно, пламенно —
сама уж почти гранитная…
Ах, рёбра мои твердокаменные…
а кровь — хлобыщет, открытая…
В словах этих, ах, словечушках,
им жизнь посвятила отважную —
Не подлую, о, не злобную,
не хитрую, не продажную…

А там — в небеси — гудящая
симфония самолётная…
А время летит, настоящее,
бесценное и бесплотное…
А голову задираю я:
прощай, дорога неблизкая!..
Бреду по ночному Раю я —
возлюбленному, сибирскому…
Мы пели и воевали мы.
Клялися вождём и знаменем.
За сгибших — все доживали мы!
За мёртвых — горели пламенем!
На грудь нам и звёзды вешали!
Медали — наградой честною!
Герои глядели весело —
шальные и неизвестные…
Не мнили о знаменитости.
Не ведали о бессмертии.
Не клянчили царской милости.
Не слали яды в конверте.
Когда голодали — смеялися:
жить будем завтра, как соколы,
Привольно, гордо и счастливо:
под Красной Звездой высокою!..
И что?.. Ах, ответь мне, рынок
мой, Иркутское моё Торжище,
Куда всё исчезло, схлынуло…
куда убежало толпами…
Все дети уж седовласые.
Друзья все — в тумане, заберегом
Парят, босые, несчастные,
все — Ангелы в звёздной замети…
А я?.. Всё иду, ступаю всё
по снегу жёсткому в катанках:
Следы любови и памяти!..
следы, на судьбе распятые…
Вот здесь покупала хайрюза…
пирог на свадебку с рыбою…
А здесь черемша, что бирюза,
навалена мёрзлой глыбою…
А здесь… а вот тут… Забвение!
Забыть — благодать великая.
Чтоб кончилось слёз струение.
А боль истаяла ликами —
Златыми, родными, ясными,
в январский мрак уходящими,
И страшными, и прекрасными,
живыми и настоящими,
В ночи меня обступающими
подлунными хороводами,
Грехи все мои прощающими,
а смерть повернувши родами,
И чтобы руки раскинула,
и всех обняла во времени,
В ночи этой, ах, за могилою,
за светом чуть выше темени…

МЕЖДУ МИРОМ И МИРОМ

Ожидание жизни — не есть
жизнь.
Жизнь — ведь это когда совсем
не ждёшь,
А случается. Если порвёшь,
а сшить
Не получится.
Только бесснежьем — дрожь.
Я иду вдоль рынка.
Ах, мне бы тут
Постоять… поторговать…
покричать,
Посудачить… узреть, за сколько
минут
Колотун поставит на сердце
печать.
Я не шла, а царапалась, билась,
ползла,
Больно падала, ломких колен
костыли,
Деревяшки локтей, на краю
стола —
Эта миска железная, соль земли.

Эта миска пустая, хлеб съеден
весь,
Солнце всходит-заходит,
в тюрьме темно,
Ах, Сибирюшка, рыбья, родная
взвесь,
Беловьюжное злое веретено!
Ну давай, народ, осуди меня!
Мало выла! Плохо любила!
И крик
Не рожала — на берегу огня!
Наизусть не твердила твой
патерик!
Ну, давайте! Суйте свои кулаки
Под ребро и в грудь!
Я-то — как-нибудь!
Я зелёный плёс золотой реки,
Я раскольный полоз, чащобный
путь!
Зри, мой рынок!
Я нынче жаркий товар:
На торги, напоказ, наружу краса!
Изо рта на морозе —
лошадный пар,
А вокруг — дымы, фонари,
голоса!
Я сама дошла до позор-столба.
До тяжёлых, в обхват запястья,
цепей.
Такова на рынке моя судьба:
Эй, кто больше?!
Испей — и стакан разбей!
Не так шла! В гулянках плясала
не так!
Не таковских детей на свет
родила!
А поёт — отменно! Купи за пятак!
Распотешься! А после — сожги
дотла!
Еретица! Чужачка! Старая кость!
Зимней столпницей гаснешь!
Да ты не дашь
За неё — хоть грош!
О, скелетный мост
Между миром и миром,
и баш на баш!
Ну же, рынок! Спаси её!
Заплати!
Нету мусорных денег давно,
бедняк.
Бесполезную медь ты зажми
в горсти.
Из кармана — ворох гнилых
бумаг.
…ветер рвёт мне подол.
Мой поезд ушёл.
Гомон бойкой торговли залепит
слух.
Лютый снег — силками:
последний шов
Между жизнью и жизнью,
меж крыльев двух.

ЭШЕЛОН

О, мы верили так свято
в лучезарную Звезду!
А теперь она — заклята:
красным чудищем в бреду.

Змеевласою Горгоной…
пятипалым топором…
…из теплушки, из вагона —
песня: брат! стакан нальём!

Мы с войны катим́! Стакашек
опрокинь… бутылка — вот…
И вернемся, и попляшем,
всё как водится, народ.

И помянем, и заплачем —
всё как надо, всё путём.
Вон боец вопит незрячий —
с виду сам дитё дитём.

Курит вон солдат безрукий.
И трясётся эшелон!
…перегоны, перестуки.
Плач и хохот, тихий звон.

О, мы верили так свято:
мир навеки, да, навек!
Вот — за всё пришла расплата.
Кровь струится из-под век.

Так течёт святое миро.
По скуле да по губам.
Этого Святого Міра —
я за царство не отдам!

Так мы жизни отдавали,
люди добрые, за жизнь.
Так орудья обнимали —
ну, проклятый враг, держись!

Мы — держались…
мы — сражались…
жили век и жили час…
Мы в небытие срывались —
хоронили мёртвых нас.

А теперь об этом — песню!
Пусть забудут все слова!
В этой музыке — воскреснем!
Эта музыка — жива!

Это крик и хрип завода.
Это вопли всех атак.
Это плач и стон народа, яркий
смех наш, алый флаг!

Из времён над ним — глумитесь!
Издевайтесь — издаля!
…заплетает травы-нити
измождённая земля.

Заплетает снега косы.
Прижимает лёд к устам.
Заплетает в нитку слёзы —
то силки на саван нам.

В эту песню, в той теплушке,
заплетает голоса —
А не хочешь, и не слушай,
черно-бурая лиса!

Мы не звери. Мы лишь люди.
Возвращаемся с войны.
Мы во вьюге да в остуде
будем видеть злые сны.

Будем видеть гибель наших
красных звёзд… в бою — друзей…
Воздыми повыше чашу!
Брат, полней стакан налей!

Выпьем, брат, и всех помянем —
всех живых, кто пал в бою —
На юру и на шихане,
на обрыве, на краю,

Утонул в чужом болоте,
сгас от голода в лесах,
Кто в таране сгиб, в полёте,
в передсмертных небесах!

Запевай ты, мой родимый!
Запевай, отец и дед!
Мой святой народ, любимый!
Запевай, ведь смерти нет!

Для тебя ведь нету смерти —
потому ты победил!
…заплетает круговертью ветер —
горицвет могил.

Только мимо, мимо, мимо
пролетает эшелон —
Мимо плачущих любимых,
мимо храма, что спалён,

Мимо бедных и богатых,
мимо правды, мимо лжи —
Мимо всех, навек распятых, —
детям боль их расскажи!

Да не видят… да не слышат…
мимо, мимо мчит вагон…
Пьют солдаты, жадно дышат,
озирают небосклон

И не знают, что там будет
в череде иных веков:
Всё такие ж войны, люди,
час прошёл — и был таков,

Только знают: вот — Победа!
Вот — врага согнули мы!
…выпьем, брат. Идёт по следу
ветер — знаменем зимы.

Я незримая. Не видишь,
брат, прозрачную меня.
Плачу. Пью. Ты не обидишь
память воли, знамя дня.

И стучат, стучат колёса,
бесконечно пьём и пьём,
До седой травы откоса,
до прощания вдвоём,

До сияющего Града,
как его, Ерусалим…
До небесной той ограды,
где крылатый тает дым.

НЕОПАЛИМАЯ

Я качусь по рынку, снег визжит
и орёт, я безумней всех!
Запускаю руку-рыбу в корзинку,
ворую чесночный плач,
сладкий смех,
Смахиваю на утоптанный снег
незрячий
кедровую шишку с лотка —
Круглей затылка ребячьего,
тяжелей бандитского кулака.
Я качусь по рынку клубком,
котёнком, а сколько мне лет,
Скалюсь бродячей девчонкой,
дома не было отродяся и нет,
Зубы кажу собачонкой
приблудной,
и в бок пинают меня,
Хохочу, свищу птичкою
неподсудной:
дочирикать бы до Судного дня!
А ну его, Судный день,
к лешему! Время о́но!
Порхать-то долго зачем!
Качусь с прилавка горьким
лимоном, золотою дулей вам всем!
Рассыплюсь черемшою полынной
В виду богачей и святых,
отрепья и подлецов,
Бросайте мне в крылатую спину
Картохи, булыжники, жестяных
сушёных ельцов!
Швыряйте под ноги мои гранаты,
а коль повезёт, и в грудь,
Цельте базуки проклятые,
назад мне не повернуть,
Кидайте в лицо мне Смерть!..

Ах ты, Смертушка
между людьми!
Выбери не её, не его, а валяй
нынче меня обними!
Что у тебя там — пламя,
подлянка, мгла, пуля, петля,
А может, волчица, войну
за пазухой припасла,
и кровью плачет земля,
А может, больно обнимешь,
хайрюзовой сверкнёшь блесной
И воздух легко отнимешь,
расколешь орех костяной?!
И бросишь в топку: я уголь!
Мгновенно вспыхнет закат!
А вышепчут: кто-то умер…
не обернутся назад…

Качусь, влекусь, спотыкаюсь,
тошно, в снегу ладони тяну:
Подайте, граждане торжники,
ягодку лишь одну!
Замёрзлую облепиху, ах,
лихо-лихолетье… забудь…
Смолою, орехом, жмыхом
на губах — ледяной твой путь.
Грызи, обливай слезами,
вкушай, по любви скорбя,
Гляди народа глазами
на самоё себя!
На лица — вихрем кружа́тся,
румяный калейдоскоп!
Узоры жадные, жаркие мелькнут,
не упомнить чтоб!
А мне кричат: брысь, девчонка!
Похлёбкой брызнь из судка!
Я жальче слепого котёнка,
Ничтожней слепого щенка…

И вдруг воздымусь с жёсткого
снега в иероглифах скорлупы.
Я больше неба, громадней века,
вместилище всякой судьбы.
Живей намалёванных ликов!
Времён великих страшней!
Лапотком перехожей калики
горю до скончанья дней!
Я рупор, я визг истошный —
услышать и не успеть.
Ору, блажу невозможно,
немыслимо: нет тебя, Смерть!
Нет воли тебе, Старуха!
Всё вкусно и вечно так…
Опричь и зренья, и слуха
на шее твоей стисну кулак!
Стою средь рыка и рынка,
пылаю грозно, одна,
Нешвенный хитон, разбитая
крынка, Неопалимая Купина,
А глотка моя свободна
для вопля среди людей,
А сердце моё голодное —
бери, народ, и владей,
Хватай, вырывай из рёбер
и крепко к лицу прижимай,
Народ мой, да ты же добрый,
где ж ненависти пёсий лай,
Народ мой, военный столпник,
молельщик, терпельщик ты,
Твои я — во граде стольном —
Кремли, казармы, кресты!
Твоя — в веночках бумажных —
на сельских погостах — боль!
Твоя санитарка отважная —
на рану вьюжная соль…
Я все ночные поминки,
расколотые образа,
Я песню пою на рынке такую,
что петь — нельзя!
Я вся партитура рода!
Хор славы на холоду!
Я знаю — в огне нету брода,
плевать, перейду по льду
Реку мою малахитовую,
зелёную Ангару!

Так — радость моя открытая!
Так — волосы на ветру!
Звучу тысячегласо в морозы,
сияю, ягода-Марс,
Я целого мира слёзы:
всё льются, льются по нас.

(парочка)

— Люблю тя уж десять дней,
Моя иркутяночка!
Слёз девичьих солоней
Килечная баночка.

Мы с тобой её откроем
Да закусим на ветру:
От него тебя укрою,
А без шубы — не помру…

— Ай ты, парень родной,
Зубочки жемчужные!..
Ты ж намучисся со мной —
Я ж така недужная!..

Я во пятницу болею,
В понедельник кашляю —
Я сама себя лелею,
За собой ухаживаю!..

(торговка молоком)

Молока круги застыли —
С маслом спутать запросто.
А в ошмётках снежной пыли —
Торговка глазастая:

— Эх, автобус уйдёт
Да до родного Култука!
Налетай, народ,
Чтоб не быть без молока!

Молоко жирное
Всё застыло слитками.
Время нынче мирное —
Угощайтесь сливками!

К ветру повернусь спиной
В ватнике отцовом —
Ватник пахнет махрой,
Пулею свинцовой…

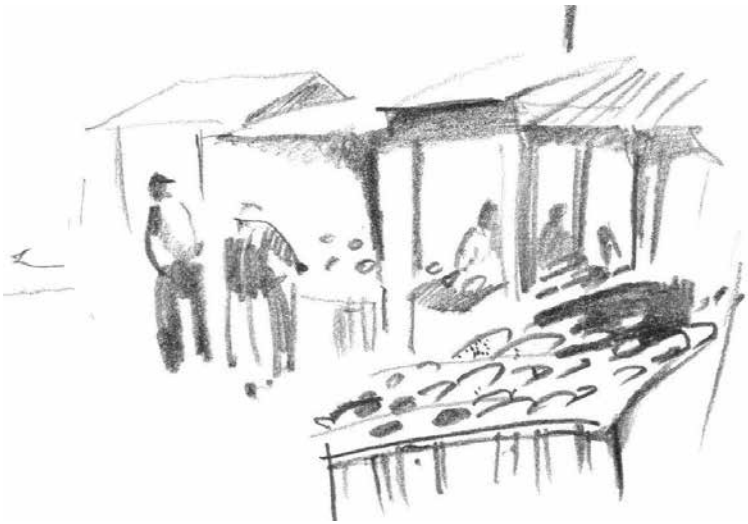
А домой как приду,
Подсчитаю выручку, —
Плачу, словно в бреду:
Против сердца дырочка…

Жизнь моя, жизнь моя,
Сибирская сторонушка!
Вся осталась семья —
Рыжая коровушка…

ХОД ЗИМНИХ ЗВЁЗД

Звёзды гордо плывут.
Звёзды печью горят.
Звёзды молча кричат —
Не прожечь времена, не утонет
блесна, не вернёшься назад.
Я на рынке стою у седого лотка.
Я сегодня куплю
Всю сладчайшую жизнь, всю
солёную смерть, паруса кораблю.
Этот рынок ночной.
Что же стало со мной?
Что забыла тут ты —
Умирающий мех, исчезающий
смех, луч погибшей звезды?
Эта красная жизнь. Помидор
и гранат. Эта смерть на миру.
Звёзды кругом идут. Звёзды
цугом горят. Я теперь не умру.

Я ещё не умру. Не сегодня-сейчас.
Не в нигде-никогда.
Ещё праздник сверкает безумием
глаз, и стоят города.
Я на рынке стою, я дарю жизнь
мою, задарма вам отдам —
Это звёзды текут, вперерез
бытию, по дрожащим губам.
Сердце — зверем — в руке.
Я стою, как в тайге.
Звёзды медно звенят.
Люди, люди, простите!
Иду налегке.
Как солдат на парад.
Сколько я погибала. Сколь пуль
получала и в спину, и в грудь.
А потом — в небесах — начинала
сначала отверженный путь.
Рыба, птица и лось! Мне любить
довелось всё людьё и зверьё.
Виснет звёздная гроздь. Вылетает
насквозь всё дыханье моё.
Лебединый Денеб. Соболиный
Эреб. Золотой Альтаир.
Небо, лютый мороз,
чернопламенный хлеб,
свет изношен до дыр.
Рынок. Гордая ночь.
Больше плакать невмочь.
Песню вечную пой.
Моя жизнь, моя смерть, я лишь
блудная дочь под великой звездой.



ОТЧАЯННЫЙ, ДЕРЗКИЙ МИР В КНИГЕ ЕЛЕНЫ КРЮКОВОЙ «ИРКУТСКИЙ РЫНОК»

Книга Елены Крюковой «Иркутский рынок» издана в Екатеринбурге в 2020 году. Она составлена из весьма оригинальных поэтических произведений, в которых поэтесса представляет ярко, образно своё сегодняшнее видение мира «здесь и сейчас». В книге в большую композицию собраны стихотворения, частушки, песни, поэмы, поэтические фрески.

Рынок в многоплановой книге — это не только место, где горожане могут купить товары на любой вкус, но и более масштабная реальность: огромный сибирский город с торжествующим разнообразием современной жизни. Книга открывается стихотворением «Иркутский рынок», в котором писательница высказывает жизненную позицию: она призывает жителей Иркутска гордо выпрямить спины, увидеть вечное в движениях человеческих душ, помнить российскую историю, возлюбить не только людей, но и суровые северные стихии.

Дым из труб, будто чуб,
Всё по ветру носится.
Душу выдохну из губ —
Сразу заморозится!

Баллада «Зимнее солнце» представляет читателям опасные северные стихии более подробно. Здесь мы видим и зимние метели, и железный мороз, и своеволие народа на площади как стихию, и собачью стаю — звонкоголосый мохнатый лес. Изумрудная Ангара перед поэтом сияет днями-огнями, Байкал течёт синею слезой, плывёт небом, Время выжигает благодать, и всё в целом образует вокруг Елены такой стремительный хоровод, который невозможно забыть. Автор-волна несёт в мир звёзды без числа, прощания солдат, воспоминания о Расколе, Время в латах, своё раскаяние в совершённых грехах. В финале баллады автор видит себя в пляшущей девчонке, что обещает новый всплеск творческого вдохновения, хотя и прежние силы далеко не иссякли.

А девчонка пляшет, ягодку жуя...
Не гляди, ведь страшно... вылитая я...
Ярко-красно с досок ягоды текут
В белизну... да поживи ты пять минут...

Погляди на кистепёрые платки,
На меха на кочерге святой руки,
На соболий сверк синеющих снегов —
Я, родные, вот я ваша вся любовь!

Поэтесса не скрывает, что желает поразить читателей новыми неожиданными образами. Елена Крюкова старается соотнести свои чувства с ночными видениями из сказок и небанальной реальности.

баба разложит на синем снегу омулей
ягоду алую сгребёт в кровавый стожок
не прикасайся ко мне пока нежно иду
в воздухе снежном ко смерти весёлой плыву…

Стихотворение, посвящённое скрипачу, называется «Скрипач бежит, весь замёрз». Метель, мороз, ледяной валидол… Вместо жены у музыканта только скрипочка. Он продрог, спешит в тепло дома, но кто его там ждёт? Автор даёт возможность читателям фантазировать.

Что ты нос воротúшь —
Цены, что ли, жалятся?
Здесь тебе не Париж —
Некому здесь жалиться!..

В стихотворении «Никто и никогда» поэтесса смело ведёт разговор со смертью.

Смерть здесь луноликая; она красотка. Стихия смерти активна, сама может наряжать женщину к венцу, сажать человека в медвежью клеть, ранить даже тем, чем ранить почти невозможно, — музыкой. Поэтесса идёт сквозь пургу, которая символизирует смерть, но этот путь не скорбный, он отчаянный и дерзкий.

а весь рынок глядит
а весь рынок визжит
наблюдает меня и её: кто кого
точат в рыбном ряду заревые ножи
а в платьёвом — трясут выхваляя шитво
ах ты Смертушка сколь я видала тебя
сколь увижу ещё где же ярость и страх…

Поэтическая фреска «Одинокая царица» о философском осмыслении жизни начинается, как эпическое произведение.

это просто Сибирь она царская мне землица
этот княжий рынок задиристый хвост павлиний…

Природа Сибири увидена автором царскими хоромами, по которым можно идти так долго, что на этом пути встретятся даже зелена́-Ангара, дары Байкала, вокзал со старухами в волчьих шубах, народ как неделимая общность людей, тысячи рынков, вся родная земля, космос… и более прозаические вещи, которые тоже нужны человеку: облепиха, грибы, щи, каша… Поэтесса предстаёт здесь в виде ситного хлеба, разломленного на куски и символизирующего вечность высокого искусства.

Поэма «Обнимаю» посвящена тёплым чувствам, отношениям влюблённых людей. Неважно, что смогут увидеть влюблённые на своём столе, какую еду, если главное в их жизни — взаимная любовь. Мужчина и женщина смотрят друг на друга, они дома. Мимо окна пролетают птичьи ангелы, исчезают, но в доме влюблённой пары остаётся святая икона, перед которой длятся объятия, забываются плач, соседи и быт. Вместо них появляются Ад и Рай, Жизнь и Поцелуй.

и теперь гвозди так забивает
в домовину страшней огня
я кричу себе: я-то живая!
и не верю здесь нет меня
а я там в сибирской халупе
на столе огарок свечи
и на губы мои твои губы
налегают: молчи молчи

Песня «Мать с ребёночком» может быть легко положена на музыку, что, вероятно, и произойдёт. Четыре катрена о женской доле, о любимой доченьке и о желании побаловать ребёнка.

Ты прижмись ко мне тесней
Пальтецом немарким.
Вот пройдёт немного дней —
Глянешь краше мамки!..

Современная баллада «Шаманка» насыщена новыми поэтическими образами и неожиданными интонациями. Сибирь предстаёт здесь во всей своей искрящейся красе.

Моя Сибирь! Лукавица моя,
Куница, зимний сверк искристой холки!
Швея... на жадной кромке бытия —
Шьёшь лоскуты земли ангарскою иголкой...

Обращение писательницы к Сибири наполнено сильнейшим чувством причастности к жизни Байкала, к жизни деревень, заснеженных лесов, царственной зимы, к жизни созвездий, к истории края. Шаманка — это сама Сибирь, медведица, зверица со своим особенным языком, который открывается не каждому.

Стихотворение «Возлюбленные» — рассуждения Елены Крюковой о ночи любви. Практически любовь здесь — торжественное действо, полёт над землёй, над белой парчой. Слова, которые сопровождают любовь, важнее важного — это любимые имена, повторяемые вновь и вновь.

голыми пламенами на железной кровати
голой памятью-позолотой плита гранитно чиста
голые люди всё длят и длят объятье
голый Господь слёзно глядит на них с Креста

Частушки «Пилот покупает ягоды» обязательно понравятся всем без исключения читателям. Сценка на рынке полна очаровательных подробностей. Кажется, что игривый (и внезапно — драматический!) тон поэтессы согревает в зимний мороз героев частушек до того, что их встреча может длиться бесконечно.

Крепко зубы я сцепил,
Делал, как учили...
Вот тогда и полюбил —
Ток по мне включили!..

Всех любил я людей —
Скопом, не по чину —
Всё лютей и лютей,
Пока сажал машину...

Поэтические образы следующих стихотворений книги — это путь лирического героя по шумному народному рынку, полный живых трагических историй эшелон с солдатами, внучка декабристки в первую мировую войну (а за ней из времени катит и вторая), — судьба женщины, которая должна осмыслить смерть царя, уход близких, плен мужа — красного офицера, ссылку деда...

Ты в первую мировую —
Медсестрой под выстрелы.
Во вторую мировую —
Лук в столовых чистила…

Поэтическая картина «Ночная музыка» написана фантастическими красками, которые не встретишь в реальности. Здесь мы видим чёрный снег, красный снег, осыпь стран, взрывы городов, человека-причастие, любовь-предмет (её, как голограмму прошлого, можно рассмотреть со всех сторон, только уже нельзя прижать к груди), алмазный перрон, страшные звёзды, бег по земле миллионов людей.

Под сенью ангельских крыл полуночных
В безмолвие — топ да топ,
Пока голубице-себе, непорочной,
не крикнешь: ну хватит, стоп!

Поэма «Хождение по водам» посвящена библейскому сюжету, одному из чудес Христа, которое описано в трёх Евангелиях. Елена Крюкова видит Христа на Байкале зимой. Берег изумрудного Байкала представляется Христу крутым, но единственно желанным. Чудо хождения по воде оказывается замеченным людьми, вызывает всеобщий восторг, оно совершается во славу бессмертной души человека.

Так на вселенском холоду, в виду угрюмых скал,
Я твёрдо верил, что пройду, и шёл, и ликовал!

И кедр, как бы митрополит сверкающий, гудел!..

И рёк Андрей: — Спаситель спит.
О, тише, тише… Пусть поспит…
Он сделал, что хотел.

В стихотворении «Любимый» Елена Крюкова философски осмысливает отношения с любимым человеком, которые полны противоречий, но при этом остаются отношениями двух преданных людей.

А потом тебя под локоть брала,
Ты ведь был такой мой!
И такая — твоя! Жги, таймень-осетры!
Рви носами водоросли сетей!
Позабытого Рождества заревую парчу,
Что хрустит
Под ногой!..

Повествуя, поэтесса превращается в пихты, кедры, ели, страстно желает быть услышанной людьми, быть понятой. Жар полночных письмен исходит из самого сердца. Поэма «Багульник» — о мироощущении, которое крепко связано с природой родного края.

Орион, ты взойди над тайгою...
Волю дам бестолковым слезам...
Меч на поясе — жизнью другою
так сверкает, что больно глазам...

Стихотворение «Лития» повторяет молитву о самом дорогом. Для поэтессы это построенная судьба, поиски истины, свобода в самовыражении, личные устремления, бодрость духа.

Ты шёл по земле, вынимая
Сверканья её камней.
Искать на пороге Рая.
Искать до скончанья дней.
Меня поймал над обрывом.
И обнял, и приподнял
Над мощной кедровой гривой,
Тюрьмой человечьих скал...

Поэма «Иркутский вокзал. Перекати-поле» рассказывает прежде всего о людях, которых писательница встретила в пространстве вокзала перед дальней дорогой. Это женщины и мужчины, молодые люди, внутренне готовые уехать далеко, «в слепую синь стрелой вонзиться!»

Буряты, цыгане изображены в поэме опытными путешественниками. Им легко на вокзале отдыхать, есть, ругаться, люди привыкли к переселению. Обстановка вокзальной суеты народу привычна. Старики и старухи больше вздыхают, для них прошедшее сравнимо с раной на груди. Старики во сне продолжают бороться с врагами, мчатся на конях с криками «Победа!»

Настроения молодёжи показаны другими красками. Девушка на вокзале «щебечет про любовь», мальчишка удивляет поэтессу своими руками.

Мальчишка в вытертой дублёнке
И с грубыми руками Бога.
И чистые глаза ребёнка,
Чья мать — январская дорога.

И я иду к нему, толкая
Мешки, баулы, локти, плечи,
И я красивая такая,
И пальцы подняты, как свечи!..

Людей на вокзале так много, что в них видится всё человечество. Людское перекати-поле автору нравится, она всматривается в лица, вслушивается в голоса проезжающих, замечает, как люди рассаживаются по вагонам, а на их месте кружит снег, как символ рождений и потерь дороги длиною в жизнь.

У современного читателя есть счастливая возможность узнать глубокие мысли Елены Крюковой о мире, читая книгу «Иркутский рынок», и запомнить откровения писательницы на долгие годы.

Ольга ТАИР

Рита ОДИНОКОВА

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

Рита Александровна Одинокова родилась в городе Баку. Окончила геологоразведочный факультет Азербайджанского института нефти и химии, факультет психологии Современной гуманитарной академии (Москва). Работает в отделе культуры администрации Россошанского муниципального района. Публикуется в региональной печати, коллективных сборниках, журнале «Подъём». Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член Союза журналистов России. Живёт в Россоши Воронежской области.

ИДЁТ ЧЕЛОВЕК...

Он где-то в придуманных странах
всё бродит и бродит,
И ищет, и пробует жить
то взахлёб, то потише.
И кажется птице, парящей
над ним и взлетающей выше,
Что путь его строго линеен
и небу угоден.

Но, путаясь в днях, лишних
праздниках, женщинах, верах,
Идёт человек за себя, за отца
и за брата,
Цепляя закаты широким
подолом утраты,
Идёт и идёт, и души не находит
в примерах.

Нигде ему дом, и никто ему свет
и отрада,
А те, кто поближе, —
давно отреклись и забыли.
Он хмурит над горькою памятью
брови седые,
Вздыхает в молитве и движется
за листопадом.

Меняются страны, архивы,
прицелы, погоны,
Меняются смыслы и правды
без хитрого трюка.
Колышется в лиственных
замыслах божья наука —
Лететь или падать на землю
дождём золочёным.

И чудится свет ему в дальнем
сиянье безмерном,
И видится дом в очертаньях
всё чётче и ближе.
И птица парит невесомо
всё ниже и ниже —
Всё верно. Всё верно. Всё верно.
Всё верно. Всё верно.

ИЮЛЬ

Июль. Непогода. Когда непогод
и не ждали.
Накрыли дожди, хоть напяливай
снова пальто.
А впрочем, какая беда, если
светлые дали
Не дали ни света, ни веры.
Никто и ничто.

Июль. Разбиваются сочные
вишни и сливы,
Смеются и падают оземь.
Свободный полёт.
Последний полёт. Он не выглядит
пусть несчастливым,
Когда даже спелые вишни
природа не ждёт.

Июль. Бабий бум. Закатать
ожидание чуда
В литровую банку и в погреб
сырой опустить.
А ветер бельё раздувает моё
белогрудо,
Как будто в пустое пытается
душу вселить.

ПИШИ

Только ты пиши, пожалуйста,
Пиши, оставляя штрихи и точки.
Пиши, оставляя линию строчки
Ровной. Живой. Без жалости.

Пусть летит, как стрела верная,
Пусть в каждом звуке —
и ток, и стык.
Строка — это праведный
духовник,
Исцелит от горького,
милосердная.

Только пиши, как дышится,
верится.
Как день пролетел птицей
быстрою.
Я потом по секундам выстрою
Ветряную свою мельницу.

Пиши, словно слово — жизнь
вечная.
Пиши, бумаге отдай и страх,
и боль.
Видишь, небо рисует ноль?
Это лишь колесо. По Млечному.

КУКУШКА

Не кукуй мне, кукушка,
не стану тужить,
Здесь считать не положено
близким.

В дождь на кладбище небо
так низко,
И пронзительно хочется жить.

Жизнь, кукушка, — не выжжена,
не сочтена.
Не растрачу на чушь и привычки.
Если время придёт переклички,
Назову всех родных имена.

А пока… А пока тем, кто видит,
Тем, кто слышит, — незримый
привет.
Рюмка водки да дым сигарет,
Как прощенье за тех,
кто в обиде.

Не кукуй мне, кукушка!
Не спеши. Не спеши!
Не сбегу я от тучи чернильной.
Слёзы здесь разрешаются
сильным
В очищенье уставшей души.

***

Он ночью не спит. Он бродит
по комнатам. Ищет себя.
И мимо зеркал — на балкон.
Сигареты и даты.
И линией улицы плавно уходит
земля
К просторам степным,
где могилы и бати, и брата.

Он ночью не спит. Он всё думает:
так ли прожил?
Не подличал, в спину не бил,
не предал, не обидел…
Он выдюжил боль и за грех
никого не судил,
Любил как умел и открыто
гнилых ненавидел.

В нём жизней — десятки
и столько же жгучих смертей,
И выжженный кадр, словно
памяти жар, наплывает.
Он просто солдат, у которого
хлеб почерствей
Да ночь потемней.
Только бывших солдат не бывает.

Ему светит хитро луна —
большеглазо и зло,
Как будто смеётся и рожи
знакомые корчит:
«Ты русский мужик, настоящий,
тебе повезло!»
И времени чётче прицел, взгляд
мудрее и зорче.

И тени… из комнаты в комнату
ходят и ждут,
Их профили снова в строю
и покоя не просят.
Но дочкин портрет на комоде,
что сделан был в осень
Лет восемь назад, улыбнётся
с надеждой ему.

Он ночью не спит. Он уверен,
что всё хорошо,
Когда мирно спят его внуки.
И в них — его сила.
И к майской цветущей степи
он вернётся ещё.
Он русский великий солдат.
И за ним вся Россия.

У ГОВОРЛИВОГО СЕЛА

Вся жизнь моя как на ладони
У говорливого села.
Я не в обиде, пусть постонет
На среднерусское раздолье,
Что я гусей не развела.

Что у меня в карманах ветер,
А в голове сплошной дурман.
Мне солнце утром на рассвете
Подарит полевой букетик
И рек молозивный туман.

С травой я поделюсь печалью
Пришедших и минувших дней.
Проснувшейся степною далью,
Раскинув руки, убегаю
Навстречу радости своей.

И пусть для многих я — чужая.
Меня ж тропинка привела
Туда, где в небе птичья стая
Закатом кружится, играет
У говорливого села.

***

Я всё ещё здесь. На этом
последнем причале.
И мой переход не подвластен
ни мне, ни тебе.
Ты только молчи, чтобы птицы
мне вслед не кричали
Нечестную песню о верной
любви и судьбе.

Ты только меня не держи
напоследок за пальцы,
Никто не подскажет, где счастья
целебный глоток.

Уж осень вокруг.
Мы у осени здесь постояльцы.
На время пришли и однажды
уйдём за порог.

Ведь жизни река, как бы ни было
чистым начало,
По скользким и лживым камням
неустанно бурлит.
Ты только спеши.
Я чуть-чуть подожду у причала,
Пока моё сердце ещё о любимом
болит.

***

Я стала разговаривать с собой,
Когда со мной тебя совсем
не стало.
И в этом сумасшествии усталом
Я нахожу и радость, и покой.

Спешу в беседку. Там, где
гомон птиц...
Апрель в пасхальный день
всё понимает
И каждой новой клеточкой
внимает
Дрожанию берёзовых ресниц.

А между нами — жизни до небес,
И на душе моей светло и больно.
«Христос воскрес», — я бормочу
невольно
И жду в ответ: «Воистину воскрес!»

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. С 2016 года – ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостиный Дворъ». Живёт в Воронеже.

Стихи Риты Одиноковой как бы прорастали сквозь самих себя в течение последних полутора десятка лет. Склонность автора к дневниковым записям изначально сужала событие, которое то или иное стихотворение отражало или, лучше сказать, воплощало. Получалась картинка частной жизни с жестом в сторону общечеловеческого, но чаще просто женского. И вот это последнее с годами удивительным образом вывело её поэзию на какую-то новую линию созерцания и разговора, на какую-то иную высоту, с которой видно многое, понятно то, что доступно не каждому человеку. Послушные слова обрели способность обозначать далёкое и близкое, великое и совсем малое. Такое свойство соединять бытие с привычными предметами быта встречается у выдающихся поэтов как нечто, изначально присущее их таланту. Строки Риты Одиноковой подобное качество «набирали» последовательно, от года к году, от одного этапа её реальной жизни к другому. Ум стал строже,

душа сильнее, а зрение научилось легко менять фокус, приближая едва уловимое и помещая крупное в единственно возможную точку в просторной и прозрачной картине мира.

Не кукуй мне, кукушка,
не стану тужить,
Здесь считать не положено
близким.
В дождь на кладбище небо
так низко,
И пронзительно хочется жить.

Жизнь, кукушка, — не выжжена,
не сочтена.
Не растрачу на чушь
и привычки.
Если время придёт переклички,
Назову всех родных имена.

<...>
Не кукуй мне, кукушка!
Не спеши. Не спеши!
Не сбегу я от тучи чернильной.
Слёзы здесь разрешаются
сильным
В очищенье уставшей души.

Главная тема её стихотворений — любовь и семья, причём страсть, порой прорывающая ткань сдержанного лирического повествования, оказывается только фундаментом для соединённых душ, которые могут построить общий дом. Эта связь любовного томления и сердечной тоски с узами семьи и домашним очагом есть отчётливая печать не только женского характера поэтессы, но и её душевного склада. У Одиноковой исключительно редки строки, в которых взрыв чувств отодвигает все иные знаки мироустройства. У неё не найти пресловутой «цыганщины», которая так часто поглощает в женской поэзии ум и достоинство, верность вчерашнему признанию и готовность увидеть завтрашний день в чистоте и взаимном доверии.

Жить хотелось проще
и понятней:
Борщ, котлеты, дом, работа,
дом.
Жить хотелось проще.
Но приятней
Ей жилось с тетрадкой и огнём.

И повсюду чудились ей тени
От игры сгорающих стихов.
То ли быт был увеличен ленью,
То ли дел не видно из-за слов?

Ей казалось — выстоят
кастрюли,
Не сдадут горячих рубежей,
Ведь живут же
женщины-чистюли
В правильном согласии вещей.

Как-то совмещают незаметно
Фильм, пельмени, книжицу,
кровать,
Чтобы чувства были не раздеты,
Чтоб осилить — «ждать»
и «догонять».

Только не вязались воедино
Ни пути, ни авто-поезда.
На стене ожившая картина
Всё звала — сюда, сюда, сюда...

Предрассветно занималась
алость
Над парящей матушкой-рекой,
Сколько звёзд там утопить
пытались,
Да вот не сумели ни одной.

Там, едва на грани, между паром
И нетканой синевой разлук,
Счастье утром раздавали даром
В жилистые тени женских рук...

Жить хотелось проще
и понятней:
Улица, декабрь, дорога, дом.
Жить хотелось проще.
Но приятней
Ей жилось с тетрадкой и огнём.

Медленно, будто привыкая к горечи земного существования, Рита Одинокова погружается в бытийное знание о мире. Фигура героини может метаться и грустить, звать возлюбленного и оставаться в уединении, но, словно накрывая всё происходящее неким мистическим покрывалом, автор откуда-то знает, что вот так, в разных случаях по-разному — безотрадно и мучительно, со стоицизмом и почти космическим одиночеством, с редким мгновением счастья и долгими воспоминаниями о нём — устроена человеческая жизнь. Точнее, жизнь русской женщины, никогда не забывающей о своём предназначении быть матерью и женой и, подобно Богородице в сказаниях древности, воплощать в себе таинственные приметы родной земли.

Многие годы Рита Одинокова провела в окружении иной национальной культуры. После распада Советского Союза она уехала из Азербайджана в Россию и нашла свой дом в провинциальной Россоши, на юге Воронежской области. Новое российское государство достаточно холодно относилось к русским переселенцам. Однако терпение и упорство способны преодолеть почти любые преграды, и молодая поэтесса укоренилась на новом месте. Спустя десятилетия у неё появятся знаменательные строки:

Из города вышла я к вечеру,
В деревню пришла с солнышком.
От пригоршни веры иссеченной
Осталось одно зёрнышко.

Но время — лекарство.
Что пройдено —
Не зря. И судить не берусь.
Кто знал, что священное
“РОДИНА”
Скажу я про мачеху — Русь.

Похожие душевные обретения для художника поистине драгоценны: они дают контрастное сочетание временных рубежей, пространственных окоёмов, времён года, красок природы, человеческих взаимоотношений.

Склонность к контрасту постепенно проявилась как естественная черта ума и сердца поэтессы. По образованию она геологоразведчик, но уже два десятка лет её имя связано с журналистикой и культурой. А теперь и стихи Риты Одиноковой можно считать самобытным явлением современной русской поэзии.

Прежде казалось, что её стилистика и тема — только чувственная женская лирика. Но с течением лет эта вполне ограниченная смысловая и эмоциональная территория расширилась, и личность автора предстала перед читателем многогранной и твёрдой в своих волевых устремлениях.

Вы слыхали, как ноябрьской
ночью
Шепчут листья на шальном
ветру?
Их слова всё резче, всё короче,
Их движенья всё точней к утру,

Не страшит их хрупкостью
морозной
Неизбежность на исходе дней.
Их слова нежны и осторожны,
Тем они дороже и мудрей.

Шепчут так, чтобы никто
не слышал,
Им одним понятным языком.
Домовой, что прячется
под крышей,
С этим объяснением знаком.

Кто отважней листьев этих
верит,
Пропуская холод сквозь себя,
В истину божественных
материй
И в седую правду бытия?

Стилистика её стихотворений содержит в себе некоторый элемент конструктивизма, хотя проявляется это не часто, но скорее обозначается исподволь, как дополнительная поэтическая краска. У неё много стихов плавных, наполненных теплотой переживания. Абстрактные вещи и понятия легко соединяются с обиходными предметами, бытие как бы овевает быт, и тайна соединения тела с душой вдруг находит ещё одно неожиданное изображение.

Стоит отметить, что изобразительность в стихах Одиноковой весома и убедительна. Предмет возникает перед внутренним взором читателя неожиданно, но занимает уже незримо подготовленную сюжетом позицию. Перед нами искусство рассуждения и сопоставления далеко отстоящих друг от друга вещей, умение последовательно и точно совместить общий и крупный план.

И было сказано вчера:
«Не забывай, что ты крылата!»
Но крылья сложены горбато
На табуреточке с утра.

И в доме теплится рассвет.
Смеются белые страницы,
Взлетая надо мной, как птицы.
И небо здесь, да чуда нет...

Одновременно строки поэтессы хранят в себе её дыхание, которое, кажется, раздвигает границы сюжета и даёт ощущение жизни за плечами — жизни своей и жизни русской как таковой.

В лирике Риты Одиноковой всё ещё видны едва уловимые следы вчерашнего художественного опыта автора. Однако завтра её стихи отдалятся от дорожной пыли и займут положенное им место между небом и землёй — как и подобает настоящему поэту.

Владимир СЕМЁНОВ

ДУЭЛЬ В ОРЕНБУРГЕ И ДРУЗЬЯ-ДУЭЛЯНТЫ

Владимир Геннадьевич Семёнов родился в 1960 году в селе Старая Тёпловка Бузулукского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт, в настоящее время доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук. Область научных интересов — военная история Оренбургского края, история Оренбургского казачьего войска.

Несмотря на запреты смертельных поединков, в России, особенно в XIX столетии, и дня не проходило без дуэлей. Были они и в Оренбурге, но оренбургская пресса обходила стороной подобные события. Если бы не публикации в центральной прессе и периодике, то можно было бы сделать вывод, что в Оренбурге их совсем не было. Оказывается, были. По крайней мере, об одной из них в 1895 году сообщали газета «Новое время» (№ 7118) и журнал «Разведчик».

Событие произошло 13 декабря 1895 года, и публикации были напечатаны, что называется, по горячим следам. По сведениям журнала «Разведчик», дуэль вызвала самые разнообразные толки в городе. У многих горожан поединок вызвал удивление и даже недоумение, так как дравшиеся находились в отличных товарищеских отношениях, как до дуэли, так и после.

Дуэль состоялась на пистолетах между сотником Оренбургского казачьего войска господином И. и подпоручиком запаса армии господином В. В ходе исследовательского поиска личности друзей-дуэлянтов удалось установить, но об этом позднее. Вначале ознакомимся с обстоятельствами дуэли.

По сведениям журнала, вечером 27 июля 1895 года подпоручик В., состоявший тогда на службе в Орском резервном батальоне, пришёл в нетрезвом состоянии в заведение Белова на берегу реки Урал (в статье оно называется вокзал, хотя по-старинному тогда говорили «воксал»), где присоединился к компании молодых офицеров-товарищей. С одним из статских посетителей подпоручик затеял ссору и для решения конфликта вызвал из казармы батальона несколько вооружённых солдат. Их появление вызвало панику среди посетителей, и через несколько секунд заведение почти опустело. Вслед за этим подпоручик В. затеял неприятный разговор с содержателем вокзала С.[1]

Офицеры уговаривали В. уйти с ними и покинуть заведение. Однако подпоручик В. вспылил и стал вырывать ружьё у одного из солдат, намереваясь ударить им содержателя С. Видя, что может случиться страшное несчастье, сотник И. бросился к В. со словами: «Серёжа, ради Бога, не делай этого». В тот же момент В., взбешённый до потери рассудка, оставил солдата и ударил И.

Журнал «Разведчик» так описывал эту ситуацию: «...Все точно замерли на месте от неожиданности. Сам В. стоял бледнее полотна и растерянно поводил глазами. — Это меня? — смертельно ужаленный, крикнул сотник И. Произошло замешательство. Как ребёнок, истерически зарыдал В. и бросился к И. с мольбой о прощении. Вскоре после этого подпоручик В. поступил в оренбургский местный лазарет на излечение. Доктора почти единогласно признали, что он последнее время находился в ненормальном состоянии, и выдали в том свидетельство. Как бы то ни было, но спустя несколько дней состоялся приказ об увольнении подпоручика В. в запас армии, а через месяц-два стало известно в городе, что В. предан военно-окружному суду».

Единственным положительным моментом для В. было то, что несчастный случай не нарушил отношения между ним и сотником И. Однако в городе появились слухи, что для И. единственно приличным выходом может быть дуэль, в противном же случае может последовать отчисление его по войску.

Как писал автор статьи, многие люди не хотели верить в возможность дуэли, во-первых, потому что подпоручик В. после этой истории добровольно подал в запас; во-вторых, в поведении сотника И. ничего не находили унижающего его достоинство, в-третьих, потому что В. принёс чистосердечное извинение И. Но было немало и тех, кто

доказывал необходимость дуэли. Время шло, обсуждение необходимости дуэли в городе не закончилось, и друзья переживали тяжёлое нравственное состояние.

Дуэль между В. и И. могла бы не состояться, произойди эта история в начале XX столетия, именно тогда в России появились первые дуэльные кодексы. Своды всех правил были схожи: дуэлянт не мог страдать психическими заболеваниями, должен был твёрдо держать оружие и сражаться. В поединке могли принимать участие лишь равные по положению противники, а причиной его была поруганная честь — самого оппонента или дамы. Подпоручику В., как уже известно, доктора выдали свидетельство в том, что он находился в ненормальном состоянии.

В XIX столетии правила были другими. Дуэль разрешалась, если была затронута честь офицера, и даже считалась необходимой. Так что сотнику И. ничего не оставалось делать, как подать рапорт начальству с просьбой разрешить поединок с В. В первых числах декабря рапорт был подан. Поединок произошёл 13-го декабря около 3-х часов дня за городом. Журнал «Разведчик» так описывал дуэль товарищей:

«Со старинными пистолетами (лучших не могли достать в городе), заряженными пулями, стали они один против другого в 20-ти шагах. Постановлено было стрелять между счётом раз и три. Послышался голос старшего в чине секунданта, счёт раз — раздался выстрел… со счётом два — раздался другой. Дым рассеялся, и… подпоручик В. лежал на снегу с пробитой насквозь ногой выше колена. Сотник И. стрелял не целясь. Конечно, более удручающего душевного состояния он в жизни своей не переживал, как в ту минуту, когда увидел В. лежавшим после выстрела. Выстрел В. последовал раньше, но сотник его не слышал. Так закончилась печальная история двух товарищей».[2]

Ну а теперь вернёмся к загадочным дуэлянтам, личность которых обозначена только первой буквой фамилий — «В» и «И». Чтобы понять, кто стоит за этими символами, потребовалось пересмотреть много выписок и сами приказы по Оренбургскому казачьему войску и Казанскому военному округу за 1895-1896 годы. На букву «И» в 1895 году начинались фамилии пяти офицеров Оренбургского казачьего войска в звании сотника.[3] Анализ документов, особенно содержащих информацию о командировании офицеров за пределы Оренбурга, позволяет утверждать, что одним из участников дуэли был сотник Исаенко 2-й Николай Степанович. Фамилия другого дуэлянта в звании сотника начиналась на букву «В». В Орском резервном батальоне в 1895 году было два подпоручика, фамилии которых начинались на букву «В»: Волин Николай Семёнович[4] и Вознесенский Сергей

Павлович.[5] Послужной список подпоручика с упоминанием о зачислении в запас армии и разжаловании в рядовые позволяет утверждать, что инициатором поединка был именно С.П. Вознесенский.

Из послужных списков дуэлянтов

Вознесенский Сергей Павлович (14.09.1870-?). Из потомственных почётных граждан Тульской губернии. Окончил 3 класса Тульской духовной семинарии и Казанское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. 15 мая 1890 года вступил в службу вольноопределяющимся 1-го разряда в 5-й гренадёрский Киевский полк, расквартированный в Москве. С 9 сентября 1890 года — юнкер Казанского пехотного юнкерского училища. 30 марта 1891 года произведён в унтер-офицеры. 25 декабря 1892 года получил чин подпоручика и направлен в Орский резервный батальон, расквартированный в г. Оренбурге.

Высочайшим приказом от 30 августа 1895 года зачислен в запас армии. 8 мая 1896 года разжалован в рядовые.[6]

Согласно предписанию начальника 3-й пехотной дивизии от 24 января 1897 года за №252 зачислен на службу в 12-й пехотный Великолуцкий полк, дислоцировавшийся в Туле. По докладу Государю Императору ходатайства временно командующего Московским военным округом Его Императорское Величество 21 июля 1897 года «высочайше соизволил не считать понесённого рядовым Вознесенским оштрафования препятствием к наградам и преимуществам по службе и произвести его в унтер-офицеры».[7] 14 августа 1897 года он был произведён в унтер-офицеры, 24 сентября того же года — в старшие унтер-офицеры, а 28 октября 1899 года — второй раз в подпоручики. 26 февраля 1900 года назначен адъютантом 1-го батальона. На состязательной стрельбе, произведённой 21 июня 1900 года, выполнил условие для получения обыкновенного приза. 21 июля 1901 года произведён в поручики. Участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. 19 августа 1904 года был командирован в штаб 17-го армейского корпуса в качестве ординарца при командире корпуса. За отличия в делах с японцами с 13 по 25 августа 1904 года при обороне позиции правого берега р. Тайцзыхэ награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», позже за бои с японцами с 28 сентября по 10 октября 1904 года награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. За отличия в боях с 28 сентября по 3 октября 1904 года на реке Шахэ получил чин штабс-капитана. Приказом по войскам 3-й Маньчжурской армии за отличие против японцев в сражении под г. Мукденом 25 февраля 1905 года

награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. С марта 1906 года — младший офицер, батальонный адъютант, командир роты 12-го пехотного Великолуцкого полка. 19 января 1913 года за выслугу лет произведён в капитаны.[8] Участник Первой мировой войны. 25 марта 1915 года награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.[9]

С 6 августа 1915 года — подполковник. 7 марта 1915 года у реки Сан и 19 сентября 1916 года получил ранения. В июле 1916 года находился в 499-м пехотном Ольвиопольском полку. 17 января 1917 года пожалован чином полковника.[10] 21 июля 1917 года назначен помощником начальника 8-й пехотной запасной бригады, расквартированной в Московском военном округе.[11]

Исаенко 2-й Николай Фёдорович (06.12.1864-1929). Родился в станице Новоорской 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска в семье надворного советника Фёдора Петровича Исаенко, старшего землемера (1891-1904) Войскового Хозяйственного Правления Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию в 1884 году и Александровское военное училище по 1 разряду.[12] На службе — с 26 августа 1884 года. 10 сентября 1885 года произведён в унтер-офицеры, 11 августа 1886 года — в хорунжие. С 13 марта 1887 года по 6 сентября 1890 года — в 1-м Оренбургском казачьем полку в г. Харькове; с 1 сентября 1893 года по 2 ноября 1896 года — заведующий музыкальной командой и хором Оренбургского казачьего войска. С 2 ноября 1896 года — на льготе; с 1 июля 1897 по 20 сентября 1898 года — младший делопроизводитель Войскового Хозяйственного Правления Оренбургского казачьего войска.[13]

15 ноября 1889 года произведён в сотники. С 1 июля 1901 года — подъесаул. В конце августа 1890 года находился в командировке по военно-конской переписи в Самарской губернии. С 13 апреля 1901 по 8 января 1902 года — наблюдающий за обучением казаков 2-го участка в станицах 1-го военного отдела. С 8 января 1902 года — на льготе. 18 марта 1902 года назначен младшим офицером Оренбургского казачьего юнкерского училища. С 19 марта 1902 по февраль 1910 года — заведующий хозяйством Оренбургского казачьего училища. 6 мая 1909 года произведён в есаулы. С 28 мая 1916 года — гвардии есаул. Казначей Оренбургского казачьего училища (1910-1920).[14]

28 мая 1916 года зачислен по гвардии и Оренбургскому казачьему войску. Полковник (Указ Войскового Правительства №251. 04.10.1918 как состоявший по гвардии). С 1920 года находился вместе с училищем в Иркутске. В январе-апреле 1920 года был казначеем Иркутского местного ветеринарного лазарета.

В 1920-х годах работал в кредитном обществе.

Награждён орденами Св. Станислава 3-й степени (06.05.1895), Св. Анны 3-й степени (06.05.1902), Св. Станислава 2-й степени (06.12.1909), Св. Анны 2-й степени (06.12.1913), Св. Владимира 4-й степени (за отлично-усердные труды, понесённые во время военных действий 08.05.1915); высочайшие благоволения за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны (06.12.1916); серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования Императора Александра III (26.02.1896); светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых (февраль 1913); светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память столетия Отечественной войны 1812 года (июль 1913).

Супруга — дочь надворного советника Екатерина Петровна Варлова. Дети: Николай (03.12.1893-?), сотник Оренбургского казачьего войска; Борис (25.07.1903-?) — учащийся Оренбургского реального училища, продолжал учёбу в Иркутске. Внук Владимир в начале 1990-х жил в Оренбурге.[15]

Как видим, судьбы участников дуэли сложились вполне благополучно, и если бы не события 1917 года, виновник дуэли С.П. Вознесенский вполне мог стать и генералом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Содержателем вокзала Белова до мая 1896 года был А.П. Спиридонов.*
2. *//Разведчик. № 276 за 1895 г.*
3. *В 1895 году сотники Ивановский Я.Р. и Иванов И.И. несли службу в 4-м Оренбургском казачьем полку в Туркестане, Ильиных М.Ф. был атаманом Кизильской станицы, которая находилась в 2-м Верхнеуральском отделе, Исаенко 1-й Александр Степанович до 7 октября 1895 года находился в Варшаве в составе 2-го Оренбургского казачьего полка.*
4. *Волин Николай Семёнович (16.04.1872-24.05.1916). Окончил Казанское пехотное училище. Подпоручик с 1892 года. Участник Русско-японской и Первой мировой войны. Полковник 20-го Туркестанского стрелкового полка. Убит 24.05.1916 г. Посмертно награждён орденом Св. Георгия 4 степени (26.01.1917).*
5. *Кроме первой буквы в фамилии подпоручика, известно, что звали его Сергеем.*
6. *РГВИА, Ф. 409, Оп. 1, Д. 49015. Л. 6.За преступления, предусмотренные 97, 141, 1-й и*

145 и 2-й ч. 192 ст. XXII кн. Св. В. П. 1869 года издание 2-е Высочайше утверждённым приговором Казанского военно-окружного суда от 16 марта 1896 года был разжалован в рядовые. (За оскорбление начальника неприличным действием, превышение власти, нарушения правил благочиния в публичном месте или собрании, а равно за буйство или бесчиние).

7. *РГВИА, Ф. 409, Оп. 1, Д. 49015. Л. 2.*

8. *РГВИА, Ф. 409, Оп. 1, Д. 49015. Л. 4.*

9. *Высочайший приказ по военному ведомству от 24 мая 1915 года.*

10. *Высочайший приказ по военному ведомству от 17 января 1917 года.*

11. *Приказ по Армии и флоту от 21 июля 1917 года.*

12. *Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. — Оренбург, 2017. Младший брат Николая, Леонид тоже окончит Неплюевский кадетский корпус и дослужится до чина генерал-майора.*

13. *Родной дядя Николая Исаенко, действительный статский советник Роман Петрович Исаенко с 1884 по 1905 год был советником Войскового Хозяйственного Правления Оренбургского казачьего войска.*
Семёнов В.Г. Дополнение к биографическому справочнику «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945». — Оренбург, 2009.

14. *Родной дядя Николая Исаенко, есаул Алексей Петрович Исаенко в течение 20 лет, с 1879 по 1899 год, был квартирмейстером и казначеем Оренбургского казачьего юнкерского училища.*

15. *Ганин А.В., Семёнов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891-1945. М., 2007.*

Андрей АЛЬТОВ

«МНОГОЕ ДАЛ МНЕ ОРЕНБУРГ…»

Андрей Владимирович Альтов родился в 1950 году в Орске. После окончания факультета журналистики Уральского госуниверситета работал в газетах «Комсомольское племя», «Ударная стройка», «Южный Урал», журнале «Блокнот агитатора». Один из основателей и главный редактор первой в Оренбургской области независимой газеты «Провинция». Работал пресс-секретарём в исполкомах политических партий «Наш дом – Россия», «Родина», «Справедливая Россия», вместе с Алексеем Михалиным был автором-составителем книг очерков из истории оренбургской печати: «Племяши» и «Люди радио». Живёт в Оренбурге.

Эти слова принадлежат Юрию Гагарину, первому космонавту Земли. Человеку, которого любил Оренбург и который любил Оренбург. Полностью эта фраза из статьи Юрия Алексеевича «Мы рисуем космические корабли» звучит так: «Годы учения в Оренбурге совпали с первыми советскими успехами в завоевании космоса. Многое дал мне Оренбург — и семью, и власть над самолётом». В своей публикации о малоизвестных страницах биографии нашего земляка я использовал мои личные воспоминания, воспоминания друзей, записки моего отца — журналиста Владимира Альтова, материалы из областной газеты «Комсомольское племя» от 14 апреля 1961 года, другие документы.

Мне кажется, что Юрия Алексеевича Гагарина я в первый раз увидел задолго до его исторического полёта. 4 октября 1957 года был запущен первый спутник

Земли. В местных газетах публиковались графики пролёта рукотворной планеты над Чкаловым (так ещё назывался Оренбург). И в это время все горожане вечерами высыпали на улицу, чтобы увидеть крошечную яркую точечку, быстро двигающуюся по небу. Как стало потом известно, будущий первооткрыватель Вселенной жил вместе с женой Валентиной на частной квартире по улице Чичерина, 35.

В этом месте улица сужалась, и дома закрывали обзор неба, поэтому все их обитатели шли к дому №11 около сада Фрунзе, где было достаточно большое открытое пространство для наблюдения. А наша семья как раз жила в доме №11. Конечно, мы на правах хозяев площадки, где круглые сутки гоняли мяч, занимали лучшие места. Отлично помню, что среди возбуждённой толпы, приветствовавшей появление звёздочки, были парни в форме курсантов оренбургской лётки. Не сомневаюсь, что среди них был и курсант Юрий Гагарин. Иначе не могло быть. И может, именно здесь родилась мечта, поднявшая его к звёздам.

Но это было впереди, а пока будущий космонавт готовился к выпускным экзаменам в лётном училище, осваивал высший пилотаж на реактивном истребителе. Лётчик-инструктор капитан Анатолий Григорьевич Колосов, с которым впервые Юрий Гагарин поднялся в небо, вспоминал: «Будущему космопроходцу не без труда давалась лётная программа, особенно на реактивном истребителе. Но, благодаря своему упорству, физической выносливости он смог преодолеть затруднения». Майор Владимир Михайлович Пикулов, командир звена, где учился курсант Гагарин, дополняет рассказ: «Овладев лётной техникой, Юрий летал отлично, превосходно выполняя лётный пилотаж». Чтобы всего-навсего через три с половиной года (!) выполнить превосходно уже космический пилотаж...

В училище курсант Гагарин был лидером. Везде. Он был очень разносторонним человеком. Заядлый спортсмен, он отстаивал честь училища в гимнастике, хоккее, лёгкой атлетике, волейболе. Пел в хоре, танцевал. Очень много читал. Его эрудиция потрясла даже королеву Великобритании... Я упомянул о хоккее. Сегодня главный хоккейный приз Европы называется «Кубок Гагарина». Неслучайно, конечно. Шлягер семидесятых «Знаете, каким он парнем был» в числе первым достоинств Юрия Алексеевича называл то, что он с клюшкой выходил на лёд. И это не литературный приём. Гагарин выходил на лёд, об этом свидетельствуют его фотографии в хоккейной экипировке. Но и мы, мальчишки 50-х годов, вполне вероятно, видели его воочию.

В 1956 году на Олимпиаде в Кортина-д'Ампеццо наша хоккейная дружина добилась небывалого успеха. В ходе одного турнира она завоевала звание чемпиона

Олимпиады, мира и Европы. Интерес к хоккею был повсеместным. Единственно, хоккей канадский в нашей провинции не был известен вообще, а вот русский, то есть с мячом, любили. На оренбургском стадионе «Динамо» был полный аншлаг, когда проходили матчи не какой-нибудь лиги или класса, а просто первенства города среди коллективов физкультуры. И это был настоящий праздник: проезд по кромке льда команд с флагами под торжественные марши, обмен вымпелами и т.п. Мы, шести-семилетние пацаны, невзирая на мороз, не пропускали ни одной игры.

Среди любительских коллективов физкультуры была команда с удивительным названием ЧВАУЛ. Для меня это было загадкой, пока отец не расшифровал, — Чкаловское военное авиационное училище лётчиков. Помню, команду отличали хорошая техника, дисциплина, коллективизм и... азарт. Среди хоккеистов наверняка был и курсант Гагарин. Ни одно спортивное мероприятие не обходилось без него, он был лидером и, как вспоминают его друзья, заражал всех азартом и страстью. В волейбольной команде он, несмотря на низкий рост, был капитаном. Исторический факт: Юрий Гагарин играл с прославленным хоккеистом, трёхкратным олимпийским чемпионом Вячеславом Старшиновым в... волейбол.

Знаменитый тренер Борис Кулагин вспоминает, что в пятидесятые годы в Чкаловском военно-авиационном училище лётчиков были сильные команды по хоккею, футболу, волейболу и баскетболу. Любопытный эпизод из интервью с Борисом Павловичем приводит Алексей Михалин в книге «100 лет оренбургскому футболу»: «Однажды судил баскетбольный матч, где играла команда Чкаловского авиаучилища. Её капитан выделялся на площадке. Он был невысок ростом, но быстр, ловок, техничен и много очков набирал бросками издалека. Правда, его азарт перехлёстывал через край, каждый судейский свисток он сопровождал возгласом недовольства и пытался оспорить каждое моё решение. Наконец, терпение моё лопнуло, и я удалил его с площадки. Потом мы часто встречались с маленьким баскетбольным капитаном, и не только на баскетбольных площадках». Годы спустя они встретились вновь, вспоминали тот случай, шутили...

В конце октября 1957 года курсант Гагарин стал лейтенантом. Он мог остаться в Чкалове (в Оренбург город переименовали в декабре 1957 г.) на преподавательской работе, что ему настойчиво предлагали, но не такой человек был Юрий Гагарин...

Парадокс, но Чкаловское (Оренбургское) высшее военно-авиационное училище, расположенное в тысячах километрах от морей и океанов, готовило лётчиков для морской авиации. Мне потом объяснил один из преподавателей училища: ландшафт оренбургских степей на-

поминает морскую гладь. Так и Гагарин стал морским лётчиком. Из Оренбурга вместе с семьёй он перебрался в Заполярье на дальний аэродром...

Дня за два до 12 апреля 1961 года у нас дома собрались знакомые журналисты — корреспонденты центральных газет, «Комсомольского племени»; они загадочно перешёптывались, а когда наступало время новостей, заставляли всех замолкать и увеличивали громкость радиоприёмника (телевидения тогда в Оренбурге ещё не было). Меня с младшим братом это весьма заинтриговало, мы пытались дознаться, а когда выяснили, что произойдёт событие в космической сфере, то предположили, что в космос полетит человек. Но мать замахала руками: «Что вы, что вы, собачки ещё не очень успешно летают». Вот такая была секретность! Даже от несмышлёных детей скрывали — вдруг во дворе проболтаются. А их, журналистов, предупредили полунамёками, что будет грандиозное событие в космосе, и связано оно не с четвероногими друзьями. Допоздна шушукались взрослые, пока Москва не дала отбой.

Ожидаемое событие произошло 12 апреля. (Только недавно было рассекречено, что полёт состоялся на два дня позднее намеченного срока). Неожиданно прервались все радиопередачи. Прозвучали позывные «Широка страна моя родная» и фраза «Сейчас будет передано важное правительственное сообщение». В стране эти слова привели к некоторой панике: испугались, что началась война, — такая была напряжённая обстановка в мире. И наступило всеобщее ликование, когда прослушали сообщение ТАСС, зачитанное Юрием Левитаном: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза...»

Я был на уроке в 4-м классе, когда в дверь постучали. Нашу учительницу Евгению Юдовну Яхнину вызвали в коридор. Скоро она вбежала назад с расширенными глазами: «Человек, наш человек в космосе». Весь класс взорвался криками радости. Надо сказать, что за несколько секунд до стука в дверь она раскрыла дневник нашего одноклассника Славы Антонова, чтобы записать замечание за безобразное поведение. Не успела. А потом уже было не до замечаний... И хулиган Антонов незаметно спёр дневник со стола.

Ликовала вся страна. Взрослые ходили как именинники, особенно когда узнали, что Гагарин учился в Оренбурге и жил недалеко от нас, и мы могли его видеть на улице, катке, стадионе. В училище подняли документы. В аттестации на выпускника училища лейтенанта Юрия Гагарина есть такие слова: «Летать любит, летает смело и уверенно». Далее перечислялись марки самолётов, которые были послушны его воле. Теперь в этот перечень можно добавить и космический корабль «Восток».

Оренбуржцы звали героя в гости. И он приехал чуть ли не через два месяца после полёта. К этому событию в Оренбурге за два месяца на высоком берегу Урала был построен гостевой дом, который потом называли Гагаринской дачей (сегодня он, увы, снесён). Хотя у меня есть свидетельства, что первый космонавт не очень любил задерживаться там. Он чаще гостил у родственников жены, которые жили в обычной хрущёвке на улице Аксакова. Я сам не видел, но мой дружок Юрка рассказывал тогда, что Гагарин долго сидел в беседке, разговаривая с мужиками, пропуская с ними по стопке коньяка, а детям раздавал шоколад и булки (в то время в магазинах и за третьесортным хлебом приходилось выстаивать очереди).

Энтузиазм был огромный. Здание выставки, где ожидалось выступление космонавта (ныне филармония), было оцеплено кордонами милиции, в том числе даже конной. Все улицы на подходе были перекрыты грузовиками, за которыми бушевала толпа. В этой толпе был и я. Но мне, малышу, увидеть Юрия Гагарина не удалось, и только крики восторга дали понять, что он приехал. Мой отец на встрече, конечно, присутствовал. В его записных книжках я нашёл несколько записей:

«Гагарина спросили, о чём он думал, когда на Внуковском аэродроме шёл от самолёта по ковровой дорожке, чтобы отдать рапорт правительству.

— У меня тогда развязался шнурок на ботинке. И я об одном думал: как бы на него не наступить. Представляете, какой позор был бы — в космос слетал, а тут спотыкнулся на ровном месте, растянулся!»

При одном из первых запусков не удалось вернуть на землю космический корабль. Из-за неисправности в системе ориентирования и бортовой автоматики тормозная двигательная установка не замедлила движение корабля, а, наоборот, придала ему дополнительную скорость. Всю ночь в центре дальней космической связи шла напряжённая работа. Все были огорчены неудачей, только Сергей Павлович Королёв невозмутимо выслушивал доклады о результатах телеизмерений, торопил обработку результатов вычислений новой орбиты спутника. Потом уже на рассвете он, радостно возбуждённый, сказал, что это огромное достижение — первый опыт маневрирования в космосе, перехода с одной орбиты на другую. А спускаться на Землю корабли «когда надо» и «куда надо» у нас будут. В следующий раз посадим обязательно!

Местная пресса буквально преследовала Юрия Гагарина. В СМИ появлялись разного рода публикации. В одном из номеров газеты «Комсомольское племя» было напечатано обращение первопроходца космоса к молодым оренбуржцам. В нём он красивыми и правильными словами призывал любить свою родину

и трудовыми делами крепить её могущество. Будущие исследователи, обнаружив в архивах этот номер газеты, могут поверить, что автор пафосных строк — сам Гагарин, однако... Вот что рассказал мне работавший тогда в «Племени» известный оренбургский журналист и педагог Валентин Черняев:

— Однажды заместитель редактора Елена Матвеевна Лысова вызвала сотрудников и сообщила, что в Оренбург к тёще приезжает Юрий Гагарин. «Я оставляю вам место в сегодняшний номер — сто пламенных строк текста и фото».

В экспедицию снарядили завотделом комсомольской жизни Василия Овчинникова, фотокора Евгения Ершова и меня, практиканта. Мы знали, что мать Валентины Гагариной живёт недалеко от телестудии. Пришли, а его там нет. Перехватили коллеги, наши конкуренты с телевидения. Тогда в Оренбурге не было никакой записывающей видеоаппаратуры, поэтому передачи шли прямо в эфир. Гагарина на студии задержали дотемна. Мы караулили его в подъезде дома. Слышим, кто-то открыл дверь. Оказалось, точно Юрий Гагарин. Один и без охраны. Мы к нему: «Юрий Алексеевич!» Он явно испугался, и было отчего. Из темноты (даже лампочку не догадались вкрутить!) на него выскочили три мужика, причём двое из них на две головы выше него.

— Мы из газеты «Комсомольское племя», хотим взять у вас интервью!

И тут его прорвало, он высказал, кто мы такие и что он думает о нас и о журналистах вообще, покрыв нас лихим, крепким русским словом. И открыл дверь в квартиру, которая даже была не заперта. Вася Овчинников успел прокричать вслед, что мы напишем в газете его добрые пожелания комсомольцам Оренбуржья. «Пишите что хотите!» — махнул он рукой и захлопнул дверь. Узнав о нашем проколе, Елена Матвеевна произнесла: «Что же я в газету поставлю? Ваши наглые рожи?!»

Но всё обошлось. Мы сами написали «пламенные строки», фото нашли в материалах ТАСС. Наутро вышла газета, в которой Юрий Алексеевич утверждал, что он любит трудолюбивую молодёжь и приветливый Оренбург, который дал ему крылья и семью...

С Оренбуржьем связана и трагическая страница отечественной космонавтики. 24 апреля 1967 года в оренбургской степи около села Карабутак («Сухой сучок») разбился космический корабль «Союз». Его командир Владимир Михайлович Комаров, дублёром которого был Юрий Алексеевич Гагарин, погиб.

В середине августа 1967 года, выступая перед офицерами и курсантами ОВВАУЛ, Юрий Гагарин рассказал о причинах

катастрофы: «В полёте не раскрылась панель одной из двух солнечных батарей («лопух»). Это не помешало нормальной работе. Но были и другие неполадки. Комаров продолжал работать. Последний раз я говорил с ним, когда пилотируемый отсек уже отделился от корабля и пошёл к земле».

Спустя время были опубликованы стенограммы последних переговоров «Рубина» (В.М.Комаров) и «Кедра» (Ю.А.Гагарин).

«Кедр»: — *Ждём тебя на земле, дорогой.*
«Рубин»: — *До встречи!*
«Кедр»: — Даём сверку времени.
«Рубин»: — *Проверка по времени: минус одна секунда.*
«Кедр»: — *Отлично. Тебе повезло с часами. Хорошие поставили. Не забудь как следует поплотнее привязаться-пристегнуться перед входом в плотные...*
«Рубин»: — *Из оборудования научного я только хронограф взял...*
«Кедр»: — *На память его привезёшь... Тут товарищи передают тебе горячий-горячий привет, самые добрые пожелания мягкой и хорошей посадки.*
«Рубин»: — *Большое спасибо. Осталось до встречи немного, скоро увидимся. Желаю вам успехов во всём.*

...А на той оренбургской встрече Гагарин так закончил свой горестный рассказ:

«На высоте девяти тысяч метров раскрылся тормозной парашют. За ним должен был выйти основной парашют, но он так и не вышел из контейнера. Отказала автоматическая система. Был включён запасной парашют. Он гораздо меньше, но вполне обеспечивал нормальную посадку. К моменту его выброса из контейнера тормозной парашют должен был отстрелиться, но этого тоже не произошло. Одна авария наложилась на другую. Несмотря на то, что запасной парашют вытянулся на всю длину строп, ему не дал наполниться воздухом тормозной парашют. Поэтому корабль шёл к земле с огромной скоростью — 100 метров в секунду. От удара Владимир Комаров погиб. Разрушился и корабль...»

Потом были разные слухи. Говорили, что Комаров катапультировался, называли 12 мест, где он приземлился, в том числе и Киев, и Африку, и США. Но так не бывает...

Юрий Алексеевич выступал тогда перед преподавателями и курсантами Оренбургского лётного училища, то есть перед «своими», поэтому был предельно откровенен. Отец, будучи тогда корреспондентом Всесоюзного радио, записал несколько кассет на свой «Репортёр». Согласно инструкции они, как особо ценные, были переданы в архив Гостелерадио, возможно, они до сих пор там хранятся. Но там — неполная запись. Отец рассказал, что

после встречи к нему подошёл штатский, представился майором КГБ, попросил прокрутить магнитофон. И потом говорил: вот это надо стереть, вот это... Была стёрта приведённая выше запись о неудаче на орбите и комментарии по этому поводу Королёва. Некоторые стёртые записи отец мне пересказал.

Гагарину был задан вопрос, что он испытывал при входе в плотные слои атмосферы. Ответил Гагарин примерно так: «Обшивка корабля пылала ярким пламенем, у меня вырвалось: «Прощайте, товарищи, я горю!» И добавил: «К тому же трясло так, как в телеге на разбитой сельской дороге».

— Это надо убрать! Разве могут быть разбитые сельские дороги в стране, строящей коммунизм?! — приказал майор.

Ещё одно сокращение — уже чисто цензурное. Рассказывая о космической программе, Юрий Алексеевич утверждал: «Мы люди военные, поэтому, разумеется, выполняем поручения министерства обороны».

Мне посчастливилось увидеться с первым космонавтом уже в «Артеке», в 1962 году, мне было 12 лет. Как-то раз наш воспитатель предложил пойти на экскурсию в Гурзуф. И сказал, что там, в санатории министерства обороны, отдыхает Гагарин, и можно попытаться встретиться с ним. Можно представить, какой энтузиазм вызвало это предложение. Мы остались на улице около веранды, а пионервожатый прошёл в корпус. Томительное ожидание. И вот на пороге появился наш кумир. Мы закричали: «Ура!!!» Юрий Алексеевич улыбнулся. Сказал: «Давайте сфотографируемся!»

У меня был фотоаппарат «Смена-6», но я даже не прикоснулся к нему, потому что боялся, что на снимке буду далеко от НЕГО. Я протиснулся к нему, взял за руку (я и сейчас, в XXI веке, ощущаю тепло его мягкой руки). Потом меня немного в сторону оттеснила девушка, она прямо повисла на его руке. Но всё равно я был рядом. Гагарин попрощался. Я видел Гагарина всего несколько минут, но эта минутная встреча оставила в моей жизни самое яркое впечатление, хотя потом я встречался с президентами и премьерами, министрами и губернаторами, художниками и писателями, космонавтами и авиаторами, спортсменами и артистами, но то была встреча с БОЖЕСТВОМ.

***

О гибели Гагарина я узнал на вокзале в Свердловске. В конце марта 1968 года ко мне, первокурснику Уральского университета, из Оренбурга приехал на весенние каникулы брат Сергей. Мне показалось, что он вышел из вагона какой-то грустный. Я подумал: устал с дороги. Но он сказал: «По радио в поезде сообщили, что Гагарин погиб».

— Не может быть, это, наверное, говорили о Юрии Гаранине, вертолётчике, он недавно погиб во Франции.

— Нет, Юрий Гагарин, сказали, что самолёт пропал с радаров.

— Так это самолёт, сам Гагарин жив. Его ещё найдут!

Но... Так не бывает... Юрий Гагарин вернулся на небо... Навечно...

***

27 января 2017 года мне приснился сон, будто мне звонит мой брат и говорит: «Умер Гагарин». Я ему говорю: «Он же давно погиб, ты же сам мне об этом первый сообщил». И вроде бы брат ответил: «Теперь умер по-настоящему». Дальше мне видится, что из Кремлёвской стены достают урну и предают прах не земле, а космическому пространству. И урна плывёт среди звёзд, исчезая среди них.

Проснувшись, я подумал, что, если бы не тот роковой полёт, Юрий Алексеевич мог прожить большую яркую жизнь и тихо умереть 27 января 2017 года. Уверен, что история нашей России при живом Гагарине развивалась бы как-то по-другому.

Но ТАК НЕ БЫВАЕТ.

Юрий Гагарин среди родных Валентины

С женой Валентиной и дочерью Галиной

За бильярдным столом на Гагаринской даче

Светлана ВАСИЛЕНКО

ГАГАРИН

Светлана Владимировна Василенко родилась в пос. Капустин Яр Владимирского района Астраханской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького, Высшие сценарные и режиссёрские курсы при Госкино. Прозаик, сценарист, по её сценариям поставлено несколько художественных сериалов. Произведения переведены на 14 языков, вышли в Германии и США. Лауреат российских и международных премий. Член Русского ПЕН-клуба, Союза кинематографистов России. Первый секретарь Союза российских писателей. Живёт в Москве.

Когда он полетел в космос, мне было пять лет. Я этот момент помню, как яркую вспышку, так как наш Капустин Яр был военным городом ракетчиков, и все офицеры и их семьи радовались не как простые люди, а как профессионалы, работающие с космосом и ракетами. Запускать ракеты в космос — была их работа. Космодром Байконур и ракетный полигон Капустин Яр — они были как братья-близнецы, как единое пространство, работающее на космос: Байконур над мирным, а Кап-Яр над военным космическим заказом. Наши офицеры были и здесь, и там, и именно они и запускали Гагарина в космос. Некоторые с ним были даже знакомы. На нашей улице «Советская армия», где я жила, стояла гостиница, куда приезжал Сергей Королёв, генеральный конструктор, катал нас, детей, на «газике»; мы его называли дядей Серёжей. Моя соседка во время его приездов была у него поварихой и официанткой. Недавно она вспоминала, что он взял её на эту должность потому, что она подавала суп на подстановочной тарелке.

А увидела я Гагарина, когда поехала в Ростовскую область на каникулы к своему родному дяде Васе, моему крёстному отцу. Это было в 1967 году, летом, 13 июня, когда мне было 11 с половиной лет. В совхоз «Красная Заря» Боковского района, где жил тогда мой дядя, Василенко Василий Савельевич, приехали гонцы из станицы Вёшенской и сказали, что там, в Вёшках, сегодня будет выступать Юрий Гагарин! Директор совхоза дал грузовик, и все, как услышали про Гагарина, прибежали и полезли в кузов грузовика. Мы с дядей Васей, тётей Любой и двоюродной сестрой Галей тоже залезли. Люди бежали со всех сторон. А мой 10-летний двоюродный брат Валера был оставлен отцом дома, больше некому было встретить корову с пастбища. Он стоял на дороге и смотрел нам вслед. Он не увидел Гагарина, о чём до сих пор жалеет, иногда этот уже взрослый и мужественный человек, дослужившийся до полковника, даже плачет, когда я об этом начинаю вспоминать.

Мы же приехали в станицу Вёшенскую на площадь. Вся площадь была заполнена народом. Мы встали очень далеко, и ничего не было видно. И я, бросив родственников, пробралась почти к деревянной сцене и встала сбоку. И тут же увидела очень близко от себя идущих к сцене Юрия Гагарина и Михаила Шолохова. Юрий Гагарин был небольшого роста (это меня поразило, я-то считала, что он как герой должен быть роста богатырского), с загорелым лицом, очень живым, улыбающимся, тёплым, родным. Его бровь была рассечена, и шрам был совсем свежим, и казалось, что ещё кровоточит. Шолохов, взяв слово, подтвердил, что шрам этот действительно получен был здесь, на донской земле, когда Гагарин неудачно прыгнул с крутого берега в Дон и головой ударился об корягу. Шолохов (он тоже оказался небольшого роста, ниже Гагарина, и был в холщовой серой рубахе, подпоясанной то ли ремешком, то ли поясом, как раньше крестьяне ходили, и этим меня удивил) сказал, что, вот, мол, человек летал в космос и вернулся, а здесь у нас, на Дону, мы могли сегодня потерять Юрия Гагарина. То ли пошутил, то ли серьёзно сказал. У меня тоже был такой же шрам на брови, я его тут же потрогала, я помнила, как однажды в первом классе бежала вокруг школы, столкнулась с другими школьниками, упала, рассекла бровь, как её зашивали без всякого наркоза и как было больно. И, мгновенно всё это пережив, пожалела Гагарина всем своим детским сердцем.

Обстановка на площади была необыкновенной: вроде бы праздничной, но в то же время все чувствовали, что присутствуют при каком-то невероятном событии. Какая-то необычная потрясённость витала над площадью. Все смотрели на Гагарина как на Бога, который воскрес, спустился с небес и приехал к ним в станицу Вёшенскую. И правда, Гагарин весь светился, улыбаясь, он был таким сгустком света — и на него были устремлены все взгляды людей, как на чудо. Что он говорил, я не очень помню.

Что-то шутливое, про Дон, про ту же корягу. Потом про Шолохова. И про земляков Шолохова. Про них, здесь стоящих людей. И это было счастье, счастье! Люди стояли со слезами на глазах и смотрели на него. Что-то было почти религиозное в их взорах.

Но вот к сцене подошли пионеры, Гагарин сошёл со сцены и оказался совсем рядом со мной, в двух шагах. Совсем близко я увидела его любимое лицо. Один из пионеров, вытянув руки и держа на ладонях красный шёлковый пионерский галстук, громко сказал с южнорусским говором, выделяя фрикативное «г»: «ДороХой Юрий Алексеевич Хахарин! Торжественно принимаем вас в почётные пионеры нашей дружины!»

Пионер повязал Гагарину пионерский галстук и отсалютовал. Гагарин с красным галстуком на шее отсалютовал ему тоже, потом помахал всем рукой, и они с Шолоховым ушли. Так он мне и запомнился: в красном галстуке, отдающим пионерский салют.

Через 10 месяцев, 27 марта 1968 года Гагарин разбился. Был мартовский солнечный день, я шла из школы и проходила мимо городской столовой «Стряпуха» — и вдруг услышала, как по радио громко на всю улицу сказали, что Гагарин погиб. Помню, что сразу заплакала, так как Гагарин стал мне прошлым летом очень близким человеком, а не только героем, я его видела очень близко, видела его лицо, его загар, его малый рост, его улыбку. Я шла и плакала, словно потеряла родного человека, вспоминая его свежий кровоточащий шрам над бровью, и сейчас этот шрам казался мне предчувствием, предзнаменованием, знаком грядущей гибели Юрия Гагарина, нашего героя, нашего советского Бога.

Много лет спустя студенткой Литературного института я по студенческому обмену поехала в ГДР, в Лейпциг, где находился наш побратим, такой же немецкий Литературный институт. Конечно же, сразу пошли в Бах-кирху: церковь, в которой когда-то играл на органе сам Бах, — и попали на службу. Священник что-то долго говорил с кафедры на чужом языке, и вдруг я услышала знакомое имя — Гагарин. Оно повторялось несколько раз. Я попросила сопровождающего нас переводчика перевести проповедь. И переводчик начал быстро переводить.

— Сегодня день Вознесения. День, когда Христос вознёсся на небо, — говорил священник. — В этом году День Вознесения совпал с 12 апреля, когда Юрий Гагарин впервые полетел в космос. И это знак всем нам, людям. Мы все были свидетелями вознесения человека. Полёт в космос Юрия Гагарина есть доказательство силы и торжества Бога!

Потом заиграл орган — играли Баха — и всё слилось во что-то мощное, огромное, торжественно-ревущее: Вознесение — Бог, музыка — Бах, космос — Гагарин, и те ликующие люди на площади в Вёшках.

29.01.2021
Переделкино

Иван КОННОВ

СОЗВЕЗДИЕ ГАГАРИНА

Иван Глебович Коннов родился в 1945 году в селе Ивановка Асекеевского района. После службы в армии окончил Оренбургский педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу в одной из бузулукских школ, работал в партийных органах, в областном киновидеообъединении и администрации области. Член Союза писателей России. Автор нескольких литературоведческих книг и многочисленных газетных и журнальных литературно-краеведческих очерков, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» им. Валериана Правдухина. Живёт в Оренбурге.

В год 60-летия первого полёта человека в космос задаёшься вопросом: как разорённая войной наша страна смогла совершить такой прорыв в науке и технике, оставив в хвосте мощные индустриальные державы? Космический мир сегодня — это не только полёты за пределы Солнечной системы, освоение Луны и Марса, но и пять тысяч спутников Земли, несущих вахты на околоземных орбитах, чтобы предсказывать погоду, осуществлять связь между континентами, наблюдать за лесными пожарами и страховать цивилизацию от уничтожения, помогая избежать всемирной ядерной катастрофы. Такова наша эпоха. Но мы должны всегда помнить, что её начало положил простой паренёк из Смоленщины — наш Юрий Гагарин.

За прошедшие десятилетия слава беспримерного подвига первого космонавта Земли не померкла. Ещё живы тысячи людей, которые имели счастье видеть его,

общаться с ним. За семь лет, которые отпустила ему жизнь после звёздной Одиссеи, он побывал более чем в 30 странах, где его встречали, по словам поэта, «как первого жителя рая». О подвиге Гагарина написаны книги, сняты фильмы, его образ нашёл широкое отражение в изобразительном и, конечно же, в музыкальном искусстве. Надо сказать, что из всей творческой среды ближе всех к покорителям космоса были именно создатели песен. Эта традиция шла ещё из довоенных лет, когда авиация интенсивно развивалась и была необычайно популярной. Вся страна с восторгом следила за достижениями советских лётчиков, спасавших челюскинцев и устанавливавших мировые рекорды скорости полёта, высоты, грузоподъёмности, дальности беспересадочных перелётов. Имена В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова, А.В. Белякова, М.М. Громова, М.В. Водопьянова знал каждый школьник. Многие ребята мечтали об авиации, занимались в аэроклубах. С аэроклуба началась дорога в космос и для Ю.А.Гагарина.

Ещё в двадцатые годы возник знаменитый «Авиамарш», написанный поэтом Павлом Германом и композитором Юлием Хайтом:

Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Эта песня стала официальным маршем ВВС, который долгие годы исполнялся на Красной площади в дни первомайских и ноябрьских демонстраций и парадов. Под его одухотворяющие звуки отправлялись в полёт и возвращались на Землю наши космонавты. В архиве семьи композитора хранятся страницы партитуры «Авиамарша», на которой оставили автографы первые покорители космоса. И среди них Юрий Гагарин, расписавшийся на ней вскоре после полёта — 15 апреля 1961 года.

Песни о «крылатом племени», созданные после войны, уже несут в себе так называемое «предчувствие космоса». В 1948 году композитор Борис Мокроусов и поэт Алексей Фатьянов написали песню «Мы люди большого полёта», в которой задолго до штурма звёздных высот утверждалось: «До самой далёкой планеты не так уж, друзья, далеко». После гагаринского полёта эта песня в исполнении вдохновенного дуэта В.Бунчикова и В.Нечаева зазвучала особенно торжествующе и гордо.

Горячо любимой лётчиками, а затем космонавтами стала величественная песня Д.Шостаковича на слова Е.Долматовского «Родина слышит, Родина знает». Её мелодия долгие годы служила позывными Всесоюзного радио. Исполнение песни солистом хора мальчиков Женей Талановым в сопровождении взрослого состава хорового училища под управлением А.Свешникова стало классическим. В сохранившейся стенограмме космического старта Ю.А.Гагарина записано, как он

напевал: «Родина слышит, Родина знает...». При приземлении она ему вспомнилась вновь: «Был полон радости, когда коснулся Земли. Спускаясь, пел песню «Родина слышит».

В начале 1960-х годов начали создаваться песни, посвящённые непосредственно покорителям космоса. Одной из первых стала «14 минут до старта» («Я верю, друзья»). Её замысел родился в марте 1961 года на Всесоюзном радио, где в то время работал писатель Владимир Войнович. Както он услышал, что один из редакторов обзванивает известных поэтов и просит срочно написать песню на космическую тему. Отказались все, и тогда Войнович предложил: «Давайте напишу я». Редактор усомнился: «Вы ведь никогда не писали песен». «Не писал, но могу попробовать», — сказал Войнович и наутро принёс готовый текст, который в редакции в целом одобрили, но попросили внести некоторые коррективы. Так вместо «планета голубая» появилась «планета дорогая», в строке «давайте-ка, ребята, закурим перед стартом» слово «закурим» заменили на «споёмте». Настаивали на том, чтобы автор заменил словосочетание «пыльные тропинки» на «новые» или «первые» тропинки, с чем Войнович не согласился. Пока редактировали текст, в космос полетел Гагарин, и композитор Оскар Фельцман писал музыку к песне как раз 12 апреля. Может быть, поэтому она получилась такой бодрой, оптимистичной. В дни чествования первого космонавта песня звучала редко, особенно популярной она стала после полёта А.Николаева и П.Поповича в августе 1962 года. Чествуя их на Красной площади, её с трибуны Мавзолея процитировал сам Н.С.Хрущёв. Затем на встрече космонавтов с передовиками производства, артистами, военнослужащими, студентами песню блестяще исполнил Владимир Трошин. Её записали на радио, выпустили пластинку, которая моментально разошлась по всей стране.

В 1963 году на экраны страны вышел фильм «Мечте навстречу», снятый на Одесской киностудии. Фильм мало кому запомнился, разве что любителям фантастики, а вот прозвучавшие в нём песни сразу же стали популярными. Их помнят до сих пор, в День космонавтики их можно услышать по телевидению и радио. Это песни «И на Марсе будут яблони цвести» и «Я — Земля! Я своих провожаю питомцев...», музыку к ним написал выдающийся композитор Вано Мурадели, а стихи — признанный поэт-песенник Евгений Долматовский. Первую песню в фильме исполнил уже прочно вписавшийся в космическую тематику Владимир Трошин. Кстати, в 1991 году за исполнение на Центральном телевидении 15 лучших песен о космосе Владимир Константинович был

Юрий Гагарин и Эдита Пьеха

награждён юбилейной медалью имени С.П.Королёва. Маршем космонавтов названа в фильме «Мечте навстречу» песня «Я — Земля! Я своих провожаю питомцев...», её с особым воодушевлением, вдохновенно и страстно спела замечательная певица Ольга Воронец. Позднее эту песню включила в свой репертуар и Людмила Зыкина.

Большой популярностью у космонавтов пользовался ансамбль «Дружба» с неподражаемой Эдитой Пьехой. Эту певицу, отличавшуюся особым шармом и оригинальной манерой исполнения, любили и Юрий Гагарин, и Герман Титов, и Валентина Терешкова, словом, все наши первые космонавты, имена которых произносились тогда с трепетом, гордостью и волнением. Особенно героев космоса восхищало исполнение Эдитой Пьехой песни А.Пахмутовой «Надежда». Её мелодия часто звучала в космосе, став своеобразным песенным талисманом покорителей звёздных пространств. У них стало традицией слушать песню перед каждым полётом. «Надежду» по-своему замечательно исполняла и несравненная Анна Герман.

В начале 1968 года Эдита Пьеха записала песню О.Фельцмана на стихи Р.Рождественского «Огромное небо» — о подвиге советских лётчиков, ценой собственной жизни спасших многих людей. Песня оказалась созвучна концу романтической эры первопроходцев космоса: уже не было в живых Комарова, через несколько месяцев оборвётся жизнь Гагарина. Пьеха успела исполнить эту песню в присутствии космонавта №1. Он отреагировал неожиданно: снял со своего мундира значок «Военный лётчик I класса» и подарил певице. Потом, когда во время гастролей, в поезде, по дороге в Николаев, по радио сообщили, что погиб Гагарин, Эдита плакала, как ребёнок. Но артист есть артист, и программу выступлений никто не отменял. Свой концерт Пьеха начала песней, посвящённой памяти лётчика-космонавта №1. И зал встал. Об огромном небе слушали стоя. А когда затих последний звук, никто не захлопал, в зале стояла мёртвая тишина.

О. Фельцман и Р. Рождественский в работе над песней «Огромное небо»

Уникальна история рождения песни «Мне приснился шум дождя», также любимой космонавтами. В 1975 году космонавт Виталий Севастьянов работал на орбите с Петром Климуком. На двадцатые сутки полёта у него выдался выходной день, и он проспал тринадцать часов. Проснулся со щемящим чувством грусти, тоски по Земле, по родному дому. Ему приснился шум дождя, обыкновенного земного дождя. Он спросил Климука: «Петя, а ты помнишь шум дождя?» «Забыл уже», — ответил Климук (в космосе, где человек надолго лишён земных ощущений, пахнет только горелыми проводами). На ближайшем сеансе связи с Землёй Севастьянов рассказал об этом сне. «А у нас вчера была гроза, до сих пор улицы дождём пахнут», — ответили в Центре управления полётами. Рассказ Севастьянова о космическом сне стал известен поэту Владимиру Лазареву. И родились строки:

Вот уж много дней и ночей
мы летим, обгоняя вечность…
Звёзды в линиях чертежей,
уходящие в бесконечность.
Мне приснился шум дождя,
и шаги твои в тумане.
Всё я помню, в небо уходя,
и сказал всему: «До свиданья!»

Поэт был настолько вдохновлён словами космонавта, что не смог дотерпеть до утра. Он позвонил композитору Евгению Доге,

Лётчик-космонавт СССР Г.М.Гречко и Евгений Дога — автор песни «Мне приснился шум дождя»

продиктовал только что написанный текст; вскоре родилась и проникновенная мелодия. Песня «Мне приснился шум дождя» стала лауреатом Всесоюзного телевизионного фестиваля советской песни в 1977 году. На заключительном концерте фестиваля её исполнили заслуженная артистка России Надежда Чепрага и народный артист РФ, ведущий солист ансамбля советской песни Всесоюзного радио и Центрального ТВ Владислав Коннов.

На советских орбитальных станциях звучал голос необычайно популярного тогда Владимира Высоцкого. Как известно, экипажи, отправляющиеся в длительные полёты, подбирают себе музыку, которая помогает им снимать стресс. Естественно, каждый экипаж выбирал разную музыку, и лишь в одном исполнителе сходились все: плёнка с записями песен Владимира Высоцкого не покидала станцию «Салют-6» несколько лет, начиная с декабря 1977 года. Обложку от этой кассеты космонавты подарили Высоцкому, а сама кассета осталась работать в космосе. Г.М.Гречко рассказывал: «Когда нас с Юрой Романенко перед полётом спросили, какие магнитофонные записи хотели бы взять с собой на орбиту, мы, не задумываясь, ответили: песни Владимира Высоцкого. Нам достали кассету. Не думал, что у неё будет не совсем обычная судьба... Перед возвращением на Землю у нас появилась мысль вернуть из космоса кассету и подарить Высоцкому в знак благодарности за поддержку. Я взял кассету, вынул из неё суперобложку, поставил

Композитор В. Мигуля — автор песни «Трава у дома»

штамп станции. Вместе с Юрой мы написали ему слова благодарности, расписались и уже хотели положить кассету в сумку для спуска на Землю, но одна мысль нас остановила. Песни Высоцкого поддерживали нас, а вскоре на станцию прилетят наши товарищи. Они будут в космосе дольше, и у них будет более трудная задача. Почему мы лишаем их поддержки? И тогда мы кассету вынули, а на Землю спустили лишь коробочку с суперобложкой». Сейчас этот побывавший в космосе экспонат находится на хранении в музее В.С.Высоцкого в Москве.

12 апреля 1982 года, в День космонавтики, по телевидению впервые прозвучала песня «Трава у дома». В программе «Притяжение Земли» её исполнил автор — композитор и певец Владимир Мигуля. Но необыкновенную популярность песня получила спустя некоторое время, когда её записала рок-группа «Земляне»; эта композиция стала визитной карточкой коллектива. Идея песни возникла у Мигули в 1981 году, когда широко отмечалось 20-летие первого полёта человека в космос. К тому времени о подвиге Гагарина, о покорении космоса было создано множество прекрасных песен, удивить публику чем-то новым, необычным было непросто. В восьмидесятых годах полёты на орбиту воспринимались уже как привычная, хотя по-прежнему опасная и напряжённая работа. Успехами советских исследователей космоса народ гордился, но уже не удивлялся им. И это должны были учесть мастера песенного творчества. Поэтому молодой композитор Владимир Мигуля решил уйти от пафосности прежних «космических» мелодий и создать песню на сугубо лирической основе.

Со своей идеей он пришёл к поэту Анатолию Поперечному. Вскоре у того родилось стихотворение «Трава у дома». Именно этот образ оказался особенно близким космонавтам, часто находящимся бесконечно далеко от родного дома. Получив готовые стихи, Мигуля быстро написал мелодию. Изначально «Трава у дома» была лирической эстрадной песней, но «Земляне» превратили её в своеобразный рок-гимн. Коллектив использовал

более тяжёлую аранжировку и исполнял композицию в рок-эстетике — костюмы, инструменты, подача делали трек динамичным и ярким. В 1983 году «Трава у дома» стала лауреатом телевизионной программы «Песня года». Говорят, что Мигуля первоначально отнёсся к рок-версии «Землян» скептически, но именно в этом виде она стала всенародным шлягером. Космонавтам она тоже пришлась по вкусу, её запись брали с собой на орбиту. «Земляне» и их тогдашний солист Сергей Скачков много раз выступали на юбилейных концертах и вечеринках у космонавтов, а в 2009 году решением «Роскосмоса» песне присвоен официальный общественный статус Гимна российской космонавтики.

Песни о лётчиках и космонавтах — одна из ярких страниц в творчестве лауреатов Государственной премии СССР композитора Александры Пахмутовой и поэта Николая Добронравова. Лётную тему они начали с песни «Обнимая небо», затем были созданы композиции «На взлёт», «Мы учим летать самолёты». Но самым выдающимся произведением этого цикла стала легендарная «Нежность». По воспоминаниям Н.Добронравова, сначала была музыка, но уже на первом этапе появилась строчка «Опустела без тебя Земля», она и дала музыкальный импульс. Песня вся пропитана поэтическим вдохновением. Композитору удалось тонко и целомудренно выразить переживание разлуки, которое несёт в себе и ощущение томительной пустоты, и предвкушение встречи. Проникновенная мелодия превосходно передаёт состояние обнажённого душевного страдания, глубоко прочувствованной нежности. Авторы песни хорошо знали лётчиков-испытателей, первых космонавтов, им была знакома фраза Сент-Экзюпери «Лётчик улетает и не возвращается». Они с болью воспринимали горе жён, не дождавшихся мужей из испытательных полётов. Известно, что космонавт Владимир Комаров перед своим последним полётом просил Юрия Гагарина передать Пахмутовой и Добронравову благодарность за песню «Нежность». В.М. Комаров погиб 24 апреля 1967 года при аварийной посадке корабля «Союз». Менее чем через год не стало Ю.А. Гагарина. И хотя «Нежность» была написана при его жизни, многие воспринимают её как реквием по первому космонавту планеты.

А.Пахмутова и Н.Добронравов близко знали Ю.А. Гагарина, дружили с ним, поэтому посчитали своим долгом отдать дань его памяти. Приступая к созданию вокального цикла «Созвездие Гагарина», композитор сказала: «Может быть, когда люди назовут его именем новые звёзды, и не в поэтическом воображении, а наяву засияет над нашей Землёй самое яркое созвездие. О Гагарине будут написаны книги и

сложены легенды. А эти первые песни пусть будут просто воспоминанием о нём и благодарностью судьбе за то, что она познакомила нас с этим солнечным человеком».

Пять песен цикла объединены единым замыслом: образ лётчика-героя, покорителя просторов Вселенной раскрывается во всём многообразии его характера, устремлений, настроений, свойственных и ему лично, и всем представителям его героической профессии. Обрамляют цикл композиции «Запевала звёздных дорог» и «Созвездье Гагарина», которые воплощают волевые качества первопроходцев космоса. Песням приданы энергичный маршевый темп, «рубленая» форма, чёткость интонаций, они создают впечатление военной строгости, мужественной силы. Применяемые здесь композитором музыкально-выразительные средства воспроизводят настроение готовности к подвигу.

Лирическую основу цикла составляют произведения, воссоздающие образ Гагарина — земного человека. Ярче и убедительнее всего это удалось композитору и поэту в песне «Знаете, каким он парнем был». В ней рассказывается о необыкновенном человеческом обаянии Юрия Алексеевича, его чисто мальчишеской непосредственности, умении смеяться и шутить, нежно и преданно любить людей. Именно таким сохранился образ Гагарина в памяти миллионов. Песня и о том, что со смертью героя не прерываются заложенные им традиции покорения звёздных пространств. Как клятву, повторяют новые поколения космонавтов гагаринские слова и выражения, его шутливо-неустрашимое «Поехали!», сказанное во время старта 12 апреля 1961 года.

Он сказал: «Поехали!»,
Он взмахнул рукой,
Словно вдоль по Питерской,
Питерской,
Пронёсся над Землёй...

Ю.А. Гагарин с А.Н. Пахмутовой и Н.Н. Добронравовым

Эти строчки припева сразу же создали песне Пахмутовой широкую популярность. Мощно, глубоко, эмоционально звучала она в исполнении народного артиста СССР, солиста Большого театра Юрия Гуляева. Он сумел передать в песне безграничное восхищение подвигом Гагарина, любовь к этому замечательному человеку и светлую веру в его бессмертие.

В цикле о Гагарине А.Н. Пахмутова выступила как преемник лучших традиций отечественного вокального искусства. Премьера её замечательных песен о Колумбе Вселенной состоялась 12 апреля 1971 года. Кроме Юрия Гуляева, высокая честь исполнить их выпала Людмиле Зыкиной. «В тот день, — вспоминала Людмила Георгиевна, — я, признаюсь, впервые за много лет ощутила душевное смятение от значимости песенной темы, ответственности перед памятью героя. Трудно мне далась песня «Как нас Юра в поход провожал». Долго искала свою интонацию затаённого рассказа о скорби, о боли утраты... Едва начала «Смоленскую дорогу», как увидела в четвёртом ряду молодую женщину в чёрном. Казалось, горе так и застыло на её лице. Валя Гагарина... Не помню, как допела: «И свежая могила у древнего Кремля». Слёзы душили меня, сжимали горло. Спасло, наверное, то, что многие в зале, не стесняясь, плакали». А венчала программу песня «Созвездие Гагарина», жизнеутверждающая, темпераментная, полная света, устремлённая к звёздам.

Тебя вспоминают Парижа
окраины,
Проспекты Москвы и рязанская рожь...
А дети на свете играют
в Гагарина —
Значит, ты на планете живёшь!

К этому можно добавить только одно: так было, так есть, так и будет.

Владимир ПЕТРОВ

ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Владимир Иванович Петров родился в 1947 г. в с. Староякшкине Грачёвского района Оренбургской области. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта. Служил в армии. Работал на различных инженерных и руководящих должностях в системе МПС. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» им. Валериана Правдухина, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2017).

Памяти Кошелева Николая Фёдоровича

1.

По югу Башкирии, вдоль бассейна реки Белой от города Стерлитамак протянулась Прибельская увалисто-волнистая равнина, переходящая из островков хвойно-лиственных лесов и степных шиханов в северные отроги Общего Сырта и западные хребты башкирского Южного Урала. В её начальной разнотравно-низинной и холмистой зоне, на левобережье небольшой, в какие-то полтора километров речки Барча расположилась деревня Столяровка.

Благоприятное для своего житья-бытья место выбрали её основатели. На пологих берегах Барчи молодел гибкий тальник, тесно обступивший возрастные осины и вётлы, зверушки и птицы водились. В родниковых водах ловился пескарь, оголец и другая мелочь. При весеннем разливе из

реки Белой во вливавшуюся в неё Барчу заходила и более крупная рыба, чаще всего щука. Ниже по речке зеленели сочной травой пойменные луга для выпаса коров, озерцо — для водопоя и купания — синело. Выше, на ковыльных склонах Красной горы, было где разгуляться лошадям...

К середине двадцатого столетия Столяровка насчитывала около семи десятков изб, выстроившихся в две шеренги по сторонам грунтовой дороги, неизменно прямой с основания деревни. По течению речки, в одной из них, одиннадцатой по счёту в верхнем ряду, жила семья Фёдора Ивановича, правнука первого из Кошелевых, переселившихся в Башкирию из Пензенской губернии в 1880 году.

В ней, считай, через восемь десятков лет после случившегося приезда Кошелевых на здешние земли, точнее, 28 сентября 1958 года, к Васе и Саше, шести и двух лет от роду, и пятилетней Гале добавился новорождённый братишка, очередной представитель многочисленного рода, известного по церковным записям с первой половины семнадцатого века. Колей его назвали. Рос он крепким и подвижным ребёнком, дружками-погодками верховодил. Обыденно, размеренно катилась деревенская жизнь. Трудились столяровцы, детей растили, праздники справляли, отдыхали на природе... Ладно всё и у Кошелевых было. Ничего не предвещало беды. Она же пришла неожиданно и непредсказуемо.

Незадолго до своего четырёхлетия Коля играл с мальчишками возле клуба. В тени высоких клёнов, гасящих в своих разлохмаченных ветвях жаркие солнечные лучи, они устроили спортивные состязания.

— А я дальше всех прыгнул, — подбежал Коля к проходившему мимо них отцу.

— Молодец! — Фёдор Иванович потрепал выцветшие на солнце лохмы сына. — Стремись быть первым во всём. Вырастешь — дальше меня, электрика, пойдёшь.

— Я буду стараться, пап...

— Ну, ладно, беги к дружкам... Спешу я.

Не без гордости полюбовавшись ловким, рослым для своих лет сынишкой, Фёдор Иванович направился к трансформатору, метра на четыре, самое малое, высившемуся в каких-то тридцати шагах от клуба среди вымахавших уже в человеческий рост лопухов и другой сорной травы, лишь на захват косы прокошенных по периметру ограды. Открыв запертую на замок дверцу, опустил поднятую нижнюю часть раскладной железной лестницы, прикреплённой к одному из опорных столбов, наверх поднялся. Быстро выявил причину, из-за которой отключился свет в деревне, взялся за устранение неисправности. Не найдя в монтёрской сумке нужной детали, домой заторопился. В спешке дверцу на замок не закрыл.

Его промашкой мигом воспользовались любопытные мальчишки.

На правах сына электрика Коля первым за ограду шагнул, первым и к лестнице подошёл. Она на добрый метр не доставала до земли. Но это не остановило настырного пацана. Подпрыгнув, он зацепился за неё и, упираясь ногами в опорный столб, сумел забраться на нижнюю ступень лестницы. Под одобрительные возгласы мальчишек одолел остальные ступени, добрался до площадки, на которой был установлен трансформатор. Осматривать стал ранее им не виданное. Его внимание привлекли металлические дугообразные шины из толстых пластин. Они разноцветно переливались в солнечных лучах, притягивая к себе взгляд, словно чёрно-белое с металлическим сине-зелёным отблеском оперенье сороки, подстреленной из ружья отцом в прошедшую зиму. Коле разом припомнилось, как ему стало жалко красивую птицу, как к ней, после меткого выстрела упавшей в сугроб с крыши бани, он добирался, утопая по пояс в снегу. Под впечатлением былого теперь ему сильно захотелось прикоснуться к этой металлической красоте. Невольно потянулся он к манящим его высоковольтным шинам и схватился за них обеими руками...

2.

Очнулся Коля в реанимационной палате городской больницы Салавата, города, недавно поднявшегося в каких-то всего лишь четырёх-пяти километрах от Столяровки. Увидев медсестру с капельницей, выдавил тихо:

— Пить...

— Ожил! — сильно удивилась сердобольная пожилая уже женщина. — Сейчас я...

Она вставила в еле заметную вену на не тронутой электроожогом части Колиного бёдрышка иглу с трубочным катетером, открыла зажимной краник под ёмкостью с питательным раствором:

— Лежи спокойно. За врачом побегу.

Коля проводил её взглядом. Готовый вновь провалиться в бессознательное состояние, в котором пребывал двое суток, он лежал в ожидании, не осознавая случившейся с ним беды: как подбежавший к трансформатору, на миг лишь всего припоздавший к сыну отец оказал ему первую помощь; как примчавшаяся из Салавата скорая доставила его в новую больницу города, где оперативно и верно определились с диагнозом и провели нужные процедуры.

— Надо же... При таком ударе с 80-процентным ожогом тела остаться живым! — продолжала удивляться вернувшаяся с врачом медсестра. — Признаться, думала, напрасно возимся с пацаном. Я уже и родителей мальчонки подготовила к худшему исходу. Обрадую их...

— В рубашке родился, — внимательно осмотрев вышедшего из комы пациента, согласился с ней заведующий реанимационным отделением. — Чудом сердце и мозг уцелели. Да и обугливщиеся руки вовремя ампутировали, не дали гангрене внутрь внедриться. Всё же, прошу, не торопитесь обнадёживать родных.

Всякое ещё может случиться. Нешуточная борьба за мальца предстоит, долгая...

Прогнозы оправдались. В течение трёх месяцев боролись врачи за Колину жизнь. Капельницы, переливание крови, пересадка кожи чередовались с частыми перевязками. Бинты сильно прикипали к обгоревшему телу. Приходилось в буквальном смысле отдирать их, что вызывало сильное кровотечение и нестерпимую боль. Коля неудержимо ревел от этой боли, тихонько плакал от своей беспомощности, несостоятельности даже утереть слёзы. Осознание безрукости с каждым днём нарастало. Но и при этой, казалось бы, непоправимости не отчаялся он. В нём, четырёхлетнем человечке, откуда-то взялось и после каждой перевязки укреплялось желание скорее выздороветь и продолжить свою жизнь в новом состоянии.

3.

Наконец-то настало время Колиной выписки. Его, как первого из вылечившихся тяжёлых пациентов новой больницы, провожал весь медперсонал.

— Ты выжил, чтобы жить! — напутствовал главврач. — Мы верим, что, несмотря на случившуюся беду, вырастешь достойным человеком!

Такое событие не осталось незамеченным и в Столяровке. У дома Кошелевых, возле палисадника с отцветающими красными астрами среди зелёных ещё кустов сирени и берёз, дружно собрались наслышанные о возвращении Коли односельчане. Ребятня с любопытством ощупывала пустые рукава его пиджачка. Здоровья и бодрости духа желали ему взрослые.

— Поглазели и будет! — Фёдор Иванович, не перестающий изводить себя за случившуюся страшную травму младшенького, прервал стихийный митинг и повёл сына во двор. — Не сникнет, дай Бог, пообвыкнется... без рук...

Непросто было Коле привыкать к «безрукой» жизни. Разные проблемы возникали, от многого приходилось ему отказываться. Но в уныние не впал. Целыми днями пропадал он с ребятами на улице, допоздна заигрывался — не дозовёшься, чем сердил мать. Однажды Анастасия Алексеевна решила наказать гуляку за непослушание. Отправив старшеньких в школу, не разбудила разоспавшегося, набегавшегося накануне сынишку, не одела, как обычно. Сама намеренно от домашних дел отлучилась, дверь на щеколду закрыла.

Проснувшийся Коля, в ожидании матери слоняясь по избе, заметил на полочке над входной дверью в сенцах резинового петушка. Надумал достать игрушку. Быстро сообразил, как это сделать. В кухонном закутке выбрал прочную табуретку, поддев ногой, подтащил к двери. В передней на школьном столе отыскал длинную линейку. Прикусив за конец планки, взобрался на табуретку, другим концом дотянулся до петушка и, расшатав его, сбросил на пол. С пола

пальцами ног поднял игрушку, которая оказалась свистулькой, на табуретку, ртом ухватил.

Насвистевшись, Коля подошёл к двухстворчатому окошку, на подоконник забрался — мать высматривать, где-то изрядно задержавшуюся. Ребят на улице увидел. Готовый в одних трусиках побежать за ними, зубами стерженёк шпингалета повернул, створки раскрыл. От хлынувшего, довольно уже зябкого предоктябрьского ветра поёжился, разом расхотел выскакивать на улицу. Быстро с подоконника слез, вполз под одеяло, вцепившись зубами за его краешек.

— А может, таким же образом одеться смогу? — осенило его.

Он вскочил с постели, подбежал к своей висящей на спинке стула одежде, в зубах на кровать перенёс. Крутясь ногами, извиваясь всем телом, натянул штаны с резиновым пояском. Ухватившись зубами за воротник рубашки, рывком накинул её на себя, с помощью дверного косяка расправил на плечах.

— Вот и оделся, — рассмеялся он, донельзя довольный собой.

Сунув босые ноги в мягкие вельветовые тапочки, через окошко выбрался в сад, на улицу выскочил и побежал к игравшим возле клуба дружкам...

Как и раньше, Коля стремился быть везде и во всём первым. Отсутствие рук не мешало ему по-прежнему быстрее всех бегать, быть лучшим в прыжках в длину с места и с разбега. Не было ему равных и в катаниях с горы. Накинув на шею верёвку, впрягался он в санки, по глубокому снегу взбирался на самый верх крутизны. Испытывая радость и гордость, быстро скатывался оттуда на зависть сверстникам, у которых не хватало сил сделать то же самое. Играл и в хоккей на замёрзшей Барче. Не зная страха и боязни, ногами и грудью защищал ворота. Умудрялся и на воде никому не уступать. Нырял с обрыва, дольше всех под водой держался. Сильно работая ногами, бесстрашно преодолевал речную быстрину и глубинные места на озере...

Отцовское наставление «Стремись быть первым во всём!» и напутствие главврача больницы «Ты выжил, чтобы жить!» с детских лет становились его жизненным кредо.

4.

Колин отец со своими четырьмя классами столяровской начальной школы грамотёшкой не отличался, но газеты выписывал регулярно и вечерами, после рабочего дня, управившись с домашними делами и отужинав, любил внимательно просматривать их.

Однажды и Коля, крутившийся возле отца, к газетам интерес проявил. Зубами взял одну из них, развернул на полу, фотографии и буквы стал рассматривать.

— Скорее бы научиться читать, — вслух подумал он.

— Успеется ещё. Окрепнуть перво-наперво надо как следует после больницы, — оторвался от чтения Фёдор Иванович, снова растревожив себя: каково же будет сыну в школе без рук-то?

Только не захотел Коля долгие два года до школы ждать. Поскольку к тому времени его братья Василий с Александром и сестра Галина уже в Салавате в школах-интернатах находились, а родителям не до сыновнего познавательного порыва было, решил он самостоятельно ученические азы постичь. Букварь у дружка выпросил, азбуку стал изучать. В газетах находил знакомые буквы, складывающиеся в слова. Освоил и составленные из них предложения. К шести годам, с нового, 1964 года, выписываемый отцом журнал «Роман-газета» вовсю стал читать. До школы также и цифры познал, складывать и умножать их научился.

Небольшое деревянное здание школы находилось в центре Столяровки, недалеко от Колиного дома. Отказавшись от помощи матери и дружков, Коля сам в зубах нёс портфель. От подобной носки его ручка скоро порвалась. Тогда догадался он ремешок к портфелю приладить, за плечо его зубами накидывать.

Класс из двенадцати учеников был дружным. К своему дошкольному лидеру, конечно же, все относились больше с уважением, чем с жалостью, за что он разрешал им доставать из портфеля школьные принадлежности. Дальше сам действовал. Зубами раскладывал на парте учебники и тетради, аккуратно перелистывал их. Зубами же держал ручку. Обмакиваемым в чернильницу пером красиво выводил буквы и цифры. Хорошо Коля и рисовал. Географическая карта Столяровки и её окрестностей, составленная им по заданию учительницы, оказалась самой наглядной и точной, поскольку не понаслышке знал он все ближайшие к деревне достопримечательности, не раз уже побывал там. Учился Коля легко и увлечённо, частенько соседям по парте на контрольных работах подсказывал и после занятий многим при выполнении домашних заданий помогал, за что ещё более уважаемым становился.

После столяровской четырёхлетки Коля продолжил учёбу в Салавате. Каждодневно с увесистой сумкой на плече пешком преодолевал он пятикилометровку до стекольного завода, потом, проехав несколько остановок на трамвае, ещё с километр шагал до городской школы № 11. Случавшиеся в пути дождь и снег не останавливали его, не возвращали домой. Вовремя, мокрым и озябшим приходил он в школу, в любую непогоду занятий не пропускал. Только с наступлением снежной зимы, когда донельзя затруднительной становилась кратчайшая до города, часто заметаемая дорога, в Салават к сестре Галине на зимнее житьё перебирался, не забывая при этом в свободное от школы время родную деревню посещать.

5.

Помимо способностей в учёбе, Коля с первого класса с лучшей стороны проявил себя и в технике. В те годы в моде был велосипед. У каждого пацана он имелся, у некоторых уже новых марок, взамен старых, используемых в большинстве своём лишь на запчасти. Из них-то, натащенных домой от ребят, Коля, понимающий, что ему, безрукому, от родителей не дождаться магазинного велосипеда, и надумал собрать собственный двухколёсный.

Не одну неделю возился, пальцами ног и зубами прилаживая, прикручивая к раме нужные детали. Добился-таки своего, на удивление взрослым и детям выкатился на велике собственной сборки, предварительно на своём дворе научившись кататься без рук. На следующее лето умудрился он двигатель, выкинутый за ненужностью в металлолом, но довольно сносный ещё, починить, к своему велосипеду приладить. На зависть дружкам стремительно стал гонять на самодельном мопеде по Столяровке и её окрестностям, осмеливаясь даже за шесть километров укатить к родниковому озеру, синеющему чистыми водами у соседней деревни Семёновки.

В двенадцатилетнем возрасте вездесущий Коля в обваливающемся уже сарае на родительском подворье обнаружил отцовский давно вышедший из строя «Ковровец». Этот мотоцикл он в конце лета незаметно, в сумерках, на двор бабушки Надежды Кузьминичны перекатил, втащил в мазанку, куда из-за ненадобности давно никто не заглядывал. Разборку «Ковровца» начал незамедлительно, благо в мазанке окно с целыми стёклами имелось и в своё время туда отцом-электриком свет был проведён, оставалось Коле только лампочку в патрон зубами вкрутить.

К зиме юный техник до последнего болтика разобрал мотоцикл, список отсутствующих и подлежащих замене деталей составил. После школы в городских автолавках и на базаре-толкучке их выискивал, на сэкономленные деньги, из выдаваемых ему родителями на еду и на хитро выдумываемые им школьные расходы, нужное покупал. Некоторые объёмистые детали были чувствительным довеском к учебникам, но Коля при дороге домой не ощущал этой тяжести. Радость предстоящей сборки собственного мотоцикла придавала ему дополнительные силы.

На весенние каникулы Коля выполнил основные работы. Накануне майских праздников, когда установилась почти летняя погода, тщательно проверив качество сборки мотоцикла, выкатил его на подсохший после весеннего таяния двор. Заправил бак заранее припасённым бензином, выпрошенным у знакомых шофёров. Открыл кран, сделал подсос бензина в карбюратор.

С забившимся от волнения сердцем Коля приступил к запуску двигателя. При первом

же нажатии ногой на кикстартер мотоцикл завёлся. Отвёрткой в зубах он отрегулировал болтиком холостой ход. Мотор заработал как часы. От нахлынувшего восторга Коля запрыгал, забегал вокруг мотоцикла. Заглушив его, взялся за переделку под себя управления, руль выше поднял, до плеч, ручной газ на ножную педаль перевёл. Сцепление с левой стороны руля переместил к середине, чтобы удобнее было выжимать подбородком. Вновь мотоцикл завёл, во всю мощь газанул.

На громкий шум подошли отец и старший брат. Увидев в рабочем состоянии свой давно пришедший в негодность мотоцикл, с которого не одна уже деталь была снята для других «Ковровцев», Фёдор Иванович ахнул:

— Чудеса и только! С кем умудрился...

— Сам! — не дал ему договорить Коля. — Всю зиму возился.

— Не верится даже...

— Ровно, ритмично работает, — не переставал удивляться и Василий. — Помнится, и с новья в нём такой чёткости не было... Молодец, Колян!

Окрылённый похвалой Коля оседлал мотоцикл. Проехавшись по двору, крикнул брату:

— Открой калитку!

Обдав Василия выхлопным газом, он выскочил на улицу и окрылённо помчался по ней к Салавату. Казалось, и природа ликовала вместе с ним: улыбалось, искрилось лучами солнышко; по обочинам дороги ковриком расстелилась первая травка; тёплый ветерок, помахивая только что проклюнувшимися клейкими листочками деревьев, словно зелёными флажками, трепал его торчком поднятые вихры...

6.

Коля выжил, чтобы жить. Осознавая свою неполноценность, не выказывал её, ни взрослым, ни сверстникам не давал малейшего повода относиться к нему как к инвалиду. По-прежнему, как и до страшной электротравмы, он верховодил на улице, рос неугомонным и хулиганистым пацаном, был талантливым и в своих проделках.

Тяга к чтению подвигла его на каникулах после второго класса проделать лаз в подпол школьного здания и, сдвинув доски пола, забраться в школьную библиотеку. Все книжки, считай, за лето перетаскал оттуда, начитался вволю. На следующие каникулы Коля школьным дровяником заинтересовался. У матери, школьной технички, топящей голландку и моющей полы, ключ от амбарного замка выкрал. Старые парты там хранились. На одной из них отцовским буром по низу боковых стенок он высверлил отверстия, железные стерженьки вставил, на которые колёсики от детской коляски надел, застопорил, чтобы не соскакивали. Недели две втайне трудился, потом ребят позвал.

Понравилось им Колино изобретение:

— Клёвая тележка получилась!

— Обеих бы наших училок на ней покатать...

— Грузные они. Колёса не выдержат, сломаются...

— Тогда одну только Марию Николаевну. Она полегче Марии Семёновны, к тому же заведующая школой...

— Не будем их беспокоить. Сами покатаемся, всех повеселим...

И впрямь удивились столяровцы необычному транспорту, Фёдор Иванович тоже. Оценив творческую смекалку сына, всё же за порчу школьного имущества, больше за выкраденный ключ и самовольное проникновение в дровяник, он чувствительно по Колиной спине ремнём прошёлся, а сильно осерчавшая мать несколько дней на улицу не отпускала.

Быстро забыл Коля о наказании. Вскоре на рыбалке вновь отличился. Надумав рыбу с картошкой пожарить, на развилку стволов огромной ветлы умудрился хворост втащить и развести костерок, тотчас заискрившийся на внезапно усилившемся ветру. Чуть пожара не наделал. Следом, уже в безветренный день, прицепив к багажнику большую ветку с густой листвой, стал носиться по деревенской улице на велосипеде. Такую несусветную пыль поднял по Столяровке, что к вечеру вышедшим посидеть на завалинках своих домов старым людям дышать было нечем. С палками гонялись они за безруким хулиганом, кулаками грозили... Опять Коле от родителей досталось! Чуть позже, когда он велосипед на мотоцикл сменил, и вовсе всех поразил. С двумя дружками сзади на сиденье своего «Ковровца» Коля поехал на горно-песчаный карьер, где проводились большие соревнования по мотокроссу. Остановившись в сторонке от собравшегося народа, где и милиции, и гаишников хватало, с обзорного юра внимательно проследил за выступлением спортсменов.

— И я так смогу! — мысленно проехался он по сложной трассе.

— Без рук не получится, — засомневались друзья.

— А вот и получится! — загорелся Коля. — Смотрите, что сейчас будет!

Он завёл мотоцикл, резко газанул и на больших оборотах двигателя, с пробуксовкой ринулся вниз с обрыва. Почти по отвесной сыпучей его стене мигом скатился на дно глубокого карьера, развернулся с заносом заднего колеса и остановился. Все присутствующие на соревновании, в том числе и спортсмены, стоявшие уже на пьедестале, и награждающие их, оставив столы с медалями и призами, бросились к краю обрыва. Увидев не разбившегося, живого смельчака, они закричали, засвистели, восторженно взметнули руки вверх.

Коля гордо, с чувством выполненного долга смотрел вверх на людей, казавшихся ему муравьями. Крутнувшись в благодарность, воодушевлённый таким вниманием, он вновь газанул во всю мощь и рванул на противоположный от людей склон обрыва. Выскочив наверх, лихо проехался по всей соревновательной трассе. До вмешательства дежуривших здесь представителей городской

ГАИ, с которыми ему без прав на управление мотоциклом не резон было встречаться, он домчал до дружков. Посадив их, рывком подняв мотоцикл на дыбы, проехал несколько метров на заднем колесе и был таков.

На сей раз Коля не был наказан отцом. Фёдор Иванович попросту не сразу узнал о смелой и рискованной выходке сына, прославившей его на весь Салават.

7.

Жизненные часы неустанно отстукивали своё. Колины дни мерно складывались в месяцы, месяцы — в годы. Осталось позади его беззаботное хулиганистое детство, были окончены восемь классов салаватской школы. Надо было думать о дальнейшем.

В поисках счастья восемнадцатилетний Николай отправился в Уфу. До директора Башкирского республиканского цирка добрался, просил его посмотреть, как он смело выписывает пируэт на стареньком «Ковровце», как с помощью ног ловко стреляет из ружья и ножи мечет, умолял взять эквилибристом-мотоциклистом или на любые другие цирковые роли. Но не удосужился он внимания циркового начальника. Получив отказ, в Столяровку вернулся, в колхозной охране работу продолжил, в уборочную страду за руль комбайна садился. На заработанные деньги приобрёл новый мотоцикл «Восход-2» с электронным зажиганием, на больших скоростях душу на нём отводил.

Но ещё большего экстрима хотелось Николаю, о мощной и скоростной технике он мечтал. Наконец-то, поднакопив финансы, с другом, тоже пожелавшим приобрести хороший мотоцикл, в 1980 году поехал в Москву: Олимпийские игры посмотреть и новый современный мотоцикл выбрать.

После тщательных просмотров земляки остановились на чешской «Яве-950». Купили, железнодорожным багажом в Салават отправили в том же составе, на котором сами поехали. Приехав домой, Николай тотчас мотоциклом занялся, всё необходимое под себя переделал. С нетерпением на трассу «Уфа-Оренбург» выехал опробовать скоростные возможности новой машины, с ходу 155 километров выжал.

Теперь никто не мог угнаться за ним, и он безбоязненно, без прав, стал стремительно гонять по Салавату и другим городам Башкирии. Удивлённые наглостью безрукого лихача гашники решили остановить-таки его и мотоцикл забрать. Засаду они ему устроили при въезде в Столяровку, мол, другой дороги нет, мигом прихватят, тёпленьким.

В один из летних вечеров, возвращаясь с очередной своей вылазки на башкирские трассы, глазастый Николай издалека заметил у деревни трёхколёсный «Урал» жёлтой окраски.

— ГАИ! — определил он, усмехнулся. — Неудачно замаскировалась желтизна!

Задолго до поджидающих его гаишников он свернул с накатанной дороги, по бездорожью намерился незаметно проскочить к своему дому через огородные зады. Гаишники всё же увидели его, не сдержались, по бездорожью быстро затряслись на своей мощной машине на перехват.

Поддав газу, Николай легко проскочил мимо них, по еле приметной, заросшей травой тропинке нырнул в деревню. Вблизи его дома желтел ещё один «Урал». Юркнув в проулок, по задней деревенской дороге вырулил он в другой конец деревни, увидел третий караулящий его жёлтый мотоцикл.

— В кольцо решили взять... засадники, — выругался Николай. Не расстроился, не испугался, разозлился только. — Ладно. Коли так, устрою я вам «кошки-мышки»!

Обогнув по обочине дороги поджидавших его гаишников, крикнул им:

— Догоняйте!

Подняв «Яву» на дыбы, рванул в горы. Все жёлтые мотоциклы ринулись за ним. Николаю, который хорошо ориентировался в горах, удалось быстро запутать преследователей и, оторвавшись от них, по ведомым лишь ему тропинкам вернуться домой. Пока его искали в горах, он успел загнать свой мотоцикл в гараж и затворить ворота на засовы. В ожидании дальнейших событий схоронился в густо разросшемся сиренями саду.

Вскоре его преследователи въехали в деревню с разных сторон и остановились в центре деревни, недалеко от кошелевского дома.

— Ого! — удивился Николай, насчитавший шесть «Уралов». — Не много ли на одного безрукого мотоциклиста?

Гаишники посовещались, постояли недолго и уехали, своим мощным гулом взбудоражив всю деревню. На следующее утро они снова появились в Столяровке, теперь уже на «УАЗике». Прямиком к Кошелевым подрулили, гурьбой зашли во двор. В это время Николай возился у гаража, мотоциклетное колесо ногами бортировал, новую камеру вставлял. Увидев его, они остановились разом и, словно бараны на новые ворота, молча уставились на работающего безрукого парня.

К ним вышел из дома Фёдор Иванович:

— Чем обязаны?

— Вчера вот не могли поймать вашего сына-лихача, — выдвинулся вперёд старший гаишник. — Приехали вот всем отделением на него посмотреть и разъяснительную беседу с ним...

— Хреново ловили! — грубо оборвал его Фёдор Иванович. — Посмотреть же на него можно. Не жалко! Вон, живёхонький он, с мотоциклом возится. Без техники жизнь свою не представляет. Так что и беседовать с ним незачем... Лучше помогли бы на права сдать...

Ничего не сказали нежданные гости. Молча повернулись и ушли со двора.

8.

Шила, говорят, в мешке не утаишь. Слух о неудавшейся поимке городскими гаишниками столяровского безрукого мотоциклиста быстро разнёсся по Салавату. Известно стало, как разнёс начальник ГАИ своих опростоволосившихся подчинённых:

— Ну и работнички! Мне бы вот таково одного, безрукого, взамен вас двадцати...

Николай, ранее уже прославившийся своим рискованным удальством на городском мотокроссе, теперь для многих вырос до настоящего героя. Каждый из них восхищался его мотоциклетным искусством, за честь почитал знакомство с ним. Лояльно стали относиться к нему и сами гаишники: пусть ездит себе, правил ведь не нарушает. Некоторые зауважали даже, при дорожных встречах, бывало, и честь отдавали.

Это сильно возвысило Николая в глазах почитателей, подняло его и в своих глазах. Он ещё больше уверовал в себя, в способность выполнения отцовского наставления «Будь первым во всём!» и напутствия главврача больницы: «Ты выжил, чтобы жить!»

9.

В столяровской охране Николай по праву считался лучшим. Не было случая опоздания на дежурство, не прогуливал, не пил, не курил. Не однажды ловил он и любителей поживиться колхозным добром. Надёжным помощником в его сторожевых делах, верным четвероногим другом был Атлант. Ещё щенком эту овчарку восточно-европейской породы приобрёл он в Уфимском спецпитомнике, денег не пожалел, знал, что с лихвой они окупятся. С первых дней воспитанием малыша занялся, умело и системно дрессировку проводил, тесный контакт с ним налаживал. После успешных занятий щедро поощрял ученика: проваренным мясом и свежей рыбой баловал, молоком и кашей, словно ребёнка, кормил, овощные блюда готовил...

С трёхмесячного возраста на прогулку стал выводить подрастающего питомца, к послушанию приучал в житейских реалиях: при любых отвлекающих факторах, будь то неожиданно выскочившая из подворотни кошка или, скажем, с резким сигналом промчавшаяся мимо машина, не теряться, лишь команды хозяина чётко выполнять: «Ко мне!», «Рядом!», «Лежать!» и другие — барьеры различные преодолевать, еду с земли и с чужих рук не брать... Многому всему терпеливо учил Николай своего Атланта. С особой тщательностью прививал навыки сторожевой службы: умение охранять вещи и отыскивать их по запаху при пропаже, безбоязненно преследовать и задерживать преступников-похитителей. Само собой, и должный уход за собакой обеспечивал: и купал, и шерсть расчёсывал, от блошек разных специальным препаратом обрабатывал.

Однажды лишь Николай промашку дал. Собравшись в

соседнюю деревню Корнеевку, в спешке забыл пса на цепь посадить. Пока тот после сытной еды в будке почивал, успел укатить за десять километров. Но не дал он своему хозяину с друзьями разгуляться: к удивлению и радости Николая, по колёсным следам его нашёл. Только при возвращении домой радость Николая сменилась тревогой, заметил он: захромал Атлант. Вскоре вовсе перестал ходить и слёг. Николай побежал за колхозным ветврачом. Выяснилось, что от непривычного для собаки жёсткого асфальта лапы протёрлись до крови. Целую неделю Николай смазывал Атланту раны, марлевые перевязки делал. Сильно переживал он за четвероногого друга, плохо спал, похудел заметно. Лишь после того как Атлант стал вставать и потихоньку ходить по двору, успокоился.

Постепенно Атлант поправился. Распрямилась спина с жёсткой, плотно прилегающей к ней шерстью тёмно-серого окраса. Окрепли мускулистые ноги с округлыми лапами под овальной грудью и подтянутым животом. Чутко заиграли равнобедренные треугольники ушей, повеселел саблевидный хвост. Былую уверенность обрёл взгляд миндалевых, косовато поставленных светло-коричневых глаз. Вновь бежал он стелющейся рысью, сильно отталкиваясь задними конечностями, рядом с мотоциклом своего хозяина, рулившего к охраняемым колхозным объектам в Столяровке и в прилегающих деревнях.

Умной и послушной собакой вырос Атлант. На протяжении всех двенадцати лет сторожевой службы Николая всегда и везде сопровождал его. В ненастные ночи, при сильных дождях и морозах сам, без хозяина, обходил фермы и амбары-склады. После обхода возвращался к сторожке, скрёбся в дверь и впрыгивал в тёплое помещение: мол, всё в порядке, можно теперь и погреться малость, до следующего рейда. При малейшей подозрительности немедля отправлялся в темень, при необходимости вызывал хозяина тревожным рыком и первым бросался на непрошеных гостей, до его прихода удерживал их с поличным на месте преступления...

10.

Будучи известным человеком, Николай имел немало друзей и хороших приятелей в Салавате и далеко за его пределами. В свободное от работы время частенько бывал у них. В один из таких дней он приехал в Покровку на день рождения к знакомой девушке Тамаре. Среди приглашённых на это торжество была и Тамарина подруга из Салавата. Надежда (так её звали) с первого взгляда понравилась Николаю, подметившему, что и она с интересом поглядывает на него.

После весёлого шумного застолья, когда все вышли освежиться на улицу, Тамара познакомила Николая со своей подругой. На прогулке по деревенской улочке между парочкой, уединившейся по взаимному желанию, завязалась оживлённая беседа.

Надежда, не робея от внимательного доброго взгляда голубых глаз, интересовалась жизнью необычного собеседника, высокого симпатичного парня с большим открытым лбом под аккуратно подстриженными тёмно-русыми волосами, радовалась его успехам. Наброшенный на плечи пиджак скрывал отсутствие рук Николая, отчего он казался Надежде ещё привлекательнее. Их романтическому настроению способствовала незаметно опустившаяся на село звёздная августовская ночь...

При последовавших встречах в Салавате их дружеские отношения постепенно переросли в любовь, и через два года Николай попросил её руки. Надежда, как и подобает серьёзной девушке, не сразу ответила на его предложение, с неделю выдержала, поволновала Николая, прежде чем дать своё согласие.

Окрылённый Николай поспешил познакомить невесту с отцом и матерью. Фёдор Иванович с Анастасией Алексеевной прямо-таки оторопели от нежданного решения молодых, от радости прослезились и благословили их на женитьбу. Сложнее вышло с Надеждиными родителями. Они были против брака дочери с безруким инвалидом, давили на неё, Николая стыдили: «Зачем портишь девушке жизнь?» Но любовь двух сердец оказалась сильнее всех преград. Расписались они, и свадьба Николая с Надеждой известила о создании новой семьи:

— Горько! Горь-ко-о! Го-о-рько!

— Совет да любовь!

— Счастья и благополучия!

11.

Надежда работала на Салаватском оптико-механическом заводе. Добираться туда из Столяровки, куда Николай намеревался привезти на житьё-бытьё свою молодую жену, оказалось для неё неудобным. Уходить же с высокооплачиваемой заводской работы, пусть случись даже в экономисты, самую лучшую женскую должность в правлении колхоза, тоже было нерезонно и неприемлемо.

Пришлось Николаю смириться с обстоятельствами и поселиться у её родителей в Салавате, в посёлке Мусино, при этом продолжая трудиться в колхозной сторожевой охране. Тесть с тёщей хорошо приняли зятя, стремились создать для нового члена семьи благоприятную обстановку, но всё же предсвадебный осадок неприятия ими его давал себя знать, нет-нет да и проявлялся с редким, почти неприметным, но чувствительным негативом в их отношениях. Вопрос о собственном доме, изначально стоящий перед Николаем, невольно требовал скорейшего решения. Надежда поддержала мужа. На имеющиеся у них денежные накопления они здесь же, в Мусино, приобрели небольшой дом, в который и вселились, как оказалось, за десять дней до рождения дочери. К оставшимся после покупки средствам подкопив новые, принялись расширяться.

Николай действовал с размахом. К приобретённому блочному дому он сделал кирпичный пристрой, увеличив жилую площадь

с шестидесяти квадратных метров до ста десяти. Получился большой красивый дом. Чуть позже к нему добавил хозяйственный блок. По торцам дома поставил два вместительных гаража, во дворе построил новую деревянную баню. В завершение строительных работ провёл в дом централизованное водоснабжение, установил котёл для горячей воды, тем самым создав все удобства для нормальной семейной жизни.

Особое внимание Николай придавал качеству строительных работ, выполняемых приглашёнными специалистами. Многое делал сам. Ногами и плечами, грудью и подбородком, с помощью верёвки и других нехитрых приспособлений он перетаскивал и укладывал брёвна, кирпичи, воду носил, землю копал... Сильными мышцами шеи прижимая черенок лопаты к плечу, ногою вдавливал в землю плоский отточенный штык, энергичным движением черенка через колено выворачивал здоровый комок.

Николай, будучи, как ныне принято говорить, настоящим трудоголиком, не представлял себя сидящим без дела. Он постоянно что-то ремонтировал, разбирал и собирал. Для него не составляло проблемы мебельную «стенку» собрать или, к примеру, постирать и погладить бельё. Возьмётся двумя пальцами ноги за утюг и водит его по ткани. Может и пуговицу к рубашке пришить. Зубами нитку в ушко иголки вденет — и пошла работа! Он с любыми механизмами на ты, с детства к технике тянулся. И в электротехнике разбирался, даже телевизор запросто мог починить...

Надежда не могла нарадоваться на своего мужа.

— Я за ним как за каменной стеной, — делилась она с подругами, некогда отговаривавшими её выходить за Николая, теперь же завидующими ей. — Работящий. Не пьёт, не курит, красивый, высокий. Он меня ласковыми словами, нежностью обволакивает так, что отсутствие рук совершенно не чувствуется. Мы всюду вместе. И характером он сильный, приятно подчиняться ему.

12.

Случившаяся в детстве беда, лишившая Колю рук, не сломила его. Даже после электротравмы он быстрее всех погодков бегал, в разных играх и на земле, и на воде среди них равных не знал. К тому же ещё в десятилетнем возрасте с Сергеем Панковым сдружился. Тот на два года старше был, учёбу в Салавате продолжал, в школьной легкоатлетической секции там занимался. Приезжая в матери в Столяровку на выходные и каникулы, не прекращал свои тренировки, Колю и ещё нескольких крепких ребят к занятиям привлёк. Ежедневно бегали они к озеру за соседней деревней Семёновкой, с полчаса упражнялись на песчаном берегу, приседали, отжимались. Поплескавшись в озёрной воде, обратные шесть километров трусцой преодолевали.

Чувствительной была спортивная нагрузка. Не выдержали

её ребята, постепенно отсеялись из группы. Только Коле удалось справиться с заданным Сергеем ритмом. Он и в его отсутствие пробежки совершал.

Довольный им, Сергей, помимо интенсивных физических упражнений, стал товарища самозащите от нападения противника учить, разные приёмы, которыми хорошо владел, удары ногой, в первую очередь, подолгу отрабатывать. Такая подготовка в дальнейшем не раз выручала Николая в нередко случавшихся разборках, в принципиальных драках побеждать помогала. Ещё Сергей дал настырному и терпеливому ученику-товарищу знания о технике и тактике бега, о предстартовом настрое и правильном дыхании на дистанции, что пригодилось Николаю в будущих соревнованиях среди инвалидов.

13.

При хорошей подготовленности к бегу и другим видам спорта поздновато всё же Николай приобщился к соревновательному процессу. Ему бы уже после московской Олимпиады-80, вдохновившись увиденным красивым кружением по стадиону бегунов-стайеров и полётами над ямой с песком прыгунов в длину, проявить свои спортивные способности. Отличных результатов бы добился! Только не загорелся он тогда спортом, а подсказать оказалось некому. Да и как-то не до того тогда Николаю было. Сторожевой работой много занимался, почти всё свободное время мотоциклу отводил и поездкам на нём к друзьям в Салават и в окрестные деревни. Потом встреча с Надеждой состоялась, продолжившаяся двухлетним ухаживанием, свадьбой, покупкой и расширением собственного дома, рождением доченьки Танечки и уходом за ней...

Лишь в тридцать лет, после вступления в Салаватское общество инвалидов, вышел Николай на свой первый старт. Несмотря на потерянное время, он быстро стал лучшим среди салаватских коллег-спортсменов. Природные данные сказались, и былые занятия с Сергеем Панковым способствовали этому. Умел он со старта удобную беговую позицию занять, равномерно распределив силы по дистанции, резво финишировать. При необходимости, когда претенденты на победу настырность проявляли, Николай в стремлении измотать их на так называемый рваный темп переходил, правильным вдохом и выдохом регулируя дыхание. И в прыжках в длину он чётко действовал: силу разбега с точным попаданием на планку и взрывным отталкиванием от неё сильными ногами соизмерял.

В течение семи лет Николай неоднократно побеждал на первенствах города Салавата и Республики Башкортостан в беге на длинные дистанции и прыжках в длину, в плавании и лыжных гонках. Особый успех выпал ему в 1990 году на проводившемся в Уфе чемпионате России, когда он стал лучшим практически во всех видах соревнований. О спортивных успехах

Николая свидетельствуют многочисленные грамоты, дипломы и кубки. Не раз награждался он поездками по достопримечательным местам страны, круизом по реке Волге, к примеру, и ценными подарками. Один из них — наручные часы — он подарил супруге Надежде, своей постоянной и верной спутнице жизни.

14.

К своему тридцатипятилетию Николай приобрёл первую автомашину — «Жигули», так называемую «копейку». Замечательный подарок к юбилею получился: и переделки, кроме рычага переключения, не потребовалось, и управлять ею оказалось легче, чем мотоциклом. К тому же радовал его и уютный салон под крышей, в котором всей семьёй можно было разместиться, и багажник для грузов.

Освоившись к вождению ногами и плечами, в Тольятти Николай стал рулить за товаром, свой бизнес по торговле автомобильными запчастями укреплять. Потом в Оренбург и Челябинск гонял, даже до Чёрного моря однажды с домочадцами докатил. Одно тревожило: без прав приходилось ездить, с останавливающими его гаишниками объясняться. До поры до времени они, поражённые его управлением машиной, без задержания и штрафа отпускали. Николай понимал, что долго так продолжаться не может. Запрашиваемый инспекторами главный водительский документ требовалось приобрести.

Начальник Салаватской автоинспекции, к которому обратился Николай по поводу прав, не понаслышке знающий о его водительских способностях, не возражал: «Я только за, но это не от меня зависит. Нужно пройти медкомиссию, допуск к экзаменам по правилам дорожного движения получить». Друг Николая, гаишник, взявшийся помочь ему, по разным инстанциям искал выход из создавшегося положения, наконец, посоветовал ему обратиться в Уфу, к известному специалисту-травматологу.

Памятуя о своём давнем пустом разговоре с директором Уфимского цирка на предмет трудоустройства, Николай решил основательно подготовиться к встрече с медицинским светилом, на видеокамеру снял своё вождение мотоцикла и машины на автодроме. С качественной киноплёнкой он поехал в Уфу, добился приёма у профессора Башкирского государственного медицинского университета Булата Минакова, президента ассоциации травматологов, ортопедов и протезистов Республики Башкортостан.

Как и предполагал Николай, тот удивился его просьбе и готов уже был отказать в положительном решении, но, ознакомившись с плёнкой, резко переменил своё мнение, четырёх университетских коллег, известных на всю Россию крупных специалистов на консилиум пригласил.

После тщательного, коллективного уже просмотра плёнки, расспросов и внимательного осмотра безрукого водителя каждым

членом комиссии родился документ, говорящий, что «при успешной сдаче экзаменов по правилам дорожного движения Николай Кошелев может быть официально допущен к управлению транспортным средством. Разрешается управление легковым автомобилем категории В».

15.

Получение долгожданных водительских прав стало для Николая важнейшей жизненной победой, укрепило его силы, в глазах окружающих ещё более возвысило. Появившаяся возможность беспрепятственных теперь поездок в любые российские регионы позволила ему чаще встречаться с партнёрами по бизнесу, оперативно решать вопросы купли-продажи автомобильных запчастей и механизмов. Заметно повысилась его финансовая составляющая, в результате чего он смог использовать часть прибыли на покупку новой машины.

В первые же дни после приобретения «Самары» 11-й модели Николай отправился в Столяровку к родителям: самому показаться и машину показать. Быстро до родной деревни домчал. При въезде в неё медленно поехал, с встречными пожилыми земляками, на дачный сезон приезжающими в свои пустующие зимой дома, здоровался, словами перебрасывался. У трансформаторной будки с выцветшей синей оградой остановился. Не выходя из машины, минут пять посидел, былое в себе всколыхнул. Родители во дворе перебирали свежевырытую картошку, для засыпки в погребок готовили.

— Давненько не заглядывал к нам, — Фёдор Иванович сполоснул руки водичкой из рукомойника, приобнял Николая. — Работаешь всё?

— Само собой, — Николай не без гордости кивнул на машину. — Вот наработал.

Фёдор Иванович, по характеру скуповатый на высокопарные слова, и сейчас не выразил особой радости от нового приобретения сына, лишь побелевшую бороду, отпущенную в молодые ещё годы в знак принадлежности к старообрядческому роду, ласково погладил, что являлось признаком большого довольства и одобрения:

— Хорошая машина. Поздравляю!

Зато Анастасия Алексеевна не скрыла восторга, по-матерински ткнулась в сыновью грудь, слёз не сдержала:

— Дай-ка расцелую тебя, сыночек. Какой же молодец ты у нас! Обрадовал так обрадовал!

За чаем о семейных делах говорили. Было о чём: шестерых деток вырастили Фёдор Иванович с Анастасией Алексеевной, и все они уже своими семьями обзавелись.

— Смотрю, дачники начинают уже собираться в городские квартиры, — заметил Николай. — Пора бы и вам в Салават перебраться. Хватит одним в деревне зимовать.

— Можно бы, — откликнулась мать. — Зимой здесь и впрямь тяжеловато становится. Порой так

заметёт, света белого не видно. Как два медведя в берлоге сидим.

— Вот я и говорю... Подберём домик в нашем Мусино, подремонтируем, уют в нём создадим. На первых порах у нас поживёте. Места на всех хватит. В случае чего у Василия или Галины позимуете.

— Можно бы... — вновь заговорила Анастасия Алексеевна, но Фёдор Иванович остановил её.

— Не поедем! — категорически отказался он от сыновьего предложения. — Здесь родились, здесь и свои остатние годы скоротаем. Вас всех с внуками-правнуками привечать будем...

Недолго чаёвничал Николай у родителей. Сославшись на неотложные дела, из-за стола поднялся. Прежде чем домой воротиться, решил всё же детство вспомнить, к Семёновскому озеру проехаться, на знакомом песчаном бережку посидеть. Но раздумал, у Платон-горы, круто высившейся по-над заметно обмелевшей Барчой-речкой, развернулся, на соседнюю пологую возвышенность, Красной горой именуемую, по еле видимой колее машину направил, недалеко от Пищаева оврага мотор заглушил.

С облюбованной Николаем высотки открывался вид на Столяровку и её окрестности, простирающиеся до вбирающей в себя родниковые воды Барчи реки Белой, за которой поднималась поросшая лесом гора Зирган-Тау. Туда, за десяток километров от Столяровки, ездили её первопоселенцы за строительным материалом, брёвна для срубов домов и надворных строений, жерди и колья для плетнёвых сараев и загородок возили. Среди них был и его, Николая, прадед Фёдор Алексеевич Кошелев. О нём, в конце девятнадцатого века перебравшемся со своим отцом-старовером на свободные земли в Башкирию из Поимской вотчины графов Шереметевых в Пензенской губернии, вырастившем вместе с женой Евдокией Степановной, в девичестве Гущиной, тоже уроженкой Поима, восьмерых детей, крепком хозяине подворья, предусмотрительно добровольно вступившем в созданный в Столяровке колхоз «Заря» и всё же раскулаченном, рассказал Николаю его отец, в честь своего деда Фёдора Алексеевича и названный Федей.

От отца же Николай был наслышан и о прошлом Столяровки, до войны и после неё жившей полнокровной жизнью. Разорение деревни началось с большого пожара, случившегося за год до его, Колиного, рождения, и передачи местного колхоза в другое хозяйство. Свою неблаговидную роль для Столяровки сыграло и близкое соседство быстро развивающегося города Салавата с мощным нефтехимическим комбинатом, другими предприятиями и организациями, куда потянулись оказавшиеся без колхозной работы столяровцы. В считанные годы, уже на глазах подрастающего Коли, деревня вдвое уменьшилась домами и жителями, а вскоре и вовсе опустела...

— Жалко! — вздохнул Николай, оглядывая практически

исчезнувшую Столяровку, благодаря только его родителям до настоящего времени числящуюся всё ещё в списках населённых пунктов Зирганского сельского Совета Мелеузского района Башкортостана. — Не случись такого нелепого разора деревни, ещё послужила бы она людям и родному краю...

Не думал, не гадал он, что придёт время возрождения потерянного, что инициатором, организатором и меценатом перемен станет двоюродный брат Сергей, сын его тётки Марии, проникнувшийся чувством родства к деревне своей матери: будучи большим начальником в «Газпроме», деревенское кладбище обустроит, часовню там поставит; урну с землёй с братской могилы под Харьковом, где его дед Иван Фёдорович лежит с погибшими на полях Великой Отечественной боевыми товарищами, рядом с его женой Надеждой Кузьминичной захоронит, куда чуть позже и маму свою, Марию Ивановну, определит на вечное житие; новую электролинию к Столяровке протянет, газ подведёт; деревенскую улицу заасфальтирует, с трассой «Оренбург-Уфа» свяжет; церковь во имя Благовещения Божией Матери взамен разрушенной поставит; в пример для постройки новых домов коттедж «Дом Кошелевых» двухэтажный поднимет, «Музей деревни» при нём откроет, за ним, на речке Барче, «Марьин родник» соорудит... Предвидеть не мог Николай, что Столяровку признают самым красивым селом Башкортостана, что и его вклад в том будет: к 75-летию Великой Победы по его, Кошелеву, проекту, победившему в конкурсе, памятная стела в деревне рядом с памятником «Картошке-кормилице» откроется, и он, принимающий поздравления, с внучкой возле него сфотографируется...

И, конечно же, не предполагал, не ожидал Николай, что фотография эта из памятно значимых последней для него станет, что совсем скоро, после завершения високосного, коронавирусом отмеченного 2020 года, накануне Рождества Христова проедется он с женой Надеждой в Салават по магазинным делам на новой, собранной на японском танковом заводе машине «Субару форестер» с мощным самолётным двигателем, загонит её в гараж, дорожки от свежевыпавшего снега почистит, повечерит с большой своей семьёй в новых, недавно лишь отстроенных хоромах, спать ляжет, а утром 6 января 2021 года упадёт, сражённый смертельным инсультом...

Сейчас же, за двадцать лет до своей кончины, Николай стоял на Красной горе, любовался осенними красками и привольем родного края. В преддверии двухтысячного года он как бы подводил предварительные итоги своей уникальной, непросто сложившейся счастливой жизни:

— Отец, я продолжаю быть первым во всём! Товарищ главврач, остаюсь верен принципу «Выжить, чтобы жить!»

ВЕЧНАЯ СЛАВА
ПОБЕДИТЕЛЯМ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ПОГИБШИМ НА Д. СТОЛЯРОВКА

Ляйсян ШАФИКОВА,
студентка педагогического колледжа,
г. Бугуруслан

ЖИЗНЬ ЕГО ПЕСНЕЙ ЗВУЧИТ В НАРОДЕ

Маленькая точка на карте мира, не видимая простым глазом, место, где родился 115 лет назад поэт Муса Джалиль, сегодня может рассказать ценителям его творчества много интересного. Небольшое татарское село Мустафино, затерянное среди степей и лесов, находится в Оренбургской области, далеко от мегаполисов, на берегу небольшой речушки Неть. Красивая природа, добрые приветливые люди, заботливые родители — вот та атмосфера, в которой проходило становление будущего поэта. Сегодня имя Мусы Джалиля знают многие, его именем названы улицы городов и сёл, на родине поэта и драматурга, Героя Советского Союза, создан мемориальный комплекс в честь него, погибшего в фашистских застенках в годы Великой Отечественной войны. Спустя много лет мы не перестаём преклоняться перед подвигом людей, спасших человечество от коричневой чумы — фашизма, не согнувших колен, не предавших Родину.

О многогранности таланта поэта я и хотела бы рассказать. С самого раннего детства я знакома со стихами Мусы Джалиля. Моя бабушка Галина Сергеевна, учитель начальных классов, читала и переводила мне строки из стихов поэта, а чуть позже рассказала о подвиге земляка. Его стихи, о чём бы они ни были: о войне, о колхозе, о Родине, — связаны с его любимой темой — размышлением о смысле человеческой жизни. У меня в руках томик стихов поэта на татарском языке.

Я читаю его стихи в оригинале. Ничто не даёт такого проникновенного чтения, восприятия особенностей национального колорита, как чтение на татарском языке. С фотографии из сборника на меня смотрят умные, любознательные глаза. Я представляю юного Мусу, лежащего в густой зелёной траве, с прикрытыми от яркого солнца глазами, в тот момент, когда в его голове появляются строки, наполненные любовью к малой родине, родным местам, людям, матери. Читая строки, я слышу шум ручья, шелест деревьев, пение соловья, который прилетает к роднику напиться воды. В своих произведениях поэт разговаривает с ветром:

Ветер щёлкнул по стеклу,
Стукнул в двери, чтоб я вышел.
«Ветер, ветер, не шали, —
Говорю я, — слышал, слышал!»

Говоря о своём жизненном пути, он сравнивает его с песней ручья:

И я хотел бы
Жизненный свой путь
Со звонкой песней, как ручей,
пройти.

Большое влияние на формирование внутреннего мира будущего поэта оказала его мать Рахима-апа. Спокойная, тихая, уравновешенная, полная противоположность темпераментному и вспыльчивому Мустафе-абзы, она обладала бесконечным терпением и стойкостью.

Путь Мусы Джалиля был сложным, но поэт никогда не унывал. По жизни ему помогали идти близкие люди и друзья. Мальчик рос скромным, открытым, искренним. Первые годы его жизни, как и у большинства сверстников, были трудными: голодное детство, ранняя смерть отца, быстрое взросление. Как обычный татарский мальчик того времени, он пошёл сначала в деревенскую школу, а потом учился в Оренбурге в медресе «Хусаиния». Уже с юных лет будущий поэт страстно интересовался литературой, в восемь лет начал сочинять стихи. Джалиль впоследствии вспоминал, что первые стихотворения, которые не сохранились, были написаны им в духе восточной классики под влиянием творчества Омара Хайяма, Саади, Физули. Наибольшее влияние на начинающего поэта оказало культурное наследие великого Габдуллы Тукая, большинство стихов которого молодой Муса знал наизусть. С детства он был знаком с лучшими творениями русской литературы, зачитывался произведениями А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова. Будучи человеком творческим, он создал в родном селе отряд юных коммунаров, который назвали «Кызыл чәчәк», что в переводе означает «красный цветок», и в созданном им драмкружке участвовал в постановке небольших пьес.

Постепенно поэт взрослел, география его поездок выходила за пределы знакомых с детства мест. Он много ездил по стране, знакомился с людьми, организовывал работу литературных объединений, налаживал выпуск татарских периодических изданий. В этот период особенно пафосно звучит в его стихах призыв к строительству нового общества, новой жизни:

Нет, сильны мы — мы найдём
дорогу,
Нам ничто не преградит пути.
Нас, идущих к светлой цели,
много,
Мы туда не можем не дойти!

Расцвет творчества поэта приходится на годы жизни в Казани и Москве. На прилавках книжных магазинов появляется сборник Джалиля «Товарищу», изданный в Москве на татарском языке. Вслед за ним в 1933 и 1934 годах в Казани вышли два новых сборника: «Орденоносные миллионы» и «Стихи и поэмы», в 1935 году — первая книга стихотворений Джалиля, переведённых на русский язык. Интересными и незабываемыми событиями была наполнена жизнь поэта в Москве.

Оренбуржцы часто собирались вместе, совершали прогулки по столице, вели разговоры о прочитанных книгах и новых кинофильмах, о первых новостройках и мировых проблемах. Душою землячества были студенты МГУ Абдулла Давлетшин и Муса Джалиль.

Отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь Муса много делал для творческого становления нового поколения прозаиков и поэтов. Кто и когда бы ни обращался к нему за поддержкой, он всегда откликался и помогал. Символично, что одна из престижных республиканских премий в современном Татарстане носит имя Мусы Джалиля. Эта премия вручается молодым людям за особые успехи в области литературы, искусства, науки, журналистики и общественной деятельности. Поражает и то, что талант поэта дал ему возможность стать также основоположником татарского музыкального театра. Он с увлечением работал над большой лирической поэмой и одновременно дописывал либретто оперы «Алтынчеч».

Постоянный поиск жанров и форм, активная общественная деятельность Джалиля вновь связывает его с Татарстаном. В 1939 году литераторы доверили ему руководить республиканской писательской организацией и литчастью построенного Татарского оперного театра. У поэта немало творческих замыслов: он задумывает роман об истории комсомола, поэму о жизни современного села, либретто оперы о каспийских рыбаках.

Великая Отечественная война перечеркнула планы поэта. Джалиль неоднократно обращается в Главное политическое управление Красной Армии и в Союз писателей с просьбой отправить его в действующую армию. Наступил последний, очень краткий, но самый яркий и славный период его жизни и творчества. В апреле 1942 года Муса Джалиль попал на Волховский фронт, в редакцию армейской газеты «Отвага». «Я сейчас в подлинно боевой обстановке, — писал Джалиль лучшему другу, татарскому писателю Гази Кашшафу в последнем своём письме 3 июня 1942 года. — Часто бываю на передовых линиях. С автоматом в руках прохожу через опасные леса, болота и ущелья чуть ли не у самых огневых точек врага. Военкор — это далеко не мирное и спокойное занятие, приходится одновременно воевать и писать».

К лету 1942 года между Новгородом и Чудово развернулось одно из самых драматических сражений Великой Отечественной войны. Плотно окружённая фашистами, собрав последние силы, наша армия пошла на прорыв. Сквозь непрекращающийся огонь врагов по непроходимым чащобам и илистым топям пытались вырваться из окружения советские бойцы. Чтобы открыть дорогу товарищам, раненые и больные шли на минные поля. Одну из групп вёл на прорыв старший политрук Муса Джалиль. Десятки тысяч советских солдат и офицеров погибли, многие попали в плен. Среди пленных оказался

и старший политрук Залилов. Словно предчувствуя, что его могут обвинить в предательстве, он писал в стихотворении «Прости, Родина!»:

Кто посмеет сказать,
что я тебя предал?
Кто хоть в чём-нибудь бросит
упрёк?
Волхов — свидетель:
я не струсил,
Пылинку жизни моей не берёг…

Не только Волхов был свидетелем. Много лет спустя оставшиеся в живых соратники поэта из газеты «Отвага», бывшие узники фашистских лагерей смерти, товарищи по подполью поведали миру о бессмертном подвиге Джалиля. Об ужасах фашистской неволи написано немало, но никто не расскажет об этом так, как это сделали сами узники концентрационных лагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии. Одним из неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов истории являются стихи Мусы Джалиля из цикла «Моабитская тетрадь».

Тексты, созданные в Моабитской тюрьме, не просто обличающий документ, но и самая высокая поэзия. Её отличают подлинная внутренняя культура, уверенное владение стихом, глубокая национальная основа. Многие произведения, написанные в тюрьме, построены как прямое обращение, лирическое послание к Родине, к любимой, к дочери Чулпан, к друзьям, единомышленникам. В одних стихах адресатом является родная земля, народ («Прости, Родина!», «К Двине»), в других — враждебные силы («Палачу», «К смерти»). Конкретность адресата придаёт поэтической речи Джалиля особую взволнованность, достоверность и проникновенность.

Не преклоню колен, палач,
перед тобою,
Хотя я узник твой, я раб
в тюрьме твоей.
Придёт мой час — умру.
Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне,
злодей.

Гитлеровская пропаганда рисовала для оказавшихся в плену советских людей радужные перспективы создания после победы Германии новых «государств» на обломках Советского Союза. Это был циничный обман, Джалиль и его соратники с самого начала знали реальную цену таким обещаниям. Однако очень важно было разъяснять истинные цели фашистов другим — тем, кто под угрозой пыток, голодной смерти, по причине политической наивности попался на удочку нацистской пропаганды. Так возникла подпольная группа советских патриотов в легионе «Идель-Урал», которая ставила цель сорвать коварные замыслы врага, повернуть оружие против самих же фашистов.

Подпольщики внедрились в редакцию газеты «Идель-Урал», издаваемой германским командованием, распространяли среди легионеров антифашистские листовки, создавали тайные боевые

группы. Подпольная группа, которой руководил Муса Джалиль, была связана с несколькими лагерями военнопленных и с действовавшим в Берлине подпольным комитетом ВКП(б). В результате первый же брошенный на Восточный фронт батальон Волго-Татарского легиона поднял восстание и, истребив немецких офицеров, влился в белорусский партизанский отряд. Деятельность группы продолжалась около года. Только в августе 1943 года Джалиль и его соратники по Сопротивлению были схвачены гестапо. В течение года герои томились в фашистских застенках, мужественно перенося пытки и издевательства палачей. Наверное, сложно понять, как в этих нечеловеческих условиях Муса Джалиль продолжал писать патриотические стихи.

Не оправдавший надежд гитлеровцев легион был расформирован, Джалиля и его товарищей бросили в мрачные, узкие, как каменные гробы, камеры Моабитской тюрьмы. Днём и ночью их вызывали на допросы, устраивали очные ставки, разного рода провокации, пытали. Жестокие пытки не сломили поэта, одно за другим появляются в его маленьком блокноте новые стихотворения. Джалиль писал:

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждёт меня палач
и вырыта могила,
Я ко всему готов.
Но мне ещё нужны
Бумага белая и чёрные чернила!

Я думаю, что нужно было иметь колоссальное мужество, чтобы, предчувствуя гибель в фашистском плену, поддерживать дух оставшихся в живых такими призывными и бодрыми стихами:

Лишь тот побеждает в бою
до конца,
Чья воля к победе упрямее стали.

7 февраля 1944 года в Дрездене начался военно-полевой суд над поэтом и его товарищами. От имени всех на суде выступал Муса Джалиль, который заявил, что они не признают свою вину, что никакого преступления перед народом не совершали. Все были приговорены к смертной казни. На рассвете, в 6 часов утра, 25 августа 1944 года Джалиля и десять его соратников вывезли из тюрьмы Шпандау. В тот же день все они были гильотинированы в кирпичном сарае на территории военной тюрьмы Плётцензее.

От тюрьмы Плётцензее до места казни 114 шагов. О чём думал поэт, когда проходил эти последние шаги жизни?

Я уверена, что он вспоминал то место, где родился и вырос, свою семью и Родину, которую не предал даже под жестокими пытками и угрозой смерти. Незримая нить связывала поэта с волей, с родными и милыми сердцу местами, где была прожита такая короткая, но удивительно прекрасная жизнь.

Как по долине льющийся родник,
В дороге пел я песни то и дело.
И всё казалось сердцу,
что от них
Земля вокруг цвела и молодела.

Светлана ШЛЕЮК

ПРОСТРАНСТВО СЕРГЕЯ ФАЗУТОВА

Светлана Геннадьевна Шлеюк родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургское художественное училище и Харьковский художественно-промышленный институт, получив специальность «художник декоративно-прикладного искусства». С 2000 года работает в Оренбургском государственном университете на кафедре дизайна. Доцент, член Союза художников России, член Союза дизайнеров России. Автор статей, методических пособий, учебников для студентов-дизайнеров и книги «Оренбург купеческий».

Творчество Сергея Фазутова, выделяющегося среди оренбургских художников, привлекает зрителя неповторимостью и оригинальностью. Что же является основой его идей и стилизаций, откуда появились у коренного оренбуржца, рождённого среди бескрайних оренбургских степей и бесконечного голубого неба, эти знаковые, ёмкие в смысловом наполнении формы? Автор на подобные вопросы отвечает просто: «Отец принёс с работы тепловозную шпаклёвку» — и с этого факта начался бесконечный творческий эксперимент художника Фазутова. Наложение слоя на слой акриловой шпаклёвки или современной текстурной объёмной пасты даёт необычайно глубокие цветовые, фактурные и пространственные эффекты; так появилось пространство.

Пространство — это не просто движение цвета, оттенков, воздуха, это поиск и эксперимент с наложениями слоя на слой фактуры, игра с оттенками тона,

формы, пятен. Наложение даёт эффекты глубины космоса, дневного яркого света, автор ведёт многочисленные поиски возможностей цвета и фактур. Понятие пространства для Фазутова неразрывно связано с колористическими вариациями, с идеей передачи эмоционального напряжения цветом и, конечно, с чувственной окраской сюжета. Пространство цвета само по себе настолько многомерно и так много выражает, что изначально изобразительных элементов в работах Сергея Фазутова практически не было — изображение растворялось в нём. Экспрессия мазка мастихина рождала идеи и темы, так появилась работа «Ключ». Изображение формы предмета в трактовке автора превратилось в знак, в метафору, несущую глубинное содержание. Это не просто ключ — это символ открытия, движения к разгадке. Форма, напоминающая иероглиф или литеру, положенная горизонтально, имеет тенденцию к динамике, активный трепещущий фон контрастных сочетаний чёрного, белого, красного подчёркивает это движение. Итак, пространство картины для Сергея Фазутова — это цветовой ассоциативный поиск, активный элемент композиции. «Ключ» стал первой работой в поиске индивидуальности автора, затем стали рождаться другие композиции, полные смысловых ассоциаций, глубоких метафор, размышлений о жизни и, конечно, о любви.

Рассуждая о композициях Фазутова, невозможно обойти стороной его характер. Фазутов по своей природе лирик, содержание его работ сводится к формуле любви, это основная тема. Причём он со свойственным ему терпением рассуждает о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, определяет смысл материнства, изображает вроде бы простые вещи: «Дом», «Качели», «Кобра», «Паук», «Часы»… Но все они представляют собой размышления о бытии, глубинное самокопание, анализ, собственный, индивидуальный взгляд на жизненный цикл. В его картинах обыденные вещи воспринимаются по-новому, становясь символами, они заставляют думать и долго созерцать изображаемое. При всём добродушном и открытом характере автора его работы раскрывают в нём в первую очередь философа искусства и вдумчивого исследователя, аналитика и прекрасного композитора. Длительный цикл подготовки к каждой работе подтверждает это.

Итак, композиция чаще всего симметричная, изображение располагается в центре формата, определяя сразу главную составляющую произведения. Основная идея скрыта в знаковой форме, которая, как матрёшка, имеет множество скрытой информации внутри. Это основной принцип композиции, согласно которому автор выполняет все работы.

Принцип матрёшки, заложенный в наслоении различных тем и сюжетов, даёт зрителю возможность созерцать работу в целом, анализируя одновременно отдельные слои и общую идею композиции. Изначально композиция произведений кажется предельно простой, так как её основной смысл выделен изображением, цветом, фактурой и находится на поверхности формата. Визуальная простота содержит глубинные наполнения, к которым хочется тактильно прикоснуться, разобраться, раскрыть смысл.

Ещё один принцип, заложенный, на наш взгляд, в работах Сергея Фазутова, можно определить как принцип ребуса. Он каждый раз заставляет зрителя искать и определять, что именно художник хотел выразить тем или иным иносказанием, символом, знаком. Знаковые формы, выложенные на плоскости определённым узором, ковром изображений, напоминают сложную декоративную композицию, прикладной орнамент. Как известно, орнаменты народов мира представляют собой определённую смысловую азбуку; зная смысл, заложенный в изобразительные элементы орнамента, можно распознать содержание, заложенное изначально. Аналогично этому на работах Фазутова изображения имеют одних и тех же героев — мужчину и женщину, которые внутри картины, на втором и третьем слое изображения раскрывают и дополняют основной сюжет. Знаковые формы, многослойно лежащие на поверхности холста, и мерцающая фактура создают иллюзию тканого полотна восточного ковра.

Автор передаёт эмоции и чувства посредством сложных, орнаментальных, предельно обобщённых композиций, на наш взгляд, имеющих нечто общее с восточными декоративными коврами. Этим, наверное, и определяется национальное направление творчества Сергея Фазутова. Необходимо отметить особый индивидуальный эстетизм его творчества, а также чувство меры и вкуса, присутствующее во всех его работах. Сложные межличностные отношения полов, вечные как мир проблемы любви и нежности раскрываются автором с достаточной долей деликатности и недосказанности. Зрителю художник даёт возможность понять смысловое содержание произведения, принять его в таком виде авторской интерпретации.

Теперь, собственно, о композиции. Она практически всегда компонуется в рамке, которая объединяет изображаемые элементы и придаёт произведению декоративный завершающий акцент. Узкая рамка повторяет пропорции формата, она почти невидима, представляет собой лишь небольшой перепад высот рельефа поверхности. Угловатые геометрические изображения практически идеально вписываются в её очертания, во многом многократно её повторяя.

Изображение замкнуто в себе — цельно, самостоятельно, сформировано по принципу геометрической стилизации. В его основе сочетание вертикальных и горизонтальных направлений, которые синтезируются с пластикой форм — гнутыми контурами, напоминающими стилем и изысканностью линии модерна. Плавные линии формообразуют пластичные формы, которые замыкают сложные по конструкции основания моделей. Изображения напоминают ковёр, принципы декоративности преобладают.

В работах Фазутова всегда присутствует ярко выраженный композиционный центр, выявленный формой, цветом, расположением на формате холста. Чаще всего это небольшая геометрическая фигура — треугольник, овал, ромб — знаковая форма, при помощи которой автор подчёркивает основной смысловой акцент произведения. Эта фигура, всегда выраженная контрастным тёплым цветом, эквивалентна в работах Фазутова восклицательному знаку, автор адресует зрителя к этому символу, подталкивает искать разгадку именно с этой точки отсчёта. Как в декоративных орнаментальных композициях, в работах Фазутова центр практически всегда располагается чуть выше пересечения диагоналей формата картины, что соответствует расположению визуального центра, психологически воспринимаемого зрителем. Центр является кульминацией эмоционального напряжения работы, изображения, которые составляют композицию, локализуются вокруг него и стремятся к нему. Движение объектов композиции вокруг центра, этот лабиринт геометричных и пластичных направлений определяет принцип динамики, заложенный автором изначально.

Рассмотрим картину Сергея Фазутова под названием «Лилия». Восприятие картины происходит в несколько этапов. Изначально воспринимаем нежный, простой и изысканный по очертанию цветок. Его крупный размер на формате картины говорит о том, что автор стремился продемонстрировать его значимость; замкнутая форма, стремящаяся к открытию, смыкает внутри себя целый мир, который балансирует на колышущемся стебле среди водного пространства. Изображение неразрывно связано с цветом, который определяет смысловое наполнение данной работы, создает настрой к её считыванию. Автор использует сочетание голубого фона и бежево-розового цветка, зелёного стебля, а также золотого центра цветка. Перечисленные цвета на самом деле не являются спектральными, они состоят из множественных наложений различных тёплых и холодных оттенков, которые своей рельефной поверхностью напоминают мозаику. Мерцание цвета и простая ёмкая форма цветка не могут оставить равнодушным зрителя, вызывают желание заглянуть внутрь и разгадать тайну, которую художник заложил в работу.

В словаре символов выясняем: «Лилия — символ чистоты, величия и невинности. В классической мифологии восходит к изображению молока, льющегося из груди супруги Зевса Геры. Христиане считали, что лилия проросла из слёз Евы, когда она покидала рай». Даже не обладая этими знаниями, можно догадаться о содержании картины, продолжая внимательное её изучение. Внутри лилии мы видим второй план или слой работы, исследование которого начинает второй этап восприятия.

Итак, изображение внутри изображения. Декоративный ковёр, эстетичный, красивый по орнаментальным мотивам сложных стилизованных форм вызывает интерес зрителя к его расшифровке. И вот уже узнаём два силуэта — мужской и женский. Взгляд их прикован друг к другу, руки сплелись в целостную цепь, разомкнуть которую невозможно. По сути две фигуры слиты в единый переплетающийся декоративный узор, составляют неделимое целое. Вечная тема любви мужчины и женщины предстаёт перед нами как раскрывающийся цветок, как новое открытие, как замкнутая внутри чаши цветка бесконечность. Метафора ростка-стебля с чашечкой растворяющегося цветка на нём подобна зарождению и развитию нежности и любви. При всей статичности и симметричности композиции в ней присутствует динамика, впрочем, как и во всех других произведениях Сергея Фазутова.

Анализируя структуру композиции, определяем, что основные композиционные направляющие строго симметричны относительно центральной вертикали. Они удерживают равновесную систему внутри формата картины и представляют ярко выраженную статику. Динамика достигается введением в композицию небольшого движения чашечки цветка относительно горизонтали, а также отклонения стебля относительно вертикали. Эти небольшие изменения способствуют принципу зарождения движения, которое влечёт за собой бесконечное продолжение; его точнее можно обозначить как принцип маятника.

На последней схеме можно увидеть направляющие, которые дают движение всей работе. Принцип маятника также свойственен композициям в творчестве Фазутова, он присутствует практически во всех его работах.

Определяя принципы динамики в композиции, вспомним, что термин «динамика» возник от греческого dynamis («сила») и означает чередование элементов в определённой последовательности. При этом возможно их движение по диагональным осям или свободное расположение на плоскости картины. Ощущение движения возникает также при нарушении симметрии в композиции, контрасте цвета, смещении контуров по отношению цветовых пятен и т.д.

Обращаясь к произведениям Сергея Фазутова, строго относить их к динамичным композициям

достаточно сложно, при этом, как было сказано выше, практически каждая композиция имеет тенденцию к развитию движения. Причём одни из последних композиций художника, под названием «Качели» и «Баня», представляют собой ярко выраженную динамику, что говорит о поиске автора в этом направлении.

Однако хотелось бы отметить именно те работы, в которых есть определённый нами ранее принцип маятника. На наш взгляд, наиболее интересные композиционные находки выполнены автором именно в данном направлении.

Изначально это пространство формата, фон работы, так называемый третий план, на котором располагается действие как целое, цельное орнаментальное начало. Пространство уходит за край формата, продолжает развиваться. Оно подвижно, динамично, активно цветом, переливами фактур, текстур. Изображение, стилистически напоминающее орнамент, метрическими и ритмическими чередованиями также выражает собой динамику. Очертания фигур в работах художника сочетают статику с элементами подвижности, причём движение находится как бы на начальном этапе, подобно стремлению к движению, как, например, в работах «Баба», «Джокер», «Танец», «Яблоко», «Сфинксы», «Танец прошлого с будущим», «Монашка», «Маяк» и т.д.

Рассмотрим ещё одну работу художника, которая называется «Качели».

Центром композиции является золотой треугольник, своей верхушкой установленный на вершине другого треугольника, основание которого статично поставлено на нижнюю сторону формата картины. Оба треугольника центральными осями располагаются по вертикальной основной оси композиции. Конструкция из этих форм представляет собой достаточно неустойчивую пирамиду, являясь при этом основанием для балансирующих на ней «крыльев». Вся геометрическая конструкция напоминает устойчивую стилизованную человеческую фигуру с раскрытыми руками, балансирующими в пространстве. Внутри верхнего золотого треугольника располагается светлый овал с острыми краями, что, возможно, символизирует око. Образ конструкции визуально передаёт символику чередующегося движения качелей, а руки-крылья своей траекторией транслируют динамику движения маятника. Всё тот же принцип маятника!

В попытке определить сюжет наталкиваемся на очередную загадку. Визуальное исследование выявляет человеческие фигуры, при взгляде на которые приходят на память африканские мотивы или искусство ацтеков: те же приземистые сплетённые формы, как бы исполняющие ритуальный танец. На этот раз орнаментальное

изображение второго плана представляет две стилизованные мужские фигуры, упёршиеся друг в друга руками и балансирующие на движущейся конструкции. Руки, несмотря на геометричность прорисовки, представляют собой орнаментальное декоративное пластическое целое. Головами фигур является верхний золотой треугольник, объединяющий композицию и служащий её центром. Итак, смысловое содержание картины сводится к извечной проблеме соперничества между мужчинами, представляет собой поединок, в котором нет победителя, ведь качели раскачиваются то в одну, то в другую сторону. Цветовое поле картины разделено также на две части — верхнюю и нижнюю. Верхняя часть залита сложным тёмным, мерцающим цветом, контрастным по отношению к нижней части, на которой располагается действие картины. Между двумя полюсами проходит тонкая, яркая, звенящая медная линия, напоминающая движение нерва или тока в цепи, что также способствует обострению трактовки эмоционального фона картины. Насколько верно прочтение данного сюжета, известно лишь автору, мы же трактовали смысл этой картины таким образом.

Время для Фазутова, как и пространство, бесконечно, они взаимосвязаны между собой. Это обусловлено знаково-символическими формами, которыми наполнены работы художника, ярко выраженной личностной позицией автора. Смысловые сюжеты работ Сергея Фазутова непосредственно соединены с духовными измерениями жизни, раскрывают вечные вопросы бытия. Многослойность смыслов и сюжетов картин говорит о сложной полифонической структуре построения каждого произведения.

Знаково-символический подход в работах Фазутова определяет, на наш взгляд, актуальность тематики его произведений, обуславливает наличие пространственно-временного решения, как каждого отдельного слоя работы, так и в целом общего её построения. Многомерность, многосложность, многослойность произведений определяют множественную смысловую наполненность.

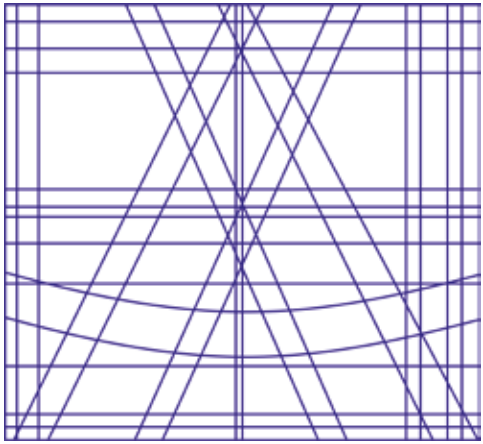
Обратимся к работе Сергея Фазутова «Избушка». На формате, по своим пропорциям приближенном к квадрату, в центре на горизонте видим дом, дорогу, идущую к нему, и звезду в синем небе. Символика дома транслирует философские ценностные ориентиры пристанища, где можно спрятаться от людских невзгод, место, к которому стремится каждый человек для обретения душевного покоя и равновесия. Понятие «дом» включает в себя множественные личностные, сокровенные связующие — это и родина, и отчий дом, свой собственный внутренний мир. Дорога к дому символизирует вечное тяготение души к обретению

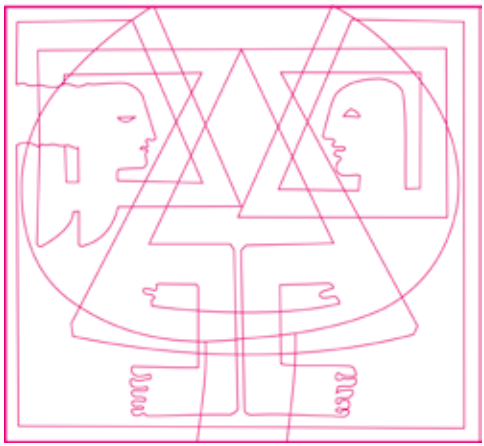
гармонии, а звезда, изображённая над крышей дома, является путеводной звездой, дающей направление и надежду в этом пути. Дом окружён аурой, замкнутой цветовой поверхностью, оберегающей его и объединяющей мир вокруг него. Глубокий философский смысл, заложенный в верхний слой картины Сергея Фазутова «Избушка», дополняется орнаментом человеческих фигур второго слоя. В небе над крышей дома узнаём сплетённые руки мужчины и женщины, символизирующие защиту дома, а звезда, горящая между рук, напоминает о тепле и любви, рождающихся этим касанием. Символ совершенного, нерушимого дома по сюжету художника неразрывно связан с теплом сердец, создающих и охраняющих свой мир, знаком которого является дом или, как его называет автор, «избушка».

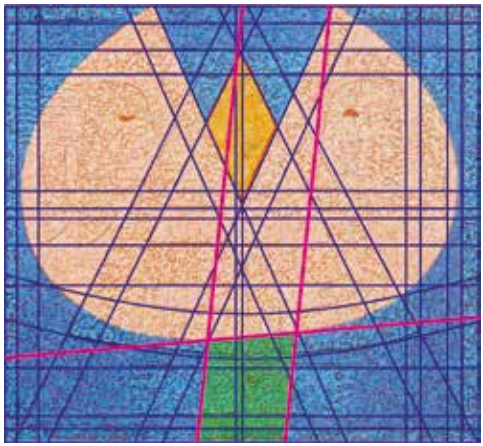
Художник продолжает поиск сюжетов, используя свои излюбленные знаковые формы, меняя их расположение в пространстве формата, варьируя цвет и смысл. Так происходит трансформация форм из одной работы в другую. Юла, перевёрнутая по диагонали, дала изображение воздушного змея. Форма, стилизованная, преображённая в знак, для Сергея Фазутова является площадкой для экспериментов, для бесконечного творческого поиска. Её движение в пространстве поля картины, её трансформации и развороты дают новые идеи, рождают новые смыслы.

Итак, основными принципами организации художественных произведений Сергея Фазутова являются орнаментальность мотивов, знаково-символическая импровизация образов и образного смыслового наполнения, послойная формообразующая стилизация, цветовой, декоративный поиск приёмов и методов, трёхмерность изображаемого пространства. Для его работ характерно многослойное наложение изображения, обогащающее содержательную часть, а также глубокий философский смысловой подтекст. Используя композиционные средства (метр, ритм, симметрию как смыслонесущие категории), художник формирует взаимообратимые связи пространства и времени, объёмно и многозначно выстраивая композиционную структуру. Выраженные общие черты композиционной организации работ художника Сергея Фазутова, помимо их структурных организаций, свидетельствуют о духовном наполнении и доминирующих в них ценностных ориентирах.

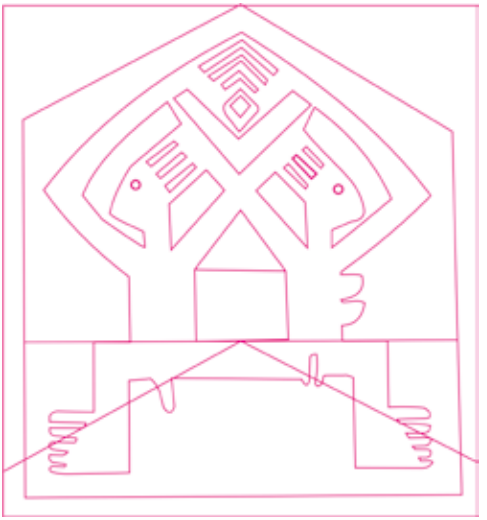
ЛИЛИЯ. ХОЛСТ, МАСЛО

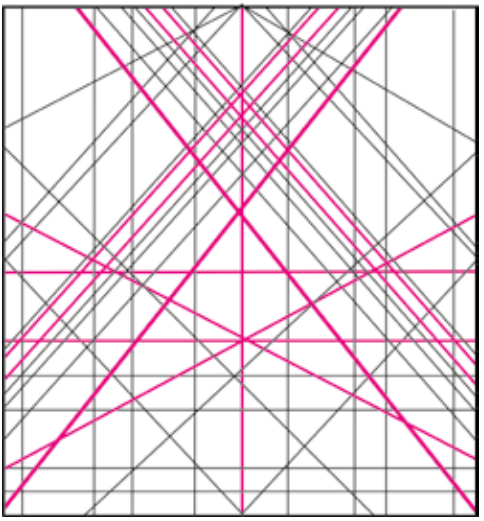


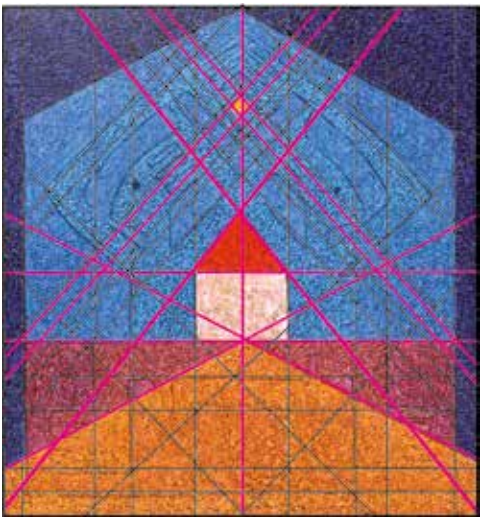




ИЗБУШКА. ХОЛСТ, МАСЛО.







Мария РЯБЦЕВА

«ТЕАТР – ЕСТЬ ПОТРЕБНОСТЬ … ВСЕГО ГОРОДА…»

Мария Николаевна Рябцева родилась в станице Новомышастовской Краснодарского края. Окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. С 1998 года заведовала в Оренбургском областном драматическом театре имени М. Горького театральным музеем. В настоящее время работает в театре помощником художественного руководителя по литературной части.

Старейшему театру на Урале, Оренбургскому государственному областному драматическому театру им. М. Горького — 165 лет! Эпизоды становления театра, публикации рецензентов на страницах оренбургских изданий позволяют представить наиболее полную картину истории театра в Оренбурге. Историю непростую, насыщенную поиском и стремлением, любовью и разочарованием, преданностью служения сцене и глубиной воздействия на зрителя, нищетой и вдохновением, юмором и бесконечным лицедейством... Но как замечательно бывает узнать из этой истории какую-то, казалось бы, незначительную деталь, впечатление, воспоминание — то, что украшает эту историю эмоциональным восприятием её современников — артистов и зрителей. Мы предлагаем вашему вниманию подборку интересных фрагментов живой театральной истории, которые большей частью запечатлели корреспонденты

Областной драматический театр, 1937-38 гг.

местных изданий в XIX — начале XX вв., а также из разных источников Государственного архива Оренбургской области.

***

Годом основания Оренбургского драматического театра стал 1856-й. Тогда театра, кроме любительского, в Оренбурге не было, и в наш город впервые приехала профессиональная труппа артистов — антрепризa Бориса Соловьёва. Вопреки мнению оренбургского губернатора В.А. Перовского о том, что «пребывание Соловьёва признаётся не только для него убыточным, но и совершенно бесполезным», антрепренёр всё же рискнул. Вот так, практически вопреки мнению губернатора, осенью 1856 года антрепризa Соловьёва впервые собрала оренбуржцев на спектакль. Сведений о репертуаре труппы Соловьёва не сохранилось. Известно только, что в 1856 году им были поставлены водевили «Двое за шестерых», «Отец, каких мало» и «Девятиженец». В первый же свой сезон Соловьёв так успешно повёл дело, что закончил его безубыточно и остался в городе ещё на год. Работа последующих антреприз (Глазенаппа-Берга, Иванова, Бельского) показала, сколь значительную роль стал играть в культурной жизни Оренбурга профессиональный театр. Тогда же, по указанию генерал-губернатора,

под нужды театра начали постепенно перестраивать каменный манеж Неплюевского училища.

***

В период с 1870 по 1872 год театром руководил по назначению гласных городской думы штаб-ротмистр Лобысевич, а полковник Дрейер по поручению губернатора оказывал содействие в решении возникающих в театре проблем. В архиве сохранилось отчаянное письмо Лобысевича, из которого явствует, как тяжело руководить театром и освоить специфику театрального дела: «… Всякая пьеса требовала новых расходов, каждый из актёров что-нибудь требовал, угрожая не выйти играть, в особенности актрисы, требования и капризы которых не имели предела… Раздоры, беспрерывные интриги, всевозможные гадости актёров и актрис и протесты против постановки хороших пьес в дни перед бенефисными не давали возможности ни минуту быть покойным, значительно уменьшали доход театра и ставили меня в такое положение, что я положительно не знал, что мне делать. <…> За время существования театра нельзя было не удивиться, что его посещают все классы жителей Оренбурга. Следовательно, нет сомнения, что театр есть потребность не одного какого-нибудь слоя общества, а всего города». (ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Ед. хр. 14154/а. Л. 223).

***

В начале XIX века, когда только начинали складываться театральные антрепризы, режиссёр (он же зачастую и антрепренёр) думал лишь о том, как бы подобрать опытных актёров на основные роли, чтобы «пьеса хорошо разошлась». Приглашая кого-либо в труппу, режиссёр выяснял, что актёр играл, особенно в классическом репертуаре, есть ли у него «гардероб», то есть костюмы. Практически запас играных ролей и «гардероб» решали судьбу актёра.

Наиболее яркий след своей театральной деятельности в Оренбургском театре XIX века оставила труппа А. Рассказова, в составе которой были талантливые артисты. Их имена вошли впоследствии во всероссийскую историю театра. Это Пелагея Стрепетова, Модест Писарев, Пётр Свободин. По сути Оренбург явился колыбелью будущих звёзд, которые вскоре покорят Москву и Петербург. Пока же на провинциальной сцене они делали первые шаги на пути психологического театра, и публика это сразу почувствовала. Местная газета в 1875 году писала: «Театр ныне пуст не бывает, как случалось в прошлые годы».

В труппе Рассказова ведущее положение занимал герой-любовник П.М. Свободин. Актёр большой эмоциональности, Свободин уже после первого выступления в «Гамлете» Шекспира завладел оренбургской публикой. Также

он захватил зрителей в ролях Тартюфа, Чацкого, Отелло. Даже в труппе Рассказова, богатой дарованиями, Свободин выделялся огромным темпераментом и высокой культурой. Однако чрезмерная эмоциональность и надменное отношение к власть имущим однажды лишили Свободина свободы. До сих пор существует театральная легенда, что, читая монолог Гамлета, артист у рампы громко вопрошал: «Бить или не бить?»

Полицмейстер, сидящий в партере, усмотрев в этом «признаки нарушения общественного спокойствия», арестовал артиста. Только благодаря друзьям ему удалось выйти из-под ареста. Говорят, что в результате артисту пришлось навсегда покинуть Оренбург. В 1880-х годах Свободин поступил на сцену Михайловского театра в Петербурге.

Говоря о наиболее ярких актёрских именах XIX столетия, мы должны вспомнить о гастролях в нашем театре таких личностей, как М.Т. Иванов-Козельский, В.Н. Андреев-Бурлак, В.Ф. Комиссаржевская. Творчество этих актёров значительно поднимало уровень театрального искусства в провинции. Благодаря подвижнической деятельности режиссёров и актёров, в 80-х годах XIX века Оренбург стал настоящим театральным городом, и видные антрепренёры обязательно включали его в свои гастрольные маршруты.

А. Рассказов

***

Рецензенты скрупулёзно отмечали все промахи и удачи сезонов антрепренёров Н.С. Вехтера и Р.А. Крамеса.

«Оренбургский листок», 3 января 1882 года: «...Пьеса «Город упраздняется» г. Крамесом выбрана была с балаганным расчётом ввиду того, что и в Оренбурге говорят об упразднении города Оренбурга, притом сыграна пьеса плохо, аляповато и неверно с действительностью. Вдобавок г. Денисов позволил себе перед публикой непростительную плоскость, или вернее — гаерство. Открывается занавес, и на сцену вдруг выходит г. Денисов (в роли исправника Клюковкина), стара-

тельно загримированный до полнейшего сходства с г. оренбургским полицмейстером, который сидел тут же, в упор, и который не только никакого отношения к исправничеству не имеет, но человек в Оренбурге новый, никому и никакого зла сделать не успевший. Г. Вехтер, первый антрепренёр, говорит, что он был против такого грима и предупреждал как г. Крамеса, так и г. Денисова, но его-де не послушали».

***

Интересно наблюдение рецензента о масленичной неделе в театре в *«Оренбургском листке» (№ 7, 8 февраля 1887 г.):* «Женщины обыкновенно выносят эту страду добросовестно; но мужчины не все: многие изнемогают под лямкой и набрасываются на блины для подкрепления сил. Блины, однако, окаянное предательское подспорье для труженика, у которого горло — главное орудие, и здесь бывали случаи, что на Масленице артисты говорили свои реплики просто шёпотом, за что публика им жестокосердно шикала. Полагаем, что в настоящем сезоне ничего подобного не случится, тем более что по случаю плохих сборов протекшего сезона всю надежду артистов и антрепренёра составляет теперь выручка на масленичной неделе, да и деятели труппы, en masse, выглядят людьми порядочными».

***

В один из сезонов Вехтера на сцене театра была исполнена пьеса местного драматурга под названием «Леля». Автор пожелал остаться неизвестным, хотя зрители долго аплодировали и дружно вызывали автора после премьеры (а он уж точно был в зале, и некоторые предположили, что это женщина). Пьеса была признана «безукоризненной по приличному тону и нравственному содержанию», однако сыграна артистами «почти плохо». *(«Оренбургский листок», 1887, № 42).* Появление местных драматургов, пожалуй, можно считать доброй приметой того времени. Театр постепенно завоёвывал умы и мысли своих зрителей и приглашал к совместному участию в творчестве.

***

«Первач» Кожевников, видимо, переусердствовал с мимикой и жестами в исполнении первых ролей, ибо не раз был удостоен замечаний рецензента. В спектакле «Самозванец Луба» он «так таращил глаза и такие выверты выделывал, что даже артистам на сцене было страшно… он в пятом действии так отбросил артиста Ростова, что последний, кувыркнувшись в воздухе, чуть не попал в суфлёрскую будку. В результате, конечно, г. Кожевникову — дружные аплодисменты райка, артисту Ростову — синяк и шишка (хотя г. Ростов этого не заслужил:

он отлично знал свою роль)» *(«Оренбургский листок», № 48 от 24 ноября 1891 г.).*

В свой бенефис Кожевников играл роль Гамлета. Амплуа артиста вполне соответствовало его выбору. Видимо, по внутренним ощущениям артист понимал эту роль несколько иначе, нежели от него ожидали зрители, потому даже бенефисный спектакль подвергся безапелляционной критике на страницах *«Оренбургского листка» (№ 5 от 26 января 1891 г.):* «Хотя г-н бенефициант был вызываем буквально после каждой картины и получил от публики даже подарок из четырёх серебряных чарок, но бессмертный Гамлет его от этого ничего не выиграл. Принц Гамлет у Кожевникова вышел гоголевским Поприщиным, и, как «Фердинанд VII» в «Записках сумасшедшего», г. Кожевников изобразил игрой своей именно сумасшедшего, который метался по сцене, орал, пучил глаза, даже кувыркался, точь-в-точь, как это проделывают душевнобольные, вроде Поприщина. Недоставало лишь вместо плаща увидеть на г. Кожевникове больничный халат с длинными рукавами».

***

Рецензент радушно приветствовал артистов сезонов антрепренёра И.П. Новикова: «Мы очень рады открытию театрального сезона. Уж слишком тягостно теперь в Оренбурге. Удручённый холерным горем оренбургский люд развлечётся в театре, услышит умное человеческое слово, звуки недурного казачьего оркестра, посмотрит артистов и увидит, что лучший из них опять-таки Новиков, который играет и героев, и комиков, и водевильных любовников, несмотря на немолодые годы свои» *(«Оренбургский листок», 1892, № 36, 30 августа).*

***

«Оренбургский листок», № 45, 5 ноября 1895 г.: «Не блистала обстановкой народная феерия «Баба Яга», хотя задумана была затейливо — с полётами, привидениями, превращениями и прочим. Эту русскую феерию стоит разработать полнее и показать детям. Если прибавить хоры, то она доставит удовольствие и взрослым. При представлении феерии случился курьёз. Машинист плохо рассчитал ширину межкулисных проходов, и ступа Бабы Яги застряла, сломав при этом оградку, опрокинулась. Произошла остановка действия. Но г. Шатов в роли сторожа Ивана-дурачка нашёлся и импровизацией выручил сценариуса и машиниста: «Ишь ты, окаянная, сама улетела, а ступу оставила!» и т. д. Хохоту было много!»

***

«Оренбургский листок», № 47, 19 ноября 1895 г.: «В спектакле «Уриэль Акоста» заглавную роль играл превосходно гримированный г. Эльский и был в

большом пафосе. Особенно когда, униженный и оскорблённый, выкрикивал: «Я верю в Тебя, Бог Адонай, Бог, топчущий, как глину, своих врагов!» и т. д. Тут г. Эльский так топал и стучал ногами, что театральные подмостки ходуном ходили и трещали. У этого несомненно даровитого артиста много жару и усердия, но не выработано ещё чувство меры. Впрочем, наш прекрасный пол от игры Эльского всегда в восторге».

***

«Тургайская газета», № 101, 1897 г.

Провинциалы (Штрихи и контуры их серенькой жизни)

Захолустная провинциальная жизнь не блещет фактами, на которых можно остановиться, отдохнуть и порадоваться за человека. Кругом сплетни, карты, обильное возлияние в честь излюбленного божка Бахуса. Изредка разве в этом тёмном царстве блеснёт искорка света, вроде бесплатного спектакля для народа, чтения с туманными картинами, а затем опять тьма, опять туман, в котором прозябает обыватель.

***

«Оренбургский листок», № 46, 8 ноября 1898 г.: «Как неприятно бывает, когда артист или артистка на аплодисменты раскланивается перед публикой во время действия! Это портит иллюзию впечатления от игры, даже и тогда, когда артист, уйдя за кулисы, положим, расплакавшись, бойко является на аплодисменты и, улыбаясь, раскланивается. Это мешает ходу действия, а главное, портит иллюзию зрителя».

***

Каждый год под занавес сезона в честь многие годы бессменного смотрителя театра Ильи Абрамовича Вайермана назначался бенефис, это стало доброй театральной традицией. В этот день бенефицианту говорили много тёплых слов, осыпали разноцветными бумажками и дарили подарки. Пьесу для своего бенефиса смотритель театра выбирал сам, иногда сам же и режиссировал. Но однажды произошёл забавный инцидент. В бенефисный вечер И.А. Вайермана должна была идти пьеса «Последняя воля» В.И. Немировича-Данченко. «Накануне бенефиса помощник режиссёра, суфлёр и двое статистов после репетиции отправились в ресторан и пьесу с ролями потеряли. Все поиски пьесы и ролей по городу, организованные на следующий день бенефициантом, не увенчались успехом. Пришлось пьесу перед началом спектакля заменить другой, шла новая пьеса, уже представленная в текущем сезоне, — «Огненное кольцо». Работавший усиленно в первом действии суфлёр вызвал справедливые выкрики из публики — «суфлёра!». В остальных действиях усердие

суфлёра уменьшилось» («Оренбургская жизнь», 1914, № 35, 12 февраля). Бенефициант был огорчён.

***

«Оренбургский листок», № 42, 11 октября 1898 г.: «Надо сказать и то, что играть чуть ли не ежедневно всё новые и новые роли составляет гигантский труд, и потому требовать от артистов ревности игры, да ещё с художественной отделкой во всех ролях, невозможно. Кстати, делаем маленькое замечание г-же Даргомыжской. В патетических местах ролей не следовало бы ей так сильно качать красивой головкой (взад-вперёд), это неизящно, ненатурально — очень уж напоминает кукольную головку на шарнире. Pardon!»

***

Корреспондент журнала «Театр и искусство» Л. Урванцев, побывав в Оренбурге летом 1909 года, оставил такие впечатления: «Пробыть хотя бы несколько часов в Оренбурге — это великий подвиг. Город до того раскалён, словно он построен на плите. Дышать нечем. Душно. Но избави Бог, если поднимется ветерок... Он несёт не прохладу, а мелкую раскалённую пыль. Пыльный дождь, как говорят оренбуржцы. При таких условиях жизни, когда все граждане бегут из Оренбурга и спасаются в окрестностях, содержать театр — дело рискованное. Благо ещё то, что по ту сторону Урала раскинулась роща. В ней настроены дачи, и весь почти город переезжает на лето в эту рощу. До города четверть часа ходьбы».

Начиная с Великого поста (февраль-март), городской театр закрывался, артисты ехали на биржу, искали новые антрепризы, другие города...

В Тополёвом саду открывался летний театр, который, как правило, арендовало товарищество артистов. В 1909 году подвизалась труппа артистов под управлением М.Н. Строителева. Репертуар летних сезонов обыкновенно не блистал разнообразием, ставка делалась на водевили, кафешантан. Оренбуржцы с удовольствием проводили вечера в Тополёвом саду, хотя зачастую товарищество оставалось без большого заработка. Впрочем, и качество постановок, судя по впечатлениям рецензентов, оставляло желать лучшего даже «для невзыскательной оренбургской публики». Не раз звучали замечания в адрес суфлёра, сиплый голос которого, надрываясь, раздавался из будки. Сыпались замечания и некоторым артистам. «Николай Томилин, — читаем на странице об Оренбурге в журнале «Театр и искусство» (№ 12, 1909 г.), — запирает дверь в кабинет, и половинка двери остаётся у него в руках. Он приставляет её к стенке, а его «будто бы» не видят. Хочет он обнять свою жену и зажжённой сигарой ожигает ей руку. Тушит он лампу, а темнота наступает неожиданно, спустя чуть ли не пять минут...»

Подобные казусы частенько случались в Оренбурге, и рецензенты добросовестно их отмечали.

***

Необычный гастролёр: 10 ноября 1910 г. на сцене театра состоялась только одна гастроль Пинетти. «Концерт-монстр, более 500 птиц, поющих днём и ночью. Пинетти в одну секунду, говоря с публикой, делается гусем и изображает попугая, а с другой стороны, настоящим человеком… В области чародейства Пинетти будет колоть, рубить и резать своё тело без малейшего вреда и потери крови в присутствии врачей, всей публики и начальства».

***

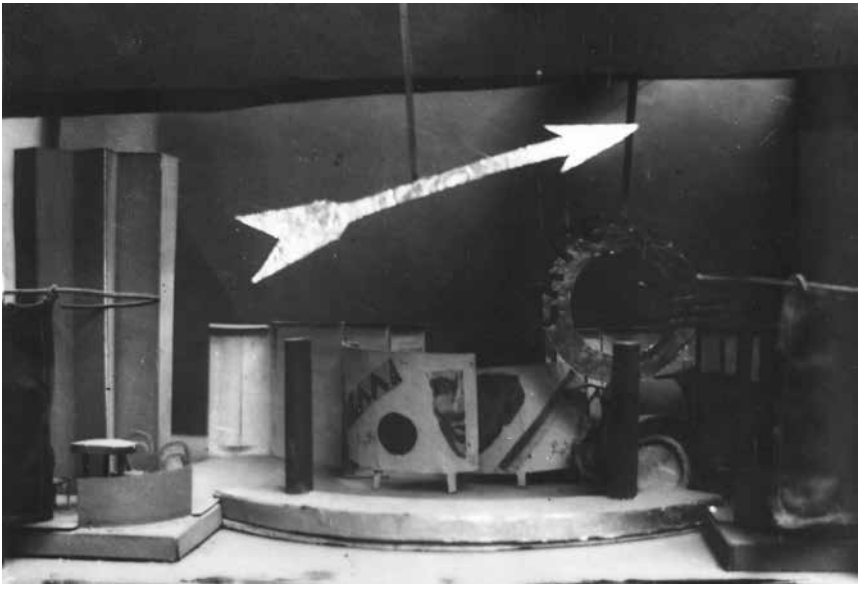
Из воспоминаний народной артистки РСФСР Надежды Слоновой, служившей оренбургской сцене в сезон 1924-1925 гг.: «Снегурочка» оказывала благотворное влияние. Мы играли не пьесу Островского, а трёхактную сказку в стихах (не вспомню теперь её автора). Снегурочка была моей любимой ролью. В финале, прощаясь с миром людей, я тянулась к солнцу и действительно чувствовала, что таю, перестаю существовать, перехожу в какую-то иную стадию бытия… становлюсь воздухом, талым снегом. Мне не мешали крики детей: «Она тает», «Мама, пусть она останется с нами», «Снегурочка, не смотри на солнце!» И даже возглас «Снегурочка! Беги к заборчику, в тень!» не вывел меня из творческого состояния, не показался смешным. Дети включались в действие на сцене, все тоже плакали и горевали, что Снегурочка тает. А разве не самая большая радость, когда актёры и зрители верят происходящему на сцене и зрители живут в воображаемом мире вместе с исполнителями единой жизнью» *(«Урал», 1972, № 3).*

***

В музее театра сохранилась фотография макета к спектаклю 1928 года, выполненного художником Михаилом Федосимовым. Он был конструктивистом, членом Ассоциации Новых Режиссёров (АНР). Его вместе с режиссёром А. Олениным (тоже АНРовцем) в 1928 году пригласил в театр директор Михаил Волков. И это было весьма смелое предложение для театра, прочно стоявшего на позициях реалистического искусства. Первая же декорация М. Федосимова к спектаклю по пьесе Л. Никулина «Инженер Мерц» вызвала массу споров, вопросов и недоумений. Дело в том, что на протяжении всего спектакля над головами актёров висела в воздухе подвешенная на проволоке четырёхметровая стрела, обитая белой жестью. Стрела была задумана художником как «некий символический образ спектакля внешней выразительности». Но образ этот в спектакле никак не играл, стрела лишь угрожающе колебалась потоками воздуха. Её побаивались артисты, а после зрительской конференции, на которой зрители высказали своё непонимание и неприятие

такого художественного решения спектакля, злополучную стрелу решено было убрать. Так в годы становления молодой Советской республики в альянс режиссёра и художника ворвался глас народа и заявил о своём праве участия в творческом процессе театра.

Художник М. Федосимов оформлял ещё несколько спектаклей, и все они отличались своеобразием художественного видения. Например, в спектакле «Двенадцатая ночь» (по Шекспиру) персонажи носили разноцветные парики, а Антонио (артист Яновицкий) достался железный парик из тонкой проволоки. По мнению художника и режиссёра спектакля, «характер этого парика как нельзя более соответствует колючему характеру Антонио». Артист Яновицкий в колючем парике категорически отказался выходить на сцену, тем более что в нём актёру приходилось пролезать в не менее оригинальную дверь. В декорации спектакля дверь вращалась не по вертикальной оси, а по горизонтальной, находящейся в середине плоскости дверной рамы. «Чтобы пройти в такую дверь, надо было толкнуть нижнюю часть её. Она начинала вращаться, как крылья ветряной мельницы. И надо было успеть проскочить низом на другую сторону этой «ветрянки», — вспоминает очевидец постановки артист В. Фомичёв. Конечно, все эти художественные изыски не находили взаимопонимания в среде



Декорация М. Федосимова к спектаклю «Инженер Мерц»

актёров, не питавших склонности к подобным новациям в сценографии, и вскоре АНРовцы покинули наш театр.

Важную роль в техническом переоборудовании сыграло использование вращающейся сцены. Впервые в Оренбурге она появилась в 1928 году и была сконструирована театральным машинистом Копытиным.

***

Из книги приказов по театру: «В дни отдыха 14 и 15 ноября сего года (1934) из здания театра похищены лозунги, вывешенные к Октябрьским праздникам. Для выяснения виновников и разбора этого безобразного явления назначаю комиссию в количестве трёх человек: от дирекции — тов. Твердов, от МК — т. Орлов, от партгруппы — т. Бундин. Срок — 3 дня. Комиссии связаться с соответствующими органами, делу придадут общественный характер. Завхозу — т. Козляку А. за слабую проверку постов поставить на вид. Сторожам, стоявшим на посту 14 и 15 ноября, тт. Алмаеву и Редину за халатное отношение к своим обязанностям объявляю строгий выговор с предупреждением. Впредь за допущение в здание театра вне рабочего времени без ведома администрации кого бы то ни было — завхоз и сторожа будут подвергнуты взысканиям и увольнению.

Директор театра Ляпохин».

В. Фомичёв в роли Бориса Годунова

***

В 1937 году большим событием в жизни театра явился спектакль «Борис Годунов», приуроченный к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. Театр не мог остаться в стороне и не почтить память поэта постановкой его пьесы. Трагедия «Борис Годунов» стала глобальным театральным проектом тех лет. Из выступления Н.А.Медведева: «А.С.Пушкин, написавший трагедию «Борис Годунов», придавал этой своей работе очень большое значение, заявляя: «Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы». Задуманную трагедию Пушкин мыслит создать, отказавшись от

любовной интриги, не соблюдая общепринятых канонов классической трагедии, стараясь заменить «сей чувствительный недостаток верным изображением лиц времени, развитием исторических характеров и событий». Перед театром стояла задача не просто показать народ участником событий, но и представить народную массу реальной силой в государственных делах. Причём важно было создать на сцене не историческую хронику Смутного времени, а именно пушкинское понимание этой вехи истории страны. Над постановкой «Бориса Годунова» работали три режиссёра: Н. Медведев, С. Пронский, М. Рахманов. Спектакль оформлял художник Серафим Александров. По его эскизам костюмы для трагедии шились в театральных мастерских Москвы. Эскизы декораций к этому спектаклю представляют самостоятельную художественную ценность. Оренбургская постановка «Бориса Годунова» вместе с новосибирской была признана лучшей на периферии. Их обсуждение состоялось в апреле 1937 года в Доме актёра ВТО в Москве. Для театра периферии это был большой прорыв, важный для формирования имиджа театра из Оренбурга в столице.

Вторая половина XX и начало XXI века не менее интересны и насыщены наблюдениями театральных старожилов, журналистов, зрителей. И это будет продолжением нашей мозаики в следующем номере журнала.

***

Современный театр под художественным руководством народного артиста РФ Рифката Исрафилова — это спектакли классики и современности мировой драматургии, это участие в театральных фестивалях и конкурсах. Современный театр — безусловно, диалог со зрителем. Репертуар театра выстраивается сообразно не только своей художественно-эстетической позиции в искусстве, но и уровню зрительского запроса. Театральные сезоны последних десятилетий подарили оренбуржцам спектакли-события: «Дон Жуан» Ж.-Б. Мольера, «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, «Великодушный рогоносец» Ф. Кроммелинка, «Маскарад» М.Ю. Лермонтова, «Чайка» и «Три сестры» А.П. Чехова, «Раба своего возлюбленного» Лопе де Вега, «Ричард III» У. Шекспира, «Милые люди» В. Шукшина, «Продавец дождя» Р. Нэша, «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Земля Эльзы» Я. Пулинович...

История Оренбургского драматического театра продолжается. Её пишут современные артисты и деятели театра своими современными постановками спектаклей, воплощением на сцене героев, несущих эстетическую позицию со сцены в мир. Как их увидят зрители, какие эмоции будут жить в их сердцах, какие рецензии оставят журналисты — всё это и становится продолжением истории нашего театра — старейшего на Урале.

Антрепренёр театра
Н.С. Вехтер, 1886-1889 гг.

Антрепренёр театра
А.П. Грубин, 1897-1900 гг.

Антрепренёр театра
А.Г. Аяров, 1910-1912 гг.

«Собака на сене», 1938 или 1943 гг. Лопе де Вега

АРТИСТЫ, ИГРАВШИЕ НА ОРЕНБУРГСКОЙ СЦЕНЕ В XIX-XX ВВ.

Актёр А.М. Звездич

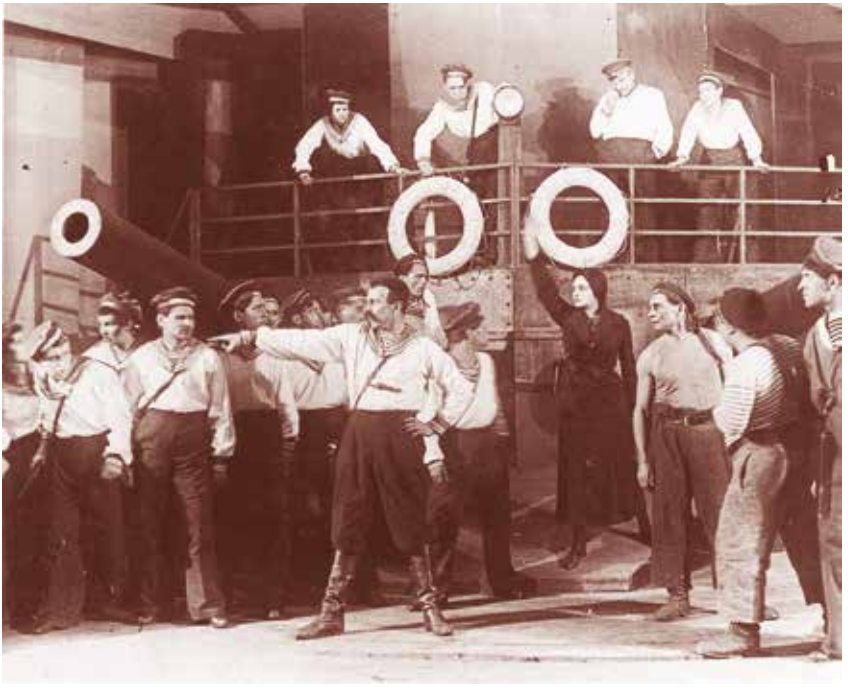
Главный режиссёр театра с 1946 по 1953 гг. заслуженный артист РСФСР М.А. Куликовский

Артист М.М. Тарханов

Актриса Е.Н. Бельская

Актриса В.Ф. Комиссаржевская

Артист М.И. Писарев



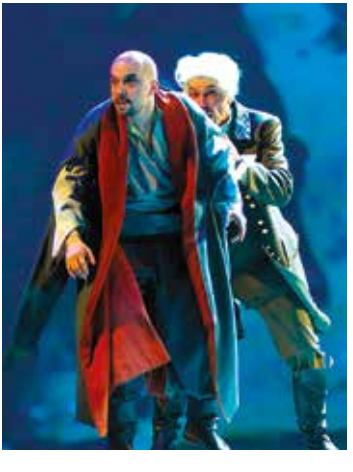
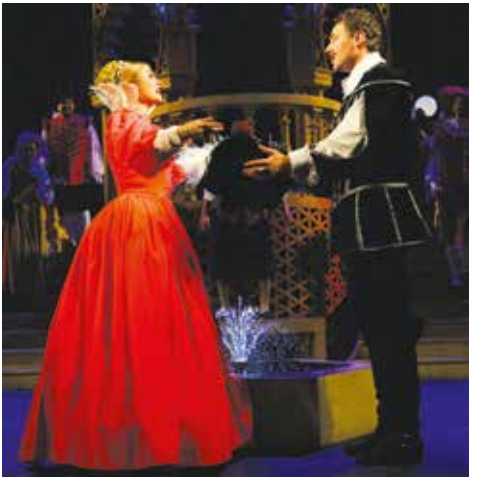
«Оптимистическая трагедия», 1935 г. В. Вишневский. Комиссар – Мария Романычева

«Семья». И. Попов. 1952 г. Артисты Ирина Щеглова, Леонид Броневой

Постановочная группа театра, 1956 г. Режиссёр Михаил Нагли, директор Михаил Бронский, главный режиссёр Юрий Иоффе, режиссер Ирина Щеглова, художники Серафим Александров и Дмитрий Фомичёв

Коллектив театра, 1920-е гг.

СПЕКТАКЛЬ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»



СПЕКТАКЛЬ «СОБАКА НА СЕНЕ»